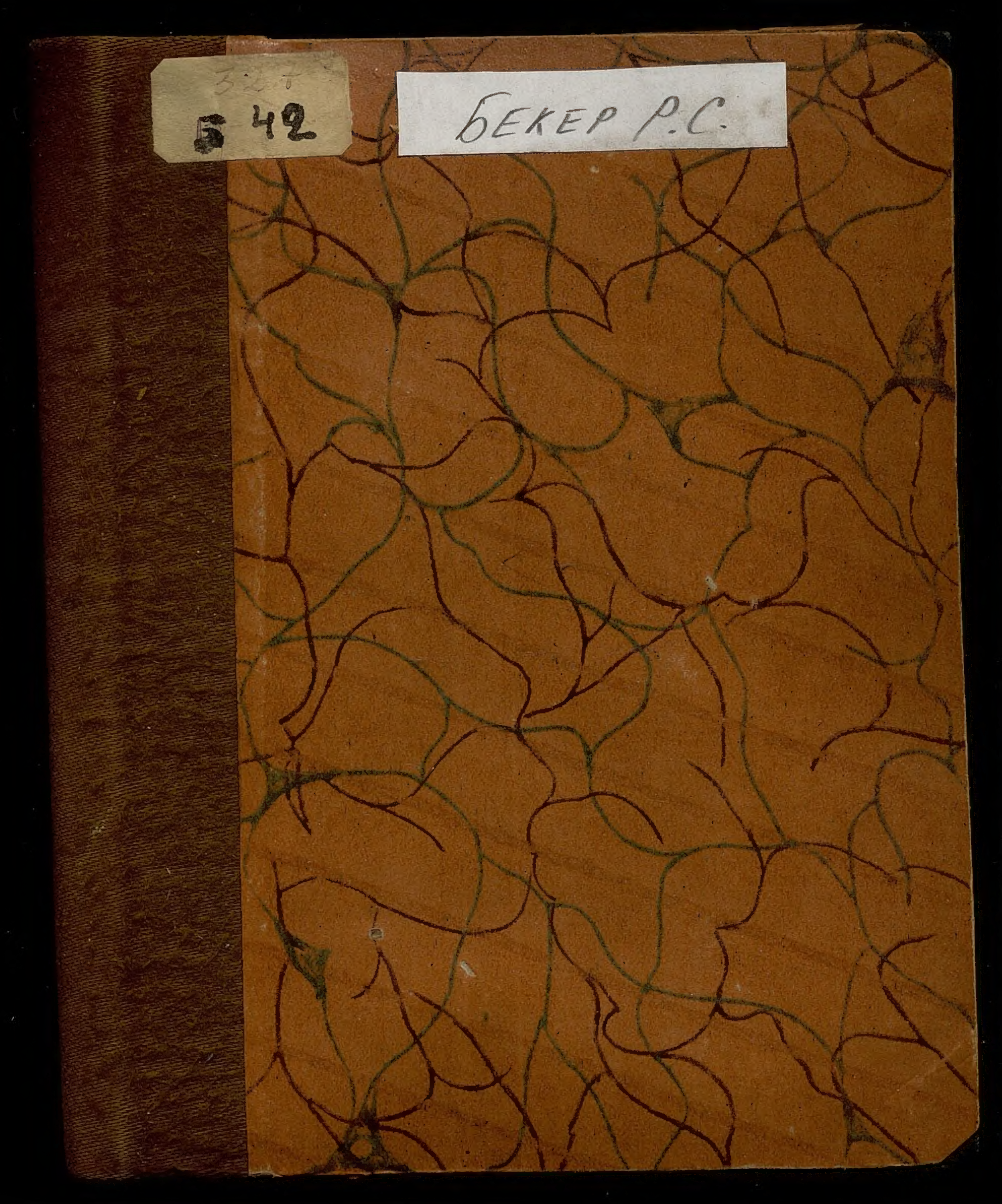

Б 42
БЕКЕР Р.С.

РАСЧЕТ

...сть рабсилы .... Руб. ....

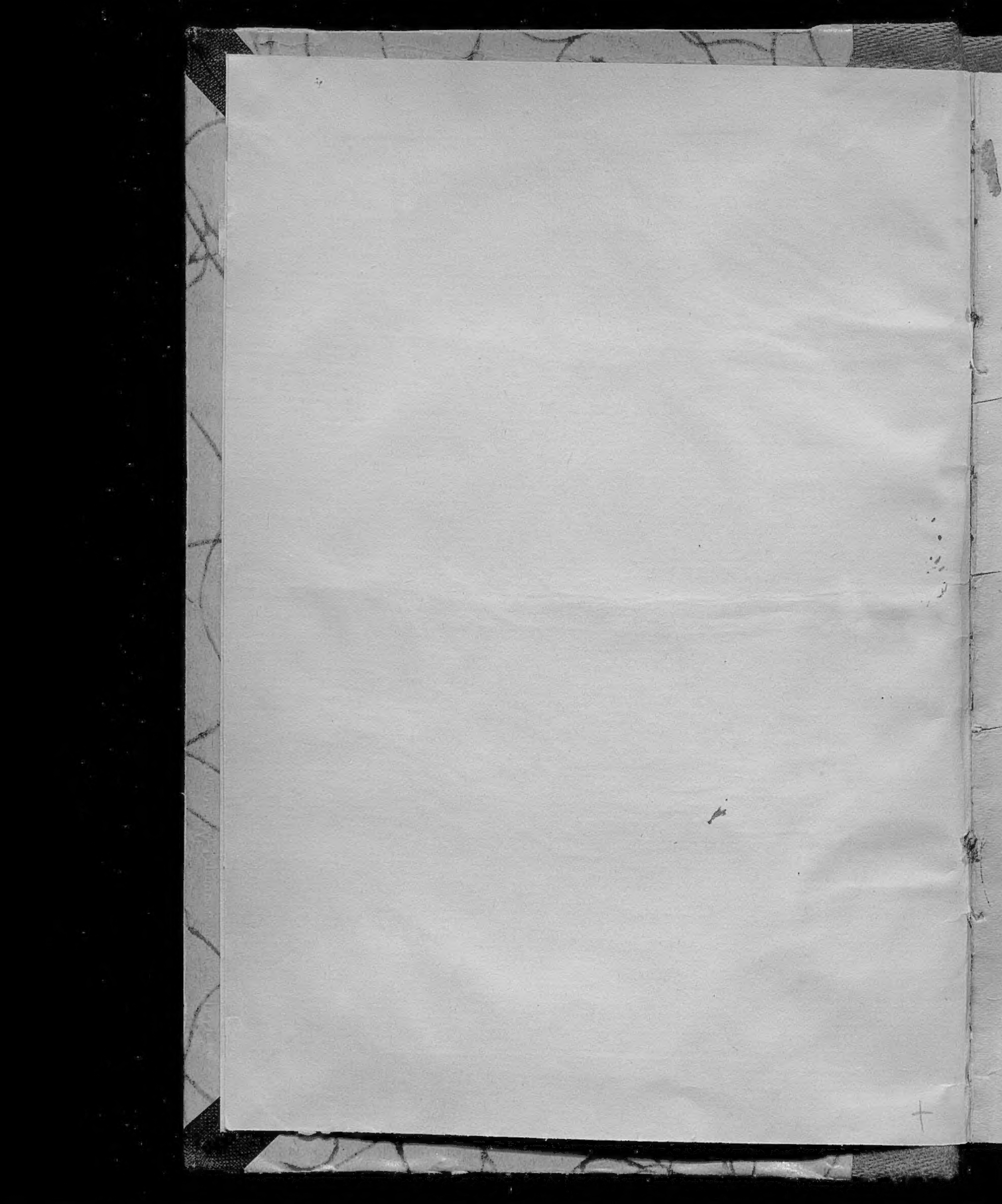
» основного материала Руб. ....

» приклада .... Руб. ....

Итого . . . Руб. ....

Получен задаток .... Руб. ....

Доплачено .... Руб. ....

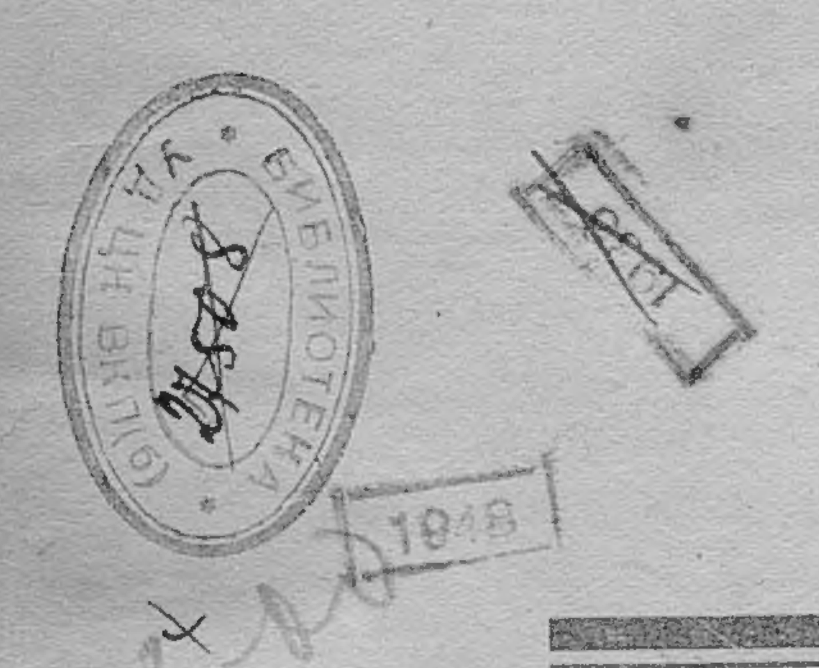

ВУДРО ВИЛЬСОН
МИРОВАЯ ВОЙНА
ВЕРСАЛЬСКИЙ МИР

ПО ДОКУМЕНТАМ И ЗАПИСКАМ
ПРЕДСЕДАТЕЛЯ АМЕРИКАНСКОГО КОМИТЕТА
ПЕЧАТИ НА ВЕРСАЛЬСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
СТЭННАРТА БЕКЕРА

ПЕРЕВОД А. Н. КАРАСИКА

Предисловие МИХ. ПАВЛОВИЧА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — ПЕТРОГРАД
1923

Петрооблит № 3634 Гиз № 4844. Тир. 10.000

Госуд. типогр. имени тов. Зиновьева. Птгр., Социал. 14.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Автор этой книги, Рей Стэннарт Бекер, занимавший ответственный пост председателя американского комитета печати на Мирной Конференции и написавший свою работу по документам и запискам Вильсона, является сторонником „этических идей“ последнего. Он признает великой истиной слова, сказанные Вильсоном в Манчестере в декабре 1918 г.:

„Интересы не роднят людей, интересы их только разобщают. Ибо как только нарушается равновесие между тщательно взвешенными интересами, тотчас же рождается зависть. Только любовь к праву об'единяет людей“.

Не будучи отнюдь слепым поклонником Вудро Вильсона, Бекер старается все же доказать, что основной причиной банкротства политики Вильсона на Парижской Конференции было противоречие между высокими этическими идеями Вильсона, его стремлением к „бескорыстной справедливости“, его желанием превратить Америку в „прислужницу всего человечества“—и грубо-материальными интересами европейских держав. На Парижской Конференции столкнулись-де два комплекса идей, диаметрально противоположных друг другу, и грубо материалистическая точка зрения великих держав восторжествовала над благороднейшими принципами морали, которые Вильсон хотел применить к международным отношениям, „созданным испорченной, корыстной, алчной дипломатией“.

Но, прежде всего, как случилось, что президент великой транс-атлантической республики Вильсон, который

1*

в первые дни своего приезда в Европу был самой популярной личностью в мире, своего рода легендарным героем, слова которого, „двигавшие армиями, миллионами людей“, были у всех на устах,—что этот государственный деятель, глава самой могущественной страны в мире, который в дни перемирия был, по словам Бекера, до известной степени вождем общественного мнения, вождем большинства, и являлся господином положения, руководителем мировой политики, потерпел такое решительное поражение на конференции и должен был сдать все позиции своим противникам, „продувным дипломатам“ Антанты, самым продувным, по выражению Бекера, дипломатам во всем мире, которые отнюдь не хотели нападать на основные требования Вильсона—это была бы жалкая тактика—но которые пользовались испытанным политическим средством: „принимать принципиально и отклонять фактически“, как выразился однажды Вильсон в Сенате. Как об‘яснить, что Европа нарушила торжественное обещание, данное Америке, заключить мир на основе 14 пунктов Вильсона? Франция, Великобритания, Италия, приняли полностью, а не условно, основной принцип Вильсона (в своем обращении от 27 сентября 1918 г. он сделал его первым пунктом своих требований), в силу которого они обязались оказывать справедливость не только тем, кому хотели, но и тем, кто вызывал их злобу.

В день заключения перемирия президент Вильсон в своей речи перед Конгрессом сообщил благую весть об окончании войны, о том, что „закованный в броню империализм низвергнут в мрачную пропасть и погиб“. И затем он поведал Конгрессу свою веру, веру всей Америки, что союзники заключают мир на основе американских принципов. „Великие народы, которые соединились между собою, чтобы уничтожить ее (военную мощь Германии), ныне поставили перед собою одну общую задачу—достигнуть мира, который удовлетворил бы томление всего света по бескорыстной справедливости; они хотят воплотить его в договоры, которые основывались бы не на конкретных, сталкивающихся между собою, интересах великих держав, а на более высоком

и более долговечном базисе. Сейчас нет уже места одним только догадкам об истинных целях победителей. Их разум посвящен делу мира, и не только разум, но и сердце. Цель победителей, глубоко сознанная ими—оказать помощь и поддержку слабому, отдать должное сильному".

Но оказалось очень скоро, что европейские державы совсем не стремятся к тому, чтобы „покорить мир обаянием личного примера", и что вместо мира справедливости, длительного и прочного мира, они стремятся к миру по старому образцу, т.-е. к миру, насыщенному алчностью и местью (стр. 187).

Успех программы Вильсона в течение определенного периода, принятие пресловутых 14 пунктов всеми державами и видимая готовность следовать великим принципам американского президента Бекер об'ясняет тем, что война пробудила-де в народах самые лучшие, самые благородные чувства солидарности и братства и сделала народы и правительства чуткими и отзывчивыми ко всякой проповеди истины, добра, красоты. Но, увы, этот высокий идеализм, пробужденный и взрощенный войной, дал глубокую трещину, как только кончилась война и люди вернулись к своим будням.

„Общие страдания и общий страх перед войной вызвали вновь прекрасный миг „всемирной любви". Союзные нации отодвинули на задний план свои интересы и в благородном содружестве делали свое дело. „Старый порядок" пал, „мир новой красоты" должен подняться из дымящихся обломков старой цивилизации. Уделом малых и великих народов станет справедливость; сильные положат оружие, и возникнет всенародный союз мира.

„Но как только война закончилась, начал спадать прилив морального воодушевления, столь характерного для конца этого года. Испарился дух согласия. У союзников, несмотря на все, не было единодушия. Каждый из них цепко держался за свои старые традиции, за свои нужды, за свое мелкое честолюбие, за свои вожделения. Цели тайных договоров стали выдвигаться на передний план. Чудо не претворилось в плоть. Люди снова верну-

лись к своим будням; больше того, они были истощены и деморализованы; разброд мнений отягчал их положение. Не надо забывать, что то было время психоза, вызванного войной, время преувеличенных ожиданий, преувеличенных страхов. И вот в такой атмосфере приходилось заключать мир.

„Только ясно поняв этот перелом психики“, уверяет Бекер, —„можно нарисовать верную историческую картину событий, развернувшихся на Мирной Конференции“.

Раз война создает моральное воодушевление и дух согласия, а мир, т.-е. будни, пробуждает в людях все их мелкие страсти, очевидно, что моралистам вроде Вильсона и Бекера, при известной последовательности, следовало бы благословлять вечную войну и бояться мира, во время которого люди погружаются в болото своих жалких интересов.

Как доказывает один из поклонников Вильсона, известный сменовеховский профессор Ключников в своей бредовой книге: „На великом историческом перепутьи“: „за время долгого военного сотрудничества и в целях достижения общей и военной политической цели, союзные и дружественные державы сумели приглушить национальный эгоизм и подчинить его требованиям взаимной солидарности, принципу права, принципу самого полного юридического равенства всех государств без малейшего отношения к размерам их национальных рессурсов“. Но после войны все это рухнуло, как констатирует с грустью Ключников, повторяя мысли, высказанные Вильсоном и Бекером.

Все эти рассуждения не нуждаются в комментариях. Они интересны лишь, как показатель, до какого абсурда могут договориться представители „идеалистического“ миросозерцания, великие моралисты, полагающие, что пока бандиты дружно и согласованно совершают свое разбойничье дело, они временно приглушают свой эгоизм, свои шкурные интересы, и подчиняют последние требованиям взаимной солидарности, принципу права.

В действительности, союзники ни на одну минуту не думали принять 14 пунктов Вильсона и всю его про-

грамму, сводившуюся к миру без аннексий, без контрибуций, без причинения какого-либо ущерба с карательной целью побежденному врагу. Однако, правительства Антанты не считали нужным возражать против программы Вильсона и, наоборот, дали приказ прессе своих стран одобрять эту программу. Цель этой тактики была ясная: ослабить сопротивление центральных держав, внушив населению последних надежду на „почетный мир“ без аннексий, контрибуций и т. д. Из мемуаров Чернина мы знаем, какую радость вызвала программа Вильсона не только среди широких слоев австрийского населения, но даже среди продувных дипломатов австро-венгерской империи. Сам Чернин говорит, что „программа Вильсона заключала в себе целый мир надежд“. Что касается Германии, даже бывший марксист Каутский изображал Вильсона в виде спасителя человечества, призванного подарить всем народам идеальный мир. Таким образом, основная цель дипломатии Антанты обмануть противную сторону была достигнута благодаря проповедям Вильсона. Сам Бекер проговаривается в одном месте вполне определенно на счет этого благотворного для Антанты результата идеологической болтовни Вильсона, когда он пишет: „Идеи Вильсона достигали своих целей и относительно центральных держав: еще большего распада уже расшатанного единства“ (стр. 18).

Как известно, 5 октября 1918 г., германское правительство согласилось начать мирные переговоры и заявило, что оно принимает условия, изложенные в четырнадцати пунктах (адресе Вильсона Конгрессу Соединенных Штатов от 8 янв. 1918 г.) и принципы соглашения, возвещенные в дальнейших адресах“. Равным образом, правительства Антанты в ноябре 1918 г. в официальной ноте сообщили президенту С.-Штатов, что они „подчиняются условиям, изложенным при сем, и выражают готовность заключить мир с германским правительством на основе мирных статей, изложенных президентом в его адресе Конгрессу от 8 янв. 1918 г., и принципов соглашения, возвещенных в его последующих адресах“.

Таким образом, уже до начала мирных переговоров между Германией и союзниками был подписан контракт, смысл которого был совершенно ясен. Мирные условия должны были согласоваться с адресами президента, а предметом занятий Мирной Конференции должно было явиться лишь обсуждение деталей проведения основных условий Вильсона в жизнь. В действительности же, союзники совсем не считались с принятой ими програмой Вильсона и, добившись добровольного обезоружения Германии, которая сложила оружие в уповании на контракт, навязали побежденному врагу Карфагенский мир, перед которым совершенно бледнеет разбойничий Брестский мир.

Бекер не останавливается подробно на этих четырнадцати пунктах, равно как на адресах Вильсона, предполагая все это хорошо известным американскому читателю. Между тем, русскому читателю будет трудно понять многие страницы в книге Бакера, не зная сущности этих 14 пунктов и последующих адресов Вильсона. Поэтому, мы остановимся несколько на содержании этих адресов.

Адресов президента, которые вместе с его четырнадцатью пунктами от 8 января 1918 года составляют часть материала, послужившего для контракта, насчитывается четыре: 1) адрес перед Конгрессом 11 февраля; 2) адрес, изданный в Балтиморе 6 апреля; 3) в Монт-Верноне, 4 июля; 4) наконец, в Нью-Иорке 27 сентября, причем контракт специально ссылается на этот последний.

Четырнадцать пунктов.—3. „Упразднение по возможности всех экономических перегородок и установление равенства условий торговли между всеми нациями, согласившимися на мир и соединившимися для его сохранения“. 4. „Достаточные гарантии, данные и принятые, в том, что национальные вооружения будут ограничены до крайнего предела, допустимого в виду поддержания внутреннего порядка“. 5. „Свободное, откровенное и совершенно беспристрастное примирение всех колониальных притязаний“, причем должны быть приняты во внимание интересы населения соответствующих колоний. 6, 7, 8 и 11. Эвакуация и „восстановление“ всех занятых территорий, в особенности Бельгии. Сюда нужно

прибавить добавочную оговорку союзников, требующую компенсаций за весь ущерб, причиненный гражданскому населению и его имуществу операциями на суше, на море и в воздухе (приведено полностью выше). 12. Исправление „несправедливости, причиненной Франции Пруссией в 1871 году отторжением Эльзас-Лотарингии". 13. Независимая Польша с включением в ее состав „территорий, обитаемых, несомненно, польским населением", и „с гарантией свободного и обеспеченного доступа к морю". 14. Лига наций.

Адрес перед конгрессом, 11 февраля.—„Не должно быть никаких аннексий, никаких контрибуций, никакого ущерба с карательной целью... Самоопределение не есть просто фраза. Оно является императивным принципом, игнорировать который государственные люди отныне не смогут без опасности для себя... Всякое соглашение относительно территорий, имеющее отношение к этой войне, должно быть выполнено в интересах и к пользе соответствующих населений, и отнюдь не быть следствием простого согласования и компромисса притязаний соперничающих государств".

Адрес, изданный в Нью-Йорке, 27 сентября.—1. „Беспристрастная справедливость не должна допускать никакого различия между теми, к кому мы желаем быть справедливыми, и теми, к кому мы не желаем быть справедливыми", 2. „Никакие специальные или отдельные интересы какой-либо одной нации или группы наций не смогут быть положены в основу хотя бы одной части соглашения, не соответствующего общему интересу всех". 3. „Не допускаются никакие лиги, союзы или специальные договоры и сделки внутри общей и тесной семьи Лиги Наций". 4. „Внутри Лиги не может быть никаких специальных эгоистических комбинаций с экономическою целью, а также в ней не должны применяться какие-либо формы экономического бойкота или изоляции; в виде исключения из этого правила, самой Лиге наций может быть вручена власть применять экономическую кару посредством недопущения к мировым рынкам в качестве средства дисциплины и контроля". 5. „Все международ-

ные соглашения и трактаты всякого рода должны полностью становиться известными всему миру“.

С точки зрения Бекера и других апологетов Вильсона, последний своей программой преследовал исключительно этические цели, ставя своей задачей облагодетельствовать все человечество. В действительности же Вильсон, который с таким пренебрежением говорит об интересах, которые вообще только способны, в отличие от стремления к „справедливости“ и „праву“ раз'единять людей, ставил перед собой вполне утилитарные цели: отстоять, во-первых, интересы господствующих классов вообще и, во-вторых, С. Штатов, как мировой державы.

Вильсон видел рост революционного движения в народных массах всего мира, и полагал, что при сохранении старой системы господствующие классы не удержат власти в своих руках и будут низвергнуты большевистской революцией. Сам Бекер признает, что страх перед мировым большевизмом играл немалую роль в политике Вильсона.

В предвидении затруднений, которые возникнут на конференции и будут противодействовать его идеям о стремлении всех народов к новому порядку, Вильсон говорил: „Если наше дело потерпит неудачу, мы должны силой его осуществить“. Ибо мир стоит перед грандиозной задачей и может исцелиться только процессом очищения. Яд большевизма только потому получил такое распространение, что являлся протестом против системы, управляющей миром. „Теперь очередь за нами, мы должны отстоять на Мирной Конференции новый порядок, если можно добром, если потребуется, злом“.

Итак, мы видим, здесь нет уже речи об отвлеченных принципах справедливости. Новая программа внешних отношений была выдвинута Вильсоном в качестве средства побороть большевизм, угрожающий господствующим классам. Страх перед призраком большевизма настолько силен у Вильсона, что он уже забывает о проповеди добра, о чтении правительственных лекций, и говорит о необходимости утвердить новый порядок гру-

бым насилием: если можно добром, а если потребуется и злом.

Итак, здесь идет речь о вполне реальных интересах определенного класса, о „новой программе“ внешней политики во имя сохранения основ капиталистического строя. Одним словом, это та программа, которую отстаивают Питти, Кейнс, Кайо и другие представители буржуазии.

Но программа Вильсона имела в виду не только защиту интересов мировой буржуазии, охрану „внутренней безопасности“ во всех странах, не исключая и Германии, которой Вильсон соглашался предоставить право иметь вооруженную силу, достаточную для охраны ее внутренней безопасности и подавления большевизма (стр. 386). 2-ая не менее важная цель Вильсона, уже как американского патриота, заключалась в защите интересов Америки, как мировой державы.

Не удивительно, что Вильсон был против всяких аннексий в результате мировой войны, выигранной Антантой не в малой мере благодаря помощи Америки. „Никаких аннексий“, говорил Вильсон. „Времена завоеваний и территориальных обогащений прошли“, сказал президент в своей речи по поводу 14 пунктов (стр. 281).

Мировая война, как известно, велась не только на европейском, но также на азиатском и африканском континентах. До вмешательства Америки в войну, Англия, которая против одной Турции выставила, по словам Ллойд-Джорджа, от 900.000 до 1.000.000 солдат (стр. 106), успела оккупировать значительную часть Месопотамии между Багдадом и Персидским заливом с богатейшими источниками нефти, и по тайному договору Сикс-Пико, заключенному с Францией в мае 1916 г., должна была получить сверх того средиземные гавани Акку и Хайффу, равно как зону влияния в намечавшемся для образования гипотетическом государстве с важнейшими городами Малой Азии Дамаском и Алеппо. Франция должна была получить Сирию и Киликию и всю сирийскую границу со всеми гаванями на Средиземном море к югу от Акки, за исключением Александретты, которая оставалась открытой для британской торговли. Помимо того, французы и

англичане частью оккупировали своими войсками, частью поделили по договору все немецкие колонии в Африке— немецкую Восточную Африку, Камерун, Того и немецкую юго-западную Африку, обширнейшие территории, прорезанные рельсовой колеей более, чем в 4.000 километров, с населением в 12 миллионов душ, площадью в 2700 тысяч километров, богатые естественными ресурсами. Но особенно был опасен для Америки, как Тихо-океанской державы, тщательно скрываемый тайный договор между Японией и Великобританией, согласно которому Япония, кроме важнейшей стратегической и экономической позиции в Китае, именно провинции Шандуня с портом Киао-Чау, получала все немецкие тихоокеанские острова, лежащие севернее экватора, в то время как Англия получала острова, лежащие южнее экватора.

Америка вмешалась в войну в тот момент, когда после фактического выхода России из союза стало очевидно, что Антанта, без помощи нового сильного союзника с свежими силами и мощной промышленностью, будет побеждена Германией, когда у американских государственных деятелей возникало справедливое опасение, что в случае разгрома Антанты, Германия, удержав в своих руках оккупированную Бельгию, французские провинции, часть русской Польши, отняв у Англии и Франции, согласно планам немецких империалистов, значительную часть их африканских территорий, окончательно подчинив своему влиянию всю Европу и значительную часть Азии и Африки, утвердит свою гегемонию во всем мире и станет грозным соперником Америки, с которым последней в ближайшее же время придется вступить в смертный бой уже один на один.

Приняв участие по этим соображениям, в силу своих интересов, как мировой державы, в войне с Германией, Америка отправляла все свои войска не в Африку, не в Азию, куда их никто не приглашал, а на французскую территорию, где все американские войска, по окончании войны, оказались отрезанными от родины и окру-

женными со всех сторон более многочисленными армиями Антанты, английскими, французскими, итальянскими, бельгийскими и т. д. войсками. Эта неожиданная и своеобразная ситуация, о которой мало кто говорил, но на которую все же намекали некоторые публицисты Антанты, ставила правительства последней в крайне выгодное положение по отношению к Америке. В момент переговоров о мире фактическая сила меча находилась на стороне Антанты и поэтому все фразы Вильсона о его готовности и решимости в случае нужды силой осуществить намеченную им программу являлись пустой болтовней проповедника, не учитывающего реального соотношения сил.

Вильсон настаивал на мире без аннексий, потому, что такая программа с одной стороны отнимала у Германии все захваченные ею территории и не допускала немецкой гегемонии в Европе, с другой — потому, что та же программа препятствовала чрезмерному усилению Франции и Англии и, что было особенно важно для Америки, не допускала усиления Японии в Тихом океане.

Бекер сам разоблачает основные мотивы политики Вильсона, когда он пишет:

„Президент держался того мнения, что прямая аннексия необозримых колониальных государств Африки, Азии и Тихого океана с их миллионным населением, при их громадной стратегической, политической и экономической ценности, таит в себе ту же опасность, те же поводы для будущих войн, что и аннексия турецких, русских или австрийских территорий. Он ясно предвидел те осложнения, которые возникнут из борьбы за господство в Тихом океане и Китае, если с самого начала колониальный вопрос не будет решен в согласии с новым принципом“.

Итак, здесь шел вопрос не об „этических принципах“, не об интересах всего „человечества“, не о праве народов на самоопределение, а о реальных интересах Америки, как мировой державы, не желавшей допустить нарушения равновесия в пользу ее сегодняшних союзни-

ков и возможных врагов в ближайшем будущем. Но так как по окончании войны и в момент переговоров об условиях мира американский меч оказался крепко зажатым между клинками французского, английского, японского, итальянского мечей, Америка Вильсона очутилась в положении державы, фактически связанной по рукам и ногам, и ей было предоставлено лишь право устами Вильсона читать проповеди союзникам, проповеди, с которыми никто не считался. „Мы не хотим и фута чужой территории", говорил Вильсон. Ему и не дали ни одного фута, но за то союзники захватили на свою долю тысячи километров чужой территории.

Исходя из того же соображения о нежелательности чрезмерного усиления Японии, Англии, Франции и допущения „военной диктатуры" союзников на европейском континенте, Вильсон предлагал отменить воинскую повинность не только в Германии, но и во всех странах, „во всех государствах, подписавших мирный договор". Он восставал против больших постоянных армий, доказывая, что каждая страна должна иметь лишь вооруженную силу, достаточную для борьбы с внутренним большевизмом. Президент требовал, чтобы „мир воспринял традиционные американские принципы военной организации, всеобщую воинскую систему заменил армией добровольцев" (стр. 386).

Само собой разумеется, что отмена всеобщей повинности и замена постоянных армий армией добровольцев пошла бы на пользу американскому империализму в ущерб империализму Японии, Франции и т. д. Так как армия добровольцев стоит очень дорого, Америка, как богатейшая страна в мире, стянувшая в свои руки за время войны почти все европейское золото, могла бы даже по численности своей сухопутной армии стать первоклассной державой.

По тем же мотивам страха перед чрезмерным усилением европейских государств, но уже на море, Вильсон требовал потопления германских военных судов, вместо распределения их между союзниками, и стоял за „морское разоружение", т.-е. за сокращение морских вооружений.

Особенно пугал Вильсона, как президента С. Штатов, призрак необычайно важного в результате войны морского могущества Англии. Сам Бекер невольно вскрывает подоплеку „морской политики“ Вильсона на конференции, когда он подчеркивает факт усиления морского могущества Великобритании в результате войны и опасность такого положения вещей для Америки.

„Вторая морская держава мира, Соединенные Штаты,— говорит Бекер,—представляла во время войны крупную силу, так как обоюдный страх британского и германского флотов перед возможностью морской схватки обрекал их на бездействие, и тот и другой флот не покидали своих гаваней. Но уничтожение германского военного флота давало британцам беспримерный в истории перевес над всеми державами, и этим перевесом они пользуются до сего дня. Морское могущество Англии увеличилось еще в большей степени, благодаря союзу между Британией и Японией, третьей великой державой мира. Хотя возможность конфликта между Великобританией и Соединенными Штатами была мало вероятна,—правда, не вследствие чувства взаимной симпатии, а потому, что оба государства имели избыток территорий на земном шаре и, следовательно, не было поводов для аггрессивных выступлений, — тем не менее морское превосходство Англии было важным моментом, определившим ее поведение на Мирной Конференции“.

Возросшая мощь Англии вызывала сильную тревогу в Америке.

Если некоторые политические деятели Британии строили счастье и безопасность Англии на превосходстве ее, как морской державы, то государственные деятели Америки, в свою очередь, опасались за будущее своей родины, и требовали, чтобы вооружение Америки по крайней мере сравнялось с боевой мощью Великобритании. Среди целого ряда солидных докладов, представленных Мирной Конференции, находятся и записки адмирала Бенсона, американского эксперта по морским делам. Бенсон решительно отстаивал ту точку зрения, что Соединенные Штаты должны иметь флот, который

не уступал бы британскому. В чрезвычайно убедительном меморандуме от 9 апреля, он представил президенту мнение своей партии, пользовавшейся значительным влиянием в Америке. После уничтожения германского флота, говорилось там, морская мощь Британии „настолько велика, что она может господствовать во всех океанах“. Это обстоятельство грозит опасностью не только Америке, „оно колеблет наш авторитет в Совете народов, вне и внутри Лиги Наций“.

Следуя примеру французских и английских милитаристов, адмирал Бенсон выдвигает, в качестве мотива для новых вооружений, принцип „особого риска“.

„Наше современное и будущее положение нуждается в особом внимании. Мы на пути к тому, чтобы стать могущественнейшим соперником Великобритании в океанской торговле... До сих пор мы жили своей жизнью, сейчас мы начинаем жить в тесном и длительном контакте с другим миром. На каждой конференции народов, мы должны выступать, как равная им сила“.

„Соединенные Штаты должны обладать флотом, который мог бы поспорить с любым флотом на всех морях“.

Сам президент Вильсон был сторонником этой программы. 3 февраля 1916 г. он заявил в Ст.-Луи:

„Ни одному флоту в мире не приходится защищать так далеко растянувшуюся область, как американскому флоту; поэтому он должен, по моему мнению, превосходить все прочие флоты мира своей активностью“.

На Мирной Конференции Вильсон потерпел полное поражение. Вся американская буржуазная пресса констатировала факт банкротства Вильсона в поединке с продувными европейскими дипломатами. Но это поражение Вильсона обусловливалось отнюдь не личными слабостями американского президента, его „идеализмом“, „непрактичностью“ или отсутствием дипломатических талантов и т. д., как доказывали Кейнсы и другие критики Вильсона, а реальным соотношением сил. В тот момент, когда в Европе под оружием стояли многомиллионные армии и американские войска представляли островок среди этого ощетинившегося моря штыков, когда все моря и

океаны находились под контролем английских, французских, итальянских эскадр, которые могли совершенно отрезать американские войска от их отечества, какой вес имели слова Вильсона, пытавшегося навязать свою программу государственным деятелям, носившим свое право на конце своих мечей?

Банкротство Вильсона вызвало сильное недовольство против президента в правящих кругах Америки. Выведя все свои войска из Европы, Америка начала систематическую и упорную борьбу за аннулирование всех результатов войны прежде всего относительно главного своего соперника на Тихом океане — Японии. Она заставила Японию очистить Шантунг, добилась разрыва японо-английского договора и усилила свои позиции на Тихом океане. По отношению к Малой Азии и притязаниям Англии на захват в свое монопольное владение месопотамской нефти, Америка в своей ноябрьской ноте 1920 г. потребовала равенства и одинаковых прав торговли и промышленности во всех территориях, подпавших под власть держав Антанты благодаря войне. „С. Штаты, содействовавшие победе, не позволят игнорировать американские интересы в вопросах, вытекающих из войны“.

Таким образом, после того, как программа „мира без аннексий“ потерпела фиаско, Америка решила на равных правах с другими державами принять участие в грабеже территорий, которые эти державы захватили. Чтобы сохранить в своих руках орудие давления на европейские государства, Америка потребовала от своих должников неукоснительной уплаты заключенных долговых обязательств, подписанных Англией, Францией, Германией и т. д. на покупку оружия, провианта и т. д. в Америке во время мировой войны. Больших побед достигла Америка в 1923 г. в области экономического и финансового завоевания Малой Азии, где ей удалось приобрести пресловутую концессию Честера.

Итак, если на Мирной Конференции американский империализм потерпел поражение, зато, как мы видим, впоследствии, особенно после Вашингтонской конференции,

он взял реванш. „В то время, как мы все наше время тратили на то“, говорит противник Вильсона Гардинг, „чтобы давать уроки альтруизма всему миру, другие государства, а в особенности Великобритания, захватили мировые нефтяные богатства—этот фундамент мирового экономического владычества“. Еще резче говорил на заседании американского сената мистер Пайен из Калифорнии: „Во время войны англичане клянчили деньги у американцев, и на эти деньги скупали нефтяные источники, где только возможно. Они получили в долг от нас четыре миллиарда долларов, якобы на военные нужды и т. п., и с помощью наших миллиардов стремились захватить нефтяную монополию во всем мире в свои руки“.

Концессия Честера, как надеются многие оптимисты, даст возможность стервятникам американского империализма вырвать значительную часть нефтяной добычи из лап Британского Льва и восстановить положение Америки, как величайшей нефтяной державы.

Таким образом, будут аннулированы результаты поражений Вильсона в Версале.

В книге Бекера читатель найдет значительную часть архивного материала, относящегося к Мирной Конференции и имевшегося в распоряжении Вильсона. Здесь мы читаем секретные доклады экспертов, дипломатическую переписку между отдельными делегациями и, главное, протоколы всех заседаний „Десятичленного“, а затем „Четырехчленного Совета“, в которых в Версале решались судьбы мира. Все эти документы подтверждают, что Вильсон ставил основной своей целью не допустить чрезмерного усиления европейских держав победительниц на старом континенте и Японии на Тихом океане, и что второй его idée fixe была борьба с большевизмом. Заметим, между прочим, что при всей своей ненависти к большевизму апологет Вильсона Бекер признает колоссальное историческое значение опубликования большевиками тайных договоров. Крайне интересны строки, которые вынужден написать Бекер по поводу этого исторического акта:

„Большевики беззаботно впустили яркие лучи широчайшей гласности в затхлые тайники старого русского правительства.

„Не было еще примера столь благодетельного значения гласности. Все компрометирующее содержание тайных договоров (насколько они были в то время известны) было опубликовано тогдашним большевистским комиссаром иностранных дел Троцким в „Известиях", официальном органе Советов, в ноябре 1917 г. Это дало Троцкому право сделать в своем манифесте заявление, получившее могучий отзвук у левых партий всего мира; оно заключалось в том, что отныне „народ получил документальные доказательства о тех заговорах, которые тайком вынашивал финансовый и промышленный капитал совместно с своими парламентскими и дипломатическими агентами".

„Конечно, опубликованные документы подверглись заподозреваниям и всюду выдавались за уловку „чисто большевистской пропаганды", но последующие события, в особенности во время заседаний Мирной Конференции, подтвердили их полную достоверность. Текст тайных договоров был опубликован большевиками в ноябре 1917 г., но прошло много недель, прежде чем первые номера „Известий" дошли до западной Европы, хотя некоторые указания на содержание этих договоров сейчас же проникли в Европу и вызвали большое волнение среди оппозиционных элементов всех союзных стран".

Книга Бекера разоблачает продажность буржуазной прессы и вскрывает сущность демократической „свободы печати". Она констатирует, что французская пресса или инспирировалась министерством иностранных дел, или субсидировалась чужими правительствами, Италией и даже находившейся в стане врагов Турцией. „Клемансо не боялся своей прессы, потому что большинство голосов было в его руках" говорит Бекер. При всей своей антипатии к большевистской России, Бекер вынужден признать, что французская пресса получила инструкцию от правительства „преувеличивать хаотическое состояние России" (стр. 162).

Документы Вильсона содержат очень много интересных подробностей относительно тайных договоров Антанты с Италией, Румынией и т. д. Договор с Румынией тщательно скрывался Антантой от ее верного союзника Сербии, ибо по этому договору Румыния, между прочим, получила населенные сербами территории (стр. 71).

Из документов Вильсона мы видим, что уже в феврале 1918 г. французские империалисты подготовляли оккупацию Рура. Лушер предлагал установить абсолютный контроль над важнейшими заводами Круппа, над большей частью рейнско-вестфальских угольных копей, а также над металлической промышленностью посредством военной оккупации Эссена. Французское требование сводилось к перманентному контролю при посредстве французских, британских, итальянских и американских офицеров над химической промышленностью Германии, связанной с изготовлением летательных аппаратов, и над производством стали.

Особое внимание Англия и Франция обратили на химическую промышленность Германии. Они хотели заставить германское правительство раскрыть тайны своей химической промышленности, больше того, они хотели подчинить своему надзору „все фабрики, изготовляющие химические препараты, употребляемые для составления ядовитых газов". Британцы энергично поддерживали эти стремления, и Франция им вторила.

Книга Бекера является попыткой апологии или во всяком случае защиты Вильсона против критиков последнего из буржуазного лагеря. Эту защиту нельзя признать удачной; более того, многие страницы Бекера представляют настоящий обвинительный акт против Вильсона. Смешно читать, какие великие достижения, какие реальные успехи ставит Бекер в заслугу Вильсону. В качестве первого шага к всеобщему разоружению всех народов Вильсон обязал разоружиться... Германию. Вильсон не мог добиться отмены всеобщей воинской повинности во всей Европе, зато, по крайней мере, Германию принудил упразднить всеобщую воинскую повин-

ность. „Уничтожение этой системы в самой ее цитадели надо, конечно, считать положительным результатом парижской конференции. Это решение будет несомненно иметь громадное значение и в стратегическом, и в экономическом отношении; один или два миллиона молодых людей Германии получают возможность отдаться промышленному труду, между тем как то же число юных граждан Франции и Италии будет маршировать и расстреливать патроны, истощая средства государства“.

В другом месте Бекер пишет:

„Дальнейший важный успех был достигнут в том, что державы, подписавшие мирный договор, официально признали всеобщее ограничение вооружений одним из условий мира. Инициатива в этом отношении принадлежала Вильсону“.

Мы знаем, к чему привели эти обещания империалистических хищников ограничить вооружения. Никогда державы не тратили на свои армии и флоты такие суммы, как тратят теперь.

Но в особенную заслугу Вильсону Бекер ставит создание Лиги Наций, этого гнезда мошенников, относительно которою даже Нитти в своей книге „Европа без мира“ пишет: „Лига Наций в своем нынешнем виде возбуждает лишь естественное и основательное отвращение“.

Как бы то ни было, книга Бекера приподымает завесу, прикрывающую закулисную сторону версальских переговоров. Перед нами встает яркая картина настоящего логовища бандитов, за плотно прикрытыми дверьми и наглухо замкнутыми ставнями спорящих о дележе награбленной добычи. И уже по одному этому нельзя не приветствовать появления книги Бекера.

Мих. Павлович.

ВВЕДЕНИЕ.

Источники.—Документы президента Вильсона.

На письменном столе президента в Париже находилась стальная шкатулка с замысловатым замком. Вечером, приходя с заседаний, он тщательно собирал поступившие к нему за день бумаги, доклады и резолюции, и запирал их в эту шкатулку.

Время от времени, когда шкатулка переполнялась, он выбирал из нее часть документов и прятал их в более вместительные ящики и сундуки. Один из таких ящиков был изготовлен столяром с парохода „Георг Вашингтон“ и представлял своего рода шедевр. Когда Мирная Конференция закончилась, президент перевез весь накопившийся материал к себе в „Белый Дом“.

Зимою 1920 — 1921 г.г. президента забрасывали просьбами опубликовать отчет о Мирной Конференции, так как ожесточенные нападки против него все время не прекращались. Будучи вполне уверен, что правдивая и полная история событий, разыгравшихся на Конференции, заставит замолчать и критиков, и врагов, все друзья президента и письменно, и лично просили его выступить в печати. Но президент был тяжко болен, на краю могилы: административная деятельность его осложнялась все более и более. А затем, вряд ли за все время, что стоит „Белый Дом“, был президент более скупой на всяческие об‘яснения, чем Вильсон. Редко-редко выступал он на свою защиту; даже друзьям своим Вильсон не давал возможности заступиться за себя. Его обычным ответом на всякий личный выпад было... молчание, и молчание это еще больше раздражало врагов. Казалось, что Вильсон органически неспособен оправдываться и защищаться, и тем менее драматизировать свою роль. Кто изучил его

бесчисленные речи и статьи, тот знает, как мало в них личного, как мало внимания посвящает он об'яснению своих действий.

В декабре 1920 г. президент обратился ко мне со следующим письмом:

„Мне ясно, что я не напишу ничего, что соответствовало бы Вашему предложению, но я убежден, что Вы сами могли бы это сделать превосходно. У меня имеются целые сундуки документов; в следующий раз, когда будете у меня, с радостью пересмотрю эти бумаги с Вами; тогда обсудим вместе, что может быть использовано для печати. В Париже я свалил их в ящики, как попало, и сам до сих пор не имел ни времени, ни сил привести их в порядок. Поэтому с чувством величайшего удовлетворения я отношусь к задуманному Вами труду".

В январе 1921 г. я приступил в „Белом Доме" к разборке документов. Они заполняли собой два сундука и три стальных шкатулки: некоторые из них не отпирались с того времени, как их замкнул президент в Париже. Эти документы можно разделить на три группы:

1) Полное, без всяких пробелов, собрание протоколов „Совета Четырех", охватывающее период от 19 апреля по 24 июня 1919 г. „Совет Четырех" состоял из президента Соединенных Штатов, премьер-министра Великобритании м-ра Ллойд-Джорджа, министра-президента Франции Клемансо и итальянского премьер-министра Орландо.

До сих пор еще распространено мнение, что не существовало протоколов этих чрезвычайно важных совещаний. Правда, втечение первых 2—3 недель, от 24 марта по 19 апреля, совещания эти носили совершенно частный характер. Но если за этот период нет оффициальных протоколов на английском языке, то зато имеется ряд других документов, докладных записок, писем, отчетов и резолюций, которые восстановляют ход этих совещаний. Но уже с 19 апреля и до самого конца Конференции протоколы велись систематически и весьма тщательно. Большею частью протоколы составлялись на английском языке сэром Морисом Гэнкэй (Hankey), секретарем „Совета Четырех".

М-р Гэнкэй заносил и речи, и прения не дословно, но тем не менее его записи дают правдивую и яркую картину всех совещаний.

Записи м-ра Гэнкэй вместе с протоколами „Совета Десяти" (последний состоял из 5 делегатов и 5 министров иностранных дел великих держав Америки, Франции, Великобритании, Италии и Японии) велись с 12 января по 17 июня 1919 г.; но с 15 мая „Совет Десяти" собирался только изредка. К этим документам следует присоединить еще протоколы совета министров иностранных дел, „Малой Пятерки", состоявшей из статс-секретаря Лансинга — Америка; Бальфура—Великобритания; Пишона—Франция; барона Соннино—Италия; и барона Макино, который, не будучи министром иностранных дел, представлял Японию.

Весь этот материал охватывают официальные, на английском языке составленные протоколы Мирной Конференции, из которых ни один еще не был опубликован.

2) Вторая группа документов охватывает многочисленные доклады и записки, которые составлялись для президента американской делегацией, а также отчеты британцев и французов, которые поступали к нему в качестве дискуссионного материала. Кроме того, сюда же входят отчеты и протоколы различных комиссий, например, Экономического Совещания, Экспертной Комиссии, Исследовательской Комиссии. Эти документы представляют чрезвычайно ценный исторический материал, устанавливающий с точностью и определенностью взгляды различных представленных в Париже национальностей на отдельные вопросы, которые там подымались, а также ярко очерчивающий мнения и заключения делегатов и экспертов.

В эту группу я хотел бы включить также и собственноручные, чрезвычайно ценные записи и заметки президента, даже его отметки на полях документов... Наибольший интерес представляют его записки, касающиеся Лиги Наций; по ним можно проследить, каким бесчисленным изменениям подвергались его проекты. Здесь же находятся собственноручно записанные проекты Лиги Наций прези-

дента Вильсона; полковника Гауса; лорда Роберта Сесиля; генерала Смутса; г-на Буржуа; а также проекты итальянцев, швейцарцев и много других. В руках президента сосредоточен весь материал, относящийся к истории Лиги Наций, и вряд ли где-нибудь еще имеется такое полное собрание документов, рисующих каждый этап, каждую фазу развития Лиги.

3) В третью, наиболее интересную, группу входит самая разнообразная переписка: петиции, резолюции, письма, которые пересылались в собственные руки президента и до, и во время Конференции из различных частей света. Это были голоса моливших о помощи, они красноречивее всего свидетельствовали, как глубоко верили охваченные отчаянием народы в мощь Америки, как ужасны были их страдания и как властна нужда. Меня лично эта работа захватывала целиком, воодушевляла, я копался в груде этих бумаг, как в сокровищнице, где, правда, не звенело золото, но плакала человеческая душа. Среди этих документов находится петиция, подписанная 17.000 югославов из Фиуме, переплетенная в чудную парчу; она рисует те опасности, каким подвергались девушки и женщины, давшие свою подпись под ней. Здесь слышится душу раздирающая мольба голодных армян, сюда несутся жалобы обиженных персов, замученных албанцев, сюда обращают свои претензии тщеславные украинцы—и все они просят Америку выслушать их, помочь; здесь встречаются послания всевозможных племен и народов; здесь же покоятся письма почти всех коронованных особ Европы; здесь—письма Ллойд-Джорджа, записки Клемансо и Орландо; обращения политических деятелей и публицистов из Америки, Великобритании, Франции и других стран; советы не участвовавших в деле экспертов; предостережения и угрозы вождей радикальных партий; короче говоря—здесь сконцентрировались мысли, желания, надежды и страдания всего мира.

Кто представлял президента замкнувшимся в монастырское одиночество, отрешившимся от живой действительности—тот не ведает об этом беспрерывном потоке известий и советов, который хлынул на него во время

Парижской Конференции. В Париж, к президенту, стекались за много сотен миль, подвергаясь иной раз большим опасностям и затрачивая крупные деньги, различные делегации; всем хотелось ознакомить его со своими нуждами, снабдить информациями, которыми он давно уже располагал. Было бы лучше, если бы из простого сочувствия к этим людям президент принял их лично; тогда они вернулись бы домой с сознанием, что и они внесли свою лепту в дело обновления мира; впрочем, президент принял чрезвычайно большое число делегаций. Но принять все было физически невозможно, и кроме того это противоречило привычкам президента.

Не надо забывать, что президент Вильсон всю свою жизнь был ученым, книжным человеком, а не политическим деятелем; все необходимые сведения он привык получать не от живых людей, а черпать из книг, документов, писем,—одним словом, из письменного материала; и, как только он овладевал сущностью вопроса, связь с людьми, как источник осведомления, переставала иметь для него ценность. Этому способствовало еще то обстоятельство, что делегаты слишком часто являлись к нему не с фактическими данными, а для пропаганды и для воздействия на его чувства...

В качестве материала при составлении этого труда автор воспользовался и личными беседами с различными членами американской и других миссий, как во время Мирной Конференции, так и после, которыми и пополнил свое знакомство с различными обстоятельствами Конференции. Кроме того, автору посчастливилось заглянуть и в частные записки и дневники отдельных членов Конференции и получить от них в свое распоряжение документы, вывезенные ими из Парижа. Не было до сих пор конференции, члены которой яснее сознавали бы ее всемирно-историческое значение. Кроме Вильсона, почти каждый ее участник вел свой дневник, все содержание которого вращалось вокруг личности президента. Некоторые писали тайком, другие открыто и безбоязненно. М-р Лансинг был в этом отношении неутомим, к тому же он был хорошим каррикатуристом и за время

своего пребывания в Париже должен был набросать тысячи каррикатур.

Полковник Гаус диктовал свои записки секретарю, сидя на диване и закутав ноги в пестрый плэд. Генерал Блисс вел регулярно чрезвычайно подробный дневник, не пользуясь стенографией, и, как честный старый солдат, ничего не скрывал. Эти записки служили ему, как способ выяснения своих собственных мыслей, а не как хроника событий. Если его мемуары увидят когда-нибудь свет, они будут мне лично особенно дороги.

И сколько писалось этих мемуаров в огромном отеле Крилльон! Они плодились, точно песчинки морские. В тихие ночные часы скрип перьев казался рокотом волн, омывающих берег...

В качестве особого комиссара государственного департамента, я провел почти весь 1918 г. в раз'ездах по Англии, Франции и Италии, где знакомился с некоторыми экономическими и политическими вопросами. В течение этого года, чрезвычайно богатого событиями, я имел возможность познакомиться с целым рядом политических руководителей союзных держав. Приэтом я стремился прежде всего ознакомиться с господствовавшими в этих странах могучими демократическими течениями и рабочим движением. Кроме того, я познакомился и с войной, в непосредственной близости от франко-бельгийского фронта и в Италии; я видел подвиги наших армий и опустошения, только что произведенные немцами. Именно этот опыт дал мне возможность уяснить себе тот фон, на котором суждено было разыграться событиям Мирной Конференции: я видел военную мощь и экономическую нужду народов, которые стали исходным моментом Конференции; я жил в атмосфере страха, ненависти и муки и вновь пробудившейся алчности, которыми потом были насыщены ее дебаты...

За много недель до открытия Мирной Конференции, в декабре 1918 г., президент назначил меня председателем американского комитета печати. По этому поводу он написал полковнику Гаусу письмо, приводимое ниже, в

котором даны и общие указания относительно предстоящей роли и положения печати:

„Мой милый Гаус!

Эти дни я основательно занимался вопросом, какие отношения должны быть установлены между делегатами, печатью и обществом, в частности, как урегулировать сношения нашей делегации с представителями американской печати. Мне думается, что было бы целесообразнее всего, чтобы Вы и прочие делегаты устраивали ежедневно совместные с представителями печати совещания, где происходил бы взаимный обмен необходимыми сведениями и предложениями. Я убежден, что этот средний путь следует предпочесть любому, более или менее официальному порядку.

Я убежден точно так же, что обработку информационного материала, исходящего от миссии, следовало бы поручить человеку с большими способностями и опытом. Поэтому я просил бы Вас и Ваших коллег согласиться с назначением на этот пост м-ра Рэя Стэннарта Бекера (Ray Stannard Baker). М-р Бекер пользуется моим величайшим доверием, и я знаю его идеалистические взгляды, большие способности и широкий кругозор. Он целый год уже в Европе, у него многочисленные и чрезвычайно ценные связи, которые будут весьма полезны нам для дополнительного уяснения поступающих к нам сведений.

В случае, если с Вашей стороны нет возражений, я просил бы Вас предложить м-ру Бекеру оказать нам эту большую услугу. В этом же смысле я пишу всем прочим членам миссии.

Искренне преданный Вам Вудро Вильсон".

Таким образом, на меня была возложена обязанность организовать бюро печати американской мирной миссии. Наряду с обязанностями начальника бюро печати, мне пришлось впоследствии, по распоряжению председателя, войти в состав особой комиссии Экономического Совета, издававшей его постановления, благодаря чему я мог ознакомиться с протоколами этого чрезвычайно важного учреждения. Кроме того, на бюро печати было возложено издание американского текста мирного договора...

Автор настоящей книги хотел бы указать, что приводимая в книгах оценка людей и событий принадлежат исключительно ему, а не президенту. Взгляды президента с величайшей точностью выявляют излагаемые или цитируемые здесь документы, записки и письма.

В интересах правды я должен сказать, что далеко не во всем я был согласен с президентом, я намечал свой путь решения некоторых вопросов (Шандун). В своем дневнике от 28 апреля, я нахожу по этому поводу следующую запись:

„В 9 часов утра я пошел к президенту, чтобы представить ему свой доклад и заключение экспертов по восточно-азиатскому вопросу Вилльямса и Горнбека, а также Велингтона Кооса (Koos) и других членов китайской делегации. На чьей стороне симпатии президента—сомнений нет. Он стоит всецело за права китайцев. Я сказал ему, что и симпатии мира на стороне китайцев.

„Знаю“, сказал он.

„Со всей силой своего убеждения я заступался за китайцев и просил по крайней мере отсрочить решение. Президент стал указывать мне, как осложнился весь этот вопрос из-за старых договоров, как тесно связана Англия с Японией; он обратил мое внимание на тот факт, что Италия вышла уже из состава конференции и что Бельгия осталась чрезвычайно недовольной, что надо считаться с весьма возможным уходом Японии, и тогда не только мирный договор окажется в опасности, но и Лига Наций“.

Я полагал также, что большая гласность в делах конференции содействовала бы большей продуктивности ее работ; это же мнение высказывалось президенту неоднократно и членами делегации. Я и теперь считаю величайшей ошибкой конференции отсутствие действительного понимания того, что происходило в Париже, и тех мотивов, которые заставляли президента принимать те или иные решения. Это относится особенно к Америке: я убежден, что если бы американский народ знал лучше намерения Европы, еще взволнованной бурей войны, если бы он знал те проблемы, которые в Париже вздымались горой перед утомленными, загнанными в тупик государ-

ственными деятелями, он глубже сознал бы необходимость развития наших международных отношений, высказал бы этой идее больше сочувствия, чем теперь.

Но должен категорически заявить, что я был глубоко убежден в справедливости выставленных президентом на Парижской Конференции великих принципов и остаюсь сейчас при том же убеждении; что я, как раньше, так и теперь верю в безусловную искренность президента; что каковы бы ни были ошибки Вильсона, надо помнить, что ему приходилось бороться за свои принципы среди таких трудностей и в такой атмосфере, каких не может даже представить себе американский народ.

Президенту не удалось в те краткие месяцы создать „новый мир“, „новый порядок“, о котором он возвестил с благородным пафосом, к которому страстно стремился и за который неустанно боролся; но тем не менее он поднял вопрос, который долгие годы будет волновать мысль всего человечества.

Если угодно неудачу президента в Париже назвать банкротством, то это было небывалое по своей поучительности банкротство.

Если всю борьбу, вынесенную им, рассматривать не с точки зрения защиты или осуждения, а только в целях понимания ее сущности, тогда выявятся без всяких прикрас элементы той борьбы, которая предстоит еще всему либеральному миру. Как под лучами прожектора, выступают недостатки нашего правительственного аппарата в области международной политики. Мы с большей сознательностью можем оценить теперь наше общественное мнение, и прежде всего мы приобретаем сейчас лучшее понимание наших взаимоотношений с другими великими нациями.

Если мы рассмотрим события Мирной Конференции под таким углом зрения, личность президента выступит перед нами в истинном свете: перед нами встанет выдающийся, многосторонний, одаренный блестящими способностями человек, правда, слабый темпераментом и физической энергией. Но он всегда будет интересовать историка и биографа, как выдающаяся инициативная личность.

Ray Stannard Baker.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

НАКАНУНЕ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

От'езд американской мирной миссии.—Мечты о мире.

Через три недели и три дня после того, как заглох в Аргоннах последний победный выстрел наших юных янки—участников великой войны, „Георг Вашингтон" в сопровождении военных судов медленно покидал разукрашенную вымпелами и флагами гавань Нью-Йорка, увозя с собой американскую мирную миссию; новая „Санта-Мария" отправлялась в сказочный путь для открытия нового света. Величественно скользил гигант по водной равнине. Летательные аппараты с шумом носились в воздухе над укреплениями и раздавался грохот пушечных выстрелов, ибо впервые президент Соединенных Штатов отплывал в чужие края.

Это было еще в то время, когда сердцами всех владела радость победы, когда все горды были ее блеском; и потому даже в отплытии американского судна чувствовался отзвук триумфа.

„Георг Вашингтон" уносил с собой того государственного деятеля, который в последние жуткие годы мировой войны лучше всех с'умел пробудить дух человечества и оживить новой надеждой усталые отряды союзников, точно чарами вызвав перед их взорами то, что ждало их по ту сторону страданий.

Вот где лежал поистине кратчайший путь в Индию!

„В этой войне,—говорит „Парижская Иллюстрация“ в одном из номеров, вышедших перед самым окончанием войны,—Вильсон был тем человеком, к которому обращали свои взоры наши вожди; мы смотрели на него, как на часы. Что скажет на это Вильсон? Что подумает? Как поступит? Вот вопросы, которые каждый день громогласно задавали народы“.

У президента при переезде через океан была привычка регулярно, в определенный час, совершать прогулки по широкой палубе судна; иногда он прогуливался с супругой, иногда со своим врачом, д-ром Грэйсоном, иногда с другими членами своей свиты. В действительности же он всегда был один. Если случайно сталкивались с ним на каком-нибудь повороте, завязывался короткий, но всегда занимательный разговор—президент никогда не был интереснее и доступнее, как при этих мимолетных встречах—но в то же время ни разу не доходило до настоящей беседы относительно действительно важных вопросов. Часто, точно прикованный к месту, простаивал он у передней мачты, пристально всматриваясь через зимнее море в сторону Европы.

В дни особого одушевления, незадолго до окончания войны, народы Европы считали его пророком,—его слова были для них живительною силой; они „двигали армиями“, „миллионами людей“, писал граф Чернин; „его программа заключала в себе целый мир надежд“. Он поставил дело союзников на новую, моральную основу. Государственные деятели Антанты, правильно оценив могучую волну идеализма, поднятую им, усердно пользовались ею, чтобы создать единство и воскресить мораль.

Крупные агентства американской печати употребляли все усилия, чтобы сделать его личность популярной, окружали его ореолом легенды. Они делали свое дело слишком хорошо! Ожидания всего мира были напряжены до высшего предела. И в то время, как идеи Вильсона возбуждали новые порывы в народах Антанты, они достигали своих целей и относительно центральных держав: еще большего распада уже расшатанного единства.

Особенно отчетливо я почуял влияние этих настроений осенью 1918 года, в Италии. Портреты президента были выставлены в каждой витрине; больше того, в это время общей экзальтации случалось, что крестьяне некоторых областей Италии ставили перед ним жертвенные свечи. В Турине на всех киосках сверкали огненными буквами его „из камня высеченные слова“. Его имя было у всех на устах. Все надежды были возложены на Америку. Если на латинском юге чувства выражались так бурно, не менее горячи они были и на севере. Особенно надеялись на президента мелкие государства средней Европы, ибо для них — он воплощал добрую волю американского народа. Увлечение Вильсоном, как „освободителем Польши“ было, как мне рассказывали, так велико, что польские интеллигенты обыкновенно приветствовали друг друга паролем „Вильсон“.

Президент взял с собой на пароход большую кипу документов, которые поступили в „Белый Дом“, большею частью во время тревожных недель после перемирия. Никогда он не был до такой степени перегружен работой, как в те дни, так как внезапное прекращение военных действий, в момент, когда американский военный аппарат был еще в полном ходу, вызвало целый ряд трудно разрешимых вопросов. Конгресс заседал, масса внутренних вопросов ждали разрешения. Ему оставалось мало времени для раздумья, какой позиции следует держаться Америке при предстоящих переговорах; но предостерегающие и недовольные голоса уже раздавались в Сенате, они указывали ему, как тяжело будет претворить в дело те принципы, которые он об‘явил основой мирного договора. Поэтому он сразу решил порвать со всеми традициями и лично поехать в Европу, чтобы непосредственно содействовать делу мира. Свои мотивы он изложил в обращении к Конгрессу 2 декабря, за три дня до от‘езда, в следующих словах:

„Предстоящие мирные переговоры имеют для нас, как и для всего остального мира, такое чрезвычайное значение,

что нет таких интересов, которые не должны были бы отступить перед ними. Герои наших сухопутных и морских сил в славной борьбе сражались за идеалы, которые они считают идеалами своей родины. Я постарался словами выразить эти идеалы; наши противники, как и наши союзные правительства, признали мои слова основой своих помыслов и намерений; я обязан перед нашей армией принять на себя заботу, чтобы ее идеалы не были ложно или ошибочно истолкованы, наоборот, я должен позаботиться, чтобы все было сделано для их осуществления. Я считаю своей обязанностью всецело отдаться тому, за что армия проливала свою кровь. Я не знаю более высокого долга".

Теперь, когда он находился в открытом море, посреди двух миров, между Новым и Старым Светом, между старым и новым порядком — перед ним вставали, принимая все более определенные образы, и те конкретные проблемы, которые возникали за пределами Америки.

Там, в его дорожной шкатулке, в каюте „Георга Вашингтона", покоилась упомянутая выше кипа документов. Мы можем легко представить себе тот образ мира, который они рисовали перед ним, потому что они здесь у нас под руками. Мы знаем также, как росла эта кипа бумаг во время переезда, благодаря тому одетому в синее вестнику, который ежечасно приносил с обердека искровые слова беспроволочного аппарата. Даже бурный океан не мог разобщить его от страждущего человечества.

Во всех документах преобладает одна определенная нота: страстная, исполненная надежд, мольба, доходящая иногда до повелительного требования. Правда, поступали и другие вести: депеши мистера Бальфура о помощи голодающей Европе; меморандум немецкого правительства о том, что оно действительно переменилось; известия об образовании австрийской республики; многочисленные спешные известия о русских делах; письмо кардинала Гиббонса с просьбой навестить папу; телеграмма уже находящегося в Европе полковника Гауса (House) о подготовительном

перед мирной конференцией совещании Ллойд-Джорджа, Клемансо и Орландо (2 и 3 декабря), а также доклады и exposés экспертов относительно отдельных пунктов мирного договора и Союза Народов. Но, заглушая все эти важные вести, в пламенную симфонию ожиданий сливались жуткие голоса мольбы: в них заключалось все, чего мир ждал от Америки, от ее президента. Не только страдание, надежда и нужда, но также и властолюбие, и страх, и алчность обращались к нему. Можно бросить только беглый взгляд на этот громадный материал, но и его достаточно, чтобы представить себе, какой яркий образ смятенной Европы вставал перед президентом:

„Вы покидаете Америку, не сказав ни одного утешительного слова относительно будущей судьбы Армении, между тем как другим угнетенным народам вы дали счастье утешенья. Зачем связывать нас и на будущее время с турками? Почему не можем мы получить без всякого условия то, что принадлежит нам по праву?“ Так молят его в своей петиции от 2-го декабря армяне.

За ней следует полное радостных надежд письмо украинцев, в котором они отстаивают свое право самоопределения.

„Украинцы хотят, чтобы на их родине, Украине, были введены и осуществлены американские идеалы государственности и американская система воспитания, дабы в народе пустили корни здоровые демократические принципы“.

Здесь мы находим прошение румын относительно их венгерских соплеменников; там донесение о жестокостях в Шандуне, кипы документов от евреев из всех частей света относительно судьбы Палестины; вот жалоба Персии на русскую и английскую тиранию. „Дело христианства, гласит одно письмо к президенту из Китая, тесно сплетено с тем, что вы будете отстаивать на мирной конференции, и с ее результатами“.

Далее следуют пламенные послания корейской делегации от 20-го ноября, которые истолковывают идеи президента применительно к своим желаниям.

„Только что закончившаяся война навсегда решит борьбу между демократией и автократией. Президент Вильсон с полным правом указал, что родственным народностям, у которых свой особый язык, своя цивилизация и культура, должна быть предоставлена независимость. Под властью Японии—Корея, как нация, обречена на гибель. Мы, нижеподписавшиеся граждане Кореи, обращаемся поэтому к народам и правительствам цивилизованного мира с просьбой защитить Корею от Японии“.

Казалось, все находились под впечатлением, что Америка в состоянии исцелить все несправедливости, которые причинили друг другу народы мира. Это относилось в такой же степени к обидам далекого прошлого, жившим еще в памяти народов, как и к вновь нахлынувшим бедам, превратившимся в гнойные раны. Швеция, например, просила президента, хотя и не участвовала в войне, а только от нее выиграла, искупить „преступление 64 г.“ и требовала возвращения Аландских островов. Бельгия требовала даже пересмотра договора 39 года.

Казалось, что не было настолько устарелой обиды, настолько ничтожного зла, которых не надо было бы исцелить.

Даже прегрешения Наполеона надлежало искупить теперь. Польша требовала (более позднее требование, пред‘явленное уже во время конференции), чтобы ей были возвращены архивы, похищенные Австрией еще в 18 столетии. Бельгия хотела получить обратно картины Рубенса, „Золотое Руно“ и другие предметы искусства, утерянные ею приблизительно во времена американской революции.

В то время, как эти народы требовали возвращения своих древностей и сокровищ искусства, разбитая и разгромленная Вена молила о помощи от грабежей. Следующее письмо находится среди бумаг президента:

„У меня имеется трогательное письмо Лера, хранителя Венского музея монет. Повидимому, Италия, Югославия, чехи, и др. грозят разграбить венскую коллекцию

монет и часть перетаскать в свой музей. Лер указывает, что это повлечет за собой уничтожение научной ценности всей коллекции. Италия захватила уже целый ряд картин... Мне кажется необходимым, чтобы конференция организовала какую-нибудь комиссию для предотвращения подобных разгромов".

Я не могу устоять от искушения, чтобы не привести, под конец, хотя бы нескольких строк из петиции Албании к президенту.

„Поэтому, глубокоуважаемый господин, мы обращаемся к Вам, как достойному поклонения главе могущественнейшей демократии мира, как к человеку, который справедливость ставит превыше всех личных интересов... Испытывая глубокие страдания, Албания извивается ныне в руках тех, кто снова старается ее расчленить, кто помышляет об областях, которые им не принадлежат и никогда не принадлежали. К несчастью, бедная страна, Албания не нашла еще в Европе борца за свое дело. Только отдельные лица, тронутые несправедливостью, причиненной нашей родине, поспешили на помощь нам словом и пером. Однако, они не встретили сочувствия в тех канцеляриях, которые с недавнего времени решают судьбы вновь создающейся так долго жданной Европы".

Одним словом: душа мира была заключена в этих бумагах. Правда, многие из этих просьб звучат чрезвычайно трогательно; но, как случается с нашими просьбами, они часто преследовали цели, которые причинили бы просителю скорее вред, чем пользу. Многие требовали островов, рудников и гаваней и возвращались с исправленными границами, картинами Рубенса и древними монетами.

Но во всей этой кипе документов, которую президент взял с собой на судно, нет ни одного, от великого или малого народа, в котором бескорыстно и безусловно предлагалось бы президенту из Америки действительное содействие в осуществлении принципов мира, так громко провозглашавшихся ими всеми. Правда, то тут, то там попадались предостерегающие и раздумьем проникнутые

письма, как, например, письмо епископа Гора из Оксфорда; есть письма, полные веры и желания помочь, но обычно почти все они обращаются к Америке только с требованиями устранить какое-нибудь зло; Бог знает, как много их было,—освободить от чего-нибудь, удовлетворить какое-нибудь жгучее желание или интерес. Возможно, что ожидать от того страшного времени большего—значило бы требовать слишком много. Во всяком случае мы не можем об этом факте не упомянуть.

Известно, как глубоко влияли на Вильсона эти крики о помощи, как ясно он сознавал еще на „Георге Вашингтоне" возможность неудачи всех своих планов: вот запись разговора президента с его другом мистером Криль, который происходил как-то вечером на палубе судна.

„На Америку смотрит сейчас весь мир; она должна не только исправить причиненную несправедливость, но и осуществить новые надежды. Голодные ждут от нас, что мы их накормим, бесприютные, что мы дадим им убежище, больные телом и духом, что мы их исцелим. Все эти ожидания звучат, как неотложная мольба. Они требуют немедленного удовлетворения... И все же—и вы, и я—мы оба хорошо знаем, что эти старые беды и новые жалобы не могут быть устранены в один день, росчерком пера. В душе мне кажется, что предстоит трагедия целого ряда разочарований: от всей души хотел бы ошибиться" [1]).

Однако, эти документы сами по себе не могли еще указать, какая упорная борьба разгорится вокруг этих вопросов впоследствии на самой конференции. Многое для Америки оставалось еще книгой за семью печатями, вследствие незнакомства ее с европейскими делами, а также недооценки ею европейских традиций и царствующей там чрезвычайно острой нужды. Америка не подозревала, что вследствие долголетней своей изолированности и замкнутости в сфере своих национальных интересов, она

---

[1]) «The War, the World, and Wilson» by George Creel, стр. 163.

вступила в невыгодную для себя борьбу. Но президент тогда уже предчувствовал „трагедию разочарований“.

Если, однако, дело обстояло так, откуда же брал он мужество и силу для борьбы, из каких источников черпал утешение и уверенность?

За три дня до того, как „Георг Вашингтон“, увенчанный славой, вошел в гавань Бреста, президент созвал на совещание часть американской делегации. Из действительных членов мирной конференции на судне находились только государственный секретарь Лансинг и мистер Уайт (полковник Гаус и генерал Блисс были уже в Европе); поэтому на совещании преобладали географы, историки, экономисты и другие сведущие лица, которые должны были снабжать президента соответственным материалом для дебатов. Многие из них в течение долгих месяцев собирали весь мыслимый материал для разрешения вопросов, которые могли бы возникнуть в Париже (Исследовательская Комиссия полковника Гауса). В багажном отделении гигантского судна стояли целые штабели ящиков и сундуков, в которых заключались обширная библиотека, собрание документов и отчетов и полная серия географических карт.

За исключением нескольких набросков, любезно предоставленных мне д-ром Исаией Боуманом, мы не имеем настоящего отчета об этом совещании в правительственной каюте „Георга Вашингтона“, но и его заметки выясняют в достаточной степени, какими идеями жил в то время президент и каковы были его планы. Сущность его речей сводилась к тому, что на предстоящей конференции среди всех прочих делегаций—действительно незаинтересованной является только делегация Америки; поэтому в высшей степени необходимо „оставаться верным принципу человечности и прислушиваться больше к воле народов, чем их вождей“.

Предстоящие решения поэтому должны были исходить из интересов всего человечества, а не расцениваться с точки зрения предвзятых мнений и дипломатических

соглашений собравшихся там членов конференции. Прежде всего надлежало создать организацию, союз народов, и таким образом обеспечить на будущее время прочность и эластичность заключенным договорам, а с другой стороны уже позднее, когда улягутся страсти, облегчить возможность их изменения.

Относительно немецких колоний он держался мнения, что они должны перейти во владение союза народов и управляться мелкими народностями. Богатства каждой колонии должны быть достоянием всех народов. Если бы конференция и на этот раз ограничилась одними только „соглашениями" как в этом, так и в других вопросах международных отношений, мир не примирился бы с этим; эта конференция не должна удовлетвориться сделками в старом духе. Важнейшая проблема конференции, главным образом касающаяся компенсаций—со стороны Германии—не должна быть вложена в руки „чистых политиков", но изучена особой Комиссией. В то же время президент обратился с открытым письмом к специалистам, прося их поддержки в работах конференции. „Покажите мне, что есть право, говорил он, и я буду за него бороться; дайте мне прочную опору для борьбы".

Он так же открыто заявлял, что не питает никаких иллюзий относительно предстоящей борьбы. Предвидя трудности, которые встретят его идеи относительно нового порядка мира, он говорил: „Если наше дело потерпит неудачу, мы заставим осуществить его". Ибо перед миром стоит громадная задача, и он сможет исцелиться только моральным очищением.

Яд большевизма, по его мнению, только потому получил такое быстрое распространение, „что представляет собою протест против системы, управляющей миром". Теперь на нас лежит обязанность отстоять на конференции новый порядок „по возможности добром, если потребуется—злом".

Так гласил боевой клич, с которым обратился президент к своим соратникам за три дня до прибытия во

Францию. Теперь надо подробнее ознакомиться с американской программой. В чем заключалась сущность вильсоновских идей? Что понимал он под „новым порядком"? Был ли большевизм действительно протестом против системы, господствующей над миром? Что предлагал он в качестве противоядия?

Две великие идеи, обе по своему происхождению американские, руководили его программой: одна касалась прав и свобод человечества, другая его законов и обязательств.

В частности они имели ввиду:

1. Самоопределение народов; управление должно быть основано на „согласии управляемых".

2. Обязательство принимать участие во всемирной организации для взаимной защиты и помощи, короче в союзе народов.

Из этих двух пунктов состояла программа президента, в которой права и обязательства находились в равновесии. Она заключала в себе оба неизбежных, борющихся друг с другом элемента всякой демократии: эти противоборствующие элементы выступают и в американской истории, как отражение борьбы между „сепаратными правами штата" и „федеративной властью".

Несмотря на все нападки противников как того, так и другого принципа, президент никогда не разобщал между собой этих основ своей идеи. Они всегда тесно сплетены у него и в слове, и в деле. В речи, произнесенной им 4 июля 1918 года в Монт-Верноне—он дал наиболее сжатое изложение своей программы в следующих словах: „Эти могучие цели мира можно выразить одним единственным положением. Мы стремимся к господству закона, опирающегося „на согласие управляемых" и освященного „организованной волей человечества".

В принципах, установленных Вильсоном в 1917—1918 гг., он не дает миру ничего нового, ничего оригинального. Эти принципы давно уже были общим достоянием американских ораторов. Они в действительности были

значительно старше Америки, часто раздавались из пророческих и реформаторских уст государственных деятелей других стран. Они приобрели конкретную образность у наиболее оригинальных американских поэтов, у Эмерсона и Уитмэна. Линкольн подкрепил жизненную силу этих идей словами: „Управление народов через народ для народа“.

Президент неустанно проповедывал свое понимание „права самоопределения“:

„Народы не позволяют обращаться с собой, как с безжизненными товарами или пешками: их нельзя распродавать или перетаскивать из одного государства в другое“.

„Все территориальные соглашения, которые вызовет эта война, должны быть заключены в интересах и на пользу участвовавших в ней народов“.

„Право самоопределения—властная аксиома, которую отныне не сможет игнорировать ни один государственный деятель без вреда для себя“.

Все эти изречения являются повторением того, что было завоевано американским народом и начертано в величайших документах Америки: в билле о правах Виргинии, в декларации о независимости и в Американской Конституции.

„Народ имеет право поступить с своей страной и установить правительство по своему усмотрению“, — говорит билль о правах Виргинии.

„Правительства устанавливаются людьми, приобретают правомерную власть через согласие управляемых“,—гласит декларация о независимости.

„Мы, народ, основываем и устанавливаем настоящую конституцию“ — начертано в конституции Соединенных Штатов.

Но идея управления „через согласие управляемых“ не в большей степени американская, чем идея единения для совместной обороны и нападения; эта идея лежит в основе всей нашей американской системы и заключается в целях, которые устанавливает конституция, „дабы образовать более совершенный союз, установить правосудие,

охранить внутренний мир и озаботиться общей защитой". В этом коренится вся наша федеративная система.

Таким образом, Вильсон строил часть своей программы на возвышенной идее декларации о независимости, на идее „об управлении через согласие управляемых"; в другой части своей программы он надеялся опереться на государственную мудрость американской системы, насколько это было возможно при других и значительно более тяжких условиях.

Так, в своем обращении к Сенату 22 января 1917 г. он заявлял:

„Это американские принципы, это американская политика. Ничего другого мы отстаивать не можем. Но это в то же время принципы и политические задачи всех дальновидных мужчин и женщин всех культурных народов, всякого просвещенного общества. Это принципы человечества, и они должны одержать победу".

Вера в американские принципы коренилась в глубочайших тайниках его пламенной, страстной и одинокой натуры, полной решимости. Всю свою жизнь он провел за изучением американской истории, американской конституции и американских идей. Он погружался главным образом в героические времена нашего народа, в исследование принципов его политического бытия. Заглавия его прежних трудов: „Жизнь Георга Вашингтона", „История Соединенных Штатов", „Конгресс", „Государство", „Конституционный строй Соединенных Штатов"—выдают интересы, которыми он жил.

По происхождению своему он был шотландец, с примесью ирландской крови, он принадлежал к тому народу, который преисполнен не только глубокой любви к религии, но и страстного стремления к свободе. Почти с религиозным рвением он хватался за учения об американской свободе и роднился с ними. „У всякого, кто читал и изучал славные страницы нашей истории, говорит он 5 ноября 1916 г., сильнее забьется сердце при виде того, как растут и крепнут великие силы человечества".

Надо пожалеть, что „право самоопределения“ было отождествлено в Париже с лозунгом мира, стало мистической формулой; между тем, как оно составляет лишь часть вильсоновской программы. Ведь было так просто кричать о правах; но было трудно, в особенности, в те дни страха и ненависти, порожденных войной, требовать от народов, чтобы они возложили на себя обязательства нового союза. Президент оказывался почти совершенно одиноким, когда приходилось защищать вторую, не менее важную часть его программы; но он защищал ее до самого конца, до печального конца. Ибо он видел, что напрасно было бы достижение первого условия без второго.

Не подлежит сомнению, что президент красноречиво проповедывал то, к чему стремились его народ и мир. И тем не менее возникает вопрос—хотя здесь не место его разрешать — в какой степени великая и богатая Америка 1917 и 1918 года в действительности понимала эти принципы в полном их об'еме?

На „Георге Вашингтоне“, также на пути в Европу, для ликвидации войны, находился еще один член мирной делегации, мистер Лансинг, государственный секретарь департамента иностранных дел, который, точно так же погруженный в мысли о предстоящей конференции, неустанно ходил взад и вперед по палубе судна. И вскоре после прибытия в Париж, он заносит в дневник самые сокровенные свои мысли:

„Чем больше я вдумываюсь в заявления президента о праве самоопределения, тем сильнее убеждаюсь, что опасно прививать такие идеи некоторым народностям на конференции. Они неизбежно станут основой для невозможных требований и вызовут во многих странах волнения и недовольство...

Это положение начинено взрывчатым веществом... Какое несчастие, что оно было высказано! Сколько бед оно причинит миру!“ [1]).

[1]) Robert Lansing. Версальские мирные переговоры, стр. 73.

Если рассматривать это положение изолированно, как поступает мистер Лансинг (он никогда не мог подняться до более высокого полета мысли о новом, полном жизненных соков, мировом союзе наций)—оно действительно начинено порохом. Оно страшило его, трезвого, пугливого, консервативного человека. Он заботился скорее о национальной безопасности, чем о службе человечеству. Он определял „основной задачей всех территориальных соглашений, — обеспечение национальной безопасности". Так и поступили немцы, когда они бросили в сорную корзину заключенный ими же договор и напали на Бельгию, ибо интересы и безопасность их страны стояли выше всех других соображений. Так же поступили и союзные правительства, когда заключили свои тайные договоры в 1915, 1916 и 1917 гг. И вот эта борьба между идеей права и интересами народов, и идеей интереса и безопасностью государств лежала в основе если не всех, то большинства вопросов, поднимавшихся в Париже.

Но динамит или не динамит, а президент верил всем своим существом в право народов контролировать свое правительство и самостоятельно определять свои судьбы. И эту свою веру он проповедывал пламенными словами и с властной искренностью. Если принципы Америки грозят сокрушить старый порядок мира, значит надо создать новый.

И в то время, как пугливый м-р Лансинг тревожится о том, что некоторые угнетенные народности, может быть окажутся недовольными и потребуют правительства по своему желанию, президент страстно отстаивает освободительную миссию Америки, поддерживает эти слабые и порабощенные народы.

„Если бы вы могли услышать отдельные голоса, свидетельствующие о тоске отчаяния угнетенных и беспомощных народностей мира, говорит он 18 мая 1918 года, и уловить одновременно какие-то неясные еще боевые республиканские песни, если бы вы могли услышать поступь

отрядов, готовых выступить в поход, чтобы освободить их, снять цепи с их духа, дать волю их детям, вы поняли бы тогда, как бьется сердце тех, кто всю свою душу, все свои помыслы посвятил великому делу свободы".

Среди американцев были также некоторые группы, имевшие своих вождей в Сенате, которые были решительными противниками второй части вильсоновской программы, союза народов. Они были против того, чтобы Америка вступала в обязательства международного характера и принимала на себя существенную роль в новом всемирном союзе. Они в то же время являлись сторонниками государственного сепаратизма и были противниками дела интернационального единения. Ревниво оберегали они права Америки и со страхом отшатывались от всякой попытки нового всемирного Альянса.

Этим противникам своей идеи, которые, как раньше, так и теперь, крепко держались за изолированность Америки, за идею эгоистической, только заботящейся о своих достижениях Америки,—президент противопоставлял сияющий образ могучего американского государства, помышляющего не только о своем величии, но всецело посвятившего себя служению всему миру. Тут он достигал красноречия пророков. Образ его Америки был совершенно чужд немецкой государственной идее, которая ставила себе единственной и исключительной целью собственную безопасность и собственное благо. Перед Вильсоном носился образ великих государств, которые, подобно великим людям, ищут не собственных выгод, но служения человечеству и образа нового, родившегося из этого мироощущения, интернационального строя.

Можно выразиться, что его идее недоставало гарантии „осуществимости", но тем не менее она существовала, и потому историк вынужден принять ее, как существенный фактор, определяющий положения, которые отстаивала Америка в Париже.

Иностранные писатели как будто яснее усвоили себе сущность и значение вильсоновской идеи мирового строя,

чем многие его соплеменники; они как будто поняли, какое влияние она окажет на мир, в какой степени наполнит восторгом и мукой грядущие поколения.

„Плодотворная идея вильсоновской политики,—пишет оксфордский профессор Л. П. Джекс в „Hibbert Journal“,— заключается в том, что Америке, вследствие ее величия, могущества и громадных возможностей, отводится роль не владычицы наций, а их прислужницы. Благородная мысль, замечательно пригодная для того, чтобы вызвать перед юным, могучим народом блестящий образ его высокого предназначения и таким образом на целые века определить путь его развития, отклоняющийся, правда, от путей старого мира, но, как мне кажется, ведущий его дальше, в высь.

Идея прислуживающего величия сама по себе не нова, хотя и в другой концепции; но там она находит не столько истинных приверженцев, сколько пустых краснобаев. Президент Вильсон—первый государственный деятель, сделавший ее руководящим положением своей международной политики и пытавшийся претворить ее в дело. Этого факта достаточно, независимо от его результатов, чтобы обеспечить ему место в истории и благодарность человечества. Идея, что наиболее могущественная нация должна быть прислужницей народов, находится явно в вопиющем противоречии с тем понятием национального могущества, которое господствует среди немецких вождей и, повидимому, в самом немецком народе. Пророческий ум мог бы при первой же вести об этой идее предсказать, что эти столь диаметрально противоположные воззрения с драматической или моральной необходимостью должны вступить в открытую борьбу между собой“.

Одним словом, президент применил благороднейшие принципы морали, христианской морали, которые должны руководить поступками людей в области взаимных отношений народов“.

Он связывал с Америкой не идею политического великодержавия, несметного богатства и обширных торго-

вых сношений, но идею морального руководства и международного служения.

Неустанно повторял эту идею Вильсон и до, и во время войны, и перед мирной конференцией, и на ее заседаниях.

„Америка была создана, чтобы об'единить человечество". Америка „прежде всего должна думать о человечестве".

„Мы не служим никаким своекорыстным целям. Мы не хотим никаких завоеваний, не хотим прироста нашего могущества. Мы не требуем никаких возмещений, никаких материальных компенсаций за наши добровольные жертвы. Мы только борцы за человечество. Мы будем довольны, если его права будут обеспечены настолько, насколько в силах это сделать честь и свобода нашего народа".

„Моя мечта (говорит президент ровно за месяц до начала мировой войны, 4 июля 1914 г.), чтобы мир с годами, лучше узнав истинную сущность Америки, обратился к ней за тем моральным обновлением, которое лежит в основе всякой свободы, чтобы мир никогда не боялся Америки, разве только, если бы она вступила на путь, противоречащий правам человечества; и чтобы настал наконец день, в который все познают, что ее знамя не только знамя Америки, но всего человечества. Какой же другой народ посвятил себя столь высокой цели?".

Когда война и, еще в большей степени, мирная конференция подвергли его испытанию огнем, он неизменно черпал утешение в мыслях о великих людях и основателях нашей нации и об их принципах. В одной из своих речей, в последнем полном отчаяния призыве к народу, во время томительной поездки по западным штатам, незадолго до своей болезни, в сентябре 1919 г., он убежденно говорил: „Я вижу перед собой тех людей первого поколения, гениальных основателей этого великого государственного целого, поколения Вашингтонов, Джефферсонов и обоих Адамсов; я вижу, с каким востор-

том изумления они взирают на зрелище побед нашего духа, духа Америки, над миром".

Если бы Вильсон переживал проблему мира, каким он ему рисовался тогда, на судне, исключительно как личную проблему, он должен был бы впасть в отчаяние, но он воспринимая ее также, как проблему Америки, и чувствовал, что Америка стоит за ним.

Еще одно обстоятельство поддерживало его веру: почти общее признание американских принципов всеми народными массами, особенно демократами и рабочими партиями союзников. Не даром же эти принципы были включены в договор о перемирии, подписаны и засвидетельствованы печатями.

Так мощно овладели миром американские идеи, что союзные государственные деятели считали лучшим ходом своей политики—выражение полной солидарности с ними.

Когда в январе 1918 г. Ллойд-Джорж излагал на Лондонском конгрессе трэд'юнионов цели войны, его речь заключала ряд положений, которые раньше были уже высказаны Вильсоном. С характерной для него страстностью Ллойд-Джордж воспринял не только принцип самоопределения народностей, который считал победным принципом предстоящей мирной конференции, но и увлекся, вследствие импульсивности своей натуры, логикой этого принципа настолько, что ступил на ложный путь, куда никогда не отваживался президент. В своем обращении к рабочим он заявил, что „согласие управляемых должно быть основой всех территориальных соглашений этой войны", больше того, он признал право туземцев немецких колоний в Африке определять свою политическую судьбу.

Одной из наиболее изящных и интересных фигур в Париже был благородный ученый, хотя и не сильный вождь, итальянский министр-президент Орландо. Никто в Париже не понимал лучше сущность вильсоновской миссии, чем он, несмотря на то, что впоследствии Орландо стал самым ожесточенным противником президента.

За два месяца до начала мирной конференции в ноябре 1918 г. он раз'яснял в Риме в палате депутатов позицию Соединенных Штатов.

„Речь идет не столько о создании новых форм социальной жизни, которые обеспечили бы мирное разрешение будущих осложнений, сколько об активном признании и осуществлении одной истины: что в мире этики могущество является не источником новых прав, а источником сугубой ответственности и следовательно еще больших обязанностей. Этой истиной президент Вильсон положил предел германской империалистической теории о праве сильнейшего, так как право это он заменил обязанностью; поставив законный авторитет морали выше реального могущества Соединенных Штатов, он выразил этот принцип в наиболее благородной форме“.

Эта идея великой, наиболее могущественной во всем мире нации отдать себя на служение человечеству, защитить слабых, поднять павших и угнетенных и дать миру справедливость,—эта идея и в Риме, и в Париже, и в Лондоне вызвала в могучих массах народа взрыв общего ликования.

Вот кто, как говорит граф Чернин, „раскрыл юдоли скорби мир полный надежд“.

Даже Клемансо признал, что во время войны свершился поворот в сторону идеализма. В своем ответе Вильсону от 26 мая (секретный протокол Совета Четырех) он говорит:

„Указания президента Вильсона на то, что в настроении народов мира произошли перемены,—чрезвычайно серьезны. В первые годы войны шла речь только о расширении областей, позднее, однако, к этому прибавилась идея о свободах народов и создании новых форм взаимоотношений“.

Короче говоря, в этих идеях, в этом комплексе моральных принципов, выявлялись не только глубочайшие убеждения и надежды президента и американского народа, но отражались, как хорошо сознавали и государ-

ственные вожди Европы, надежды и воззрения громадной массы всех народов, всех стран.

Союз народов был логическим следствием идеи Вильсона о взаимной помощи, как национальном долге. Все народы мира должны быть связаны между собой стремлением к взаимной помощи. Сильные государства должны оказывать помощь слабым, богатые—экономически неразвитым, познавшие свободу—политически отсталым. Если господство автократии будет свергнуто и вместо него будет создан ряд новых, слабых демократий, тогда станет необходим крепкий союз народов, как для того, чтобы избежать будущих войн, так и для того, чтобы охранить новые нации, пока они станут на свои собственные ноги.

Замечательно, что из всех вождей Антанты, как бы велико ни было их участие в тяготах войны, никто не удостоился в столицах Европы таких приемов со стороны народа, приемов, ни с чем несравнимых, какие выпали на долю Вильсона. Ни разу Клемансо не вызвал стечения толпы. Ллойд-Джордж появлялся в Париже и исчезал почти незамеченный, и не удостоивался приветствий; Орландо и Соннино приходили и уходили, как приличествует посланникам великой державы, но без приветствий со стороны народа. Можно смело утверждать, что никто так глубоко не взволновал и не потряс народов Европы, как Вильсон; это исторический факт, который, независимо от отношения к последующим событиям, заслуживает быть отмеченным здесь.

„Принципы президента",—замечает осторожный автор из „British Institute of International Affairs"—„взяли Европу штурмом", и затем добавляет в раздумьи: „теперь надо ждать, завоюют ли идеи Вильсона и Америку также" [1]).

Правда, эти великие принципы были возвещены миру и им восприняты в минуту высшего душевного напряжения, всех охватившего страха и общих страданий. Что

[1]) «A. History of the Peace Conference of Paris, изд. H. W. V. Temperley т. I, стр. 204.

с ними стало, когда схлынула волна этих переживаний, будет показано дальше. Это и есть история мирной конференции.

13-го декабря „Георг Вашингтон“ вошел в Брест; 14-го декабря Вильсон в сопровождении президента Франции проезжал через Champs Elysés, приветствуемый ликующим народом.

„Да здравствует Америка, да здравствует президент!“— неслось со всех сторон. Улица, по которой следовал Вильсон, была осенена громадным знаменем, на котором были начертаны слова: „Слава Вильсону Справедливому!“

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Старая дипломатия и ее цели.—Тайные договоры Европы и их влияние на мирную конференцию.—Отношение Америки к тайной дипломатии.

Президент находился во Франции. Он приехал сюда с американскими принципами и стоял, наконец, лицом к лицу с Старым Светом, с проблемами Старого Света, с политиками и дипломатами Старого Света.

В предыдущей главе я показал, в чем состояла американская программа президента. Я показал, как сильна была его вера в нее, как настойчива решимость создать „новый порядок мира".

Прежде чем мы обратимся непосредственно к борьбе, разыгравшейся на берегах Сены и в парижской каменной громаде, где жил Вильсон, приходится установить те цели, которые преследовал Старый Свет устами своих дипломатов и политических деятелей. Чтобы действительно понять эту „войну за мир", мы прежде всего должны точно установить силы противников и правильно их оценить. Как бы там ни было, существовало известное прошлое, старые традиции, существовали иные народы со своими особыми желаниями, потребностями и честолюбивыми вожделениями; это бесспорные факты, которые американец легко может позабыть.

Постепенно в течение двух лет президент закладывал речами и возражениями, посланиями конгрессу и пере-

нской с иностранными державами прочные и устойчивые основы своих принципов, которые должны были определить отношение Америки к предстоящему миру: и все это делалось совершенно гласно, открыто перед всем миром, с ведома каждого американского солдата. Но с другой стороны и европейские, и азиатские народы давно уже установили свое понимание будущего миропорядка, и точно так же в нотах, совещаниях и договорах. Многое в этом отношении было уже сделано до вступления Америки в войну, но под покровом темноты, в виде „тайных договоров“,—в виде сделок между дипломатами, которые тщательно скрывались от действительных борцов. Вероятно, это было неизбежно, ибо Старый Свет все еще находился в тенетах ложных принципов уже устарелой системы, которые не мог разорвать, несмотря на свои желания, ни один народ. И в противоположность этому порядку президент Вильсон является представителем совершенно свободной, для каждого наглядной, „новой“, „открытой“ дипломатии, между тем, как тайные договоры 1915, 1916, 1917 годов—были детищем „старой дипломатии“, на которой, как на скале, покоилась империалистическая и милитаристская система старого мира.

Можно смело утверждать, что после вступления Америки в войну правительства союзников усвоили себе американские идеи. Торжественно присоединились они к принципам перемирия, предложенным Вильсоном. Влиятельные демократические и рабочие партии были во всех вопросах солидарны с ним; больше того, в составе некоторых правительств, в особенности Великобритании, находились руководящие лица, которые хотели его действительно поддержать. Когда, однако, открылась мирная конференция, у кормила правления всех народов находились те же элементы, даже те самые вожди, которые заключили помянутые выше тайные договоры. Большинство из них не только верили в эти хорошо знакомые им старые приемы дипломатии,—они ведь воспитывались на них всю свою жизнь,—не только верили в спасительность милитаристских

методов воздействия, которыми владели также в совершенстве, но, что было важнее, в их тайных договорах отражались истинные взгляды, истинные желания, признанные справедливыми нужды различных правительств. Ибо то, что человек или нация желает тайно, есть действительное их желание; то, что они высказывают,—только ложь.

Достаточно упомянуть, что, несмотря на полную перемену обстоятельств во время войны, несмотря на помощь Америки, несмотря на общее признание американских принципов, несмотря на выход России из числа договаривающихся сторон при заключении мира, несмотря на полную гибель Австрии (факт, который в начале войны ни один ответственный государственный деятель не счел бы вероятным, хотя Ллойд-Джордж еще в 1914 г. назвал Австро-Венгрию „ветхой монархией“), даже несмотря на неоднократные публичные заявления о расторжении тайных договоров,—все-таки требования отдельных народов, заявленные на мирной конференции, в точности соответствовали содержанию же тайных договоров (что и будет показано дальше).

Только тогда, когда поймут, что содержание всех старых тайных договоров было conditio sine qua non, только тогда можно будет обозреть всю сцену парижской драмы, только тогда она осветится ярким светом рампы.

Поистине изумительно, что во всем опубликованном материале о мирной конференции нет ни полного, ни правдивого обзора этих тайных соглашений, ни надлежащей оценки их влияния на мирные переговоры. Причины этого различные: 1. Секретные отчеты мирной конференции—которые заключают все важнейшие договоры, подвергавшиеся обсуждению,—до сих пор не были никому доступны; поэтому различные писатели не могли судить, сколько дней и сколько страниц было посвящено неистовству вызванных ими контроверз. 2. Некоторые писатели, которые имели кое-какие сведения о наличности тайных соглашений, предпочитали, насколько возможно, мириться

с ними и умалять их вредное влияние на результаты конференции. Достаточно проштудировать об'емистый труд г. Андре Тардис, названный им „Правда о мирном договоре"; читатель не найдет в нем и следов какого-нибудь тайного договора.

Без знакомства с этими договорами, исключена возможность настоящего понимания того, что действительно произошло в Париже. Оба наиболее тягостных предмета спора, итальянское и японское соглашения, должны быть главным образом отнесены насчет тайных договоров. Темные, змеиные следы „старой дипломатии" влияли также и на дебаты относительно немецких колоний и поселений в Турции и имели пагубное значение вообще при разрешении всех остальных важных споров.

Эти тайные договоры препятствовали полной гласности совещаний, ибо они заключали в себе замыслы, которые европейские властители не могли обсуждать открыто. Они стесняли и сдерживали экспертов, они принуждали даже руководителей европейской политики рисковать высокими ставками и их проигрывать. Изучение этих об'емистых отчетов Совета Десяти и Совета Четырех в Париже производит наиболее сильное впечатление тем количеством времени, драгоценного времени, драгоценной энергии, которые были растрачены в поисках путей, чтобы выскользнуть из этой старой тайной западни, как-нибудь перескочить через нее, как-нибудь обойти. Здесь, а не в переговорах о союзе народов, было потрачено попусту время. Например, решительно невозможно понять обстоятельства, при которых явились на конференцию такие мелкие государства, как Сербия и Румыния, нельзя понять также позицию и лицемерие великих держав по отношению к ним, не имея полного знакомства с тайным Румынским договором, так тщательно скрытым от Сербии, т.-е. от союзника, который до полного истощения своих сил боролся с центральными державами. Его скрыли, несмотря на то, что именно сербские интересы были сильно затронуты им. Если вслушаться в переговоры, которые

завязались вскоре после открытия конференции в Совете Десяти,—раскроется одно из наиболее постыдных событий всей войны:

Г. Веснич (сербский делегат) принял с сожалением к сведению, что румынская делегация основывает свои претензии на ее земли частью на тайном соглашении 1916 г. Когда этот договор заключался, Сербия сражалась на стороне союзников, не требуя никаких гарантий, в полной уверенности, что по окончании войны будет заключен мир на основе справедливости, на основе самоопределения национальностей и в полном согласии с торжественными обещаниями союзников.

Г. Клемансо замечает, что ему неизвестно, чтобы соглашение 1916 г. было тайным договором.

Г. Веснич возражает, что договор не только не был никогда опубликован, но что всякий раз, когда он, в качестве представителя союзной державы, являлся в министерство иностранных дел для ознакомления с условиями этого договора, ему заявлялось, что условия договора не могут быть оглашены.

Г. Братиану (румынский делегат) разъясняет, что переговоры относительно претензий Румынии были начаты еще в 1916 г. в Лондоне, затем перенесены в Петроград, так как Петроград был признан более подходящим пунктом для обсуждения восточных вопросов, в частности сербского вопроса.

Г. Пишон (французский министр иностранных дел) оглашает затем последний параграф договора, который предписывает сохранение тайны до окончания войны [1]).

Эти прения самым наглядным образом показывают, какую атмосферу недоверия создали в Париже тайные договоры. Сведения о них, проникавшие лишь в виде слухов, заражали мелкие национальности явным недоверием. Кто мог знать, не существуют ли и другие тайные соглашения, не были ли они заключены за спи-

[1]) Секретные протоколы Совета Десяти от 31 января.

ной? Кто мог сказать, не работают ли над тайными договорами и сейчас?

Но не только мелкие нации не доверяли своим могущественным союзникам, но и могущественные союзники, как я укажу дальше, подозревали друг друга.

И вот в такой атмосфере взаимного недоверия выступил президент Вильсон перед нациями с требованием друг в друга верить и друг другу доверять. Основой старой дипломатии было недоверие, основой новой, если бы вообще она осуществилась, было бы взаимное доверие. Это взаимное доверие одной нации к другой могло покоиться, как и доверие между людьми, на правдивости, прямоте и ясности помыслов.

Отдавая дань уважения правде, надо сказать, что тайная дипломатия была проклятием для Европы, не только в давние времена вооруженного мира, (доказать документально это не трудно), но она чуть было не повлекла поражения союзников и в мировой войне. Ибо она вызвала во всех странах, особенно в Великобритании и Италии, глубокое внутреннее недовольство и недоверие рабочего класса и либеральных партий. Не надо забывать, что, когда вспыхнула война, мир был совершенно иным, чем, например, во времена Наполеона: он заключал в себе небывало хорошо дисциплинированный, организованный, сознающий свои интересы рабочий класс; рабочий класс, который во всех воевавших странах в своих руках держал судьбы земного шара. Так могуче выросли эти социальные группы к 1914 г., что они обладали политической властью или, как в России, готовились к революции. Они были противниками всей старой милитаристской и дипломатической системы. Вместе с Вильсоном они требовали „нового порядка“, „нового мира“, хотя свой „новый порядок“ они обосновывали совершенно иначе. Когда вспыхнула война, точно по мановению жезла были забыты все рабочие беспорядки и классовая борьба, всех охватила суровая решимость отбросить насильника назад, ибо прусская монархия была для всех

освободительных партий символом того, что они ненавидели.

Но это полное единение длилось только короткое время во всех странах Европы. Могучие рабочие и социалистические партии вскоре снова заволновались. Они давно уже знали старую дипломатию и боялись ее, и с недоверием относились к своим правительствам. Еще прежде, чем стало известно существование тайных договоров, эти оппозиционные слои подозревали, что их правительства помышляют не только о защите союзных народов против германских насилий, что они стремятся к расширению своих владений и к усилению своего национального могущества. Слишком скоро подтвердились эти подозрения.

Через девять месяцев после начала войны, 26 апреля 1915 г., был подписан Лондонский тайный договор, который вовлек Италию в войну. Так как европейские демократы, по крайней мере, отчасти знали обещания, данные (вынужденно) Италии, то они знали также, какая опасность таилась за подобного рода аннексионистскими соглашениями.

Они знали также, что и другие тайные соглашения были в ходу между союзниками; они подозревали существование договора с Россией относительно Константинополя и они хорошо знали, что в августе 1916 г. был заключен договор с Румынией, который и побудил ее принять участие в войне. Но они никогда не были уверены, известны ли им все условия подобных соглашений. Да, они подозревали и, как мы знаем теперь, имели на это полное право, что рядом с этими договорами существуют еще другие соглашения, совершенно неведомые для них. Эта тайная политика, с одной стороны, способствовала тому, что оппозиционные группы переоценивали их значение; с другой стороны, она не позволяла ответственным государственным деятелям, как Асквит и Грей, сообщать причины, которые заставили союзников дать обещания, напр. Италии и Румынии, для привлечения их к

участию в войне. Ясно, конечно, что и радикальные группы, хотя их страх перед тайными договорами был вполне обоснован, использовали их как удобное оружие в общей борьбе оппозиции против правительственной власти.

Так, например, общественное мнение Италии в то время далеко не единодушно относилось к Лондонскому договору, обеспечивающему Италии значительное приращение ее владений. Ибо в Италии, как и в других союзных государствах, имелись крупные рабочие и демократические партии, которые энергично требовали пересмотра империалистических целей этих договоров.

Во время моего пребывания в Италии в 1918 г. это движение развивалось совершенно отчетливо. Даже синьор Орландо был в те дни ярым противником договора. Тогда понимали, что лучшей политикой для Италии были бы не притязания на прирост владений и населения за счет восточных наций, которые тем самым превратились бы в врагов, но союз и дружба с ними.

Сторонники этой наиболее дальновидной, либеральной политики организовали даже в апреле 1918 г. в Риме конгресс угнетенных национальностей Австро-Венгрии, желая добиться пересмотра Лондонского договора в отношении Балкан. Но вскоре затем одержанные Италией победы заставили замолчать голоса рассудка; также на мирной конференции Италия выступила не только со всеми требованиями, обеспеченными ей Лондонским соглашением, но заявила и свои права на город Фиуме, хотя он был по договору предоставлен кроатам.

Чрезвычайно сильное влияние этого тайного договора на ход мирной конференции будет обрисовано подробнее дальше.

После мирного предложения Германии в декабре 1916 г. президент Вильсон, одушевленный желанием узнать истинные цели войны и обеспокоенный слухами о тайных соглашениях, предложил воюющим державам обнародовать свои мирные условия со всеми подробностями.

10 января 1917 г. (за три месяца до об'явления войны Америкой) поступила первая обширная нота союзников. Если оценивать эту ноту сейчас, при тех сведениях, которыми мы располагаем теперь, то придется изумиться ее бессодержательности. Действительные специфические цели войны, которыми обязали себя союзники в силу тайных договоров, были скрыты за фразами общего характера или совершенно утаены. Тем не менее эта нота, если сравнить ее с прежними сообщениями (во всяком случае она более откровенна, чем немецкий ответ) означала решительный прогресс на пути к выяснению взаимоотношений. Она признавала оба великих принципа, в которых был особенно заинтересован Вильсон: с особой выразительностью она подчеркивала идею союза народов и несколько менее определенно право самоопределения.

В апреле месяце последовало вступление Америки в войну, что естественно придало особую жизненность энергичным стремлениям мистера Вильсона установить для союзников новые цели войны, влить в них моральное содержание.

Однако, сомнения и подозрения оппозиции утихли лишь на короткое время.

К оппозиции теперь, как и раньше, просачивались, часто через вражеские страны, сведения о том, что правительства играют с народом в темную, что тайные договоры не расторгнуты, несмотря на декларации о новых целях войны, что существуют еще и другие тайные соглашения, которые вообще не предаются гласности.

Так, например, старое русское правительство (незадолго до его падения в марте 1917 года) опубликовало соглашения, на основании которых союзники тайно обязались предоставить России Константинополь в виде военной добычи. Это было, между прочим, последнее усилие русского правительства упрочить свое положение, но оно имело противоположное влияние.

Американцу не легко понять ту горечь, с которой относились к этому в Европе, мы слишком мало знали о

тайных европейских договорах и еще меньше заботились о них. Наши национальные интересы ни в малейшей степени не были задеты ими. У нас не было также сплоченного либерального общественного мнения, как в Англии, которое могло бы образовать фронт против них. Мы, правда, знали, что Италия упорно торговалась, прежде чем встала на сторону союзников, но ведь шла война и, может быть, такие сделки являлись одной из ее необходимостей. Во всяком случае, в Америке значение именно этого тайного договора, Лондонского договора, никогда не было оценено с точки зрения заключения мира правильно, сам Вильсон не смог его определить. Даже ко времени мирной конференции почти никто, за исключением небольшого числа знатоков международной политики, не знал о нем, но и они имели самые поверхностные сведения. О несметном количестве других тайных договоров и соглашений, к которым были принуждены и в которых запутались европейские нации частью из страха, частью из алчности, не знал никто. Это равнодушие было характерно для нашей национальной изолированности.

Даже государственный департамент Соединенных Штатов, на который возложена особая обязанность быть в курсе международных отношений, повидимому, совершенно не интересовался тайными договорами и, если верить государственному секретарю Лансингу, имел о них мало или вообще никаких сведений. Когда читаешь собственные показания Лансинга перед комиссией Сената 6 августа 1919 года, не находишь слов от удивления:

„Сенатор Джонсон из Калифорнии: Были вы осведомлены о существовании договоров, заключенных с начала войны относительно территориальных уступок, предоставляемых самым различным участникам войны?

Государственный секретарь Лансинг: Лучше чем с каким-либо иным договором, я был знаком с Лондонским соглашением, которое устанавливало границы Италии.

Сенатор Джонсон: Были ли вам известны какие-нибудь другие соглашения между...

Государственный секретарь Лансинг: Нет.

Сенатор Джонсон: Знали ли вы по крайней мере об их существовании?

Государственный секретарь Лансинг: Нет.

Сенатор Джонсон: Знали ли вы вообще о том, заключались ли или нет какие-нибудь договоры во время войны?

Государственный секретарь Лансинг: Нет, так как я не уделял этим обстоятельствам никакого внимания".

Такие признания свидетельствуют не только о вопиющем неведении, но и о небрежности, граничащей с преступлением. Государственный секретарь легко мог бы получить необходимые сведения. Но и он разделял общую американскую точку зрения. Нам известно, что Лансинг имел однажды совещание относительно японских тайных договоров с экспертами исследовательской комиссии. Во всяком случае полученная им по кабелю от полковника Гауса нота от 15 ноября 1918 г. указывает, что он по крайней мере знал об этих договорах. Но худшее заключается в том, что по получении каблограммы, которая извещала о неожиданной готовности французского министерства иностранных дел кассировать все тайные договоры в целях привлечения на свою сторону Италии, он не принял со своей стороны никаких мер. Таким образом, вследствие недостаточного понимания значения этого обстоятельства, был упущен случай, который уже больше не повторялся.

Президент не располагал какими бы то ни было источниками действительной информации; правда, он и не делал никакой попытки, чтобы создать таковые. Из всех его сотрудников наиболее осведомленным был полковник Гаус, председатель исследовательской комиссии; во всяком случае он получал нужные ему сведения от компетентных властей.

Когда, например, мистер Бальфур в качестве британского комиссара явился в апреле 1917 г. к моменту об'явления Америкой войны в Вашингтон, он осведомил

полковника Гауса относительно различных, упомянутых выше договоров. Но полковник Гаус ответил, что они его мало интересуют, он считает более важным приложить все силы для победного окончания войны и в заключение заметил, что „они делят шкуру не убитого еще медведя“. После этого мистер Бальфур, насколько мне известно, не делал уже попыток обсудить эти обстоятельства с нашим правительством, так как полковник Гаус не захотел воспользоваться предоставленной ему возможностью; но Гаус не сообщил об этом и президенту. Дело в том, что советники президента не дооценивали значение всех этих обстоятельств. Они считали потерей времени обсуждение подобных вопросов, они полагали, что это будет мешать им всецело отдаться войне, а для них это и было важнейшей задачей. Как и вся страна, они верили, что стоит закончить войну, и все войдет в норму, только бы „поколотить кайзера“.

Точно так же и донесения наших послов обнаруживают полное непонимание ими значения тайных соглашений и возможного их воздействия на будущую мирную конференцию. Их случайные указания на дипломатические переговоры между союзниками являются чисто эскизными, часто неверными заметками суб'ективного характера.

Повидимому, они никогда не получали исчерпывающих информаций, а их неуклюжие вопросы имели следствием уклончивые ответы; не зная, что за ними скрывается, они не могли, конечно, правильно освещать эти факты. Поэтому их донесения не имеют ценности. Замечательно, что среди многочисленных, тщательно оберегаемых бумаг президента нет ни одного документа, который определенно и с исчерпывающей полнотой вскрыл бы сущность тайных договоров.

Вот что говорит президент 19 августа 1919 г. в ответ на вопросы Сената на совещании, состоявшемся в Белом Доме.

„Сенатор Бора: Когда впервые стали вам известны тайные договоры между Великобританией, Францией и

другими европейскими нациями относительно известных перегруппировок в Европе? Получили ли вы эти сведения только по прибытии в Париж?

Президент Вильсон. Да, целый ряд тайных договоров был впервые раскрыт передо мною в Париже.

Сенатор Бора. Следовательно, мы или, по крайней мере, наше правительство, ничего об этих тайных договорах до вашего приезда в Париж не знало?

Президент Вильсон. Государственный департамент, должно быть, имел сведения, но мне ничего не было известно.

Это конечно, не значит, что президент не догадывался относительно поползновений старой дипломатии как со стороны союзников, так и со стороны немецких государственных деятелей. В своих речах 1918 года он постоянно возвращается к вопросу о заключении сепаратных и тайных соглашений. Как и мр. Лансинг, он должен был услышать по ту сторону океана о договоре, который вовлек Италию в войну. Но только в Париже он научился ценить по достоинству критическую оценку старых дипломатических сделок. До этих пор он не сознавал, что они при каждом случае будут становиться ему поперек дороги. Но секретные протоколы Совета Десяти и Совета Четырех доказывают неопровержимо, что и в то время президент не слышал еще ни слова о некоторых договорах, например, о тайном договоре относительно Турции.

Конечно, чрезвычайно легко клеймить задним числом, неосведомленность Америки и „недостаток с ее стороны внимания“ к дипломатическим событиям высочайшей важности. Несомненно, это непростительно, но имеются и смягчающие обстоятельства. Америка никогда не обладала тщательно подготовленным, хорошо оплачиваемым, состоящим из профессионалов, дипломатическим корпусом, который мог бы хотя бы в отдаленной степени равняться с дипломатией европейских народов. Ее государственный департамент выдвигал временами отдельных выдающихся

государственных секретарей, но общий персонал был мало подготовленным и неспособным к дипломатической деятельности. Наиболее важные дипломатические посты в Европе были замещены во время этой величайшей из всех войн представителями правящей политической партии, среди них некоторые были, быть может, очень дельными людьми, но все они не имели никакой подготовки, не находились в курсе иностранных дел. Не было также хорошо поставленной информации.

Такое положение не является специфической традицией демократической партии или республиканской, оно было специфически американским. Правительство демократической партии увольняет республиканских чиновников как раз в тот момент, когда они начинают приобретать некоторый опыт, и заменяет их демократами, за ним следует республиканское правительство, которое поступает также. Вследствие этого получается, что с одной стороны стоят профессиональные дипломаты Европы и Азии, а с другой неизменные дилетанты Америки. Наш дипломатический корпус не только лишен всякой действительной подготовки, он не имеет даже ни малейшего представления о своих задачах. Ему недостает знания целей и традиций, страстишек и интриг европейской дипломатии. Ничтожная соломинка, показывающая опытному наблюдателю европейских канцелярий направление ветра в международной политике, для нас только соломинка, и поэтому мы без дальних разговоров выметаем ее, как сор. Наши неопытные дипломаты, ослепленные авторитетностью и испытанной техникой своих европейских коллег, слишком склонны простодушно принимать на веру их заявления. Если канцелярии союзных с нами держав считали необходимым и дозволенным тайное торгашество, не являлось ли обязанностью наших не искушенных дипломатов поразмыслить на счет мудрости своих коллег.

Но если нашей дипломатической службе недоставало солидных основ, недоставало понимания значения тайных

договоров, что можно сказать после этого о нашем общественном мнении?

Ураганом воинственных чувств занесенное в чужие края, оно считало эти лоскутья тайных соглашений затерявшимися в вихре ветра осенними листьями. Пожимая плечами, оно относило известия о них на счет немецкой или русской „пропаганды“.

Сам президент был убежден, что раз все союзники безоговорочно приняли его программу перемирия, первый пункт которой разрешал вопрос о тайной дипломатии, то на мирной конференции будет обеспечено свободное, публичное обсуждение всех отдельных спорных вопросов, совершенно независимо от ранее заключенных тайных договоров. Нации тем самым приняли на себя такое обязательство, и он уверен, что они сдержат свое слово; так утверждал он перед собравшимся конгрессом 11 ноября 1918 года. Эта доверчивость, может быть, ничем не оправдывалась, но президент верил в святость данного обещания, и поэтому на всем протяжении мирной конференции отказывался признавать основой для разрешения каких бы то ни было вопросов тайные договоры.

Когда был поднят вопрос о претензиях Италии, он заявил, что „не знает и не чувствует себя в праве решать, насколько Франция и Великобритания считают этот договор (лондонский тайный договор) совместимым с теми принципами, на которых надлежало бы построить мир. Он же со своей стороны должен указать, что не прибег бы к нему. Обсуждать этот вопрос на основании лондонского соглашения означало бы избрать базой для этого тайный договор. Он связан перед миром заявлением, что мы хотим создать новый порядок, в котором тайные сделки не будут иметь места. Лондонское соглашение непримиримо с общими принципами конференции. Конечно, он очень хорошо знает, что Лондонский договор был заключен при совершенно других обстоятельствах, и он отнюдь не желает критиковать уже сделанного. Но попытка раз-

решить вопрос на основании Лондонского договора поставила бы Соединенные Штаты Америки в невозможное положение" [1]).

В январе 1917 г. вновь стало пробуждаться заглохшее на время недоверие оппозиционных партий к правительствам союзных государств; одновременно с этим заколебалось военное счастье союзников и, быть может, грозила катастрофа.

В марте этого года пало старое русское правительство; царь был низвергнут, и первым актом революционного правительства (не большевистского) было опубликование программы (10 апреля), которая не только выставляла почти по всем пунктам такие же условия мира, как и президент Вильсон, но и давала понять, что Россия откажется и от прав, предоставленных ей тайными договорами. Когда же (6 ноября 1917 г.) власть перешла к большевикам, союзникам был нанесен новый уничтожающий удар. Большевики не удовольствовались одним только установлением общих принципов и намеками на свое отрицательное отношение к тайным договорам, они попросту предали их гласности. Но на всем свете нет ничего более тягостного и смешного, чем тайный договор, ставший общим достоянием. Большевики беззаботно впустили яркие лучи широчайшей гласности в затхлые тайники старого русского правительства.

Не было еще примера столь благодетельного значения гласности. Все компрометирующее содержание тайных договоров (насколько они были в то время известны) было опубликовано тогдашним большевистским комиссаром иностранных дел Троцким в „Известиях", официальном органе Советов, в ноябре 1917 г. Это дало Троцкому право сделать в своем манифесте заявление, получившее могучий отзвук у левых партий всего мира; оно заключалось в том, что отныне „народ получил документальные доказательства о тех заговорах,

[1]) Секретный протокол Совета Четырех, от апреля 1919 г.

которые тайком вынашивал финансовый и промышленный капитал совместно с своими парламентскими и дипломатическими агентами".

Конечно, опубликованные документы подверглись заподозреваниям и всюду выдавались за уловку „чисто большевистской пропаганды", но последующие события, в особенности во время заседаний мирной конференции, подтвердили их полную достоверность. Текст тайных договоров был опубликован большевиками в ноябре 1917 г., но прошло много недель, прежде чем первые номера „Известий" дошли до Западной Европы, хотя некоторые указания на содержание этих договоров сейчас же проникли в Европу и вызвали большое волнение среди оппозиционных элементов всех союзных стран.

Может быть, еще бо̀льшее значение имело то явное беспокойство, которое вызвало в иностранных ведомствах Великобритании, Франции и Италии совершенно неожиданное опубликование их тайных сделок; и в такой же степени—то воздействие, которое возымело необычное требование русских в Брест-Литовске, чтобы пароль „никакой тайной дипломатии" лег в основу мирных переговоров с Германией.

Государственные деятели Антанты знали, что факты, опубликованные в России, станут вскоре во всех подробностях известны всей Европе.

Они предвидели, что эти раскрытые сделки не только произведут плохое впечатление на оппозиционные элементы стран, и без того с трудом сдерживаемые, но и в Америке пробудят подозрения и сомнения, и Германии придадут новые силы для борьбы. Без сомнения это и было основной причиной, почему Ллойд-Джордж сделал немедленную же попытку успокоить рабочий класс и Америку опубликованием прогрессивной по содержанию, идеалистической по духу декларации о целях войны.

Среди бумаг президента находится нижеследующая многозначительная телеграмма Бальфура, в то время британского министра иностранных дел, от 5 января на

имя американского государственного департамента для представления президенту.

„Нижеследующее секретно и приватно довести до сведения президента:

„Продолжительное время между министром-президентом и рабочими организациями ведутся переговоры. Их цель коренится главным образом в желании правительства освободиться от известных обещаний, данных в начале войны вождям рабочих. Отказ от этих обещаний с точки зрения военных интересов крайне необходим для усиления нашей оборонительной способности на западном фронте. Наконец переговоры дошли до такого момента, когда успех их зависел от немедленного опубликования декларации о целях войны со стороны британского правительства. Такая декларация и последовала тем временем со стороны министра-президента. Она результат совещаний, как с рабочими вождями, так и с вождями парламентской оппозиции.

При указанных обстоятельствах не оставалось уже времени, чтобы обсудить также и с союзниками условия, относительно которых было достигнуто соглашение между министром-президентом и названными лицами. При более близком ознакомлении с ними обнаруживается, однако, что они согласуются с декларациями, исходившими, по этому вопросу, от президента.

Если бы президенту, в свою очередь, было угодно опубликовать изложение своих взглядов,—что могло бы оказаться желательным, ввиду послания большевиков ко всем народам,—то министр-президент питает уверенность, что подобная декларация будет также согласна с той точкой зрения, которая была выражена в предыдущих речах президента, тем более, что его принципы нашли столь горячий отзвук в общественном мнении Англии, а также других стран. Подобная декларация, конечно, была бы и ныне принята также горячо“.

В тот же день, как поступила эта телеграмма, 5 января 1918 г., Ллойд-Джордж произнес свою

зна[illegible]ую речь на Лондонском Конгрессе тред-юнионов; в ней он до известной степени воспринимал принципы, давно уже защищаемые президентом *Вильсоном*.

Со свойственной только ему глубокой политической проницательностью впитал он в себя комплекс этих идей, которые открывали перед ним новые просторы для широкой и энергичной деятельности. Ему было, прежде всего, важно удовлетворить рабочий класс и примириться с ним. В этой речи он прямо отрекается от империалистических целей войны союзников, в том виде, как их вскрывают отдельные тайные договоры, в частности относительно Турции. Покоренные земли Турции, заявил он, имеют право требовать „признания их собственных национальных условий". Прежние тайные соглашения не должны препятствовать свободному обсуждению союзниками будущих условий мира, так как крушение России коренным образом изменило положение вещей. Эти хорошо расчитанные слова относительно Турции имели двоякое значение: они заставили замолчать рабочих и успокоили в то же время мятежных магометан Индии, где англичане по мере сил старались увеличить число рекрутируемых. Однако, как мы знаем теперь, *Ллойд-Джордж* поостерегся отречься от других тайных договоров, как, напр., от договора с Японией относительно Шантунга и островов в Тихом Океане, которые впоследствии повлекли за собой такие тяжелые конфликты в Париже (они не были опубликованы большевиками, потому что они, повидимому, ничего не знали о них).

Единственная, по моим сведениям, английская газета, напечатавшая полный перевод опубликованных большевиками тайных договоров, была „*Manchester Guardian*" (от 12 декабря 1917 г.). За ним последовала в феврале 1918 г. небольшая брошюра „*National Labour Press*" в Манчестере, снабженная картами, выяснявшая значение этих договоров. Но зато все остальные газеты Англии, Франции, Италии и Америки, за малыми исключениями, хранили гробовое молчание по поводу их. При-

чина, конечно, очевидна. Война переживала тогда критический момент; если бы существование этих договоров стало известно—это вызвало бы тревогу и опасения, поднялся бы голос оппозиции. Хотя и Ллойд-Джордж, и президент Вильсон (14 пунктов) произнесли в январе 1918 г. свои знаменитые речи, и уже казалось, что новые основы мира обеспечены,—ведь весь мир встретил их с одобрением,—тем не менее голоса скептических и сомневающихся не смолкли окончательно. Оппозиционные партии, как и раньше, испытывали тревогу по поводу тайных договоров, не доверяли своим правительствам, и к тому же устрашающе росла усталость от войны.

Американского наблюдателя, который, подобно мне, явился в Европу в этот критический для войны момент, поражало и повергало в недоумение, как широко было распространено и какие глубокие корни пустило это недоверие и это недовольство.

11 мая 1918 года Лондонский „Herald", руководящий рабочий орган Англии, опубликовал все договоры в полном их об'еме, приложив соответствующие географические карты. В предисловии к ним газета писала:

„Мы ограничиваемся на текущей неделе опубликованием этих тайных соглашений, ибо считаем безусловно необходимым принять меры к тому, чтобы сведения о тайных целях войны, преследуемых Великобританией, нашли скорейшее и возможно более широкое распространение. Не считая нескольких похвальных исключений, вся пресса до сих пор хранила глубокое молчание относительно опубликованных большевиками договоров, и большая часть нашего народа все еще с удивлением и недоверием стоит перед этими „тайными договорами". В стране, которая хвалится своим демократизмом и борьбой за демократические цели, подобное положение и смешно, и опасно".

Но „Herald" не удовлетворился опубликованием этих договоров. В наглядном сопоставлении газета сравнивала

цели войны, как их излагали различные ответственные государственные деятели союзников, с теми тайными намерениями, которые вскрыли договоры. Для выяснения характера их влияния на оппозиционные партии, да будет мне позволено привести несколько таких сопоставлений, в виде образца.

Никакого расширения территории.

Заверения:

„Мы не воюем за расширение наших территорий". (М-р. Бонар-Лоу, в Нижней палате, 20 февраля 1917 г.).

Практика:

„Весной 1916 г. между союзными правительствами британским, французским и русским состоялось соглашение относительно будущих границ, определяющих сферу их влияния, и относительно расширения их территорий в Азиатской Турции".

„Великобритания получает южную часть Месопотамии с Багдадом и требует для себя гавани Хайфа и Акка в Сирии".

(Меморандум русского министерства иностранных дел от 6 марта 1917 г.).

Свобода малых государств.

Заверения:

„Это война... для освобождения малых государств". (Асквит, Гюилдхолл, 9 ноября 1916 г.

Практика:

„Нейтральная зона Персии должна быть включена в сферу влияния Англии".

(Русско-английское соглашение от 20 марта 1916 г.).

„Симпатия, с которой правительство его величества относится к справедливым притязаниям албанского народа...“

(Письмо иностранного ведомства к мисс Дюргам от 16 января 1918 г.).

„По присуждении... Валонской бухты, Италия обязуется... не противодействовать эвентуальным желаниям Франции, Великобритании и России, относительно раздела северных и южных округов Албании, между Черногорией, Сербией и Грецией“...

(Договор с Италией от 28 апреля 1915 г.).

Мы не должны забывать также, что Германия и Австрия в свою очередь усердно старались предавать гласности подобный же материал; опубликование тайных договоров, разоблачивших истинные цели и помыслы союзников, содействовало еще большему усилению военной партии Германии. Этим доказывалась правота их дела. Ибо немецкие вожди, с трудом уже поддерживавшие общественную бодрость духа, могли по праву сказать утомленному войной народу: „Вы видите теперь, за какие цели в действительности воюют союзники; их цель войны — раздробление Германии, Австрии и Турции и завоевания во всех частях света“.

Не подлежит ни малейшему сомнению, что оглашение тайного обещания союзников передать Румынии часть австрийского баната, целиком населенного славянскими народностями, а Италии — Далматинского побережья, вновь разожгло боевой пыл отнюдь не преданных Австрии кроатов и словенов против Антанты.

„Если таковы цинические намерения союзников, где же гарантия, что у союзников нам будет лучше, чем у центральных держав“,—вот что могли по праву спросить мелкие народности; так они и поступили позже, в Париже.

Если бы в эти критические дни президент Вильсон не настаивал так энергично на новых принципах мира, и если бы его воздействие на мирную программу не было с такой готовностью принято союзниками, оглашение этих документов имело бы, несомненно, еще худшее влияние и легко могло бы оказаться роковым. Всем было известно, что Америка ни в какой степени не связана этими договорами, и что президент решительно осуждал практику старой дипломатии. Было известно также, что Америка не преследовала никаких тайных или своекорыстных целей. Больше того! Президент предусмотрительно сделал все, чтобы в этом отношении быть безупречным.

Он не переставал повторять, что мы не „союзная“, а только „примкнувшая“ держава. Этим самым он хотел дать ясное представление, что мы не признаем себя связанными никакими предыдущими действиями союзников, что наоборот „мы оставляем за собою свободу решений“.

При первом же упоминании о тайных соглашениях на мирной конференции, он изложил свою точку зрения в следующих словах:

„В виду того, что Соединенные Штаты Америки не связаны никакими договорами (тайными), они вполне готовы признать соглашение на основании фактов“ [1]).

Президент, излагая свою программу мира, не упускал случая, чтобы не отметить своего отношения к этому вопросу. Так как скептические настроения в Европе росли, несмотря на его послание от января 1918 г., президент не переставал все настойчивее и все убедительнее развивать свои новые принципы мира. 11 февраля 1918 г. он изложил условия мира конгрессу; в марте он отправил послание Всероссийскому С'езду Советов (т. е. революционному, а не большевистскому правительству), в котором заявил, „что народы Соединенных Штатов всей душой своей с русским народом, стремящимся навсегда

[1]) Секретн. проток. Сов. Десяти от 1 февр.

освободиться от ига самодержавия и стать свободным вершителем своей судьбы". 4 июля в Mount Vernon'е он еще определеннее выражает свои освободительные принципы и устанавливает четыре пункта мирного соглашения. Я припоминаю, как потрясла эта речь Европу, как глубоко и сильно тронула она сердца недовольных и утомленных войною людей.

Президент, главным образом, обращался к либеральным и рабочим партиям. Он проводил резкую грань между желаниями правителей и их народов. Он хотел быть представителем „народов, а не правительств".

Больше всего он ненавидел старую дипломатию, и первый из 14 пунктов его программы определял идеал новой дипломатии следующим образом: „Явные мирные договоры, заключаемые при полной гласности, никаких сепаратных международных соглашений, ни в какой форме".

Этот пункт изложен слишком сухо; можно подумать, что он имел в виду допущение газетных корреспондентов на всякое совещание дипломатов. Действительная мысль президента самым ясным образом выражена в его письме на имя государственного секретаря от 12 июня 1918 г. (по каким-то странным причинам это место осталось неизвестным):

„Если я высказываюсь за гласную дипломатию, это не значит, что не должно быть никаких частных совещаний по вопросам деликатного свойства; нет, это значит, что все международные отношения, после их фиксации, должны быть для всех ясны и не оставлять места для подозрений".

Все нации приняли принципы Вильсона за основной базис мира: предстояло основать „новый порядок", новый союз. Вот, что воодушевляло могучие народные массы, когда они приветствовали Вильсона в декабре 1918 г. Но за их спиной притаился целый клубок странных хитросплетений. Америка не была связана ими; президент

ненавидел их и не признавал своей зависимости от них. Народные массы всей Европы, насколько они могли говорить, с горечью отклоняли их от себя. Но они, тем не менее, существовали, и существовали правительства, которые их создали и охраняли.

Понять содержание этих договоров также необходимо, как и те идеи, во всеоружии которых Америка пошла на мирную конференцию.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Условия важнейших тайных договоров 1915, 1916 и 1917 г.г.

Можно представить себе, что означали в действительности эти тайные договоры, какие сделки были посредством них заключены. Здесь будут фигурировать не только опубликованные большевиками в ноябре 1917 г. тайные договоры русского министерства иностранных дел, подтвержденные затем в Париже и неоднократно подвергавшиеся раз'яснениям; здесь найдут свое место и другие тайные сделки, как договор Сикс-Пико и тайные соглашения Ст. Жан-де-Мориенн относительно раздела Турции. Они неожиданно появлялись в полумраке мирной конференции и вызывали жестокие битвы. Подробности одного из важнейших тайных договоров, затрагивавшего интересы Соединенных Штатов, скрывались до тех пор, пока мирная конференция не приступила к обсуждению проблемы Тихого Океана. Я имею ввиду соглашение союзников с Японией относительно Шандуна и раздела германских островов в Тихом Океане между Японией и Британской Империей. До сих пор вообще опубликован только один из этих чрезвычайно важных договоров—Лондонский договор 1915 г., побудивший Италию принять участие в войне.

Целый ряд менее важных „соглашений" время от времени, точно случайно, выплывал на поверхность мирной

конференции, так, например, соглашение между Великобританией и Францией о разделе африканских колоний Того и Камеруна; соглашение относительно раздела Турции; соглашение относительно устройства железных дорог (и даже трубопровода от Месопотамии до Средиземного моря).

Некоторые тайные переговоры спокойно велись не только после вступления Америки в войну, не только после всеобщего признания программы президента Вильсона, об'явленной в январе 1918 г., они тянулись, как я докажу дальше, и весь 1918 г., до самой мирной конференции.

Старая дипломатия ткет свою паутину и теперь, еще смелее, еще решительнее, так как в этом ведь заключается ее мудрость. Не проходит и недели, чтобы мы не узнали о той или другой тайной сделке. Правда, нам открывают только уголок завесы, но тем не менее чувствуется, что в глубине сцены разыгрывается страшная драма.

1. Россия торгуется за Константинополь. — Великобритания обеспечивает себе права в Персии и Турции.

Первым по времени был заключен тайный договор между Великобританией и Францией с одной стороны и союзной с ними Россией с другой. Наше знакомство с сущностью договора основано на трех документах русского министерства иностранных дел от 4, 18 и 20 марта 1915 г. В первом документе Россия выражает „желание“ аннексировать Константинополь „при условии благоприятного окончания войны“. Согласие Франции и Англии испрашивается под условием, что их „притязаниям... в пределах Оттоманской империи и в иных местностях будет оказана надлежащая поддержка“. Вторым документом дается „полное письменное согласие“ британского правительства „на аннексию проливов и самого Константинополя Россией“. Третий и наиболее важный документ, которым завершается вся эта сделка и который вскрывает перед нами, какую добычу наметила себе Англия, мы приводим дословно:

Секретная телеграмма русского министра иностранных дел послу в Лондоне. № 1265.

Ссылаясь на меморандум здешнего великобританского правительства 12 марта 1915 г., благоволите высказать Грею глубокую признательность императорского правительства за полное и окончательное согласие Великобритании на разрешение вопроса о проливах и Константинополе согласно желаниям России. Императорское правительство вполне оценивает чувства великобританского правительства и уверено, что искреннее признание обоюдных интересов обеспечит навсегда прочную дружбу между Россией и Великобританией. Дав уже обещания касательно условий торговли в проливах и Константинополе, императорское правительство не видит препятствий к подтверждению своего согласия на установление: 1) свободы транзита через Константинополь товаров, не следующих из России, и не идущих в Россию, а также 2) свободы прохода через проливы коммерческих судов.

Императорское правительство вполне разделяет мнение великобританского правительства, что священные мусульманские места должны и впредь оставаться под независимым мусульманским владычеством. Желательно выяснить теперь же, имеется ли в виду оставить местности эти под властью Турции, с сохранением за султаном турецким звания халифа, или же предполагается создать новые самостоятельные государства, так как лишь в связи с тем или другим положением императорское правительство в состоянии будет формулировать свои пожелания. Со своей стороны императорское правительство считало бы весьма желательным отделение халифата от Турции. Свобода паломничества должна быть, конечно, вполне обеспечена.

Императорское правительство подтверждает свое согласие на включение в английскую сферу влияния нейтральной зоны Персии. При этом оно считает, однако, справедливым выговорить, чтобы районы городов Исфагани и Иезда, составляющие с последними одно неразрывное

целое, были закреплены за Россией в виду создавшихся там русских интересов.

Нейтральная зона ныне врезывается клином между русской и афганской границей и подходит к самой русской границе у Зульфагера. Поэтому придется часть этого клина присоединить к русской сфере влияния.

Существенную важность представляет для императорского правительства вопрос о железнодорожном строительстве в нейтральной зоне, каковой потребует дальнейшего дружественного обсуждения.

Императорское правительство рассчитывает впредь на признание за ним полной свободы действий в отмежеванной ему сфере влияния, с предоставлением ему, в частности, права преимущественного развития в этой сфере его финансовых и экономических начинаний [1])...

(Подп.) Сазонов.

Цель этого тайного соглашения достаточно ясна. Со времен Петра Великого Россия жадно посматривала на Константинополь и Дарданеллы; Россия стремилась проложить своей торговле свободный доступ к южным морям. Главным препятствием служила до сих пор политика Англии, которая старалась поддержать власть султана, державшего контроль над Босфором. Поэтому Россия ухватилась за первую возможность, открывшуюся ей благодаря войне, чтобы добиться от ее союзников права на присоединение этой турецкой области (протяжением в 1600 кв. миль) в случае счастливого окончания войны.

Но в этом заключалась только одна сторона сделки. В качестве вознаграждения за согласие Англии, Франции (а позднее Италии) на расширение ее владений и могущества, Россия обязывалась поддерживать „экономические интересы Великобритании и отнестись также благоприятно к политическим притязаниям Англии на иные местности“:

[1]) По тексту опубл. в „Изв. Ц. И. Ком.“ № 221, за 1917 г. *(Прим. перев.)*,

под „иными местами“ следовало разуметь Персию, Месопотамию и Египет.

В январе 1907 г. между Великобританией и Россией была заключена конвенция, в силу которой обе стороны обязались: „уважать целость и независимость Персии“, не отказываясь, однако, от создания в интересах торговли так наз. „сфер влияния“. Персов конечно при заключении этих тайных договоров, ни в 1907 г., ни в 1915 г., не спрашивали. Персия была первым мелким государством, которое обратилось к президенту Вильсону на Парижской Конференции с требованием осуществления права на самоопределение по отношению к ее народу.

На основании нового тайного договора от 1915 г. Великобритания получила контроль над нейтральной зоной Персии, между тем как России предоставлялась „полная свобода действий в Северной Персии“. Надо еще заметить, что британское правительство, которое владело подавляющим количеством паев Англо-Персидской нефтяной компании, получало таким образом новые источники нефти в новой „сфере своего влияния“. Названное общество располагает с 1901 г. сроком на 60 лет концессией на все нефтяные источники Персии, исключая северных областей, до сих пор находившихся под контролем России. Этот договор хранился в глубокой тайне от английского и французского (и конечно русского) народов почти вплоть до падения старого русского правительства. Соглашение это было опубликовано царскими министрами в надежде на то, что оно, суля русскому народу лакомый кусочек—осуществление давнишней мечты о завоевании Константинополя—укрепит шатавшийся уже трон царя. Но результат оказался противоположный. Революционные партии использовали этот договор, как доказательство двоедушия русского правительства, и поэтому первым делом революционной власти был отказ от требования территорий и провозглашение следующей платформы: „Никаких анексий, никаких компенсаций, право самоопределения народов!“

II. Лондонский тайный договор: Италия привлекается к участию в войне обещанием Далмации и других областей.

Вторым тайным договором был Лондонский договор от 26 апреля 1915 г., который привлек Италию к участию в войне; по сфере своего действия и по значению он был, быть может, самым важным тайным договором союзников. Он являлся главнейшим препятствием в ходе мирных переговоров. И Совет Четырех, и другие комитеты и комиссии посвящали контроверзам, которые с каким-то неистовством росли вокруг него, больше ценного времени, чем другим спорным вопросам Мирной Конференции. В начале войны Италия держалась в стороне, ведя торг с обоими противниками. Такая позиция давала ей прекрасную возможность удовлетворить национальное честолюбие. Одушевленный, по выражению итальянского министра иностранных дел синьора Саландра (18 октября 1914 г.), чувством sacro egoismo—священного эгоизма,—он избрал это чувство руководящим стимулом при переговорах с воюющими державами. 19 апреля Сонино довел до сведения Совета Четырех (см. секретные протоколы), что „Австрия предложила Италии Эч и острова". Но очевидно союзники в Лондоне могли предложить Италии более выгодные условия. Чтобы оправдать свое участие в этой сделке, тогдашний английский министр-президент мр. Асквит (в речи от 25 февраля 1920 г. в Paisley) заявил следующее: „Когда заключался договор с Италией, и мы, и французы боролись на западном фронте за свою жизнь... Итальянский договор, за который ответствен не только я, но и Франция и Россия в равной мере, представляет условия, на которых Италия согласилась присоединиться к нам... без сомнения этот договор означал для Италии, если бы мы оказались победителями, значительный прирост ее территорий".

Короче говоря, договор этот присуждал Италии старые итальянские области Трентино и Триест, графство

Герц и Градиска, Истрию и многочисленные острова. Далее, договор передавал Италии часть Тироля до Бреннера, сплошь населенную немцами в количестве 200000 душ, которые с 14 столетия принадлежали Австрии. Большинство жителей Истрии и Герц-Градиска были славянами, а не итальянцами. Кроме того, Италия получила Далмацию с лучшими ее гаванями (за исключением Фиуме) по восточному берегу Адрии, включая город и округ Валону в Албании.

Целый ряд мероприятий, нейтрализовавших области, примыкавшие к Адрии, превращал воды Адриатики в нечто вроде „внутренних вод“ Италии и предоставлял ей право контроля над всеми побережными гаванями (за исключением Фиуме), удобными для широкого ввоза товаров юго-восточной Европы. Австро-Венгрия окончательно лишалась этим договором доступа к морю и много сотен тысяч славян, албанцев и греков подчинялись господству итальянцев.

Но и этого не достаточно! Итальянцы должны были получить, кроме того, населенные исключительно греками острова в восточной части Средиземного Моря, а в случае раздела Турции, Италия приобретала право на такую часть в Средиземном море, которая равнялась доле Великобритании, Франции и России, т. е. на обширную область в Малой Азии, населенную греками, турками и другими народностями. И, наконец, Италии были обещаны территории в Африке на тот случай, если бы Франция и Великобритания „увеличили свои колониальные владения в Африке за счет Германии“.

На-ряду со всеми этими территориальными приращениями Италии гарантируется „часть военных компенсаций“ (здесь впервые упоминается оффициально этот институт), а также заем в Англии в сумме 50.000.000 фунтов стерлингов. Этими уступками было куплено участие Италии в войне.

Последняя статья этого договора (ст. 16) устанавливала, что „настоящий договор должен быть сохранен в тайне“.

И, действительно, этот договор был опубликован оффициально только 20 апреля 1920 г. Это единственный тайный договор, опубликованный оффициальным порядком. Неоффициально он был опубликован большевиками еще в ноябре 1917 г. Наиболее существенные пункты были давно уже известны даже в Германии и Австрии. Больше того, австрийские генералы всюду распространяли и расклеивали его, разжигая злобу кроатов и словенов против Италии; последние надеялись создать вместе с Сербией новые государства, а между тем их мнимые друзья, союзники, раздавали принадлежащие им земли и гавани Италии в виде награды. Несомненно, и на Балканах этот договор рассеял все иллюзии и заразил своим ядом. Вероятно он давал в руки Германии сильное орудие для восстановления Болгарии против союзников и для привлечения ее на сторону центральных держав. Во всяком случае не подлежит сомнению, что он вызвал озлобление и затянул войну.

III. Румынский тайный договор.

С Румынией случилось то же, что с Италией, с той только разницей, что Румыния колебалась дольше, на чьей стороне воевать. Оба противника предлагали заманчивые куски: Германия—Бессарабию, принадлежавшую России; а Россия—Трансильванию, принадлежавшую Австро-Венгрии. Но только 18 августа 1916 г. сделка была окончательно оформлена. В этот день союзниками был подписан договор, который присуждал Румынии не только Трансильванию, густо населенную румынами, но и плодоносные участки в Венгрии, и населенный по преимуществу сербами и венграми Банат, и принадлежащую Австрии Буковину с ее многочисленным рутенским населением. Этот договор тщательно скрывался Антантой от ее верного союзника, Сербии, и впоследствии вызвал немало горьких обид.

IV. Франция и Россия договариваются на счет контроля над Польшей и относительно раздробления Германии.

11 марта 1917 г., следовательно за месяц до об'явления войны Америкой, повидимому без уведомления Великобритании был заключен замечательный тайный договор между Францией и Россией. Его целью было „предоставить Франции и Англии полную свободу передвинуть западную границу Германии", под условием, что обе державы гарантируют России „такую же свободу при установлении ее границ между Германией и Австрией". Другими словами: Франция могла свободно решать, как поступить со всей Германией на запад от Рейна, а Россия получала за это свободу действия в Польше. Эти тайные документы имеют такую громадную важность, ввиду событий, разыгравшихся позже на Мирной Конференции, что я привожу их тут же [1]):

Документ № 1.

Петроград, 12 февраля 1917 г.

Копия в Лондон.

Секретно. — На высочайшей аудиенции г-н Думерг передал государю императору о желании Франции обеспечить себе, по окончании внешней войны, возвращение Эльзаса и Лотарингии и особое положение в долине реки Саар, а равно достигнуть политического отделения от Германии ее зарейнских областей, и устройства последних на особых началах, дабы река Рейн явилась на будущее время прочною стратегическою границею против германского вторжения. Думерг выразил надежду, что императорское правительство не откажется ныне же оформить свое согласие на эти предположения. Его императорскому величеству благоугодно было в принципе на сие соизво-

---

[1]) Нижеприводимые документы приводятся по тексту, опубликованному в «И. Ц. И. К.», № 221; 1917 г. *(Прим. перев.)*,

лить, вследствие чего я просил Думерга, по сношений со своим правительством, сообщить мне проект соглашения, которое могло бы быть оформлено обменом нот между французским послом и мною. Идя, таким образом, навстречу пожеланиям нашей союзницы, я считаю, однако, долгом напомнить точку зрения, высказанную императорским правительством в телеграмме от 24 февраля 1916 г., № 943, о том, что, „предоставляя Франции и Англии полную свободу в определении западных границ Германии, мы расчитываем, что в свою очередь союзники предоставят нам равную свободу в нашем разграничении с Германией и Австро-Венгрией". Поэтому предстоящий обмен нот по вопросу, поднятому Думергом, дает нам основание просить французское правительство, одновременно подтвердить нам свое согласие, на предоставление России свободы действий, в деле определения ее будущих западных границ.

Точные данные по этому вопросу будут нами в свое время сообщены парижскому кабинету...

(Подп.) Покровский.

Документ № 2.

Копия ноты русского министра иностранных дел французскому посланнику в Петрограде (Д. М. Думергу), 14 февраля 1917 г.

В ноте от сегодняшнего числа ваше превосходительство соблаговолили сообщить императорскому правительству, что правительство Республики предполагало включить в число условий мира, которые будут предложены Германии, следующие требования и гарантии территориального порядка:

1) Эльзас-Лотарингия будет возвращена Франции.

2) Границы будут расширены, по меньшей мере, до пределов прежнего княжества Лотарингии и будут установлены по усмотрению французского правительства, при-

чем должны быть приняты в соображение стратегические потребности, и включение во французскую территорию всего железопромышленного бассейна Лотарингии и всего углепромышленного бассейна долины Сарры.

3) Прочие территории, расположенные по левому берегу Рейна, входящие в настоящее время в состав Германской империи, будут совершенно отделены от Германии и освобождены от всякой политической и экономической зависимости по отношению к ней.

4) Территории левого берега Рейна, не входящие в состав французской территории, составят автономное и нейтральное государство и будут заняты французскими войсками до тех пор, пока враждебные государства окончательно не удовлетворят всех условий и гарантий, помеченных в трактате о мире.

Ваше превосходительство заявили, что правительство Республики было бы счастливо иметь возможность расчитывать на поддержку императорского правительства для приведения в исполнение своих намерений. По приказу его императорского величества, моего августейшего повелителя, имею честь от имени русского правительства сообщить в настоящей ноте вашему превосходительству, что правительство Республики может расчитывать на поддержку императорского правительства для приведения в исполнение своих намерений, выше изложенных.

Документ № 3.

Секретная телеграмма парижского посла русскому министру иностранных дел—11 марта 1917 г.

Мой ответ на телеграмму за № 167.

№ 2.—Правительство Французской республики, желая подтвердить всю важность и значение договоров, заключенных с русским правительством в 1916 г., в целях урегулирования по окончании настоящей войны вопроса о Константинополе и проливах согласно стремлениям России;

желая, с другой стороны, обеспечить своей союзнице в военном и промышленном отношении все гарантии, желательные для безопасности и экономического развития Империи, признает за Россией полную свободу в установлении ее западных границ.

Подпись: Извольский.

Намерение французов чрезвычайно прозрачно: они хотят обеспечить за собой Эльзас-Лотарингию, лотарингское железо и саарский уголь, а из рейнских провинций сделать буферное государство, на бесконечные времена подчиненное франкскому контролю.

Этот тайный договор был заключен 11 марта 1917 г., ровно два месяца после широковещательных заявлений союзников об их солидарности с мирными условиями президента Вильсона относительно „права самоопределения народов". Кроме того, 22 января президент выступил в защиту „единой, независимой и автономной Польши". Надо заметить, что англичане отрицали не только свое согласие на этот договор, но даже „покровительство этой идее". Английский министр иностранных дел м-р Бальфур, желая смягчить то впечатление, которое произвело опубликование большевиками этого договора в ноябре 1917 г., сделал 19 декабря 1917 г. следующее заявление в Нижней палате:

„Мы никогда не давали своего согласия на это дело... Никогда мы не желали этого, никогда не покровительствовали этой идее".

Через восемь дней после заключения этой тайной сделки между русским царем и французской республикой—пало русское правительство. И тем не менее, требования, выставленные Францией на мирной конференции, были почти тождественны с содержанием тайного договора от 11 марта 1917 г., с одной только разницей, что она старалась свои требования провести окольными путями.

V. Япония и Великобритания делят между собой бывшие германские владения на Дальнем Востоке.

Остается изложить еще один чрезвычайно важный тайный договор, который был заключен незадолго до падения царя. На самой конференции он ни разу не был оглашен, но он был знаком Совету Четырех в Париже и его различные пункты служили часто поводом для горячих споров на мирной конференции. Это был договор, или, по выражению барона Макино, „обмен мнений“ между англичанами и французами с одной стороны, и японцами с другой, который послужил основой для домогательств Японии на мирной конференции. Он имел в виду распределение германских прав и владений в Тихом океане.

Шандунская концессия в Китае вместе со всеми германскими островами севернее экватора, должна была достаться Японии, между тем, как Англия получала все германские владения на юг от экваториальной линии.

В то время, как велись эти переговоры, произошло настоящее qui pro quo: Япония должна была оказать помощь против подводных лодок (U—Boote), находившихся в Средиземном море, но, несмотря на принятые перед союзниками обязательства, она отказывалась выполнить их до получения требуемых гарантий. Переговоры тянулись свыше месяца, а положение в Средиземном море становилось настолько серьезным, что Великобритания была вынуждена согласиться 16 февраля 1917 г. с требованиями Японии. Когда 22 апреля 1919 г. это соглашение докладывалось перед Советом Трех (представители Японии отсутствовали), Ллойд-Джордж дал по этому поводу следующие пояснения:

„Мр. Ллойд-Джордж обращает внимание на то, что в то время подводная кампания приобрела прямо угрожающий характер. Большая часть миноносцев находилась в Северном море и потому в Средиземном море ощущался большой недостаток в этих судах. Помощь со стороны Японии была чрезвычайно необходима, и Япония настаи-

вала на заключение такого соглашения (относительно Шандуна и островов в северной части Тихого Океана). Мы находились в безвыходном положении и потому согласились“ [1]).

Ниже мы приводим точное содержание первого документа, датированного 17 февраля 1917 г., Токио, Япония. Он исходит от английского посла на имя виконта Мотоно, японского министра иностранных дел:

„Ссылаясь на наши переговоры от 27 прошл. месяца, при которых ваше превосходительство передали мне желание имперского правительства получить от правительства его величества короля Великобритании заверения в том, что оно будет на мирной конференции поддерживать требования Японии на права Германии в Шандуне, а также на острова к северу от экватора, честь имею довести до сведения вашего превосходительства согласно инструкций статс-секретаря по иностранным делам его британского величества следующее послание правительства его британского величества.

Правительство его величества с удовольствием идет навстречу желаниям японского правительства и заверяет его, что оно будет поддерживать притязания Японии на передачу ей германских прав в Шандуне и на владение островами к северу от экватора в случае мирных переговоров, под условием, что японское правительство в свою очередь при окончательном заключении мирного договора поступит также в отношении притязаний Британии на германские острова к югу от экватора“.

19 февраля 1917 года, когда были установлены важнейшие пункты соглашения, виконт Мотоно писал русскому и французскому послам „что и для Японии наступило время заявить о своих пожеланиях“, так как союзники приступили к переговорам относительно „судьбы Босфора, Константинополя и Дарданелл“. Поэтому он доводит до их сведения, что Япония „предполагает потре-

[1]) Секретные протоколы Совета Четырех от 11 мая.

бовать“ на мирной конференции, а именно уступки концессии в Шандуне и островов к северу от экватора. 1 марта Франция выразила на это свое согласие, в награду за что она потребовала участия Китая в войне на стороне союзников.

В этих словах заключалось деликатное предложение Японии не препятствовать выступлению Китая. Китай уже трижды предлагал свои услуги союзникам, но в первый раз его отговорила от участия в войне Великобритания под предлогом, что это будет нежелательно Японии: какой-то японский государственный деятель заявил, что „Япония не потерпит, чтобы 400 миллионов китайцев оказались с оружием в руках“. Позже Англия и Франция старались подействовать на Китай в обратном смысле, но и Япония, и Германия оказывали этому свое противодействие, хотя и воевали друг с другом. Наконец, и колебавшаяся все время Россия, испуская последний свой вздох, согласилась на этот договор.

И только под конец, когда все уже совершилось, Япония удостоила своим доверием и Италию.

Этот договор был причиной самых тяжких кризисов, которые переживала мирная конференция, и сыграл решающую роль в т. н. „Шандунском соглашении“.

И этот договор был также заключен после того, как в январе 1917 г. союзники по предложению президента Вильсона, торжественно заявили, о своих принципах будущего мира; правда, до вступления Америки в войну в апреле месяце.

VI. Режут Турцию.

Самой ценной и самой богатой военной добычей была, конечно, Турецкая Империя. Можно было предвидеть, что в борьбе за эти несметно богатые земли старая дипломатия употребит все свои испытанные средства. Так и случилось. Здесь обнаружилось изумительное множество тайных договоров, „arrangements“ и „соглашений“, очень хитро сплетенных, чрезвычайно поучительных, наглядно

разоблачающих истинные цели и методы „старого порядка". Но в то же время здесь выступают также и новые взгляды дипломатии, особенно ясно обнаруживающиеся в вопросах о нефти, железных дорогах и трубопроводе. Тайные переговоры относительно Турции не прекращаются и после вступления Америки в войну, они не прекратились и после принятия 14 пунктов, как основы для мирного договора, несмотря на их отрицательное отношение к тайной дипломатии и даже после соглашения (п. 12) относительно Турции. Увы, они тайно велись между Великобританией и Францией и после открытия мирной конференции.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Турция как добыча.—Условия тайных договоров о разделе Турции.

Теперь мы переходим к группе „тайных договоров“, „соглашений“ и „переговоров“, которые бросают яркий свет на происки старой дипломатии, к тем тайным сделкам, которые распределяли всю Турецкую Империю между отдельными державами союзников. В настоящее время мы имеем возможность не только огласить все условия этих договоров, но и проследить их чрезвычайно бурную и поучительную историю на мирной конференции, где в тайных совещаниях раскрывались истинные помыслы народов. Турция, несомненно, была самой богатой добычей войны, еще богаче, чем Шандун. Правда, имелись еще колонии в Африке и острова в Тихом Океане, узкие пограничные полосы в Европе, подобно Эльзас-Лотарингии и Далмации, но ни одно из этих владений не могло сравниться с нетронутыми, первобытными богатствами старой Оттоманской Империи. Здесь находились девственные источники нефти, медь, серебро и залежи соли; чрезвычайно плодородные пахотные земли, которые при помощи инженеров-гидротехников принесли бы громадные урожаи, и прежде всего здесь находилось многочисленное, привыкшее к тяжелому труду, население, которое, при устойчивой правительственной власти, могло бы создать крупные богатства и развить обширную торговлю.

Раздел Турции должен был повлечь за собой новые соглашения относительно Египта и открывал возможность эксплоатации другой старой монархии — Персии. Господство над восточной частью Средиземного моря зависело от владения пограничными городами Малой Азии, Сирии и Палестины.

Германия ясно сознавала чрезвычайно большое значение Ближнего Востока. Перед войной она проектировала постройку железнодорожной линии Берлин-Багдад, и частью этот проект осуществила, изо всех сил стремясь к „мирному вторжению“ на восток. Ведь и мировая война рассматривалась прежде всего, как борьба за господство на Ближнем Востоке.

Поэтому было вполне естественно, что дипломаты союзников сейчас же после об'явления войны стали усердно заниматься вопросом, как быть, если победят они, а Германия проиграет войну? Как надлежит поступить тогда с Турцией?

Заключение договоров с Италией и Румынией, даже с Японией, союзники могли оправдать необходимостью склонить эти народы к участию в войне с Германией. Но по отношению к договорам о Турции, за исключением разве соглашения относительно передачи Италии узкой полосы турецких владений, для оправдания не было оснований. Вся эта сделка самым откровенным образом говорила о разделе военной добычи.

Тайные переговоры начались сейчас же после об'явления войны, и весной 1915 г. уже появился на свет божий первый тайный договор между союзниками, суливший России, „в случае успешного окончания войны“, удовлетворение ее давнишних вожделений, передачу Константинополя, за что Англия должна была получить некоторые, правда, не совсем ясные, но потому более широкие „компенсации... в пределах Оттоманской Империи и в других местностях“.

До сих пор все обстояло благополучно. Но приблизительно в это же время союзники пустили в ход и небо, и землю, чтобы втянуть Италию в войну. Германия и Австрия

морочили Италию блестящими предложениями, чтобы перетянуть ее на свою сторону. Италия сознавала свою силу и торговалась с союзниками из-за каждого чентезима. Она, в свою очередь, жадными глазами посматривала на турецкую сокровищницу и лондонским договором выторговала себе „право, в случае раздела Турции, получить владения в Средиземном море, соответствующие долям Великобритании, Франции и России, а именно: часть территории примыкающей к провинции Адалии".

Эти „права" и „доли участия" были чрезвычайно неопределенны—только доля Италии была окончательно установлена,—что в высокой степени огорчало дипломатов, особенно французов. Дело в том, что Англия сейчас же завязала переговоры с арабским королем Гуссейном относительно образования независимого арабского государства в виде компенсации за помощь арабов в войне. Французы боялись, поэтому, что британцы станут слишком сильны в этой части вселенной и слишком прочно засядут в Турции. Поэтому они возобновили переговоры со своим старым другом, Россией, и потребовали „задатка" от Англии. В результате явились два новых тайных договора, которые касались уже исключительно раздела Турции.

Первый договор между Россией и Францией, договор Сазонова — Палеолога (меморандум русского дореволюционного министерства иностранных дел, датирован, однако, мартом 1917 г.) касается раздела североазиатской Турции. В силу этого соглашения Россия получала невероятную область в 60000 кв. миль, между персидской границей и Черным морем с богатыми залежами меди, серебра и соли. В эту же область, кроме того, были включены крепость Эрзерум и важная гавань Трапезунд.

Французам, в свою очередь, был присужден жирный кус, который тянулся в юго-западном направлении до Средиземного моря, его точные границы должны были быть определены соглашением с Англией,

Когда таким образом распределили северную Турцию, был заключен второй договор между Францией и Великобританией относительно обширнейших областей южноазиатской Турции. При этих переговорах Великобританию представлял сэр Перси-Сикс (Percy Sykes), а со стороны Франции Пико, поэтому и тайный договор, заключенный в мае 1916 г. был назван договором Сикс-Пико.

Франция получала всю важную сирийскую границу со всеми гаванями на Средиземном море к югу от Акки, за исключением Александретты, которая оставалась открытой для британской торговли. Кроме того, ей был присужден обширный гинтерланд, целое государство, которое простиралось до Тигра.

Великобритания получала в непосредственное управление только средиземные гавани Акку и Хайфу и часть Месопотамии между Багдадом и Персидским заливом, „аккуратный" кусочек земли с богатейшими источниками нефти и ценной пахотной (после оросительных работ) землей.

Вне этих притязаний к северу от Арабского полуострова находилась обширная турецкая земля с важными городами Дамаском, Гемсом и Алеппо, участь которых еще не была решена. Эта область была намечена для образования гипотетического „Арабского государства" или „Союза арабских государств", о чем Франция и Англия полагали договориться позже. Но и эта область была разделена на зоны влияния, в которых отдельные державы должны были пользоваться „преимущественными правами при открытии местных предприятий и при заключении займов", а также „исключительным правом приглашать иностранных консультантов и служащих".

Оставалась только Палестина: ее судьба должна была решиться последующими сделками.

Этот тайный договор, однако, касался не только раздела территорий: он содержал также торжественное обязательство французов и англичан не предоставлять ни одной другой нации никаких прав на всей этой обширной

территории старой Турецкой Империи;—это было, конечно, направлено против их же союзников, итальянцев.—Кроме того, были составлены проекты экономического под'ема страны устройством новой железной дороги прямо из Багдада в Алеппо, благодаря чему Великобритания получала для своей месопотамской нефти выход в море, к Александретте.

Но не успели французы и англичане подписать свои тайные договоры, как итальянцы стали обнаруживать чрезвычайное недовольство: они окольными путями, известными только старой дипломатии, пронюхали о договорах. Итальянцы поняли, что Франция таким путем намерена обеспечить себе значительную большую долю в Турции, чем присужденная Италии лондонским договором.

Вследствие этого начались новые тайные переговоры, на этот раз с участием Италии, которые тянулись целый год вплоть до об'явления войны Америкой, вплоть до декларации союзников о своих бескорыстных целях войны.

В апреле 1917 г. (в апреле Америка об'явила войну) Ллойд-Джордж встретился с французами и итальянцами в Ст. Жан-де-Мориенн и старался вновь установить между ними согласие и удовлетворить итальянцев. Еще другие важные вопросы стояли в порядке дня: вопрос о сепаратном мире с Австро-Венгрией, ставший актуальным вследствие посланий папы; вопрос о ведении войны на Ближнем Востоке, для чего и французы, и англичане нуждались в неограниченной помощи итальянцев, а итальянцы никогда не оказывали своего содействия даром!

Чтобы добиться этой поддержки, Ллойд-Джордж предложил уступить итальянцам Смирну и иные турецкие земли.

Надо припомнить, что его министр иностранных дел, мр. Бальфур, находился в то время как раз в Америке, чтобы воодушевить американцев к более энергичному участию в войне. В заседании Совета от 11 мая 1919 г. он заявил перед Вильсоном и Клемансо:

„В мое отсутствие мр. Ллойд-Джордж в Ст. Жан де Мориенн согласился, несомненно, по причинам, казавшимся ему чрезвычайно важными, на передачу под известным условием Смирны итальянцам“ [1]).

Но итальянцы даже и этим остались недовольны. Переговоры тянулись до августа и в конце концов Италия получила не только Смирну, но и зону влияния, населенную преимущественно греками и турками. Однако, договор этот был поставлен в зависимость от согласия России. Но русское правительство, как раз в этот момент свергнутое революционерами, не могло уже дать своего согласия. Из-за этого на мирной конференции возник бесконечный ряд контраверз, подымался вопрос о степени обязательности для Франции и Великобритании обещаний, данных ими итальянцам в Ст. Жан де Мориенне?

В январе 1918 г. президент Вильсон предложил свои четырнадцать пунктов в качестве основы для мирного договора, а 5 января Ллойд-Джордж оповестил весь свет, что союзники не связаны отныне никакими тайными договорами, и вопрос о Турции может быть свободно решен в будущем. И тем не менее тайные переговоры беспрерывно продолжались: слишком заманчива была добыча.

В ноябре 1918 г., ввиду перемирия с Германией, программа президента была единогласно принята всеми, как основа предстоящего мира. Первый пункт этой программы содержит требование гласной дипломатии, а 12-ый относится к Турции. И тем не менее эти тайные переговоры между британцами и французами относительно их притязаний на Турцию шли своим чередом. У нас имеется на то неоспоримое доказательство в словах самого Пишона, французского министра иностранных дел, сказанных им в секретном заседании Совета Четырех от 20 марта 1919 г., происходившем в покоях Ллойд-Джорджа.

Г. Пишон заявил в заседании, что после заключения соглашения с итальянцами в 1916 г. „происходила еще

[1]) Секретн. проток. Совета Четырех от 2 мая.

более обширная переписка и более оживленный обмен нотами между Францией и Великобританией", по поводу притязаний на Турцию.

Конечно, эти переговоры хранились в тайне, но теперь недовольной стороной оказывается уже Англия. Она большую часть борьбы вынесла на себе, без поддержки французов, и поэтому требовала для себя больше прав на Турцию. Ллойд-Джордж чрезвычайно искусным жестом, отпихнув в сторону старые договоры относительно Турции, достиг не только того, что успокоил рабочий класс Англии, не только вновь оживил мобилизацию Индии, где магометанское население страшилось за участь Турции, не только засвидетельствовал свою солидарность с президентом Вильсоном, но еще внушил такой страх французам, что они немедленно согласились, ценою пересмотра, купить утверждение договора Сикс-Пико.

Еще не было такого искусного хода! В трояком направлении Ллойд-Джордж сразу же достиг своей цели, как в сфере старой, так и новой дипломатии. Он встал на сторону гласной дипломатии Вильсона и в то же время выиграл свою долю в тайных сделках с французами.

И в этом случае мы сошлемся на доклад Пишона.

„В виду того, что осложнения между обоими правительствами продолжались, и французскому правительству было важнее всего добиться окончательного компромисса, председатель совета (Клемансо), посетив в декабре 1918 г. Лондон, просил м-ра Ллойд-Джорджа утвердить соглашение между обеими странами. М-р Ллойд-Джордж ответил, что он не видит никаких затруднений для утверждения прав Франции на Сирию и Киликию, но он с своей стороны должен потребовать некоторых территорий, которые, по его мнению, должны быть включены в британскую зону и которые по договору 1916 г. находятся в зоне французского влияния, а именно Моссул. Он требует также Палестины" [1]).

---

[1]) Секретн. протокол «Совета Четырех» от 20 марта.

Это случилось по окончании войны в декабре 1918 г., после того как союзники—и это необходимо усиленно подчеркнуть—приняли 14 пунктов Вильсона за основу мирного договора. Это было, следовательно, в то время, когда президент снаряжался в Европу, чтобы содействовать заключению мира.

Но и на этом не кончились споры. Даже после открытия мирной конференции они продолжались частным образом (без ведома „примкнувших“ американцев и „союзных“ итальянцев) между французами и англичанами. Французы старались изо всех сил не уступать Англии, и только 15 февраля—через месяц после открытия мирной конференции — Клемансо дал свое окончательное согласие на требования Англии.

Затруднения заключались в установлении новой демаркационной линии. Французы настаивали на сохранении за ними всего гинтерланда Сирии, англичане же требовали, чтобы линия была передвинута на северо-запад и т. о. им был обеспечен оазис Тадмор и полный контроль над будущей железнодорожной линией между Багдадом и гаванью Халфой, на Средиземном море. Короче, настаивали на железнодорожной линии, которая проходила бы исключительно по зоне их влияния, так как иначе в случае войны, французы могли захватить запасы месопотамской нефти. На этом пункте и споткнулся торг между обоими сторонами, когда 20 марта Ллойд-Джордж созвал в своих покоях совещание, на котором и раскрылись все осложнения. Как я уже сказал, заседание 20 марта было одним из самых продолжительных и памятных совещаний мирной конференции. Оно состоялось задолго перед тем, что была официально признана практика небольших конфиденциальных совещаний „Великой Четверки“. В то время Совет Десяти считался официальным установлением, вследствие этого совещание 20 марта держалось в секрете от остальных членов, и протокол о нем не был включен даже в отчет Совета Четырех и поныне там не находится.

Большая часть заседаний „Великой Четверки“ происходила в рабочей комнате президента Вильсона, это же заседание состоялось в помещении Ллойд-Джорджа, на улице Нито. Президент Вильсон представлял Америку, Клемансо, Пишон и Бертело — Францию, Орландо и Соннино—Италию.

Это заседание считалось, повидимому, окончательным. Президент Вильсон только что вернулся из Америки. Перед своим от'ездом он провел два важных положения: 1) после ожесточенных битв было принято, что контроль над „прежними Монархиями“ и над бывшими немецкими колониями должен осуществляться на основе мандатов; 2) он совершенно открыто изложил (1 февраля. Совет Десяти) американскую точку зрения на прежние тайные договоры, хотя в то же время он знал слишком мало о них и не имел представления о грандиозной сети тайных дипломатических взаимоотношений, которая должна была еще раскрыться.

„Так как Соединенные Штаты не связаны ни одним из названных (тайных) договоров, они вполне готовы признать мир на основе фактов“.

По всем видимостям, это заявление президента было предметом тяжких раздумий, во время его отсутствия. Что он имел в виду? Как далеко он намерен пойти? Если система мандатов действительно будет принята за единственно допустимый принцип международной политики, то ведь это же значит „Knockout“ для целого ряда заманчивых доходных статей, в форме зон влияния, на что так падки были старые дипломаты. Это значило бы, напр., „открытые двери“, а какая польза от колониальной экспанзии без экономического контроля и привилегий?

И даже мир „на основе фактов“! Старый порядок хотел территорий, а не фактов. Это же значило раскрыть двери для всякого рода выяснений не того, что хотели великие державы: нефти, серебра, меди, трубопроводов, а того, что нужно было для блага народов, населявших эти области, о чем никто до сих пор не по-

мышлял. Понятие „фактов“ было враждебно всем этим щекотливым вопросам о нефтяных источниках, о контроле над железными дорогами, о господстве над морскими гаванями и каналами, вооружении туземцев, крепостных сооружениях, даже о таможенной и финансовой системах.

Если бы оба эти принципа были осуществлены, они взорвали бы старую дипломатию и лишили бы тайные договоры последних остатков их значения и ценности.

В этом заключался смысл совещания 20 марта. Французы повесили на стене кабинета Ллойд-Джорджа большую карту Азиатской Турции, на которую красками была нанесена вся история тайных переговоров. Мне кажется, что здесь впервые президент Вильсон услышал кое-что о договоре Сикс-Пико или о соглашении в С-т Жан де Мориенн. Припоминаю, с каким отвращением говорил он мне об этом договоре: Сикс-Пико... это звучит, как „новая чайная фирма“, „хороший образчик старой дипломатии“.

Пишон открыл заседание длинным докладом, в котором подробно изложил всю историю раздела Турции, защищая притязания Франции и возражая против дополнительных требований Англии. За ним последовал Ллойд-Джордж с защитой английских домогательств, причем упрекнул французов в том, что они прихватили лишнее у арабов. Наконец, он прямо заявил, что англичане вели войну в Турции почти без помощи французов и потому они в праве требовать признания своих заслуг.

В нижеследующем приводим некоторые его заявления:

„Он просил французское правительство о содействии и обратил его внимание на то, что такое содействие предоставило Франции возможность занять Сирию, хотя английские войска в то время не оккупировали еще Газы. Это произошло в 1917 и 1918 г., как раз тогда, когда британские войска терпели самые тяжкие потери во Франции. С того времени британским войскам приходилось во Франции выносить на себе главные удары беспрерывных сражений, хотя маршал Петэн и пред-

принял ряд небольших и успешных наступлений. Это было одной из причин, которые давали ему право потребовать войск от маршала Фоша (для применения в Турции); он упомянул об этом в целях пояснения, что мы (англичане) так горячо сражались в Палестине не потому, что не были вынуждены сражаться во Франции".

Мр. Ллойд-Джордж сообщил затем о тайном соглашении с арабским королем Гуссейном, которое было старше договора Сикс-Пико. Тут обнаружилось, что даже французы ничего не знали о нем. И от них это было скрыто!

Вот ответ Пишона:

„М. Пишон заявил, что это соглашение было заключено Англией самостоятельно; Франция не знала о нем совершенно, пока несколько недель тому назад сэр Морис Гэнкей (Hankey) не вручил ему копии этого договора.

Мр. Ллойд-Джордж ответил, что соглашение действительно заключено только Англией, но ведь и Англия же организовала весь сирийский поход. Без Англии вообще не было бы и сирийского вопроса. Великобритания выставила против Турции от 900.000 до 1.000.000 людей, и тем не менее была необходима помощь арабов. Это пункт, о котором может дать сведения генерал Элленби (Allenby).

Генерал Элленби подтвердил, что помощь арабов была чрезвычайно ценна.

Г. Пишон заметил, что это никогда не оспаривалось, но как можно связывать Францию договором, который оставался ей неизвестным даже при заключении соглашения 1916 г.

В тот момент, когда спор грозил принять острый характер, президент Вильсон вмешался в него открыто поставив вопрос о целях своего пребывания на мирной конференции?

Президент Вильсон об'явил, что он не предполагает противопоставлять своей точки зрения конференции. До сих пор он не занимал особой позиции. В качестве одного

из собравшихся на конференцию представителей, он, подобно своему коллеге, синьору Орландо, здесь только для того, чтобы восстановить мир. Это единственная его цель, хотя он дружески расположен к обеим сторонам. Он ни в коем случае не относится равнодушно к соглашениям, заключенным между британским и французским правительствами; ему было бы интересно ближе ознакомиться с обязательствами, принятыми по отношению к королю Гуссейну, и с соглашением 1916 г., но он не позволит себе высказывать о них свое мнение.

В связи с этим он сделал различные замечания, в которых еще раз самым ясным образом изложил точку зрения и программу Америки.

Прежде всего право народов на самоопределение. Вот его слова:

„Соединенные Штаты Америки не коснулись бы притязаний как Великобритании, так и Франции на власть над народами, если только народы на это владычество согласны; но одним из основных принципов, за который твердо держатся Соединенные Штаты,—является согласие управляемых. Эта идея вошла в плоть и кровь Американских Соед. Штатов. Поэтому они хотят знать, насколько угодна Франция сирийцам. Тот же вопрос встает и по отношению к Великобритании, приемлема ли ее власть для жителей Месопотамии. Может быть, все это не его дело; но если бы этот вопрос стал его делом, будучи предложен на рассмотрение конференции, то он считал бы единственным средством его разрешения—ознакомление с желаниями населения этих областей“.

Во-вторых, он не желает мира на основании сделок тайной дипломатии, а на основании фактов.

„Настоящий спор разрастается в событие, которое затрагивает спокойствие всего мира... Ему сказали, что если Франция будет настаивать на оккупации Дамаска и Алеппо—это вызовет немедленную войну. Поэтому он предлагает организовать комиссию для обследования Тур-

ции и готов точно определить, в чем должны заключаться ее задачи.

Ее задачей должно быть исследовать состояние общественного мнения и условий, среди которых придется действовать будущему мандатарию. Ее следует обязать по возвращении представить конференции отчет. Это убедило бы всех, что конференция в пределах своих сил сделала все возможное, чтобы найти научное обоснование мирного соглашения. Комиссия должна быть образована в составе равнаго числа французских, британских, итальянских и американских представителей. Им должна быть предоставлена carte blanche для изложения фактов в том виде, как они их нашли".

Чем больше отстаивал президент эти идеи, тем больше росла в нем энергия и воодушевление.

Г. Клемансо высказался „в принципе"—любимое выражение дипломата, за обследование, и если бы оно состоялось, то он просил бы, чтобы оно коснулось не только Сирии и французских требований, но в одинаковой степени Палестины и Месопотамии и английских притязаний. Ллойд-Джордж также принял „в принципе" это предложение, но сделал это чрезвычайно холодно. Тем не менее президент счел свое предложение принятым.

Когда я вскоре после этого встретился с ним, он с большим одушевлением стал развивать передо мной свой план.

„Беккер, для этой комиссии мне нужны самые способные из здешних американцев!"

Он спросил, не могу ли я предложить ему каких-нибудь лиц. Я назвал президента Генри Черчиля Кинга (King) из Oberlin College, человека большого ума и возвышенных идеалов. Вильсон просил меня немедленно же снестись с Кингом. В комиссию был избран Кинг вместе с Чарльзом Р. Крэном (Crane).

Но Франция уклонялась от избрания своих представителей, а британцы колебались то в ту, то в другую сторону, и, наконец, потеряв много времени, американцы

комиссары выехали в Турцию одни, произвели там обследование и вернулись обратно с отчетом.

Дальнейшую судьбу турецкого вопроса я изложу в последующих главах, здесь мне хотелось только осветить методы старой и новой дипломатии. Здесь достаточно отметить, что предложение Вильсона создать незаинтересованную комиссию не дало никаких результатов, так как оно подверглось саботажу со стороны французов при молчаливом одобрении англичан.

Но одну характерную черту этой борьбы надо все-таки указать, так как она удачно иллюстрирует стремления тайной дипломатии не только к политической и территориальной экспансии, но—что, пожалуй, значительно важнее—к немедленной экономической эксплоатации чужих территорий. Хотя ни один пункт турецкого вопроса не был еще разрешен, хотя еще не было никакого мира, тем не менее на заседании 22 марта совершенно неожиданно выяснилось, что чрезвычайно влиятельные английские и французские круги ведут между собою переговоры относительно постройки трубопровода от месопотамских нефтяных источников до порта Триполи во французской Сирии. Эти переговоры велись со стороны английских заинтересованных кругов м-ром Вальтером Лонгом, хотя Ллойд-Джордж и заявил на заседании чрезвычайно убедительно, что об этом ему (Ллойд-Джорджу) ничего не было известно. С французской стороны переговоры вел г. Беранже, и г. Клемансо точно также отрицал, что он был посвящен в это дело.

„Он (Клемансо), как гласят секретные протоколы, только сегодня утром узнал о переговорах относительно постройки трубопровода между г. Беранже и некоторыми англичанами, заинтересованными в нефтяном деле. Подробности ему совершенно неизвестны. Вопреки вчерашним предположениям Ллойд-Джорджа, он точно так же не особенно заинтересован в этом деле“.

На это Ллойд-Джордж возразил:

„Он ничего не знает о трубопроводе, и ему было бы очень неприятно, если бы он знал об этом раньше. Повидимому, происходили переговоры между парижскими и лондонскими представителями нефтяной промышленности. Как только Клемансо выразил по поводу этих соглашений свое неудовольствие (г. Клемансо возразил, что он говорил о совершенно другом), он тотчас же анулировал все это дело. Он не чувствует никакой склонности вмешиваться в дела нефтяных трестов Лондона, Америки или Парижа, так как опасается, что они вредят всей торговле. Вследствие этого, он вчера же днем написал г-ну К л е м а н с о, прося прекратить всякие переговоры о нефти".

В связи с вышеизложенным я упомяну еще, что все частные соглашения касались все больше и больше экономических интересов, и в этом сказывался дух времени. Главное содержание договора Сикс-Пико составляли политические вопросы, хотя и с сильной примесью экономики; наиболее поздний франко-турецкий договор (1921 г.) является чисто экономическим: французы отказались от ряда политических преимуществ в интересах более широких экономических выгод.

В примыкающих к договору Сикс-Пико соглашениях относительно постройки железных дорог и трубопроводов экономические интересы одержали верх над политическими замыслами. Подобные экономические „сделки" заключаются сейчас по всем углам света. Хотя они вращаются главным образом вокруг производства и товарного обмена, тем не менее, они оказывают решающее влияние на судьбу туземного населения и на целую сеть международных отношений. Хотя в эти сделки вступают промышленные и финансовые круги, а не дипломатические агенты, за ними все же стоят правительства с их вооруженной силой. Старый порядок меняет свои методы, но не свой образ мыслей.

Таковы были в общих чертах желания, потребности и притязания союзных правительств, насколько они выразились в тайных договорах. Так, в случае победы они хо-

тели поделить между собою мир. Хотя они делали вид, что борются с империализмом Германии,—они в действительности сами стремились к непомерному расширению сферы своего империалистического и экономического воздействия. Они скрывали эти тайные сделки даже от своих народов, ибо боялись их влияния на рабочую массу и демократию. Они прятали их также от своих мелких союзников, как Сербия, и утаивали их от Америки, как до, так и после ее вступления в войну. Эти договоры, благодаря опубликованию их большевиками, дойдя до вражеских стран, приобрели там особое значение, они сыграли у них роль пороха и свинца, пожалуй, целых армий. В руках вражеских полководцев они стали лучшим доказательством того, что союзники в действительности борются за завоевание всего мира.

Наконец, благодаря этим тайным договорам, взошел богатый посев недоверия, вражды, обманутых надежд, которые дважды чуть не погубили мирную конференцию. Благодаря им прения носили злобный характер, и окончательные решения вырывались силой и появлялись в изуродованном виде.

Я хорошо сознаю, что мною нарисована мрачная картина, но фактам надо смотреть прямо в лицо, если хотят получить точное представление об атмосфере, в которой протекали мирные переговоры. И, несмотря на все это, президент не только продолжал неутомимо и бесстрашно бороться против соглашений, основанных на старых тайных притязаниях и сделках, но терпеливо закладывал основы союза народов, которые должны были в будущем упразднить всю эту позорную систему тайной дипломатии.

Ст. XIII договора о Лиге Наций гласила:

„Все договоры или международные обязательства, которые впредь будут заключаться членами Лиги Наций, подлежат немедленной регистрации в секретариате, и последним в кратчайший по возможности срок публикуются. Ни один договор и ни одно международное обя-

зательство не могут приобрести обязательной силы прежде, чем они будут зарегистрированы".

Это положение имело бы чрезвычайно большое значение, если бы все народы искренне и добровольно присоединились к союзу народов, одним ударом оно покончило бы с тайной дипломатией и открыло бы новую эру дипломатии гласной.

Но все зависит от того, насколько искренно хотят народы соблюдать и осуществлять эти положения. Президент мог снабдить мир оружием для осуществления воли, но не мог дать ему эту волю. Со временя образования Лиги Наций—зарегистрировано, в силу этого правила, 150 договоров—громадный успех—и тем не менее мы знаем, что „тайные сделки", частью или полностью не зарегистрированные, заключаются и сейчас.

Я старался ознакомиться со зрелыми плодами старой дипломатии. До известной степени к этим соглашениям союзники были вынуждены под давлением войны, ибо Германия посредством таких же тайных предложений старалась привлечь на свою сторону Италию, Румынию, Болгарию, Турцию и вероятно Японию, и союзники должны были этому противодействовать. Да, мы знаем, что Германия пыталась войти в тайные соглашения даже с Мексикой. Даже такие либеральные и прогрессивные деятели внутренней политики, как Асквит и Грей, были вынуждены под давлением этой устарелой и пагубной системы оказывать содействие практике тайных соглашений.

В тот момент общей опасности и общих страданий под влиянием президента Вильсона были забыты и заброшены старые цели и тайные желания. Весь свет, казалось, поднялся на высшую ступень морали. Народы мира были на стороне президента. Но лишь только закончилась война, наступила вновь реакция. Старые правительства и старая система находились все еще у кормила; „идеализм дал трещину".

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Трещина в идеализме.

Все великие человеческие катастрофы более или менее сходны между собою. Припоминаю грандиозное землетрясение 1906 г. в Сан-Франциско: какой переворот совершился в людях, правда, на короткий миг, всего на пару недель!

Вместо того, чтобы требовать услуг для себя, люди прислуживали друг другу; они давали—вместо того, чтобы брать. Они помогали соседям. Всего на миг, но прекрасный миг этот разрушенный город стал градом Христа.

Народ называл эту любовь к ближнему „любовью несчастья". Она вскоре исчезла. Создавались грандиозные утопические планы восстановления города, расширения улиц, уничтожения китайского квартала, разрабатывались новые проекты городского самоуправления, примирения труда с капиталом. Все должно было измениться! Прекрасным и духовно обновленным должен был восстать Сан-Франциско из развалин!

„Этот период взаимной помощи продолжался около месяца... Постепенно, шаг за шагом, прокладывали себе дорогу личная алчность и корыстные интересы. Люди снова думали только о себе".

Великие планы о дружеской совместной работе были забыты. Бернгэмский проект создания прекрасного города потерпел неудачу вследствие безудержных требований и претензий частной собственности. Труд и капитал вновь

вступили в борьбу, „политический бос“, низложенный на
время, вновь стоял у кормила. „Почему же интеллигент-
ные люди, восклицает один наблюдатель, почему люди,
готовые, как показали первые дни после землетрясения,
к услугам и дружной работе, с такой необходимостью вновь
подпадают под власть своих инстинктов и подчиняются
закону джунглей?“. Как часто вспоминали об этой давней
катастрофе в те месяцы, что следовали за перемирием!
Общие страдания и общий страх перед войной вызвали
вновь прекрасный миг „всемирной любви“. Союзные на-
ции отодвинули на задний план свои интересы и в бла-
городном содружестве делали свое дело. „Старый порядок“
пал, „мир новой красоты“ должен подняться из дымя-
щихся обломков старой цивилизации. Уделом малых и ве-
ликих народов—станет справедливость; сильные положат
оружие, и возникнет всенародный союз мира.

Но как только война закончилась, начал спадать при-
лив морального воодушевления, столь характерного для
конца этого года. Испарился дух согласия. У союзников,
несмотря на все, не было единодушия. Каждый из них
цепко держался за свои старые традиции, за свои нужды,
за свое мелкое честолюбие, за свои вожделения. Цели
тайных договоров стали выдвигаться на передний план.
Чудо не претворилось в плоть. Люди снова вернулись к
своим будням; больше того, они были истощены и демо-
рализованы; разброд мнений отягчал их положение. Не
надо забывать, что то было время психоза, вызванного
войной, время преувеличенных ожиданий, преувеличен-
ных страхов. И вот в такой атмосфере приходилось за-
ключать мир.

Только ясно поняв этот перелом психики, можно на-
рисовать верную историческую картину событий, развер-
нувшихся на мирной конференции. Замечательно, что
элементы, наиболее решительно поддерживавшие прези-
дента, на помощь которых он больше всего рассчитывал,
т. е. либералы и рабочие партии союзных стран (даже
Германии и Австрии) — прежде всех обнаружили этот

внезапный и откровенный переворот в настроениях. Никто из бывших, подобно мне, в Европе сейчас же после заключения перемирия, в ноябре и декабре 1918 г. и в январе 1919 г., никогда не забудет того крика ужаса, который вырвался из среды этих групп, когда вожди старого порядка осмелились вновь поднять свою голову. „Неужели мы лишились мира?“—восклицает Herald, руководящий орган рабочих Великобритании.

„Наши солдаты выиграли войну, наши демагоги потеряют мир!“

Manchester Guardian, руководящая либеральная газета Англии, уже 3 декабря говорит о „трещине в идеализме“, а 19 декабря, пятью неделями позже перемирия и месяцем раньше открытия мирной конференции, газета следующим образом рисует положение:

„Президент Вильсон прибыл (в Европу) с определенными политическими принципами и в твердом намерении эти принципы включить в каждое соглашение, которому он окажет свою поддержку. Это принципы, которые он сам неустанно проповедывал, которые были одобрены подавляющей массой американского народа и которые союзники приняли окончательно во всех их проявлениях. Несмотря на тот факт, что они таким образом приняты, что Германия сдалась только под этим определенным условием и ни под каким иным, президент Вильсон, живя в дипломатической атмосфере Парижа, не может не заметить некоторых странных отклонений между мнимым принятием его принципов и партикуляристскими, чисто националистическими требованиями различных стран, не исключая нашей собственной“.

Другая либерная газета Nation от 21 декабря разражается следующими словами:

„О союзе народов мы слышим мало или совсем ничего. С другой стороны, мы слышим однако, о целом ряде чисто националистических авантюр. Возвращение Эльзас-Лотарингии конечно так назвать нельзя. Она подпадает под действие 14 пунктов и воссоединение с родиной ско-

рее вопрос формального, чем принципиального характера. Но протекторат Франции над левым берегом Рейна, присоединение Францией Саарского угольного района, притязания Бельгии на голландскую и немецкую землю, притязания Италии на Далмацию—приводят нас обратно к Брест-Литовску, к политике силы, к стратегическим границам, одним словом, к практике агрессивного национализма. То же самое относится и к теории компенсации м-ра Джорджа, которая присваивает нации победительнице право требовать от побежденной все военные издержки. Если сопоставить теорию и практику, да присоединить к этому войну против революционной России—тогда четырнадцать пунктов погибли. Миссия м-ра Вильсона обречена на безрезультатность и политика рабочих низвергнута".

Те же самые тревоги можно отметить и во французской и итальянской либеральной и рабочей прессе, а также у вождей этих партий. За два дня до первого заседания мирной конференции, 10 января, парижский Oeuvre пишет следующее:

„Блестящая перспектива всеобщего мира, основанного на взаимном доверии и дружбе народов, все более и более сводится к новой системе равновесия сил... Сейчас идет уже речь только об укреплении границ, и старое изречение: „Если хочешь мира, готовься к войне!"—снова овладело умами старых политиков, собиравшихся обновить мир".

Тот же страх и тот же пессимизм проявляют и либеральные зрители нейтральных стран, которые, быть может, лучше других могут оценить власть старой дипломатии, силу старого национализма и груду старых договоров.

Скандинавский ученый Георг Брандес заявил в интервью с американским корреспондентом следующее:

„Союзники опьянены победой и слишком склонны карать, поэтому вряд ли они способны заключить прочный и справедливый мир. Я старый человек, и хорошо

помню как тогда, в 1870 г., через 24 часа после сдачи Парижа, уже катились из Англии целые поезда с провиантом для голодающих. А что же мы видим теперь? Германия сдалась свыше трех месяцев тому назад, и тем не менее союзники, как и раньше, препятствуют снабжению Германии. Мир, заключаемый в таком настроении, конечно, не может вызвать те чувства политического удовлетворения, на которых может быть построен мир...

Я восхищаюсь принципами президента Вильсона, ценю их; но не могу понять, как может человек, не закрывая глаз, верить в возможность их осуществления. Вильсоновская политика самоограничения единственно правильная... Война не может дать мира. Только любовь и сострадание дают мир. А где же найти любовь и сострадание?"

Вожди названных партий опасались, что президент не в достаточной степени оценит силу и рост реакции, подымавшейся против него. Labour Herald весь декабрь месяц выходил с следующими словами, занимавшими всю первую страницу:

„Dont be wangled, Wilson!" (Вильсон, не сдавайся)!

23 декабря 1918 г. епископ Горе из Оксфорда, только что вернувшийся из Америки, предостерегает Вильсона следующим личным письмом: „Я все более убеждаюсь, что в образованных кругах Европы заключается бесконечно много такого, что противодействует идее международной справедливости и принципам мира, отстаиваемым вами. Но я также убежден, что сердце и душа простого народа с вами".

В той же мере, как росла тревога либералов и рабочих партий, убежденных сторонников программы Вильсона, росла самоуверенность и цинизм старых вождей и консервативной прессы.

„Время от времени, замечает парижский Фигаро, раздаются голоса людей, все еще мечтающих о каком-то Вильсоновском мире".

„Мы хотим восстановить центральную Европу сообразно интересам Франции",—говорит Temps.

26 ноября 1918 г. британский министр снабжения Викстон Спенсер Черчилль, сказал в Денди, что он сторонник союза народов, но последний не может заменить превосходство британского флота. Затем он заявил, что ни одна немецкая колония не будет возвращена Германии, ни одна завоеванная область не будет возвращена Турции.

В первых числах декабря 1918 г. я находился в Италии и всюду слышал речи (увы, столь отличные от апрельских) о расширении итальянских владений, о захвате Далматинского побережья, об итальянском контроле над всей Адрией. Происходили уже битвы между итальянцами и кроатами из-за г. Фиуме. В этом реакционном движении были повинны не только его вожди,—хотя либералы и рабочие партии жестоко упрекали их; оно коренилось в психологическом укладе всей массы народа. Самый проницательный политический вождь Европы, быть может, всего мира, мр. Ллойд-Джордж знал это очень хорошо, поэтому он назначил общие выборы на 14 декабря, когда реакция достигла своего апогея, сделал своим паролем суровый и тяжкий мир с Германией — „повесьте кайзера и заставьте немцев заплатить военные издержки", и таким образом одержал большую победу. А в то время, как президент Вильсон находился в Англии и произносил в Манчестере и других местах свои прекрасные речи, в которых с новой силой пропагандировал свою программу мира и союза народов,—Клемансо убеждал палату депутатов в Париже, что он попрежнему твердо держится ветхозаветной системы политических союзов. Хотя и он и Ллойд-Джордж полностью приняли Вильсоновские принципы мира, его четырнадцать пунктов,—Ллойд-Джордж, тем не менее, настаивал теперь на том, чтобы Германия „заплатила все, до последнего шиллинга". Известные французские государственные и военные деятели выступили с требованием территорий и разными другими, удовлетворение которых должно было свести на нет обязательства союзников, принятые ими на себя при заключении перемирия.

Конечно, для такой народной реакции, столь удачно использованной политическими заправилами, имелись свои основания. Особенно пострадали в течение этих четырех лет беспрерывной борьбы французы. Миллионы французских граждан были убиты и ранены, на их глазах с небывалой в прежних войнах беспощадностью были опустошены прекраснейшие провинции Франции, — когда же война закончилась, каждый потребовал немедленного удовлетворения. В одном из первых заседаний Мирной Конференции (ср. Секретн. Проток. Сов. Десяти от 12 февр.) Клемансо сказал:

„Высшее желание наших пограничных крестьян вернуть свою скотину, которая сотнями и тысячами голов была похищена у них и которая на их же глазах пасется на германской стороне. Эти крестьяне не перестают кричать нам: „Мы же победили! Разве нельзя потребовать от немцев, чтобы они вернули нам наш скот.....?

Господин Бальфур, как философ, не станет возражать, если я скажу, что существует нечто в роде философии войны: события особым образом загромождают человеческий ум, вытесняют его из обычной колеи и выталкивают из состояния равновесия целые нации“.

Подобное нагромождение событий действительно происходило, и целые нации в те дни выбивались из равновесия! Что происходило в Америке? Точно такая же реакция развивалась и здесь. Несмотря на критические нападки Рузвельта, Лоджа и других вождей оппозиции, Вильсон до осени 1918 года пользовался безусловно мощной, — почти безраздельной поддержкой Америки. И притом — несмотря на тот факт, что его политика в течение всего периода его служебной деятельности противоречила так называемым консервативным интересам страны. Консервативные группы признавали его законодательную программу слишком предупредительной по отношению рабочих, фермеров и мелких торговцев. Когда в ноябре 1918 г. выборы оказались не в пользу его партии и народ избрал враждебный его политике конгресс,

голоса всей оппозиции против него поднялись с обновленной силой.

В то время, как президент заявлял Европе, что Соединенные Штаты ничего не требуют для себя—„мы не служим эгоистическим целям“ сенатор Лодж требовал в Сенате (речь от 21 декабря), чтобы Германия заплатила высокую сумму за военные убытки (хотя договор говорил только о репарациях, а не о возмещении убытков) и чтобы „Соединенные Штаты получили свою законную часть этих возмещений“. И в то время как президент с особой силой подчеркивал, что американский народ желает только послужить миру и внести свою лепту в Союз Народов, сенатор Джонсон и сенатор Бора призывали американцев остерегаться, не нарушать своей изолированности и предоставить народы Европы их собственной участи.

„Я надеюсь, сказал сенатор Джонсон, что и Сенат, и правительство предоставят осуществлять обязанности грядущей всемирной полиции народам по ту сторону океана и отзовут домой наши войска, где бы они ни находились, как только мы выполним наши настоящие обязательства“.

И сенатор Бора возражал против ассигнования 100.000.000 долларов на пропитание голодающих народов Европы, под предлогом, что предприятие мистера Гувера „было осуществлено в ущерб американским плательщикам налога“. Так и случилось, что идея Вильсона: „первое место—человечеству“, его мечта об Америке, как о великой прислужнице мира, была заглушена новым лозунгом: „первое место—Америке“. И, несмотря на все это, президент глубоко верил, что именно он выражает истинные желания и цели народов, что за ним народ и что достаточно обратиться к народу, чтобы он встал на его защиту против всякой оппозиции.

У президента была какая-то трогательная вера в народ и Америку. В одной из своих лучших речей в Европе, произнесенной в Парижской Сорбонне, 25 января 1918 г. (через десять дней после открытия Мирной

Конференции)—он еще раз изложил символ своей веры и при этом особо отметил, что „избранные слои человечества перестали быть властителями человечества. Судьба человечества покоится теперь в руках простого народа всей земли. Удовлетворите народ — и вы не только оправдаете его доверие, но и заложите основы мира. Если не сделаете этого, невозможно будет никакое соглашение, которое установило бы и укрепило мир на земле“.

Он чувствовал, что народ, „простой народ“, с ним.

„Вы можете представить себе (говорил он там же) чувства и старания, с которыми представители Соединенных Штатов поддерживают великий проект Союза Народов. Мы смотрим на этот Союз, как на ключ ко всему, что в этой войне выражало наши цели и наши идеалы, что союзники взяли за основу мира. Если мы вернемся в Соединенные Штаты, не сделав всего, что в наших силах, для осуществления этой программы, то мы вернемся только для того, чтобы пожать заслуженное презрение наших сограждан. Ибо в своей совокупности они воплощают великую демократию; они ждут, чтобы их вожди заговорили и чтобы их представители доказали свою верность демократии“.

Было бы ошибочно думать, что Вильсон не сознавал предстоящей ему борьбы. Еще в июле 1917 г. он говорил, „что мир без уступок и жертв невозможен“. На известном совещании с американскими экспертами в каюте „Георга Вашингтона“ во время первого переезда из Америки Вильсон не только выражал тревогу за будущие осложнения, но с особой силой подчеркивал, что ему предстоит „задача грандиозных размеров“.

В предвидении затруднений, которые возникнут на конференции и будут противодействовать его идеям о стремлении всех народов к новому порядку, Вильсон заметил: „Если наше дело потерпит неудачу, мы должны силой его осуществить“. Ибо мир стоит перед грандиозной задачей и может исцелиться только процессом очищения. Яд большевизма только потому получил такое

распространение, что являлся протестом против системы, управляющей миром. „Теперь очередь за нами, мы должны отстоять на Мирной Конференции новый порядок, если можно—добром, если потребуется—злом!“ [1])

Но он был проникнут глубокой верой в могущество этических идей и в готовность „простого народа“ творить справедливость, как только он познает ее: разве народы всего мира не подали голос за его идеи?.,...

Так и пошел он на конференцию с своей непоколебимой верой. Во всяком случае он был преисполнен решимости начать борьбу, какие бы силы ни поднялись против него.

Это настроение чрезвычайно ярко чувствовали и народы Европы. Президент принимал на себя „страшную ответственность“. Из всех государственных деятелей, бывших там, только он не зависел от бурных приливов народных настроений: американская избирательная система на целый ряд лет сделала его президентом.

В январе 1918 г., излагая свои мысли о праве самоопределения народов, Ллойд-Джордж был большим вильсонистом, чем Вильсон, ибо в то время это право было лозунгом всего света, — но в декабре 1918 г. тот же Ллойд-Джордж вел избирательную борьбу под совершенно иным паролем. А президент, об‘явив свои принципы, боролся за них. „Теперь наше дело“, сказал он, „бороться на Конференции за новый порядок: если можно—добром, если потребуется—злом!“.

Мр. Бальфур, заняв на конференции несколько ироническую позицию беспристрастного наблюдателя (единственный человек из всех, игравших там роль, которому это удалось), проронил 28-го ноября такое замечание: „Повидимому, Мирная Конференция превратится в несколько беспокойное и бурное (a rough and tumble affair) предприятие“.

[1]) См. записи, сделанные в свое время др. Ис. Боуманом.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

СТАРАЯ И НОВАЯ ДИПЛОМАТИЯ.

ОРГАНИЗАЦИЯ И МЕТОДЫ РАБОТЫ.

ГЛАВА VI.

„Новая" дипломатия организуется и подготовляется, чтобы помериться силами с „старой".—Американская комиссия для обследований.—Происхождение „14-ти пунктов".

С того великого дня, как опустился занавес над жуткой, мрачной драмой войны (11 ноября 1918 г.) и до того момента, как он взвился над драмой Парижской Мирной Конференции (12 января 1919 г.) истекло полных два месяца. 13 декабря президент Вильсон прибыл в Европу, готовый немедленно же или через пару дней приступить к совещаниям.—Но прошел целый месяц.

Нетерпеливому и жаждавшему мира человечеству могло казаться, что отсрочка эта была излишней и безполезной; но, в действительности, она была заполнена целым рядом планов и начинаний. Весь ход Мирной Конференции был определен договором о перемирии и подготовительной работой этих месяцев. Некоторая отсрочка, на какой-нибудь месяц, была несомненно разумна, пожалуй неизбежна. Ведь дело шло о международном мире. В 27 союзных государствах надо было произвести подготовительные работы, делегации должны были об'ездить полсвета, чтобы явиться сюда из Японии, Китая, Австралии, Южной Африки, Южной Америки и Индии. Очевидно еще при заключении перемирия был предусмотрен месячный срок для этих приготовлений, так как для исполнения всех условий, кроме одного (36 дней), был установлен

срок в 31 день. Мр. Ллойд-Джордж, чтобы обеспечить успех своей политике в Париже и подкрепить свой министерский мандат, отправился на континент и назначил всеобщие выборы в Англии на 14 декабря. Таким способом, Ллойд-Джордж избавился от политической кампании. Президент Вильсон находился в Европе, готовый сейчас же приступить к делу; либеральная и радикальная пресса Англии и Франции начинала уже горько сетовать на такое промедление.

В дипломатии нет ничего, что не было бы расчитано заранее, и отсрочка, которая неизменно благоприятствует status quo, принадлежала издавна к излюбленному оружию дипломатических битв. Если бы дипломаты, особенно французские, которые являлись хозяевами Конференции и след. имели право разрешать все подобные вопросы (им стоило только указать, к какому времени их дом будет готов для принятия гостей), пожелали или были заинтересованы ускорить открытие Конференции, это было бы конечно возможно и Конференция состоялась бы раньше. Но, по их расчетам, отсрочка шла им на пользу, отодвигая возможно дальше демобилизацию небывало могущественной армии, находившейся под верховным командованием французского генерала, фельдмаршала Фоша, они тем самым несомненно увеличивали поражение центральных держав. При посредстве все еще не снятой блокады, осуществляемой могущественнейшим флотом, какого до сих пор не знал океан, Германия, распадавшаяся на мелкие части в экономической и политической борьбе, была сжата в стальные тиски. Даже в то время весь мир держал уже курс по компасу напуганной Франции.

Кроме того, союзным дипломатам очень хотелось помедлить и таким образом извлечь из беспощадного договора о перемирии, какого не знала ни одна война новейшего времени, все выгоды до последней крупицы. Правда, президент Вильсон установил основные принципы для заключения мира, но условия перемирия были продиктованы представителями армий, державшими власть в своих

руках. Перемирие было в сущности навязанным прелиминарным миром; оно не только устанавливало обычные и в данный момент необходимые стратегические условия, но определяло в общих чертах пограничные линии и даже регулировало экономические и финансовые вопросы. Таким образом, президент Вильсон еще до прибытия в Европу был уже отчасти побежден военными вождями, во всяком случае его задача была уже затруднена.

В течение нескольких недель отсрочки, в январе и декабре мес., французы превратили в fait accompli—захват Эльзас-Лотарингии, Саарского угольного района и границ Рейна. А итальянцы, в свою очередь, овладели областями, присужденными им Лондонским тайным договором. Таким образом, они использовали перемирие, чтобы укрепить свои позиции в ожидании мирных переговоров. Захватывать—значит создавать себе право.

Ответственные вожди Европы хорошо сознавали, что в общественном мнении мира теперь, когда схлынул под'ем чувств, вызванных войной,—проявилось сильное реакционное течение. Ллойд-Джордж старался использовать это настроение и поэтому ускорил выборы, назначив их на декабрь; Клемансо почти с цинической откровенностью заявлял об этом в своих речах перед палатой депутатов. Президент Вильсон мог спокойно раз'езжать по Европе, произносить речи, повторять свою программу. Правда, его горячо приветствовали либеральные и радикальные группы, но ведь власть находилась в руках прежних вождей, а они хорошо знали, что общий поток реакции против президента, по крайней мере временно против него, против его величественной программы справедливого мира, и что реакция на стороне мира жестокого, сурового возмездия; такого мира хотели французы и итальянцы и, в значительно меньшей степени, англичане, поэтому эта отсрочка не только укрепляла власть прежних вождей и не только придавала новую силу традиционным методам прошлого (пригодным для дурных целей), но и колебала авторитет Америки и сеяла смущение вокруг ее программы: перед лицом мировых

страданий—она как будто отодвигалась в беспредельную даль и казалась трудно осуществимой.

Короче говоря, если в последние месяцы войны, когда президент был признанным вождем мира, старая дипломатия и старый порядок претерпели тяжелые удары, то теперь наступило время их поживы. С момента перемирия все снова завертелось по их указке. Так продолжалось до могучих битв, разыгравшихся в первые дни Конференции.

Все указывало на то, что старые вожди предполагали разрешить все вопросы одним повелительным жестом. Не следует при этом забывать, что союзники были связаны друг с другом бесчисленными тайными договорами; больше того, самоуверенность их за эти два месяца до того возросла, что они спокойно продолжали устраивать тайные совещания, напр., по поводу раздела Турции. Но, тем не менее, они не приняли в расчет целого ряда новых факторов, которые впервые властно вклинивались в международные отношения. С их стороны это было большим недостатком воображения (большинство промахов в Париже происходило вообще вследствие недостатка воображения), ибо они совсем не замечали ни нового мира, в котором они жили, ни новых сил, которые с буйной силой подымались; они вообще были неспособны узреть или почувствовать что-нибудь новое. Эти силы могли временно притаиться, но только для того, чтобы вскоре с новой силой выступить на Конференции.

Остоновимся на минуту на изучении тех сил нового порядка, которые готовились к походу на Париж. Если организация их еще не оформилась, то все же за ними стояло широкое, хотя и не признанное оффициально, общественное мнение. Если им недоставало традиции, то все же у них были принципы и определенные стремления; если вожди их были мало подготовлены, то ведь новый порядок имел своего пророка.

Парижская Конференция отличилась от Венского конгресса, как Аргоннская битва от битвы при Вартелоо. Тут все летало, все работало электричеством. Сказанное

или сделанное в Вене попадало в Лондон неделей позже:— и то только в зачарованные круги правящих классов (верховые гонцы, почтовые кареты, парусные суда). А все происходившее в Париже, который по сравнению с Веной находится на виду всего мира, уже на следующее утро читалось в кафейнах Мельбурна и Капштадта или же рикшами и кули на грязных стенах Токио. Благодаря гигантскому безпроволочному телеграфу, сооруженному в Бордо американскими моряками, сведения передавались сразу и в Сан-Франциско, и в Бомбей, и в Буэнос-Айрес, и телеграфисты могли в ничтожную долю секунды собирать сведения со всех углов земного шара.

Сто лет тому назад Вена танцами встретила мир. „Император танцовал, короли танцовали, Меттерних танцовал, Кэстльри танцовал. Только князь Талейран не танцовал, и то потому, что был хром. Он играл в вист. Они танцовали 15 месяцев подряд“.

В 1919 г. в Париже никто не танцовал. В Париже работали. Там происходила Конференция, подгоняемая бичем событий. Люди, решавшие вопросы мира, не походили на богов Олимпа, какими их изображали услужливые люди. Я припоминаю только группы затравленных, переутомившихся людей—„Четверка Великих“ изнемогала больше других,—тщетно боровшихся с задачей, которая была им не по силам, и извивавшихся под ударами общественного мнения, которое было совершенно иным, чем в 1815 г., и значительно громче давало знать о себе.

Нет, в Париже не танцовали. Либо наполеоновские войны причинили меньше зла, либо мир с того времени стал чувствительнее к людской нужде и людским упованиям, либо, что вероятнее всего, наиболее пострадавшие от войны стали теперь менее терпеливы и научились громко заявлять о своих нуждах. Я еще не забыл, как страждущее человечество ни днем, ни ночью не давало покоя парижским делегатам, я не забыл, как раздирал их слух голодный вопль из Вены, Армении и России, как пугали их слухи о новых войнах в Польше или на Балканах; как без-

покоили и терзали их дикие бунты народов, которые, подобно венграм, слишком продрогли, слишком изголодались и слишком отчаялись, чтобы ждать законного мира. И втечение этого времени, при каждом новом повороте переговоров подымался с Востока, подобно мрачной туче, призрак хаоса, грозивший охватить и уничтожить весь мир. В Вене не было России, стучавшей в дверь. В Вене, очевидно, не боялись революции, которая неустанно грозила Парижу. „Новый порядок" снова оттеснялся к старому новейшим порядком вещей.

Может быть, мир, драма которого разыгрывалась там, на великой сцене Парижа, был не мудрее, не лучше, не милостивее (это скорее вопрос философии, чем истории), но он был во всяком случае бесконечно сложнее, чем мир времен Вены; сплоченнее, беспокойнее, напряженнее было чувство собственного достоинства народов: он был лучше организован и располагал значительно более мощным механизмом для преодоления пространства и времени. В дни заседаний мирной конференции английские делегаты считали самой обыкновенной вещью перелететь на аэроплане из Парижа в Лондон, чтобы выпить чашку вечернего чая (к afternoon tea), в июне того же года юный американский моряк Read—впервые проложил воздушный путь над бурным океаном, и на четвертый день после под'ема аппарата с американской земли приветствовал президента в Париже. Да, это было время чудес—по меньшей мере время технических чудес.

Только оценив все эти явления, все новые силы, созданные миром мы с'умеем действительно понять парижские события. Со времен Венского конгресса технические изобретения преобразили мир и чрезвычайно увеличили „поверхность трения" между людьми. Народное образование внушило низшим слоям населения новое чувство собственного достоинства, народная пресса и дешевые международные средства сообщения заложили основы международного общественного мнения. Это общественное мнение было способно в моменты сильного душевного под'ема, как в

годы войны, вдохновиться самыми благородными принципами и следовать за ними. Оно с'умело направить старый порядок по новому пути и установить принципы мира не на основе страха, честолюбия, алчности и мести, а на основе справедливости, свободы и дружного творчества. Никто не знал и не чувствовал лучше, чем президент Вильсон, эти творческие силы, выросшие за последние героические годы войны. Он постоянно обращается за поддержкой не к авторитету правительств, а к могуществу народов. Он считает себя представителем народа, а не правительств, и вдохновляется образом нового, волею народов созданного мира.

„Милостивые государи",—говорил он на мирной конференции,—„избранные слои человечества перестали быть властителями человечества. Судьба человечества покоится теперь в руках простого народа всей земли. Удовлетворите народ—и вы не только оправдаете его доверие, но и заложите основы мира. Если не сделаете этого, невозможно будет никакое соглашение, которое установило и укрепило бы мир на земле" [1]).

Такую страстную веру питал он в народ, в лучшие качества его натуры.

И это же общественное мнение было подвержено душевным реакциям, и такая реакция наступила после перемирия. Но все великое, вечное, значительное заключалось не во временных его настроениях, а в самом факте его существования, в том факте, что оно стало, наконец творческой силой.

В дни перемирия Вильсон был до известной степени вождем общественного мнения, вождем большинства Он был господином положения, он руководил мировой политикой. А на Мирной Конференции он был вождем оппозиции, могущественной оппозиции, но все-таки меньшинства.

Старый порядок был лучше подготовлен, лучше организован, чем новый; но и новые силы выступили органи

[1]) Протокол пленарн. заседания 25 января.

зованно в Париже, имели сильных защитников, и эти силы шли за Вильсоном.

К Мирной Конференции готовились искренне веря, что мир будет заключен на совершенно новых началах. Главнейшие решения были приняты еще в то время, когда народы находились под идейной властью президента Вильсона, еще до наступления реакции, и делегации прибывали в Париж для осуществления уже принятых пунктов и принципов вильсоновской программы.

Когда лорд Кэстльри в 1815 г. выехал в Вену, в качестве представителя британского правительства, он взял с собой штаб в 14 человек, и этого было достаточно. Этого было достаточно для заключения кабинетного мира. Тогда народ должен был молчать.

Парижская Конференция создавалась на началах представительства народов всего мира. И так было в действительности. В противоположность английской делегации Венского конгресса—англичане Парижской Конференции заняли пять отелей. Что касается Америки, то личный состав ее делегации охватывал 1.300 человек (включая офицеров и солдат, прикомандированных для обслуживания различных секций делегации).

Об'ем их работы и услуги, которые они оказали делу заключения мира, почему-то не были оценены по достоинству. Кроме служащих, состоявших при американской миссии, в Париже находились постоянно различные вольные, часто чрезвычайно влиятельные делегации, которые являлись представителями всех слоев американского общества и выражали все разнообразие американских интересов—здесь перебывали ирландцы, евреи, негры, женщины, общества мира, союзы содействия, организации фермеров, не говорим уже о грандиозном штабе газетных корреспондентов и других писателей (одно время в наших парижских списках значилось не менее 150 аккредитованных корреспондентов) фотографов, историков и художников. Американская миссия занимала целое здание Crillon-Hotel, но этого было недостаточно. Некоторые

делегаты, и прежде всего члены хозяйственной и финансовой комиссии, занимали, кроме того, апартаменты в других отелях. Президенту был отведен особый дом, а м-р Гувер и его штаб потребовали также отдельного помещения.

Интересы, которые даже не мелькали на горизонте Венского конгресса, в Париже играли решающую роль. Экономические интересы и борьба за сырье для промышленности имели такое значение и такую власть, какую никогда не могли представить себе ни Талейран, ни Кэстльри. Ибо если старый порядок лучше всего был представлен солдатом и дипломатом, то лучшим представителем нового порядка был рабочий, в самом широком смысле этого слова, как представитель экономических сил мира, развивающихся органически. Венский конгресс не знал Верховного Экономического Совета (хотя и там, конечно, были представлены интересы торговли и промышленности), а между тем целая половина Версальского договора состоит из мероприятий экономического характера. Здесь имелся уже организованный рабочий класс, и требовал себе места на конференции; здесь были женщины (о милые тени далекой Вены!) и разные национальные меньшинства со всех концов света, евреи из Польши, Палестины и Америки; негры с нашего юга; арабы из своих пустынь, корейцы, персы, египтяне и жители древнего Ливана, кедры которого рубил царь Соломон для своего храма. И все зорко следили за тем, что происходило.

Невольно спрашиваешь себя, что сказали бы танцующие делегаты Венского конгресса, если бы им пришлось принять арабов и индусов, евреев и негров, рабочих и женщин, если бы им пришлось выслушивать их нужды, их притязания, их надежды...

Американская миссия в работах своих исходила из того положения, что на нее возложено большое общественное дело и что ей необходимо находиться в постоянном общении со всеми народами мира и обеспечить полную

гласность своей деятельности, как в настоящий момент, так и в будущем. Уже один этот принцип был чем-то совершенно новым во всемирном укладе жизни. Это был настолько новый принцип, что осуществляли его, к сожалению, не со всей возможной настойчивостью.

Чтобы остаться верной своим принципам, американская миссия установила по всей Западной Европе и вплоть до Америки сношения через курьеров, для чего были откомандированы 42 офицера. Они должны были немедленно же получать сведения со всех концов света, как англичане и французы; и в этом деле господствовала конкуренция и соревнование. Однако, несмотря на все эти подготовления, наша курьерская служба не могла сравниться с английской. Мы имели собственную, всегда заваленную работой типографию для удовлетворения весьма больших потребностей миссии и для выпуска информационного бюллетеня. Мы имели свое почтовое отделение и свой почтовый персонал, который находился в связи с нашей военной почтой и почтовым ведомством Америки. Мы имели фотографический отдел и историческую секцию, чтобы фиксировать нашу работу. У нас была особая транспортная часть, 25 военных автомобилей были предоставлены в распоряжение миссии. И, наконец, мы располагали собственной, совершенно не зависевшей от французов, телефонной и телеграфной сетью, которая была связана со всеми местными бюро и правительственными учреждениями Парижа и даже с целым рядом городов Западной Европы. Из любого бюро отеля Crillon можно было во всякое время вызвать по американскому телефону Лондон, Ливерпуль, Кобленц, Брест, Бордо, а позже и Брюссель. Американские телефонистки обслуживали центральные станции в различных пунктах.

Проложенная американскими военно-техническими частями телефонная сеть, заключенная в предохранительные трубки из свинца, тянулась по главным путям сношения Парижа, соединяла дом президента Вильсона с отелем Crillon и облегчала президенту возможность в

кратчайший срок снестись с любым членом или экспертом американской миссии. Американский телеграф стучал и американские телефоны звонили за стеклянными стенами зеркального зала старинного дворца Людовика XIV в Версале, когда подписывался мирный договор. Можно было бы рассказать не мало милых анекдотов, как американцы проводили провода через старые дворцовые стены. Но несмотря на все наши усилия, мы, американцы, никогда не могли получить провода к священным покоям французского министерства иностранных дел.

Подобного рода организация со всем ее аппаратом требовала значительного персонала и за время конференций стоила, согласно отчету, представленному президентом конгрессу 28 августа 1919 г., свыше полутора миллиона долларов. И тем не менее мы только не отставали от того, что делали другие великие державы. Великобритания в некоторых своих учреждениях располагала более многочисленным персоналом, а французы, пользуясь у себя в столице всем своим национальным аппаратом, имели, конечно, значительные преимущества перед другими нациями. Итальянцы и бельгийцы занимали целые отели и располагали обширным штабом. Даже более мелкие и далекие государства, Греция, Польша, Юго-славия, Чехо-Словакия, Япония и Китай—имели более или менее обширные помещения и многочисленных консультантов.

И все эти установления были показателем духа современности и современных возможностей; но самым важным и самым замечательным новшеством было присутствие в Париже экспертов, консультантов и людей науки и те старания, которые были употреблены там, чтобы основать мир между народами не на прихотях, насилии, алчности или страхе, а на данных науки. Ибо ничто не враждебнее грубым, лживым и разрушительным методам старого милитаристского и дипломатического режима, чем дух современной науки.

В Париже было такое обилие, такое богатство научных сил, исследовавших весь мир, все народы, все источ-

ники их существования, о котором и мечтать не мог Венский конгресс 1815 г.

В своей статистической комиссии Венский конгресс имел нескольких специалистов, но обязанность их ограничивалась только статистикой населения, так как основой территориальных соглашений служило тогда число душ.

Для Венского конгресса „народы существовали только, как предметы купли-продажи“. Но еще задолго до окончания мировой войны все великие нации поняли, что научные знания сыграют небывалую роль на будущей мирной конференции, в особенности, если бы предстоящий мир действительно был заключен на широкой основе общих принципов, провозглашенных президентом. По этой причине все крупные государства образовали особые исследовательские комиссии, причем комиссия Соединенных Штатов была организована полковником Эдвардом М. Гаусом. Его штаб-квартира находилась в здании Географического Общества в Нью-Иорке, секретарь которого др. Исаия Боуман служил в то же время при указанной комиссии. Главным ее директором был др. С. Е. Мезес. Одно время личный персонал комиссии состоял из 150 лиц. Он включал целый ряд историков, географов, статистиков, этнографов, экономистов, и выдающихся специалистов в области государственного и международного права. Целыми грузовиками доставлялись на борт „Георга Вашингтона“ гиганские ящики с книгами, географическими картами и отчетами, для следования в Париж с президентом. Эксперты вместе со своими ассистентами и членами их штаба составляли несколько сот человек. Они делились на три главные группы: на экономистов, международников и экспертов по территориальным и этнографическим вопросам.

Кроме того к этим комиссиям были прикомандированы многочисленные консультанты по всем военным и морским делам и по вопросам авиации, а также для чрезвычайно деликатной цели наблюдения за международными сред-

ствами сношений, как кабель и безпроволочный телеграф. Еще задолго до войны и британцы, и французы организовали такие же исследовательские комиссии в лице целого штаба специалистов. У французов были два комитета: „Comité d'études“ под руководством профессора Эрнеста Лависса и другой под руководством сенатора Жана Мореля. В Великобритании обширные научные исследования предпринял генеральный штаб, адмиралтейство и департамент военной торговли (War Trade Board), Англичане выпустили в свет две обширные серии руководств, которые были составлены профессором Генри Н. Диксоном, Naval Intelligence Division или сэром Джорджем Протеро (Prothero) и историческим отделением министерства иностранных дел.

Американская исследовательская комиссия оказала президенту Вильсону не мало ценных услуг, не столько при выработке общих его принципов, сколько при практическом проведении этих принципов в области вопросов специального характера. Идеи, лежащие в основе „четырнадцати пунктов“ сказываются в различных речах президента, относящихся еще к первым годам войны. Так например, в речи, произнесенной 27 января 1917 г., президент говорил:

„Мое предложение сводится к установлению правительств, основанных на согласии управляемых, к установлению свободы морей, чего требовали наши предки, к ограничению вооружений, дабы армии и флот служили только для охраны порядка, а не были средством нападения и корыстного властолюбия“.

Исходя из этих положений, исследовательская комиссия предприняла тщательное изучение различных территориальных соглашений. Уже в январе 1918 г. был представлен президенту доклад, составленный С. Э. Мезесом, Давидом Гунтер Миллером и Вальтером Липпманом и 6 пунктов из четырнадцати, касающиеся территориальных взаимоотношений, были основаны непосредственно на данных этого отчета.

По каждому отдельному вопросу президент стенографически заносил на поля этой рукописи свои заключения, которые должны были стать содержанием его декларации. Небезынтересно проследить, как постепенно развивалась и формулировалась его мысль, хотя бы по одному из этих пунктов, например, по вопросу о Польше.

Заключение относительно поляков исследовательская комиссия формулировала так: „Должна быть создана независимая и демократическая Польша. Ее границы должны быть установлены на основе справедливой оценки ее национальных и экономических интересов, причем должно быть обращено соответственное внимание на необходимость для нее выхода к морю. Решение вопроса о форме правления Польши, а также об ее экономических и политических отношениях должно быть предоставлено ее представителям, свободно избранным польским народом“.

Президент занес на полях этого заключения следующую стенографическую надпись:

„Должно быть создано независимое польское государство, политическая и экономическая независимость которого, а равно и неприкосновенность, должны быть гарантированы международным договором. Оно должно охватить области с бесспорно польским населением и получить свободный и верный доступ в морю“.

В окончательной редакции пункт XIII гласит так:

„Должно быть создано независимое польское государство, которое охватит области с бесспорно польским населением; ему будет предоставлен свободный и верный доступ к морю; его политическая и экономическая независимость, а равно и территориальная неприкосновенность будет гарантирована международным договором“.

Американские принципы были открыто заявлены всему миру и были всем миром приняты. Те же самые специалисты, которые помогли президенту при формулировке его основных положений, последовали за ним и в Париж, чтобы там оказать необходимую поддержку при проведении их в жизнь. Багажные отделения „Георга Вашингтона“

были битком набиты материалом научных исследований всех вопросов, связанных с проблемой заключения мира. По прибытии в Париж американские эксперты изложили по предложению Вильсона свои взгляды относительно возможных территориальных соглашений в духе его принципов в так наз. „Черной книге“, которая в январе месяце была разослана различным уполномоченным конференции.

Так действовали американцы. Америке это было сделать легче, чем другим нациям, так ее материальная заинтересованность была чрезвычайно ничтожна. Но важнее всего был самый метод Вильсона, и он применял его, или пытался применить, в каждом отдельном случае. Только таким способом, по его мнению, можно было создать верную, деловую и надежную основу для мира. Ему казалось, что это единственное средство защитить будущий мир от воздействия мимолетных страстей, честолюбивых домогательств и безотчетных страхов. Еще на борту „Георга Вашингтона“ президент обратился к экспертам миссии: „Скажите мне, где право, и я буду за него бороться. Создайте мне только опору“.

Ни одна из представленных в Париже делегаций не придавала такого большого значения мнениям специалистов, как американская, ибо ни одна другая не хотела так искренно служить чистой истине без примеси каких-либо политических и стратегических интересов. В особенности это относилось к самому президенту.

12 февраля он с особой силой заявил в Совете Десяти, что в своих суждениях он прежде всего опирается на мнения американских экспертов.

„Президент Вильсон замечает, что г. Клемансо сделал ему совершенно незаслуженный комплимент: будто во всех технических вопросах он опирается на заимствованные знания, и что действительные обладатели этого знания находятся в Париже“.

Один из экспертов по территориальным вопросам, декан Гарвардского университета Чарльз Г. Гаскинс, пишет следующее:

„Конечно, ни один из ответственных делегатов не относился с большим вниманием к научному обоснованию вопросов, чем президент Соединенных Штатов. Но и никто не умел так быстро схватывать их сущность и так искусно применять эту способность во время дебатов как он“.

В таком же духе высказывался и Томас В. Ламонт, один из специалистов по экономическим вопросам, указывая, что президент руководствовался постоянно заключениями экспертов:

„Я никогда не видел человека, который бы усерднее и с большим сознанием ответственности добивался совета специалистов, чем он... Он всякий раз говорил и м-ру Ллойд-Джорджу, и Клемансо: „Мой здешний эксперт, мистер такой то, об‘яснил мне то и то, и я полагаю, что он прав. Вы должны переговорить с ним, если вам важно, что бы я переменил свое мнение“ [1])

М-р Лансинг и другие резко нападали на президента за то, что он ни с кем „не держал совета“. Несомненно, он запрашивал действительных членов миссии не так часто, как мог. Но для этого он слишком ярко выраженный тип человека, любящего все делать лично: ему трудно возложить на другого неограниченные полномочия, он не может примириться с неизбежностью совещаний, конференций, сотрудничества и других средств, смягчающих трения между людьми.

М-р Лансинг представлял иной тип, весьма обыденный на конференции: он постоянно навязывал президенту свои особые мнения или настаивал на взглядах и принципах, противоположных принятым президентом, между тем как тот требовал фактов, знания и осведомленности. Вильсон продумал уже свои принципы и установил свой путь. Эти принципы были его верой, его религией. Для него они были непоколебимы. Поэтому он не желал других принципов и мнений (м-р Лансинг настаивал, что

[1]) What Really Happened at Paris, изд. Е. М. Гаусом и Чарльзом Сеймур, стр. 273.

бы мир прежде всего был заключен на основах легальности, президент же был намерен построить его на требованиях морали). Но если относительно общих принципов президент был тверд, как алмаз, то перед фактами он мирно склонялся.

Конечно, м-р Лансинг имел такое же право на особые принципы и взгляды, как президент на свои, но, когда выяснилось, что между ними есть основные, принципиальные разногласия (как например в вопросе о праве на самоопределение, о чем Лансинг поведал только своему дневнику), то Лансинг должен был сложить свои полномочия, так как ответственность за мир лежала не на нем, а на плечах президента [1]).

Вот каковы были цели и организация „Новаго порядка", вот кто были ее вожди. Но прежде чем я обращусь к его борьбе со старым укладом, я должен подробно осветить другую, может быть самую важную сторону нового порядка; я имею ввиду выступление общественного мнения всего мира в Париже, в лице ее оффициального посла—печати, другими словами — великую проблему гласности и негласности во всей ее совокупности.

[1]) Ср. Robert Lansing. «Версальские мирные переговоры» стр. 73.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Гласность или негласность.—Учреждение Американского Бюро Печати.—Организация корреспондентов.—Развитие осведомительной деятельности.

Один факт резко и решительно выступает на Парижской Мирной Конференции: тот факт, что на ней были оффициально представлены народы и притом ввиде организованного целого, чего, до этих пор, не знал ни один мирный конгресс. На прежних конгрессах всю сцену занимали дипломаты, они вели переговоры, они вступали в соглашения, они заключали тайные сделки. А в Париже на сцену пробиралась демократия, спотыкаясь, неуверенно, подобно слепому богу трагедии Дюнсаниса, но зато полная жизненных сил.

Корреспонденты газет в Париже представляли во многих отношениях самую мощную и далеко не безразличную корпорацию—одна американская печать выставила 150 своих представителей. Их называли „послами общественного мнения". Они выступали там в качестве вспомогательной силы, поддерживая, благодаря своим информационным бюро, газетам и журналам, непосредственную связь со всеми углами вселенной. Со времен Венского конгресса 1815 г., со времен Вероны 1822 г., когда великие державы тайно сговорились уничтожить свободу печати, „ибо в руках мнимых защитников народа она самое опасное орудие против князей"; с этих

дальних времен, благодаря народному образованию, всеобщему избирательному праву и удобным средствам сообщения коренным образом изменился мир.

Эти послы общественного мнения—по крайней мере американцы—явились в Париж не в качестве просителей, они пред'являли свои требования. Они стояли у каждой двери, они заглядывали через каждое плечо, они требовали сведений о каждом решении, о каждом донесении, и требовали их без задержки. Никогда не забуду я, как представители американской прессы, предводительствуемые Джоном Невинсом (Nevins) проникли в святая святых Франции, в ее министерство иностранных дел, и потребовали допущения на первое общее заседание Мирной Конференции: они колебали основы старого порядка, они наносили смертельную обиду старым традициям, они были так же грубы, как сама демократия.

В то время как часть старых вождей старалась отделаться от прессы молчаливым пожатием плеч или предложением „убраться к чорту“, Конференция в действительности больше всего боялась именно исходивших от прессы известий, ее мнений и предположений, которые каждую ночь разносил телеграф по всему свету и тех ответов, которые с такой точностью неслись им навстречу. В противоположность князьям Венского конгресса—за сто лет тому назад, государственные деятели Парижской конференции хорошо сознавали, что они зависели от парламента, за которым стояли избиратели; что последние каждую минуту могли потребовать их головы; они сознавали также что приговор этих избирателей в свою очередь зависел от того, чтó из ночи в ночь выстукивали эти дерзкие послы общественного мнения на радиостанции Лиона, или от того, чтó они вверяли подводным кабелям.

Парижские дипломаты были не только встревожены вторжением общественного мнения, особенно, дерзким натиском могучей американской прессы, они были смущены, они растерялись. Только что был снят цензурный гнет,

который четыре года давил печать. Люди, подобные Бальфуру, воспитанные еще в старой школе, старались найти путь соглашения, но, к сожалению, не знали как, и просто не обладали необходимой смелостью. Ведь до сих пор не существовало традиций, определяющих роль общественного мнения в делах внешней политики; не существовало прецедентов, не было опыта, которым можно было руководствоваться. Только итальянец Сонино знал, как надо поступить: верный темным традициям прошлого, он игнорировал общественное мнение и хотел идти прежней дорогой тайных совещаний, переговоров и соглашений. Из всех ответственных деятелей Парижской Конференции только Сонино никогда, повидимому, не переживал никаких сомнений.

До каких же пределов могли делегаты Конференции вверять общественному мнению ее дела? Можно ли было держать печать в темноте неведения и в то же время в случае надобности пользоваться ее услугами? Кто должен был цензуровать прессу: находящиеся у власти делегаты Конференции или, как полагали французы, министерство иностранных дел? Клемансо имел в своем распоряжении в Париже дюжину газет, которые по мановению руки за одну ночь меняли свои взгляды.

Не следовало ли свысока третировать прессу, как предлагала одна часть итальянцев? Или устраивать банкеты, ужины и там обрабатывать ее, как предлагала другая часть? Или, по примеру Ллойд-Джорджа—то лестью, то угрозой приводить ее к повиновению? Благонамеренных издателей удостаивать званием рыцарей и пэров, а против непокорных, напр., против Лондонского „Times'а", грозно нападать в парламенте (Ллойд-Джордж называл там Лорда Нортклифа—прыгающим кузнечиком)? Или, быть может, лучше применять метод Вильсона, который был прямо противоположен тактике Ллойд-Джорджа: он избегал малейшего воздействия на ту или другую газету, подавлял всякую подобную попытку, до такой степени, что это казалось иной раз какой-то причудой.

На первый взгляд может показаться, что я сильно преувеличил важность проблемы гласности или негласности на конференции, но, изучая протоколы и документы, поражаешься, какое несметное количество времени было посвящено этому вопросу, сколько споров; как много было проявлено нерешительности и страха при обсуждении той тактики, которой надо держаться по отношению общественного мнения и печати. Попытки найти какой-нибудь масштаб, какой-нибудь критерий для того, чтобы удовлетворить чрезвычайному разнообразию условий различных стран, с первого же дня оказались неразрешимыми, и так это дело и тянулось в течение всей конференции.

Это обстоятельство оказало свое влияние на весь ход событий; в нем отчасти крылась причина, заставившая четырех руководителей государственной политики перейти к тесным, тайным совещаниям. Гласность, допущенная в известном случае—итальянская нота Вильсона,—чуть не погубила конференцию и повлекла за собою падение одного правительства. И после этого достаточно было одной угрозы, что вновь повторится эта история, как тотчас же менялся ход дебатов. Несомненный факт, что ни что не занимало конференцию больше, чем вопрос, как согласовать демократию с дипломатией.

Первым оффициальным актом президента Вильсона, по прибытии в Париж, была организация общественного мнения.

Президент Вильсон стоял решительно за то, чтобы отношения между правительством и прессой определялись полной свободой печати. Американское правительство не только воздерживалось от всякого воздействия на общественное мнение, но делало все возможное, чтобы облегчить всем журналистам независимо от их направления, переезд в Париж: были устранены все паспортные формальности и для свободного переезда журналистов в Европу был предоставлен пароход „Оризаба“. Затем когда начались заседания конференции, правительство разрешило, во избежание перегрузки торгового кабеля,

отправлять газетные сведения, иной раз толщиной в об'емистую книгу, без всякой цензуры, безразлично, благоприятны они правительству или нет, совершенно бесплатно, прямым путем. Таким образом, пресса, хотя строго смотрела за тем, чтобы ее сведения и мнения не были инспирированы правительством, тем не менее обращалось к нему за материальной и технической помощью, и ее получала.

План президента относительно организации осведомительной части предусматривал два метода: во-первых, прямой доступ к комиссарам, если не к президенту лично; во-вторых, организацию информационного бюро под руководством автора этой книги. Оба способа имели целью оказать возможно большее содействие и помощь корреспондентам. Конечно, Вильсон не мог по своей собственной инициативе допустить корреспондентов на заседания мирной конференции, так как это зависело, от того, какой путь изберут в будущем союзные делегаты.

Борьба за и против гласности на Парижской Конференции велась в двух направлениях: это была совершенно новая проблема и сводилась она к тому, как осведомлять общественное мнение о делах международной политики: с одной стороны, борьба шла на секретных заседаниях мирной конференции; с другой стороны—вне конференции, между крупнейшими агентствами печати. До сих пор нет верной характеристики обеих этих партий, оказывавших друг на друга могучее влияние.

Силы, стоявшие вне секретных совещаний, заслуживают особенного внимания. Это были силы агрессивные, требовавшие широкой гласности. Кого и что они представляли, как были они организованы и как вели они свою кампанию? После мы покажем (на основании секретных протоколов, в следующей главе), как реагировала на их требования конференция. Старая дипломатия находилась в состоянии обороны, и с горечью, неохотно сдавала каждую пядь своей позиции. Под конец дело свелось к бою на месте. Роль президента Вильсона и Америки была

при этом чрезвычайно важна и значительна. Ни разу не было еще такого скопления боевых сил общественного мнения из всех частей света. По осторожному подсчету в разгар конференции в Париже находилось по меньшей мере 500 журналистов, которые употребляли все свое время на то, чтобы разносить по свету вести и мнения обо всем, что бы ни случилось, критикуя их, комментируя, сообщая правду и неправду — одним словом, формируя мнения мира. И поистине, это была могущественная корпорация мужчин и женщин, в некоторых отношениях более могущественная, чем делегаты конференции. Собравшиеся здесь журналисты представляли не только так называемые великие державы: сюда поспешили представители Китая, Кореи, Египта, Южной Америки, позднее к ним присоединились журналисты Австрии и Германии. Большинство нейтральных стран, как, напр., Голландия, были также представлены чрезвычайно способными людьми. Неоднократно собирались эти представители прессы и вне Парижской Конференции, на так наз. конгрессы печати — на конференцию послов общественного мнения. Эти совещания имели для присутствовавших журналистов величайшую ценность.

Там завязывались полезные знакомства, что способствовало взаимному пониманию. Если эти совещания и принесли наибольшую пользу американским журналистам, многим из которых недоставало знания международных взаимоотношений, то и они, в свою очередь, оказали известную пользу корреспондентам других стран, заразив их своей агрессивностью.

Парижская Конференция сослужила, случайно, чрезвычайно важную службу более молодым журналистам всех стран, дав им недостававшую подготовку. Благодаря приобретенным на ней сведениям о мировых событиях и лучшему пониманию других народов, они призваны формировать общественное мнение. Французы со свойственным им широким гостеприимством предоставили в качестве сборного пункта всех журналистов пышные залы отеля

Дюфэйэль в Елисейских полях. Они, кроме того, надеялись создать здесь общий центр для работы, но общественные развлечения не располагали к усидчивому труду. Американские корреспонденты, в частности, хотели быть ближе к главной квартире американской миссии.

Если бы души покойных руководителей венского конгресса, Кэстльри, Талейрана и русского царя, могли спуститься в Париж, их ничто не изумило, не возмутило бы так, как эта многочисленная толпа журналистов, над которой никто не был властен: даже мы, современные люди, не могли охватить того чуда, которое свершалось в Париже. Много вечеров просиживал автор этой книги в своем бюро, прислушивался к стуку телеграфа и думал о том потоке мыслей, мнений и идей, которые со скоростью молнии прорезали темноту, пространство воздуха и моря, и уже на следующее утро читались в подземных поездах Нью-Иорка, в Мельбурне, Капштадте и Токио.

Здесь находился мозг, нервный узел мирной конференции, откуда исходили все импульсы—разумных и глупых—деяний, на чем покоилась грядущая судьба всего мира. Иной раз мне казалось, что нет на всем свете более важного дела, чем работа этих людей, что самая ответственная задача—оберегать эти каналы общественного мнения и питать из чистых и прозрачных источников.

Техническая организация континентальной и даже британской прессы была сравнительно проста. Британские корреспонденты широко пользовались телефоном и при случае могли к обеду перелететь в Англию на аэроплане. Между тем, положение американских, азиатских, австралийских и южно-американских корреспондентов порой было чрезвычайно затруднительно и сложно. Приток новостей был колоссален. По достоверному подсчету только одни американские корреспонденты пересылали ежедневно по безпроволочному телеграфу и по кабелю через океан солидный том в 70—80000 слов, иной раз больше, не говоря уже о целой горе почтовых пакетов.

К открытию Парижской Конференции между Европой и Америкой имелось 17 кабелей, но из них только 8 оказались пригодными, и вот эти восемь кабелей должны были пересылать не только газетные отчеты, но все срочные правительственные и военные сообщения, а также невероятное множество деловых распоряжений. Две восточные линии, соединявшие с Азией, были из‘яты из пользования вследствие войны, так что и западные, атлантические линии должны были нести на себе чрезвычайную нагрузку в интересах Японии и Дальнего Востока. Последствием этого и явилась настоящая перегрузка линий и частое запаздывание сведений, в особенности в последние дни конференции.

Правительство Соединенных Штатов не щадило сил, чтобы устранить все технические затруднения, с которыми встречались представители прессы. Вальтер С. Роджерс, во время войны состоявший сотрудником американской цензуры и теперь заведывающий отделом связи американской делегации, заключил с французским правительством соглашение, по которому американцам предоставлялось ежедневно передавать по беспроволочному телеграфу в Лионе 9000 слов. Эта услуга была великодушно оказана французами без взимания платы с американского правительства. Предоставленное количество слов было распределено следующим образом: 3000 слов было обеспечено для оффициальных документов, резолюций, протоколов и речей. Таким образом совершенно исключались повторные сообщения того же материала агентствами печати. Документы, подлежавшие передаче, визировались нашим бюро печати, затем посредством курьеров доставлялись в отдел м-ра Роджерса, а оттуда передавались на радио-станцию в Лион. Лион передавал их в Нью-Иорк, где весь материал выдавался агентствам печати. 3000 слов были распределены между тремя агентствами американской прессы: Associated Press, United Press, Universal Service, по 1000 слов каждому. Остальные 3000 слов были отданы в распоряжение группы

специальных корреспондентов крупных газет; причем некоторые из них получили право не более, чем на 150 слов в день.

Таким способом в течение Парижской Конференции американцы отправили свыше миллиона слов совершенно бесплатно.

Капитал, потраченный газетами, журналами и бюро печати на оплату каблограмм должен был достигать нескольких миллионов долларов, не говоря уже о дорогом удовольствии содержать целую армию журналистов в Париже. Труднее всего пришлось печати при передаче основного содержания мирного договора. Когда договор стал близиться к концу, всем стало ясно, что об'ем его будет невероятно велик. По величине он мог бы поспорить с любым романом Диккенса. Если бы его стали передавать по телеграфу сразу во все части света, это на много дней приостановило бы всякую работу кабелей. Автор подробно обсудил этот вопрос с президентом Вильсоном, и, прежде чем Совет Четырех решил, надлежит ли договор публиковать немедленно, полностью или нет — я составлял уже по распоряжению Вильсона сокращенное, авторизированное издание мирного договора и различных его приложений. Французы в свою очередь разрабатывали сокращенный текст договора под руководством г-на Тарже. Главная работа по составлению американского издания находилось в руках ассистента Артура Суитсера (Sweetser). Мы работали при этом в тесном сотрудничестве с англичанами под руководством Георга Майра (Maier). Первые издания сокращенного текста подвергались резким нападкам со стороны Сената Соединенных Штатов Америки, так как ему казалось, что он не передавал достаточно точно содержание договора. Между тем, отдельные параграфы этого издания формулировались с большою тщательностью теми же самыми экспертами, которые были авторами их первоначальной редакции. Насколько я знаю, эта критика смолкла, когда текст был сличен с договором.

Но и сокращенный текст составлял 14000 слов. Передача договора в различные части света, в форме приемлемой для всех газет, без всяких преимуществ для той или другой — опасность обратных сообщений из Нью-Иорка в Лондон или из Лондона в Париж—все это представляло чрезвычайные затруднения. С другой стороны нельзя было разрешить каждому бюро печати или каждому корреспонденту самостоятельную передачу договора, так как такая перегрузка телеграфа вызвала бы перерыв сношений во всем мире на много дней.

Я созвал собрание руководителей американской, британской и французской печати совместно со специалистами-техниками (мр. Роджерс от Америки) в отеле Дюфэйэль, чтобы разрешить все эти вопросы. Технические вопросы были чрезвычайно сложны и разрешение их представляло непреодолимые трудности: мы согласились поделить весь мир на определенные районы и каждый район обслуживать отдельными аппаратами Франции, Англии, Америки.

Мы устроились таким образом, напр., что Соединенные Штаты отправляли текст для Северной Америки через Канаду, там его принимали для канадской печати. Оттуда его направляли в Нью-Иорк для американской печати. Таким же способом мы снабжали сведениями Южную Америку, Японию и Китай. Англичане взяли на себя передачу текста для своих владений — для Австралии, Южной Африки и Индии—затем для восточного побережья Южной Америки и скандинавских стран. Наконец французы обязались, по сообщении длины волны, — разнести текст по мощному лионскому радиотелеграфу. Это была работа, неизведанная еще миром, и представляла живой пример неофициального сотрудничества народов, и все народы, союзные и вражеские, великие и малые, пользовались одинаковой выгодой благодаря ему.

Когда сокращенный текст был выработан, я передал его на утверждение президента Вильсона (до этого момента за исключением экспертов никто не знал его содержания). Но он не мог даже окинуть его взглядом,

так как его угнетала невероятная тяжесть ответственности за судьбу Конференции. Мне пришлось на себя взять ответственность за опубликование этого текста. Насколько я знаю, еще ни разу не была послана такая каблограмма.

После ее отсылки мы находились в большой тревоге и страхе, а вдруг тот или другой не выполнит нашего соглашения, а вдруг печать какой-нибудь страны получит преимущество перед другой. Но к величайшей нашей радости все исполнилось, как по программе. Текст договора был отправлен из Парижа 6 мая в 10 час. вечера и на всем свете опубликован одновременно в четверг 8 мая в день вручения договора немецким делегатам.

Однако, как хорошо ни была организована в Париже техническая сторона общественного мнения и его представительства, необходимо все же выяснить, какие отношения создались между ним и мирной конференцией, какая связь существовала между представителями правительств и народами мира. В этом собственно и заключалось существо проблемы, здесь скрывались наибольшие трудности и здесь мы совершили, это надо признать открыто, ошибки, изучить которые было бы чрезвычайно поучительно.

Сперва исследуем технику и источники информации. Всего в нескольких шагах от отеля Crillon, главной квартиры нашей мирной миссии, было отведено помещение для американского бюро печати. Это бюро помещалось на всемирно известной улице, на скрещении Rue Royale с широкой Площадью de la Concorde. В течение короткого времени оно стало центром самой кипучей работы. Старый красный ковер, покрывавший полы при нашем вступлении в это здание, скоро распался на части.

С нашей точки зрения задача бюро печати состояла не в воздействии на общественное мнение, но в широком и искреннем сотрудничестве с газетными корреспондентами. Мы представляли из себя русло, по которому доходили до общественного мнения все официальные документы и отчеты. Мы должны были неустанно выдерживать

нападение бесчисленных памфлетов и агитационных листков. На нас возлагалась бесконечно тяжелая задача—точно начиненная порохом—разрешать вопрос о допущении печати на пленарные и другие открытые заседания мирной конференции, где представителям печати было отведено лишь ограниченное число мест. Корреспондентам выдавались личные удостоверения; в наших регистрационных списках за время мирной конференции насчитывалось 150—170 журналистов; среди них было много представителей трех могущественных агентств, специальные корреспонденты от 30—40 руководящих газет Соединенных Штатов и репортеры газетных синдикатов и журналов. Никогда не делалось никаких различий между работниками печати. На конференции присутствовали не только корреспонденты влиятельных газет Нью-Иорка, но и маленьких социалистических листков, а также представители инородной печати.

Когда представители печати освоились несколько с Парижем, они собрались в помещении бюро для образования коллектива: старые ветераны Вашингтона умели ценить значение крепкой организации. С этого момента они не только взяли на себя разрешение сложного вопроса о представительстве на публичных заседаниях мирной конференции, но и распределение общего количества слов, предоставленных им правительством для беспроволочной передачи. Больше того, они оказывали непосредственное влияние и давление и на самую конференцию, причем их воздействие было значительнее, чем предполагалось в обществе. Без энергичного вмешательства американской организации, доступ на заседания конференции был бы чрезвычайно затруднен, может быть, вообще не было бы пленарных заседаний. Это может быть доказано секретными протоколами мирной конференции. Президент Вильсон, как я покажу после, сам пользовался постановлениями и требованиями американских корреспондентов, как сильным оружием в борьбе за широкую гласность на конференции.

Самые тяжкие затруднения, которые переживало большинство американских журналистов, заключались в полном отсутствии у них знания международной политики. Они пришли из страны, которая издавна жила обособленно, которая мало интересовалась тем, что происходило по ту сторону ее границ. Большинство журналистов знало только английский язык, некоторые до этого момента ни разу не были в Европе. И вот к этим людям пред'являлось требование, под страхом потери доброго имени, писать о сложнейших и запутаннейших вопросах мировой политики, которыми ни один из них никогда не занимался. Только немногие американские корреспонденты живали уже раньше в Европе и были благодаря этому так же хорошо знакомы с международной политикой, как английские или французские журналисты. Но для большей части американцев вначале все это было ново: они не знали условий европейской жизни, они не были знакомы с вопросами, поднятыми конференцией; им были неведомы психология и язык тех лиц, которые делали политику, и хотя они быстро осваивались со всем этим,—незнание, тем не менее, было большим недостатком.

Конечно, в составе нашей мирной миссии находился ряд экспертов, которые всегда имели под руками необходимый информационный материал. Я ходатайствовал перед м-ром Лансингом и полковником Гаусом, и наконец, перед самим президентом, о допущении наших корреспондентов к этому материалу, но тут встретился ряд затруднений. Эксперты были перегружены своей работой в комиссиях, и необходимость снова и снова раз'яснять весь сложный комплекс вопросов, и при том еще перед толпой корреспондентов, приводила их в ужас.

Тогда я предложил, чтобы по мере возникновения тех или иных проблем, мы собирались в бюро печати совместно с экспертами миссии и систематизировали тот исторический, географический и политический материал, который был необходим для освещения этих вопросов; в таком виде этот материал предлагался в распоряжение

корреспондентов. Это предложение встретило в начале резкую оппозицию со стороны м-ра Лансинга, так как он опасался, что подобные сводки смогут вызвать для нас дипломатические осложнения; но я представил свой план на усмотрение президента и указал ему, что наше намерение—дать совершенно об'ективное изложение фактов; такие обзоры фактического характера оказали бы неоценимую услугу корреспондентам. Президент тотчас же согласился с моим предложением.

Наш первый обзор касался Польши и был составлен д-ром Р. Г. Лордом из Гарвадского университета, американским специалистом по данному вопросу. Обзор был принят американскими корреспондентами с величайшей благодарностью и некоторыми дословно послан в Америку. Это был первый обзор, открывший целый ряд других. Ни один из этих обзоров, если только он исходил от нашего бюро, не носил агитационного характера. Они предназначались исключительно для осведомления корреспондентов. Так была организована согласно первоначальным планам президента техническая сторона информации. Что касается второго источника информации корреспондентов, установленного президентом свободного доступа к членам миссии, то вначале он оказался чрезвычайно плодотворным. В то время м-р Лансинг находился в Совете Десяти, и корреспондентов принимали три члена миссии: полковник Гаус, м-р Уайт и генерал Блисс.

Каждое утро собирались в обширных покоях Лансинга, в отеле Crillon, от 20 до 50 корреспондентов; эти совещания считались одним из самых замечательных событий дня. Постепенно однако, члены миссии отходили от этих совещаний, генерал Блисс и полковник Гаус совсем перестали появляться на них, и последнее время корреспондентов принимал либо государственный секретарь Лансинг, либо м-р Уайт; ничего нового эти беседы не давали и превратились в простой фарс. Только дебаты между корреспондентами сохранили некоторую ценность.

Хотя м-р Лансинг жалуется в своей книге о мирной конференции на недостаток гласности, но надо сказать, что именно он был из числа тех людей, доступ к которым был чрезвычайно затруднен. Ни один член миссии не был так скуп на сообщения о деятельности комиссий, в которых принимал непосредственное участие, как он.

Другим вспомогательным средством информации являлись небольшие совещания представителей печати, происходившие уже перед самым концом конференции у полковника Гауса.

Полковник Гаус не только был ближе всех членов миссии к президенту, но он обладал способностью, больше, чем все другие, завязывать личные связи и благодаря этому находился в постоянном общении с наиболее выдающимися представителями других делегаций. Он постоянно принимал посетителей из Америки, которые при его помощи надеялись добраться до президента, так что совещания с ним представляли всегда большой интерес; впрочем позже и они давали лишь скудные сведения о происходившем в Совете Четырех, ибо полковник Гаус знал об этом так же мало, как и остальные делегаты.

Некоторое время американских корреспондентов принимали также и члены иностранных миссий, как напр., м-р Бальфур и лорд Роберт Сесиль или г. Пишон; а затем постепенно расширялся круг их знакомств, увеличивалось знание внешних взаимоотношений и, таким образом, создавались новые источники для информации.

Когда в марте месяце из Америки вернулся президент и был основан Совет Четырех, становилось все труднее и труднее узнавать, о чем ведут переговоры эти главы держав. Поэтому из среды представителей печати начались протесты против подобного порядка вещей. Я представил президенту их жалобу и настаивал, чтобы были созданы какие-нибудь источники осведомления. Наконец, было решено, чтобы я ежедневно к 6 час. утра приходил в помещение президента, где заседал Совет Четырех. Этот порядок сохранился до конца конференции. Обыкно-

венно я входил к президенту в тот момент, когда удалялись остальные члены совета.

Как живой стоит еще перед моими глазами Ллойд-Джордж, с откинутой назад головой и всклоченными в пылу спора седыми волосами; он выходит из кабинета президента, оживленно беседуя с сэром Морисом Генкей (Hankey), который следует за ним с папкой документов. Затем появляется Орландо со своим секретарем Альдрованди и, наконец, обыкновенно последним Клемансо в длинном черном сюртуке, символ спокойной уверенности и силы. При нем состоял секретарь и переводчик Манту.

Обыкновенно я заставал президента в его рабочем кабинете за приведением в порядок документов, которые он запирал в свой стальной ящик. Иногда мы беседовали с ним тут же в кабинете или же направлялись через Hall в салон мистрисс Вильсон, всегда утопавший в цветах. Президент излагал там события дня и указывал, что подлежит опубликованию.

День за днем проходили в разрешении бесконечных контроверз относительно самых разнообразных предметов, тут и репарации, и передача Саарского угольного района и польский вопрос, и все это оставалось неразрешенным, сообщать было нечего. Сейчас же после беседы с президентом я возвращался в помещение Бюро Печати и сообщал корреспондентам все, на что меня уполномочил президент. Иногда эти сведения были чрезвычайно важны, как, например, сообщение о разрешении Шандунского вопроса, но обыкновенно отчет мой никого не удовлетворял, так как и переговоры Четырех никого не удовлетворяли и протекали безрезультатно.

Чем глубже вглядывался я в конференцию, чем ближе знакомился с нею, тем больше понимал, сколько препятствий вставало перед президентом и американской делегацией, особенно в вопросе о гласности. Отношения между народами были настолько сложны, интересы так противоположны и тревоги так сильны, что предавать

все это гласности представлялось чрезвычайно щекотливым делом.

В качестве члена Комитета печати, основанного 9 апреля для опубликования постановлений Верховного Экономического Совета, я приобрел в этом отношении чрезвычайно поучительный опыт.

Наш комитет состоял из четырех представителей, по одному от Великобритании, Соединенных Штатов, Франции и Италии. Все отчеты и другой осведомительный материал относительно работ Верховного Экономического Совета попадали в наши руки. Благодаря своему назначению, я получил счастливую возможность доводить до сведения американского общества достоверный и фактический материал относительно чрезвычайно важных работ Экономического Совещания. Но уже с самого начала возник целый ряд осложнений

На обсуждение ставились вопросы чрезвычайной важности, как, например, план снабжения умирающей Австрии. Конечно, сообщение о таком начинании представляло громадный интерес для Америки, тем более, что такое предприятие усиливало и вновь укрепляло чувство общечеловеческой солидарности и дружбы, на которых хотели заключить мир. Но опубликование этого постановления встретило энергичное и даже не безосновательное противодействие со стороны итальянцев, которых поддержали в этом и французы. Итальянцы опасались, что известие о снабжении продовольствием Австрии вызовет возмущение общественного мнения Италии, где народ находится также в чрезвычайно тяжелом положении. Вообще существовала тенденция оценивать материал не с точки зрения его информационного значения, а с точки зрения его возможного влияния. Конечно, когда война висит еще в воздухе, приходится придавать существенное значение тем впечатлениям, которые могут произвести те или иные решения. Иногда возникали возражения стратегического характера, но чаще дипломатического или политического. В большинстве случаев мы вынуждены были, и то после

бесконечных и бесплодных споров, ограничиться сообщениями чрезвычайно безразличных сведений.

Что же было делать? Если бы американцы настаивали в комитете на своем принципе полной гласности, было бы два выхода: либо пришлось бы Комитет распустить, т. к. поведение представителей печати в Комитете определилось в полной мере стоявшими за их спиной членами Экономического Совещания, либо американские представители должны были выйти из его состава и найти иные способы осведомления Америки. Но на конференции народов, где было важнее всего добиться взаимного понимания, заложить основы для будущего сотрудничества, нельзя же было насильно навязывать другим народам свою политику. Разве это не значило бы дать, чтобы взять? Не представлялось ли более целесообразным оставаться в комитете, выдвигать постоянно американскую точку зрения, и хотя бы в ограниченной мере, но все же осуществлять гласность? Этот сравнительно мелкий случай самым ярким образом освещает проблему, которая постоянно вставала в Париже и перед президентом и перед всеми остальными делегатами американской миссии. Поэтому я остался в комитете и там по мере сил старался бороться за гласность.

Конечно легко критиковать недостатки нашей информационной части, но наши неудачи, если только они были, зависели от чрезвычайной сложности самой проблемы. Не надо забывать, что военные действия прекратились только на время, ввиду перемирия, и что небольшие конфликты, которые могли разростись в большие, охватывали все еще всю Европу. Война требует тайны, и тайной дорожат, страх и алчность обычные спутники войны. Старая дипломатия с ее живучими традициями была тайной дипломатией, и народы были запутаны целой сетью тайных договоров. Свыше четырех лет прессу давила цензура. Новшеством, еще небывалым, было участие общественности на подобной конференции; не существовало для этого ни критерия, ни технических форм. В то время требо-

вать свободы гласности означало бы требовать, чтобы мир немедленно очистился от своих страхов, алчности и жажды мести.

Борьба за гласность представляла лишь часть общей борьбы: за мир вместо войны, за новые чистые методы дипломатии вместо старых, традиционных; за новые взгляды, провозглашающие международные отношения делом самих народов, а не самодержавных вождей.

Борьба за гласность началась нападением извне, но она происходила и внутри, на тайных совещаниях Совета Десяти и Четырех. Я изложу ее в следующей главе.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Борьба президента Вильсона за гласность.—Тайные заседания.— Позиция Франции и Великобритании.—Вопрос об опубликовании мирного договора.

Первое заседание Мирной Конференции состоялось 12 января, через два месяца после перемирия и через месяц после прибытия президента в Европу. И печать и общественное мнение всего мира, особенно Америки с трудом сдерживали свое нетерпение. Журналисты наводнили весь свет сообщениями о приготовлениях к встрече делегатов. Они готовы были исчерпать все свое красноречие, описывая небывалое ликование, которым встретили на парижской арене действующих лиц будущей драмы, особенно президента Вильсона. Они изобразили тот мрачный фон почтенного старого здания на набережной Orsay, на котором суждено было разыграться важнейшим сценам этой драмы, они упомянули об огнях, что должны были осветить театральный реквизит, вплоть до таинственных двойных дверей предназначенной для конференции залы.

Когда все это было описано, а конференция все еще не открывалась, поднялась невероятная волна возмущения, спекуляций и гадания. Нет сомнения что атмосфера была слишком накалена, нет сомнения, что ожидания страждущего человечества были доведены до апогея и нетерпение его становилось грозным.

Самые разнообразные элементы переживали эту небывалую муку ожиданий.

Наиболее важной причиной этого состояния народа была, быть может, отсрочка конференции. Другой причиной—тот факт, что большинство американских корреспондентов не имели вначале необходимого знания, как внешней политики, так и тех исторических фактов и наслоений, которые лежали в основе отдельных актов будущей драмы. Поэтому вначале слишком много внимания обращалось на внешнее, на поверхностное, на догадки оптимистического характера и слишком мало на факты, действительно определявшие события. Политической стороне драмы уделялось слишком много внимания за счет экономических и финансовых интересов. Для них все было так просто. Конференция представлялась им каким-то интернациональным цирком, который давал представления для увеселения мира, а не собранием, трагическим собранием для разрешения вопросов, слишком сложных и властных, чтобы могли их разрешить собравшиеся здесь, или какие-нибудь люди вообще,—и все же собранием, которое должно было действовать, действовать и действовать, хотя каждый его шаг все глубже и глубже затрагивал интересы человечества.

Дальнейший важный повод для преувеличенных ожиданий заключался в слишком вольном толковании первого пункта вильсоновской программы: „Явные договоры о мире, заключенные при полной гласности". Слова „явные договоры при полной гласности" толковались так, что каждый шаг Мирной Конференции должен был происходить на виду у всех. Конечно, президент никогда не думал, чтобы „муки рождения мира" происходили на глазах всех. Действительные взгляды президента на этот вопрос, который он старался выяснить народам, уже не смогли вытеснить то впечатление, раз навсегда произведенное этой формулой.

„Когда я высказался за явную дипломатию, писал он 12 июня 1918 г. Сенату Соединенных Штатов, конечно я

не имел ввиду запретить под страхом наказания всякие вообще закрытые совещания деликатного свойства, я восставал только против заключения тайных соглашений и требовал, чтобы все международные договоры немедленно по их заключении открыто выносились на свет в ясной для всех форме".

Президент требовал уничтожения тайных договоров, а не запрещения закрытых совещаний. Вскоре после открытия конференции я осведомился у президента в целях личной ориентации, относительно его взглядов на гласность:

„Я готов ради гласности сделать все возможное, но мне приходится иметь дело с различными представителями других народов, которые держатся относительно гласности иных взглядов, чем мы, сказал мне президент Вильсон.— Сейчас мы стараемся сопоставить самые различные точки зрения, чтобы установить позицию каждого. Надо устроить нечто в роде международного совещания министров, на котором каждый участник мог бы открыто и смело изложить свою точку зрения. Если бы мы огласили половинчатые или сепаратные решения, легко могла бы вновь политься кровь. Мы ничего не должны предпринимать, что могло бы вновь вызвать войну, наоборот—мы должны делать все возможное, чтобы добиться скорейшего мира. Как только мы придем к определенным решениям — все немедленно же должно стать достоянием народов".

В другой раз президент сравнил конференцию с наблюдательным советом акционерного общества, или с исполнительным комитетом рабочей организации: их совещания закрыты, но решения гласны.

Как бы там ни было, а несомненный факт, что 12 января, в день первой встречи этих 22 человек, 4 от Америки, 4 от Великобритании, 3 от Италии и 11 от Франции, в знаменитой с тех пор зале на набережной Орсей, общественный интерес к делу мира, тревог и ожидания— приняли чрезвычайные размеры. Наконец, должен был

подняться занавес. Новое небо, новая земля должны были явиться людям.

И вдруг разочарование! Занавес остался спущенным. Под конец на сцену из-за занавеса робко проскользнул секретарь и стал усиленно извиняться перед публикой: в пяти сухих фразах он изложил ей, что там, за занавесом разыграли актеры.

Вот что он сказал:

„После совещания Верховного Военного Совета, которому было поручено рассмотреть условия возобновления перемирия, представители великих держав приступили к обсуждению порядка и способа работ будущих совещаний по вопросам о заключении прелиминарного мира[1])“.

Моя задача заключалась в том, чтобы служить до известной степени связью между Советом Десяти и печатью. Когда сообщение о заседании было составлено в министерстве иностранных дел, я передал его немедленно корреспондентам, собравшимся в бюро печати.

Никогда не забуду я неудовольствия, возмущения и негодования, которое вызвало это первое communiqué.

А в действительности, если бы опубликовать каждое слово, произнесенное на этой первой конференции, она показалась бы чрезвычайно скучной. Народы сильно разочаровались бы, но они все-таки знали бы, поняли бы, что там происходило. Несколькими днями позже, настаивая на большей гласности, президент сказал в Совете:

„Я полагаю, что если бы все, происходившее на этих частных совещаниях, было опубликовано, мир от этого отнюдь не погиб бы“.

И тем не менее были основательные причины для соблюдения тайны. Прежде всего: война не была закончена, еще обсуждались условия перемирия, а война и тайна— союзники. Вероятно, с точки зрения демократических элементов Парижа, было крупной ошибкой обсуждать вопросы войны и вопросы мира на одном и том же засе-

---

[1]) Секретн. проток. Совета Десяти от 12 января.

дании. Но это обусловливалось наличностью тайных соглашений и усвоением милитаристских методов воздействия.

С другой стороны соблюдение тайны освящалось установившимися традициями, привычками и рутиной, а американцы никогда не могли оценить по достоинству этих элементов, которые веками ограничивали свободу действий дипломатии. Кроме того старались соблюсти известный декорум: простой народ, по мнению старых дипломатов, вообще не мог понять этих важных и темных вопросов. А потому тайна переговоров была неизбежна.

Но имелись более глубокие и более веские основания для парижской таинственности, чем военная опасность и дипломатическая традиция. Американцы могли сколько угодно отстаивать широкую гласность, но союзные вожди знали очень хорошо, что их помыслы, изложенные в тайных договорах, рано или поздно, а станут примером обсуждения на конференции. Они знали также, что беспокойные, недоверчивые и честолюбивые мелкие государства не будут молчать, когда будут раскрыты их карты.

Как я уже говорил, сейчас же после первого секретного заседания конференции от 12 января наступила резкая реакция. Самые разнообразные слухи стали распространяться; нашептывали, что наступил новый кризис в отношениях к Германии (разве не присутствовали на конференции маршал Фош и его генералы?); что крупные разногласия возникли между Вильсоном и Клемансо; что приняты меры, чтобы задушить большевизм и, last non least, передавали, что конференция вообще решила заседать тайно, что печати вообще не будет дозволено общаться с делегатами различных миссий. Раз не знают, так выдумывают. Слухи выростали, как грибы после дождя. Сильное возмущение царило среди американских и британских корреспондентов, в особенности когда стало обнаруживаться, что происходит „утечка“ (ироническое выражение Вильсона) некоторых сведений в сторону французской прессы.

Тотчас же полетели в Америку пламенные протесты по поводу „тайн дипломатической кухни", по поводу „затыкания ртов", по поводу „темных происков дипломатии"; 14 января американские корреспонденты явились в Бюро Печати и после бурного заседания составили на имя президента Вильсона следующее communiqué:

„Господин президент!

Делегация американской печати в Париже только что получила оффициальное сообщение, что Мирная Конференция приняла решение, в силу которого представители прессы подлежат не только недопущению на очередные ее заседания, но что им должно быть запрещено личное общение с членами различных миссий. Мы получили также извещение, что всякие сообщения о заседаниях будут ограничены краткими ежедневными communiqués секретариата, которые каждые два дня будут раз'ясняться в форме комментария на протоколы. Мы позволяем себе обратить ваше внимание на то, что в случае, если это постановление будет осуществлено, наша информация ограничится сообщением уже совершившихся фактов. Кроме того, этот порядок будет препятствовать опубликованию тех еще не разрешенных вопросов, следить за судьбой которых—составляет право общественности. Если это право не будет ей предоставлено, общественность лишится возможности судить о действиях различных представляющих ее на конференции элементов. Общественное мнение при таких условиях не сможет принять участия в работах конференции, как вы того требовали и как это изложено в четырнадцати пунктах.

Ввиду этого мы, представители американской прессы, самым резким образом протестуем против порядка, который имеем полное право назвать „системой затыкания ртов". В согласии с нашими британскими коллегами которые в свою очередь принесли жалобу премьер-министру, мы апеллируем к вам и просим найти способ для устранения этого неприятного порядка. Мы требуем того же,

чего требуете вы: „Явных договоров о мире, заключенных при полной гласности“.

С почтением:

Эд. Л. Кин, United Press.
Д. Д. Вильямс, Universal News Service.
Г. Ч. Проберт, Associated Press.
Артур Б. Крок, Courier—journal.
Д. Э. Невин.
Г. Б. Суоп, New-Iork World.
Артур М. Эванс, Chikago Tribune.
Ричард В. Улахан (Oulahan), New-Iork Times.
Лауренс Гиллс, New-Iork Sun.
Б. Прайс, New-Iork Herald“.

Я передал этот протест тотчас же президенту с запиской о необходимости принять немедленно какие-нибудь меры. Одновременно с этим полетели протесты из Америки. Статс-секретарь Tumulty телеграфировал 13 и 16 января, ссылаясь на неблагоприятные отзывы американской печати. В его каблограмме от 13-го говорится:

„Положение можно легко восстановить, если вы при случае вызовете к себе корреспондентов трех агентств, которые находились с вами на борту „Георга Вашингтона“, и дадите им более правильное представление о ходе работ, с просьбой использовать эти сведения, как исходящие непосредственно от вас, исключительно для собственной информации“.

16 января он адресовал доктору президента Грейсону, следующую каблограмму:

„Американские газеты сегодня утром переполнены критическими статьями по поводу постановления Мирной Конференции о соблюдении тайны, утверждают, что тем нарушен первый из четырнадцати пунктов. По моему мнению, согласие президента было бы роковой ошибкой. Для народов мира—происходящее на конференции настолько важно, что президент в праве быть настойчивым; лучше—удалиться с конференции, чем подчиниться такому

постановлению. Иное поведение попатнет доверие многих и лишит его поддержки народов мира, которой он пользовался до сих пор“.

Из ответа президента от 16 января на имя статс-секретаря Tumulty можно видеть, как растерялся он перед этими затруднениями:

„Ваша каблограмма о недоразумениях в связи с моим поведением касается обстоятельств, относительно которых, сознаюсь открыто, я не знаю, как поступить. Однако, все, что вы упоминаете, основано на басне. Я не только ни в чем не уступил, но меня даже просили ни в чем не уступать. Мероприятия, о которых говорят телеграммы, выдуманы. Я не могу пойти вам навстречу, так как людям, которых вы послали, безразлична правда или неправда. Что касается трех агентств печати, то сделаю все возможное“.

Это сильное, неожиданное возмущение наряду с тем фактом, что действительно существовали тайные каналы для информирования французской прессы—по вопросам, которые были выгодны Франции—встревожило мирную конференцию. 15 января, в день фактического открытия заседаний совета, Ллойд-Джордж заявил энергичный протест против французской „утечки“.

„М-р Ллойд-Джордж сослался на соглашение, в силу которого никакие сведения о происходящем на совещании не подлежат выдаче помимо секретариата. Он позволил себе указать, что французская пресса опубликовала предположение об истребовании от Германии ее золотого запаса. Г. Пишон заметил, что упоминание об этом случае чрезвычайно удачно; но дело в том, что, по сведениям французских журналистов, это обстоятельство было известно британским и американским корреспондентам, а следовательно появилось бы в их газетах, так как здесь ни американской, ни британской цензуры не существует“.

Между тем в действительности, американские журналисты не имели этих сведений и никогда их не оглашали:

„М-р Ллойд-Джордж заметил, что если это действительно так, то вся система ошибочна. Он сослался на тот факт, что британская делегация имеет в Париже определенное лицо для руководства печатью; и подтвердил, что он вполне уверен, что указанные сведения не исходили от этого оффициального представителя".

Г. Пишон предложил ограничиться выпуском ежедневного communiqué через секретариат Конференции. Все остальные сообщения, прибавил г. Пишон, должны подвергаться цензуре".

„Для осуществления этого потребуется воспретить всякое пользование кабелем; я предлагаю, чтобы каждое правительство указало делегата, для совместного обсуждения этого вопроса и для принятия необходимых мер".

Американским традициям и президенту Вильсону цензура была органически чужда. Даже во время войны он противился цензуре почтовых отправлений, установленной всеми воюющими государствами, хотя в мае 1917 г. его статс-секретарь м-р Лансинг настоятельно требовал введения такой цензуры. Как только война кончилась, была немедленно же снята цензура с каблограмм и радиодепеш. Затем существовало совершенно определенное соглашение с французским правительством на случай, если бы конференция состоялась в Париже; в силу этого соглашения французская цензура не вправе была цензуровать американскую корреспонденцию.

В начале бывали случаи вмешательства военной цензуры под предлогом соблюдения военной тайны, но случаи эти были ничтожны и в дальнейшем ходе конференции американские корреспонденты не подвергались никаким воздействиям цензуры.

Против предложения французов выступил президент Вильсон. Разгорелся следующий спор.

„М-р Вильсон упомянул, что кабель находится в распоряжении правительства Соединенных Штатов. Это обстоятельство дало его политическим противникам удобный случай для критики. Они утверждали, что он посту-

ния так, чтобы подвергнуть цензуре сведения, отправляемые в Европу, об его мероприятиях. Конечно, эта мысль ему чужда; но если бы он сейчас сделал попытку ввести цензуру, то это обстоятельство дало бы его противникам новый повод для нападок. Он убежден, что если бы участники конференции были осторожнее в своих сообщениях прессе, не понадобилось бы никакой цензуры".

Г. Клемансо заметил, что если в Соединенных Штатах нет цензуры, а в Европе она существует, то полмира знает, что происходит, а другая находится в полном неведении.

М-р Ллойд-Джордж полагал, что если бы все сведения поступали только из Америки, „британский народ, вероятно, имел бы кое-что возразить" [1]).

На этом вопросе резко столкнулись американские идеи с французскими. Чем тщательнее изучаешь парижскую конференцию, тем более усиливается впечатление, что в этом вопросе, как и во всех других, шла непосредственная борьба между французской политикой и американскими принципами.

В начале конференции президент Вильсон рассчитывал на сильную и надежную поддержку со стороны Ллойд-Джорджа. Но эта надежда скоро исчезла. Чем глубже развивалась работа конференции, тем больше преклонялся президент перед личностью Клемансо. Они не сходились между собой ни в одном вопросе, но каждый из них чувствовал, что его противник честно борется за определенную, ясно очерченную политику. И каждый видел в другом противника, достойного его меча.

Эта борьба за гласность в первую очередь шла между французами с их тайной дипломатией, подцензурной прессой, многочисленными газетами, либо инспирируемыми министерством иностранных дел, либо субсидируемыми чужими правительствами (напр., Турцией и Италией),—и американцами, требовавшими самой широкой гласности,

1) Секретн. проток. Совета Десяти, от 15 января.

свободной печати и уничтожения всякой цензуры. Итальянцы решительно становились на сторону французов. Японцы со спокойствием сфинксов молчали, но не упускали из виду ни одной мелочи. М-р Ллойд-Джордж побаивался прессы, но все-таки пытался ее контролировать. Несомненно, он охотно бы сыграл ту же роль, что и французы; но он происходил из страны, где печать или большая часть ее была одушевлена любовью к неограниченной свободе. Он никогда не забывал о политической стороне всякого общественного вопроса; 16 января, например, он сказал следующее:

„М-р Ллойд-Джордж заметил, что в каждой союзной стране имеются газеты, стоящие в оппозиции к правительству, и что эти газеты готовы использовать сведения, полученные от делегатов одного правительства, для дискредитирования делегатов другого правительства.

Ему известно, что имеется ряд английских газет, которые ставят своей задачей подорвать доверие к мероприятиям британского правительства“.

В этом и заключался тайный ключ к политике и страхам Ллойд-Джорджа. Клемансо не боялся своей прессы, потому что большинство газет было в его руках. Вильсон не контролировал ни одной газеты Америки, и тем не менее он не боялся печати, ибо он был убежден, что общественное мнение за него.

16 января вопрос о гласности с новой силой стал перед Советом Десяти. Президент Вильсон развернул перед делегатами протест американских корреспондентов. Он добавил к этому, что из Америки поступают чрезвычайно неблагоприятные отзывы об исключении гласности. Поэтому он решил потребовать большей гласности.

Клемансо точно также чувствовал себя неловко. И ему приходилось считаться с новым фактом, которого никто не мог избежать на Парижской конференции: национальная изолированность со времени великой войны оказалась обреченной на смерть.

Если, напр., у одного народа подцензурная пресса, то все народы, имеющие свободную печать, опасны для него. Вот что говорил Клемансо: „Г. Клемансо заявил, что решение, принятое в отношении прессы, не практично. Он указал на то, что в Соединенных Штатах или в Англии нет цензуры, но во Франции она все еще существует. До очевидности было бы unfair (несправедливо), если бы ложные сведения, отправляемые отсюда в Соединенные Штаты или Англию, приходили бы сюда обратно из Америки и не могли бы быть подвергнуты цензуре, т. к. они посланы из Соединенных Штатов. Далее он упомянул статью „New-York Tribune", угрожавшую союзникам отозванием американских войск из Европы. Поэтому было бы желательно или всюду соблюдать полную тайну, что, однако, совершенно невозможно, либо установить полную гласность.

Президент Вильсон в этот момент бросил в заседание свою бомбу: он потребовал „полной гласности всего происходящего".

Таким образом резко определился спорный вопрос. Клемансо своим ясным французским умом схватил его сущность: либо „полная тайна везде" — либо „полная гласность". Основываясь на этом предложении, президент Вильсон заявил „что общественность Соединенных Штатов требует открытых заседаний".

Всякий раз, когда делегаты доходили до такой мертвой точки и беспомощно уставлялись друг на друга, Клемансо неизменно повторял свое любимое изречение и требовал, ценой чего угодно, единодушия конференции. „Ради единодушия я готов принести большие жертвы", говорил он всегда. Эта же мысль не оставляла никого из участников конференции. Народы охватил хаос: либо мир — либо анархия. На всем свете только эти четверо пользовались авторитетом. Было бы чрезвычайным легкомыслием предполагать, что конференция подвергнется риску из-за второстепенных соображений. Если двое стойких, полных решимости людей, как Вильсон и Клемансо, сходных

друг с другом только боевым упорством,—сталкиваются между собой, это значит полный разрыв, поэтому надо искать компромисса. Поэтому каждый старался предложить какой-нибудь выход.

Мр. Ллойд-Джордж заметил, что опубликование раз'яснения относительно опасности, с которой связано оглашение ежедневных сведений по вопросам, не получившим еще разрешения, встречает полное его одобрение. Он полагает, что было бы хорошо обратиться к общественности с предложением не придавать большого значения непроверенным сведениям. Он убежден, что большинство публики признает справедливость этого обращения и не будет доверять таким сведениям.

Президент Вильсон вернулся тогда вновь к своей мысли, которую изложил уже днем раньше, относительно образования комитета печати всех союзных наций и спросил:

„Признают ли присутствующие целесообразным предложение, чтобы сэр Джордж Риддль и м-р Беккер, а также представители итальянской и французской делегаций устраивали совещания с корреспондентами газет, открыто заявили бы им о цели этих совещаний, достигли бы соглашения с ними и выяснили, что известия, выпускаемые относительно каждого действия конференции, дали бы совершенно ложное представление о ней".

Г. Клемансо заявил, что этот способ не удержит людей, желающих распространять ложные сведения.

Президент Вильсон вообще не видел способа, который мог бы воспрепятствовать этому. Он полагал, что его предложение успешнее всего разрешило бы спорный вопрос, особенно в отношении интимных совещаний; он предлагает также решить присутствующим, чтобы пленарные совещания были доступны для прессы.

Мр Ллойд-Джордж заметил, что если печать будет допущена, то ее уже никогда не удастся изгнать; а барон Соннино вообще возражал против организации такого комитета.

М-р Бальфур осведомился, отдают ли себе присутствующие ясный отчет в том, что составит задачу широких совещаний, если они действительно будут совершенно доступны для прессы. Не превратятся ли они тогда в простую формальность?

После дальнейшего обсуждения этого вопроса Ллойд-Джордж вернулся к предложению президента Вильсона и заявил, что в свою очередь предлагает представителям делегаций завтра же ознакомиться с взглядами печати. Он просил президента Вильсона повторить свое предложение.

Президент Вильсон об'яснил, что указанные три представителя (сэр Джордж Риддль, Рэй Стаппард Бекер и капитан Рвеих) должны созвать представителей печати, выяснить им, с какими затруднениями связана для делегатов выдача сведений корреспондентам и сообщить им мнения делегатов, что опубликование подробностей дебатов не явится облегчением для работ конференции. Указанные три представителя должны, следовательно, выяснить прессе, что делегаты конференции хотят довести до сведения печати постановления своих совещаний в возможно более подробном и полном виде. В заключение эти три представителя должны изложить перед корреспондентами свое мнение относительно наиболее целесообразного способа удовлетворить желания делегатов [1]).

Совещание представителей печати, предложенное Советом, состоялось в 5 часов в Отеле Дюфейэль (в клубе межсоюзной прессы). Это было грандиозное, может быть, первое за все время собрание прессы всех стран мира. Казалось странным, что даже на этом совещании корреспондентов раздавались разные голоса относительно степени допустимой гласности. Американские корреспонденты стояли в общем за полную гласность по всем вопросам. Английские корреспонденты, которые обладали большим опытом в вопросах международной политики,

---

[1]) Секрет. Проток Совета Десяти от 16 января.

лучше понимали возникавшие перед конференцией затруднения и проблемы, и не были поэтому уверены, насколько разумна или даже возможна неограниченная гласность. Наконец, французские корреспонденты находились в такой тесной связи с своим министерством иностранных дел и так сливались с общими страхами и тревогами Франции, что их точка зрения едва ли отклонялась от точки зрения Клемансо.

Вследствие подобных разногласий и отсутствия какого-нибудь общего критерия для разрешения этого вопроса, совещание совершенно не достигло своей цели. Предложение президента было основано на принципе, чрезвычайно родственном американцам: отнестись к прессе с полным доверием, открыто изложить перед ней все затруднения и затем предоставить окончательное решение честности и добросовестности корреспондентов. Опыт неоднократно показывал, что ни одному сословию нельзя доверять с таким спокойствием тайну, как опытным газетным корреспондентам, но при условии, если их осведомляют честно и с самого начала облекают самым полным доверием. Но американский делегат не мог гарантировать осуществления основной предпосылки, действительной гласности, и потому не мог потребовать залога и со стороны прессы. Я доложил президенту результаты этого совещания и заявил прямо, что не могу признавать их удовлетворительными.

Поэтому Совет решил прибегнуть на следующий же день к предложению Ллойд-Джорджа и опубликовать по адресу печати предостережение, в котором указывалось на опасность слишком широкой гласности, причем конференция в этом обращении характеризовалась, как совещание министров. Сущность взглядов президента была изложена следующим образом.

Идея демократических методов заключается не в том, чтобы все совещания правительства протекали при полной гласности, а в том, чтобы его решения представля-

лись на благоусмотрение народных представителей и могли свободно обсуждаться с трибун и в печати.

Все эти попытки найти выход из положения еще больше подстегивали американских корреспондентов к протестам, они устраивали многочисленные собрания, выносили все новые и новые резолюции [1]).

Президент предложил, как было уже упомянуто, чтобы пленарные заседания конференции были открыты для публики. Это предложение встретило вначале возражения со стороны других делегатов и было сперва отклонено. Но в конце концов усилия президента увенчались успехом и корреспонденты были допущены 18 января на первое общее собрание конференции и также на большинство последующих совещаний. Но так как в данном случае несомненную победу одержали американские идеи, так как в этом решающую роль сыграли президент и американские корреспонденты, то, как и предсказывал Бальфур, открытые заседания свелись к одной лишь формальности.

Вот к каким способам прибегали в борьбе с гласностью. Делая вид, что стоят за возможно более широкую гласность, вопреки желаниям „старого порядка“,—молча урезывали права президента, лишали его сильнейшего и важнейшего оружия—апеллировать в случае несогласия с представителями великих держав к общественности. Обыкновенно, напр., в борьбе своей с французами, президент придерживался правил „министерской солидарности“, но в споре с итальянцами президент нарушил это правило, и мы увидим дальше, какие это имело последствия.

Теперь мы переходим к другим трудностям, связанным с вопросом о гласности, к трудностям, которые опре-

---

[1]) 16 января американские и британские корреспонденты пытались на заседании, длившимся почти целую ночь, вынести общую резолюцию от имени прессы всего мира; но они встретились с упорным противодействием французов. В конце концов были приняты две резолюции, одна общая с французами, а другая без французов.

делялись темпераментом самого президента. Как ни удивительно, но тем не менее это факт, что ни корреспонденты, ни американская публика не имели ни малейшего представления, какую борьбу приходилось выносить на себе президенту. Здесь ему представлялась прекрасная возможность спаять себя с печатью стальными узами, ибо его дело было поистине делом американской прессы и американского народа, ему стоило только облечь своим доверием корреспондентов, как я ему советовал, и выступать с ними в этой борьбе солидарно. Этим путем он мог бы обеспечить себе поддержку печати, которой ему всегда недоставало, и усилить сочувствие американского общества, необходимое для осуществления его принципов мира и союза народов. Но он никогда не говорил корреспондентам, что̀ он делал, как боролся. Даже мне не давал он никаких сведений, которые я мог бы использовать по долгу службы; вероятно, он не посвящал в это и мистрисс Вильсон.

Я постоянно предлагал президенту совместные совещания с корреспондентами; те два или три случая, когда он встретился с ними, оставили у представителей печати неизгладимое впечатление; но, казалось, что он боится этих встреч. Президент вообще не понимал ценности и значения непосредственного общения с людьми. Я знаю, что он сочувствовал протесту корреспондентов от 14 января, он прямо нуждался в нем, но президент никогда не признавался им в этом. Ни разу не поблагодарил он их, поэтому многие считали его враждебно настроенным против печати. Когда я как-то настоял на приеме нескольких журналистов для обсуждения некоторых вопросов, он заметил:

„Да ведь это я говорил уже!“

Правда, он упомянул об этом в одной из своих речей! Все больше бросалось в глаза ухудшение его здоровья. Постоянно он был обременен работой до полного истощения сил... Часто, когда вечером я заходил к нему — я заставал его совершенно подавленным и обессиленным. Было бы жестокостью обращаться к нему с какими-ни-

будь новыми просьбами или требовать информаций. Д-р Грэйсон постоянно предупреждал президента, что он переутомляется. Сношения с корреспондентами требовали крепких нервов и физической энергии, он сберегал свои силы для более важных дел. А между тем на парижской конференции очень многое зависело от отношения общественности и от моральной поддержки мировой совести, и как раз тут нельзя было щадить свои физические и душевные силы.

Несмотря на все предостережения и несмотря на все меры принятыя для сохранения тайны секретных совещаний, „лазейка“ все-таки оставалась. С расширением круга знакомств и для американских и британских корреспондентов открылись каналы, по которым они стали получать запретные сведения. Но настоящая „лазейка“ была доступна только французской прессе. Французское министерство иностранных дел было покрыто сетью таких каналов, доступных только дружественным журналистам; исходящие оттуда сведения обладали чудесным свойством служить на пользу только французам. Далее, те иностранные корреспонденты, которые были отрезаны от этого непосредственного источника информации, черпали их косвенно оттуда же. Таким образом во все части света доходили известия, окрашенные во французский цвет.

Однажды в феврале месяце, когда борьба президента за союз народов достигла критического момента, он показал мне записку, доставленную из безупречного источника, содержавшую следующую инструкцию для французской правительственной прессы:

1. Усилить оппозицию республиканской партии против президента и его политики.

2. Преувеличивать хаотическое состояние России.

3. Доказывать, что Германия хочет и может возбоновить войну.

— Если это будет продолжаться, я предложу перенести конференцию в Женеву или в другое место вне Парижа,— сказал президент.

Действительно, как можно назвать такой образ действий? Во время дружественного совещания союзных наций несколько газет, известных, как оффициозные органы одного из правительств, употребляют все старания, что бы натравить общественное мнение на ответственного представителя другой нации и тем затруднить его работу!

14 марта Tumulty телеграфировал президенту: „вопрос о гласности вызывает здесь сильное неудовольствие“. В тот же день новая телеграмма: „Страна чрезвычайно встревожена появившимся в Париже и других местах сообщениями Associated Press, что Союз Народов не будет включен в мирный договор“.

Вопрос о гласности возбуждал сомнения и в других еще отношениях. В начале Совет Десяти строго ограничивал свой состав двумя делегатами от 4 или 5 великих держав, при которых находились их секретари и эксперты; но постепенно проявилась тенденция созывать более широкие совещания. 6 марта были приглашены на заседание военные эксперты, которые вместе с членами своей делегации и секретарями образовали общество в 55 душ.

Особенно сильно нервничал по этому поводу Ллойд-Джордж. 6 марта он заявил следующее: „по его мнению нецелесообразно обсуждать самый текст (договора) в столь многочисленном собрании. Британские делегаты не считают возможным принять настоящую редакцию условий, не подвергнув их основательным изменениям; но речь идет о вопросах, которые делегаты вправе обсуждать только между собой, ибо только они несут ответственность за окончательные решения“.

В другой раз он снова выразил опасения, что конференция постепенно приобретает характер публичного заседания. Все эти обстоятельства наряду с настойчивыми требованиями народов поспешить с заключением мира, заставили ответственных представителей четырех великих держав (иной раз их было трое) замкнуться в совершенно интимный совет, на заседаниях которого присутствовали иногда два или три молчаливых секретаря. На этом за-

седании „великих четверых“ разрешались наиболее скоро самые опасные вопросы и формулировался договор. Этот „темный период“ конференции нуждается в более подробном освещении; он имел глубокие причины и повлек за собой важные результаты. Здесь, в сущности, и разыгралась борьба между Вильсоном и Клемансо.

Достаточно упомянуть, что с середины марта и до закрытия конференции все важные совещания „великих четверых“ хранились в большой тайне, и только решения их время от времени становились известны в полном об‘еме. Президента Вильсона сильно упрекали в том, что он никогда не посвящал в ход этих совещаний других членов делегации, даже полковника Гауса, но такие же упреки были направлены и против Клемансо и Ллойд-Джорджа. Даже м-р Бальфур блуждал часто в потемках. Каждый из этих четырех представителей давал, конечно, заведующему своего бюро печати, как, напр., Вильсон мне, общий обзор вопросов, подлежавших рассмотрению, для сообщения их корреспондентам, но никого такая информация удовлетворить не могла.

Еще два вопроса в связи с проблемой гласности выплыли на конференции: один вращался вокруг требования журналистов о праве присутствовать при передаче мирного договора немцам; другой касался чрезвычайно сложной проблемы опубликования самого мирного договора.

Вне всякого сомнения, заседание 7 мая было самым драматическим и тяжелым моментом мирной конференции. В этот день вожди союзных держав впервые встретились с вождями побежденной Германии. В этот день германской делегации был торжественно вручен полный текст договора. Нет в мире народа, который обладал бы таким умением инсценировать подобные торжества, как французы. Они приложили все старания, чтобы эту встречу превратить в символ своей победы над заклятым врагом, чтобы придать ей особую торжественность и сделать незабвенной. Конечно, в их памяти жили еще традиции былых церемоний, которые сочетали чрезвычайную пыш-

ность с известной простотой. Хотя вся печать—представительница демократии—рвалась в Версаль, ни один ее представитель туда не был допущен.

Но так как нельзя было игнорировать, что на свете существуют все-таки и общественность, и пресса, то во дворе, примыкавшем к воротам дворца и украшенном зеленью, отвели место и для представителей печати. Представителям ее великодушно разрешили поджидать здесь входа и выхода делегатов. Можно себе представить гнев американских корреспондентов! Барьеры, устроенные во дворе, сейчас же получили название „защитных ограждений“ и „соединительных окопов“. Снова начались заседания в бюро печати, и снова выносились резолюции. Я отправился в Версаль и установил, что для корреспондентов найдется достаточно места в самом здании. По возвращении я обратился за содействием к м-ру Лансингу, просил его отменить принятые решения, но м-р Лансинг был всецело на стороне французов. Тогда я доложил все это дело президенту, который обещал мне поднять этот вопрос в Совете Четырех. Он сдержал свое обещание, и 30 апреля заявил следующее:

„Президент Вильсон сказал, что у него имеются сведения о настоятельном желании союзных и американских журналистов присутствовать при передаче мирного договора немцам. Он слышал, что в настоящее время им намерены предоставить какое-то скрытое место, откуда они могли бы, находясь за ограждением, наблюдать появление немцев. Ему сообщено, что имеется достаточно места в самом здании... для известного числа журналистов... откуда они могли бы видеть церемонию передачи договора“.

Л л о й д-Д ж о р д ж резко восстал против этого.

„М-р Ллойд-Джордж заявил, что было бы чрезвычайно неприлично и неудобно допустить журналистов и, т. о., превратить эту встречу в цирковое зрелище. Конечно, можно допустить двух, трех представителей печати. Но надо принять во внимание, что представители Германии

будут находиться в чрезвычайно щекотливом и тягостном положении, и, конечно, будут правы, если станут жаловаться на описание столь тяжелых для них моментов. Он не питает особых чувств сострадания к немцам, но полагает, что допущение журналистов, при подобных обстоятельствах, было бы беспримерным фактом".

Г. Клемансо предлагает отвести им по крайней мере конец корридора, откуда они могли бы видеть прибытие и уход делегатов.

Президент Вильсон возразил, что он не согласен с этим решением, так как присутствие журналистов для него принципиальный вопрос, но свой взгляд он не хочет навязывать.

Было решено, что журналисты будут наблюдать прибытие делегатов, находясь в конце корридора Трианона [1]).

Таким способом журналисты попали в конец корридора. Тогда президент начал новую борьбу: за допущение журналистов в залу собрания, и в конце концов им было разрешено войти в залу, но только через заднюю дверь (надо было подчеркнуть разницу между ними и делегатами!) Было допущено по 5 журналистов от каждой национальности, включая и Германию. Три входных билета получили агентства печати, а два других после жестоких споров были разыграны и достались специальному корреспонденту „New Jork Times" м-ру Улахану (Oulahan) и м-ру Гайдену (Hayden) из „Detroit News".

Т. о. и в данном случае вся пресса мира извлекла пользу из борьбы американских корреспондентов и той поддержки, которую они встретили со стороны президента Вильсона в Совете Четырех.

Важнее и по своим последствиям значительнее был вопрос о времени опубликования мирного договора. Спор начался еще 23 апреля в Совете Трех (итальянцы в то время отсутствовали) и тянулся целый месяц. При этом создалась чрезвычайно любопытная ситуация. Клемансо

---

[1]) Секр. проток. Совета Четырех 30 апреля.

настаивал на том, чтобы договор был опубликован немедленно по вручении его немцам. Вот его рассуждение:

„Г. Клемансо особенно настаивал на том, чтобы договор был опубликован тотчас после передачи его немцам. Было бы несправедливо по отношению к нашему народу, если бы мы, раскрыв договор перед немцами, скрыли бы его от французов. Создалось бы совершенно невозможное положение, если бы договор не был опубликован. Можно быть вполне уверенным, что немцы его опубликуют, хотя бы из желания причинить нам неприятности. В странах союзных и примкнувших к нам держав произвело бы чрезвычайно скверное впечатление, если бы общество содержание договора узнало прежде всего из радио-телеграмм Германии“ [1]).

И по другим еще причинам французы хотели немедленного опубликования договора. Договор в широких размерах удовлетворил требования французов, в особенности, относительно репараций, Силезии и Саарской области. Если бы договор был опубликован немедленно, прежде чем немцы успеют огласить свои возражения, изменение его оказалось бы уже более затруднительным. А французы требовали безусловно проведения всех обязательств, возложенных на немцев, они не хотели никаких изменений.

Л л о й д - Д ж о р д ж, наоборот, противился с таким же упорством опубликованию договора, с каким К л е м а н с о настаивал на нем. Как только просочились в Англию первые известия об условиях договора, среди ее рабочих и либеральных кругов поднялись резкие протесты. Такие выдающиеся вожди, как Смутс и генерал Бота были чрезвычайно разочарованы. Генерал Смутс даже грозил, что не подпишет договора: крупные представители экономических кругов Англии сейчас же поняли, что это „французский мир“, который не только изуродует Германию, но и замедлит экономическое восстановление Европы. Все

---

[1]) Секретн. проток. Совета Четырех, 23 апр.

это беспокоило Ллойд-Джорджа и заставляло помышлять об изменениях договора.

„М-р Ллойд-Джордж докладывает сообщение, полученное им от генерала Смутса, в котором последний доказывает, что опубликование договора представило бы существенные дипломатические преимущества Германии. В таком колоссальном акте, конечно, найдутся спорные вопросы, которые немцы используют в своих интересах. Он указал на то, что многие места договора сам вынужден был представить на заключение экспертов, которые не могли не обнаружить их несогласованности с целым. Он заранее убежден, что, если бы прочитал весь договор целиком, то обнаружил бы пункты, которые друг другу противоречат, как это случалось при проведении сложных законопроектов в парламенте“ [1]).

Президент Вильсон в начале колебался, какую позицию занять. 24 апреля он заявил: хотя опубликование договора нежелательно, оно тем не менее, по его мнению, неизбежно. Однако позже, ознакомившись с аргументацией Ллойд-Джорджа и надеясь, хотя бы при его поддержке, провести некоторые изменения наиболее суровых условий договора, он высказался против немедленного опубликования мирных условий. В конце концов, они договорились с Клемансо о подготовке к опубликованию некоторых выдержек из договора. Но и после этого соглашения не прекратились частичные требования Клемансо немедленно огласить условия мира, прежде чем немцы опубликуют свои возражения.

Но в этот момент и британский парламент, и американский сенат потребовали представления текста договора. Отдельные его части проникли уже туда. Вскоре после этого, копия договора достигла наконец Wall Street и попала к сенатору Лоджу, который горько жаловался в Сенате на то, что к такому акту приложил свою руку президент, и подверг его суровой критике. Однажды,

---

[1]) Секр. проток. Совета Четырех 5 мая.

когда борьба мнений достигла высшего пункта, на моем столе оказалась полная копия договора. Одновременно с этим мы узнали, что в Бельгии можно купить экземпляр договора за каких-нибудь два франка.

Благодаря кабелям, радио-телеграфу и печатному станку, соблюдение тайны оказалось фактически невозможным. 12 мая в Совет Четырех было заявлено следующее:

„М-р Ллойд-Джордж заявил, что британский парламент требует представления договора. Он ответил, что предварительно запросит своих коллег. М-р Бонар Лоу высказался в том смысле, что если будут опубликованы только выдержки, а не весь договор, то решат, что выдержки не точны.

Г. Клемансо заявил, что он уже отказал и сенату, и палате депутатов в представлении договора.

Г. Орландо заявил, что он против опубликования, так как последнее значительно затруднило бы возможность изменений.

Г. Соннино присоединился к этому же мнению. Президент Вильсон заявил, что до своего возвращения в Соединенные Штаты он не представит договора сенату“ [1]).

Приняв это решение, президент уже держался за него, и договор не был опубликован в Соединенных Штатах оффициальным путем до представления его сенату.

Так протекала борьба за гласность в Париже. Такой борьбы не знала еще история всемирных конгрессов; она оказала глубокое влияние на весь ход работ конференции.

Ознакомившись с силами нового порядка, мы можем теперь обратиться к борьбе по тактическим вопросам: к борьбе за руководство конференцией, за те или иные организационные формы, которыми характеризуются первые заседания конференции. Она имеет большое значение.

---

[1]) Было решено не представлять законодательным установлениям союзных и примкнувших к войне держав того текста мирного договора, который был вручен Германии.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Старые и новые силы вступают в борьбу.—Расприи между военными и политическими вождями.

„Эта Парижская Конференция станет, повидимому, довольно беспокойным предприятием“, предсказал еще за два месяца до ее открытия Бальфур.

Это было предсказание, полное глубокого смысла. Боевые силы старого порядка направлялись в Париж, как мы видели, в полной уверенности заключить мир по своему желанию. Их тактическая позиция была сильнее: за них стояла традиция, опыт, дипломатическая сноровка и прежде всего законченная организация их сил. Европейские правительства обращали исключительное внимание на развитие и укрепление своих дипломатических и военных сил.

Но с другой стороны, и те новые силы, которые собрались в Париже, не были лишены сильной организации и опытного руководства. Одушевление и упорная воля заменяли им отсутствие традиции. Прежде всего они были в полной уверенности (и вполне основательно), что если их лишат своей поддержки руководители европейских правительств, то они во всяком случае будут пользоваться поддержкой народов всего мира. Обе эти группы, как и надо было ожидать, тотчас же столкнулись друг с другом, и прежде всего по вопросам организационной тактики. Кто должен был руководить этой всемирной кон-

ференцией? Должны ли руководить ею военные силы, четыре года под-ряд господствовавшие над Европой, или авторитет гражданских властей?

Лишь немногие знают, какая упорная борьба происходила в Париже, в течение всей конференции, между военной партией и главами государств. В этой главе я попытаюсь обрисовать те усилия, которые употреблялись на тайных совещаниях, чтобы освободиться от господства военных элементов и военного духа. Когда разрешилась эта борьба, начались не менее ожесточенные битвы из-за того, какой державе взять на себя руководство конференцией, какой порядок на ней установить, какой язык избрать ее оффициальным языком (язык всегда символ власти).

Горя желанием узнать, чем завершится парижская конференция, слишком мало внимания обращали на предварительные организационные вопросы, имевшие чрезвычайно большое значение. На всяком политическом собрании, во всяком рабочем союзе, во всякой деловой организации, прежде всего приходится устанавливать организационное руководство и внутреннее делопроизводство, это азбука всякого общественного об'единения. Особое значение, конечно, имели эти вопросы для Парижской Конференции. Однако, большая часть этих вопросов была либо разрешена уже раньше, до обсуждения их на конференции, либо в значительной степени уже предрешена.

На память приходит чрезвычайно драматический момент моей первой встречи с маршалом Фошем, которая постоянно символизировала мне всю парижскую конференцию. Эта встреча произошла в приемной Пишона, примыкавшей к его кабинету, в здании на набережной Орсей: высокие сводчатые покои, стены, покрытые старыми гобеленами, пышные ковры, тяжелые кресла и бесшумно взад и вперед снующие слуги в ливреях. Там происходило совещание вождей великих держав с их советниками и секретарями. Там находился президент Вильсон с премьер-министром Великобритании и министром президентом Франции.

В кабинет Пишона вели двойные, обитые сукном двери, которые были так устроены, что не пропускали ни одного звука. Позже я понял, что подобная таинственность составляет неот'емлемую принадлежность дипломатического церемониала, которая, однако, не препятствует проникновению и за пределы двойных дверей некоторых сведений о происходящем за ними.

Однажды утром, это было в январе, вскоре после открытия конференции, эти двери на моих глазах внезапно, точно от сильного удара, распахнулись и оттуда выскочил маленький седой человек, чрезвычайно прямой, похожий на старого и ученого профессора, в военной форме маршала Франции. За ним бежал маленький живой Пишон, умоляя вернуться обратно.

Но маршал Фош раздраженно твердил: „Jamais, jamais!“ Нет, он не хотел возвращаться, он покончил свои дела с мирной конференцией. Он никогда не вернется.

Но через несколько минут он уже примирился, вернулся в кабинет обратно, и таинственные двери вновь замкнулись за ним. Впоследствии он всегда представлялся мне старым ученым, а не боевым генералом: как человек, Фош отличался особой любезностью и обаянием.

„Разрешите пожать вашу руку, маршал Фош“,—сказал ему как-то один американец.—„Пожмите обе“,—ответил сердечно маршал Фош и протянул ему обе руки.

Описанный случай всегда являлся для меня символом всей конференции: в течение всего этого бурного месяца генералы и адмиралы не раз изгонялись фрачниками из залы заседаний и потом вновь приглашались обратно или возвращались сами. Не надо забывать, что военные люди до этого момента 4 года под-ряд повелевали миром. Они располагали в Париже, в лице верховного военного совета и его могущественных экономических учреждений—орудием господства над миром, составляли какое-то „сверхгосударство“, какой-то „союз народов“, в сравнении с которым основанная в Париже Лига наций представляла

лишь слабую копию. Эти генералы были сильными людьми, привыкшими к неограниченным полномочиям, от которых теперь им приходилось отказываться, и, конечно, они делали это неохотно. Но этот случай только слабое отражение того, что происходило в действительности в Париже.

Так началась Мирная Конференция.

Первая страница, которой открываются секретные протоколы 12 января 1919 г., имеет в заголовке следующие слова: „Протокол совещания верховного военного совета“.

Не только делегаты мирной конференции, но и генералы присутствовали на этом совещании: Фош и Вейган от Франции; сэр Генри Вильсон от Великобритании, генерал Блисс от Америки. Маршал Фош, герой Франции, явился с новыми военными планами. Он стоял за продолжение борьбы! Он предлагал немедленно отправить союзную армию (преимущественно американцев под американским командованием) в Польшу. Он стоял за немедленное, полное уничтожение европейских большевиков. Кроме того, он настаивал, чтобы многочисленные русские пленные Германии, настроенные антибольшевистски, были отправлены на родину, и, наконец, он предлагал длительную военную оккупацию Рейна в интересах Франции.

Вот какое настроение застали в Европе американские миротворцы. Верховный военный совет был уполномочен продлить перемирие и разрешить наиболее неотложные стратегические вопросы Европы. Первая задача, которую предстояло разрешить, заключалась не в применении определенных принципов к установившемуся положению вещей, не в борьбе со старым порядком для создания нового, не в высоком и идеальном стремлении к новому миропорядку; приходилось прежде всего делать отчаянные усилия, чтобы затушить все еще упорно разгоравшийся пепел всемирной войны. Правда, в ноябре месяце согласились заключить мир, но до мира все еще было далеко.

На седьмой странице этого исторического протокола

первого заседания (12 января) конференции мы находим следующие слова:

„Он (председатель г. Пишон) постановил затем, чтобы совещания продолжались без участия военных, которые после этого удалились“.

Несколько отступя, на той же странице мы читаем:

„Г. Пишон полагает, что конференция могла бы приступить теперь к установлению порядка своих занятий“.

Так внешне непринужденно, но в действительности чрезвычайно осторожно, начала свою деятельность Мирная Конференция: из боевого совета она превратилась в совет мира; правда, она с такой же легкостью еще не раз вновь превращалась в совет войны.

Таким образом, поспешившие в Париж, американцы встретились с хорошо уже налаженным и прекрасно смазанным механизмом, который обслуживался опытными, сработавшимися между собой людьми, преследовавшими не творческие, а разрушительные цели. Кроме того, военные власти, наделенные широкими полномочиями для заключения перемирия, вторглись в сферу будущих мирных взаимоотношений и до известной степени их предрешили.

Французы владели линией Рейна, итальянцы территориями, установленными лондонским договором, а владение создает право.

Критика впоследствии забыла, что мир был заключен в атмосфере, насыщенной пороховым дымом, и под большим или меньшим влиянием военных настроений. Он не мог быть иным. Ибо четыре года войны довели народы до психоза; все делалось, чтобы внушить им воинственный дух, вселить ненависть к противнику вместо страха, искусственно об‘единить их для боевых задач. В память перенесенных ими страданий и обид, Европа насчитывала 7.500.000 трупов и 20.000.000 раненых, опустошенные города, разрушенные рудники и фабрики и невыносимое бремя долгов. Четыре года под-ряд насаждали в народе такую психологию, четыре года под-ряд обрабаты-

вали в этом духе общественное мнение всего мира. Можно ли после этого требовать, чтобы четыре человека, сидевших в Париже, или вернее один человек, все это изменили в какие-нибудь три месяца. Ведь, приходилось не только заключать общий мир, надо было переделать психологию всего человечества.

Немало усилий приходилось употреблять конференции, чтобы глушить небольшие костры, еще тлевшие после мирового пожара в России, Венгрии, Азии и других местах земного шара. Таких мелких очагов войны насчитывалось в различных пунктах Европы не менее четырнадцати.

Военные власти, которые 12 января „удалились" с первого же заседания конференции, тем не менее давали знать о себе в течение всех ее совещаний своими стратегическими планами, своими претензиями, своим вмешательством... и сейчас они снова стараются выступить на авансцену.

Не удовлетворяясь этим, они старались смутить конференцию, сбить ее с толку, искажали ее постановления, мешали своими действиями. Они не переставали делать попытки—прорвать фронт в Польше, России, Германии, Венгрии, Юго-Славии и, т. о., вернуть себе руководящую роль. Я докажу позже, что слишком часто их тайно поощряли к таким действиям политические руководители, даже из совета великих держав. На наших глазах французские генералы покровительствуют революции в рейнских провинциях; британский генерал создает в западной России „белое" правительство; итальянские офицеры на свой риск и страх вторгаются в Адриатическое побережье и Малую Азию; даже американский офицер принимает на себя в Тешенском угольном районе руководство чехами.

Первое столкновение на конференции произошло из-за попытки заменить методы военного воздействия гражданскими принципами. Когда маршал Фош сделал предложение немедленно двинуть союзные, главным образом

американские, войска в Польшу, чтобы уничтожить большевиков, президент Вильсон решительно воспротивился этому плану. Он заметил, что „для него является чрезвычайно сомнительной возможность подавления большевизма оружием, поэтому он считает неразумным военное вмешательство, прежде чем великие державы не сговорятся относительно противодействия большевизму, как социальной и политической опасности“.

Военные вожди были слишком долго всемогущи, и поэтому теперь им трудно было ограничить сферу своей деятельности. Они жаждали не только военного главенства, они хотели также присвоить себе инициативу в области политических и экономических вопросов. Когда м-р Дэвис (Davis), представитель нашего государственного казначейства, прибыл в Париж, французский министр финансов г. Клотц сообщил ему, что он будет состоять в качестве советника при маршале Фоше. Само собою разумеется, что м-р Дэвис тотчас же заявил энергичный протест. Когда маршалу Фошу было предложено для переговоров с немцами в Спа воспользоваться гражданскими экспертами, он с негодованием отверг это предложение и отказался подчиниться распоряжениям своего правительства, потребовав полной свободы действий. Клемансо вынужден был упрашивать его.

„Г. Клемансо заявил, что независимо от своей личной точки зрения, он позволяет себе обратиться к маршалу Фошу с вопросом, не сможет ли он отодвинуть на задний план свои личные чувства и склонности, чтобы попрежнему оставаться выразителем желаний союзников. Крайне необходимо, чтобы накануне решения, которое может повлечь за собою самые серьезные последствия, не исключая и возобновления враждебных действий, не было ни малейшего разлада среди союзников“ [1]).

Но Фош отклонил предложение подчиниться какому бы то ни было над ним стоящему авторитету. Он идет

[1]) Секр. проток. Совета Десяти от 21 марта.

в Спа „не для передачи письма“, он не „почтовый ящик“.

Потребовалось частное совещание правительственных вождей (24 марта), чтобы убедить его подчиниться решению союзников.

Так развивалась и ширилась борьба с духом войны: его старались подавить или по меньшей мере успокоить: часто дело доходило до открытых столкновений. Однажды (7 февраля) у Клемансо вырвалось такое замечание: „Маршал Фош не военный же папа. И он может иной раз ошибиться. Он великий генерал, и все готовы оказать ему заслуженную честь, но есть же работа и помимо этого“. В следующих заседаниях, когда маршал Фош потребовал, чтобы условия мира были выработаны к 1 апреля, м-р Бальфур заметил, что военные делегаты, „страшая Совет Десяти, принуждают его к заключению мира; но их аргумент—пистолет, приставленный к виску делегатов“.

Ллойд-Джордж точно так же не раз восставал против натиска генералов. „Ни один генерал не заставит меня поколебаться в своем решении“, заявил он 7 марта [1]).

Меры, которые предлагались военными, были всегда мерами насилия. Ведь все еще стояли под знаменами громадные армии, почему же не воспользоваться ими? Два миллиона молодых, сильных, прекрасно вооруженных американцев были постоянным искушением для генералов: строились планы экспедиций, которые должны были завоевать полмира, и все это изо дня в день повторялось в течение 6 месяцев после заключения перемирия.

Никто не боролся энергичнее против войны, чем президент Вильсон; он употреблял все силы, чтобы эмансипироваться от духа войны и установить нормальные гражданские условия жизни. Однажды я передал ему два блестяще составленных доклада о положении средней Европы; он прочитал их внимательно и сказал:

---

[1]) Секр. проток. Совета Десяти.

„Они, как большинство поступающих к нам докладов, прекрасно излагают фактическое положение вещей, но ни слова не говорят о том, что надо делать. Все они призывают нас к новым и новым войнам".

Он энергично отклонял от себя прусскую идею насилия, военных санкций, военных методов воздействия: бороться с этими идеями, противодействовать им было крайне необходимо, чтобы заключить наконец мир. Методы насилия были органической—частью „старого порядка", повинного в войне; Вильсон был призван заложить „новый порядок". Были употреблены сверхчеловеческие усилия, чтобы обезглавить прусскую гидру, но теперь по всей Европе народились новые головы чудовища. Дух прошлого проник и на Мирную Конференцию и старался продиктовать ей свои условия мира или по меньшей мере воздействовать на них.

Когда Соннино, ссылаясь на стратегические соображения, пытался добиться контроля Италии над Адрией, обещанного ей Лондонским договором, президент с глубоким убеждением заявил в Совете Четырех следующее:

„Военные власти с их стратегическими, военными и хозяйственными аргументами были ответственны за договор 1815 г. Точно также военные ответственны за Эльзас-Лотарингию. Военные навлекали на Европу одно несчастье за другим. Теперь мы хотим основать единение народов. Если это не удастся, тогда будут существовать два порядка: старый и новый. Мы не можем сразу править двумя лошадьми. Народ Соединенных Штатов отвергнет идею прошлого. Он питает чувство антипатии к старому порядку. Не только американский народ, но народы всего мира не могут дольше мириться со старой системой и они не потерпят правительств, которые ее поддерживают" [1]).

Но французы хотели сурового, жестокого мира, и хотя они сильно пострадали от войны, они крепко держались именно за ее методы. Они все еще боялись Гер-

[1]) Секр. проток. Совета Четырех.

мании, и имели на это свои основания. Они претерпели больше других, они вынесли на себе самые тяжкие удары войны, и на них обрушились бы вновь все страдания, если бы Германия поднялась снова и потребовала отмщения. Они хорошо знали, какие обязательства возложила бы на Францию Германия, если бы она оказалась победительницей. Они боялись поэтому слишком поспешной демобилизации союзных армий, слишком быстрой ликвидации духа войны. Они хотели держать наготове громадные армии, чтобы бросить их против Германии и против России. И было им ясно: чем дольше будут жить в народе страсти, разбуженные войной, тем суровее для побежденного будут условия мира.

Французы особенно горячо порицали президента за то, что он так долго откладывал свое посещение разрушенных немцами районов. Они надеялись зрелищем страданий, перенесенных Францией, зрелищем ее горя—озлобить, ожесточить его сердце и тогда ему вверить бремя своих обид, своей скорби. 10 февраля французский министр финансов г-н Клотц был введен в заседание совета. Он сейчас же начал живописать об ужасном разрушении французской промышленности в занятых немцами округах. Президент Вильсон заметил: „сказанное несомненно может повлиять на наши чувства, но ему хотелось бы знать, насколько это должно повлиять на наши решения? Он чувствовал с особой остротой, что к проблеме мира надо подходить не со слепым чувством страсти, ненависти или страха, но по возможности вооружившись спокойствием, рассудительностью и терпением. Нужен мир, а не месть; ради мира он и хочет неустанно работать".

Всякий раз, когда приходилось возобновить и без того жестокие условия перемирия, маршал Фош старался установить еще более суровые, он пытался навязать меры, которые должны были вызвать вмешательство оружия, он хотел заключать соглашения, которые должны были предрешить условия мирного договора.

Президент Вильсон энергично противодействовал этим поползновениям. Он настаивал на том, что немцы прекратили войну на совершенно определенных условиях, и что было бы и неправомерно, и несправедливо до заключения мирного договора пред'являть к ним новые, произвольные требования. Союзники подписались под его идеями мира, и только на этом основании немцы перестали сражаться. Тактика Фоша сводится к разжиганию ненависти, а его цель смягчить ее.

„Я хотел бы избежать ошибок, сделанных в первоначальных условиях перемирия, заявил он совету, я хотел бы устранить подозрение, что немцев хотят принудить к новому соглашению".

Президента энергично поддерживал генерал Блисс, в том же духе боровшийся в военной секции верховного военного совета; он довел свое особое мнение даже до Совета Десяти. „Включение подобных требований, писал он, в договор о возобновлении перемирия с угрозой осуществить их при помощи оружия, бесчестно, излишне и может повлечь за собою возобновление войны".

М-р Ллойд-Джордж и особенно м-р Бальфур поддерживали американцев в этом споре.

И тем не менее маршал Фош неустрашимо и неизменно боролся в течение всей конференции за осуществление самых крайних требований французов. Для седобородого старого генерала, выигравшего войну—вся эта мирная конференция была чем-то непонятным. Всю жизнь свою он учился воевать; он знал только военные способы и методы воздействия и разрешения споров; он на всех заседаниях конференции страстно боролся за благо Франции, как он его понимал, он выбирал для этого средство, которое лучше всего знал—войну.

Часто чувствовалось, что этот маршал, популярнейший человек Франции, увенчанный ореолом славы, испытывает тяжкую горечь. Если бы последовали за ним, он несомненно вновь вверг бы всю Европу в войну; не только в новую современную войну, но в страшные

войны будущего. И все-таки он глубоко верил в свою правоту. Каждое утро он по привычке преклонял колени и горячо молил господа о ниспослании благословения на его труды. Он был так непреклонен, что договор пришлось подписать, не позволив ему заглянуть даже в копию договорных условий: только на шестом пленарном заседании конференции он впервые услышал о них.

„Я сделал бы, конечно, некоторые замечания к нему, заявил Фош в энергичной речи, если бы проект договора был у меня под руками; но я должен признаться, что я до сих пор его не имел“.

И тем не менее он не склонялся, все еще стоял прямо... отважный, своенравный, храбрый и все же близорукий старый солдат... он был готов бороться до последних сил против договора, который по его мнению не был достаточно жесток для побежденных.

Конечно, часть общества—и не малая—стояла за ним, того самого общества, которое свергло Клемансо, как только закончилась мирная конференция.

Господство воинственных настроений, блестящая победа союзников пробудили и у великих, и у малых народов Европы (малые народы были также необузданны, как и великие) стремление тотчас завладеть материальными плодами своей победы, одним словом, рвать, где можно было урвать. Все понесли страшные потери и людьми, и имуществом и все горели желанием получить возмещение тотчас же, немедленно. Эта страсть владела не только вождями, которые устремлялись за островами, рудниками и кораблями,—самый последний крестьянин, потерявший корову, требовал обратно свою, а то и две... Эта волна поднялась сейчас же после открытия конференции и разливалась так широко, так властно, что президент Вильсон был вынужден обратиться (24 января) с воззванием к народам. Это обращение он прочитал своим коллегам на конференции и с их согласия выпустил в свет. Это предостережение против охватывавшей весь мир алчно-

сти было первым призывом конференции к широкой общественности.

„Правительства, призванные восстановить прочный мир между народами, ныне—собравшись на совет, глубоко-встревожены поступающими к ним сведениями относительно многочисленных случаев вооруженного захвата как в Европе, так и на востоке, различных областей, законность притязаний на кои призвана разрешить Мирная конференция. Поэтому названные правительства считают долгом своим огласить настоящее свое предупреждение, что насильственный захват территорий лишь повредит тем, кто воспользовался для осуществления своих притязаний подобными средствами. Такими мерами создается презумпция, что те, кто употребляет насилия, сомневаются в правомерности и основательности своих домогательств и потому расчитывают фактом обладания заменять недостающие им правовые основы. Вместо единения народов они устанавливают, таким образом, режим насилия. Таким способом они лишают свои притязания правового титула и выражают недоверие самой конференции. Отсюда могут произойти самые плачевные результаты. Если они хотят справедливости, они должны воздержаться от насилия и свои притязания с полным доверием передать на рассмотрение конференции“.

Однако эти слова, как я докажу позже, были пущены на ветер.

Мирную конференцию нельзя рассматривать отдельно вне той среды, в которой ей приходилось действовать; нельзя рассматривать ее, как изолированную, самостоятельную организацию, которая спокойно обсуждала блага мира... Только что произошел бурный перелом от фактической войны к психологии, войной созданной; это был неизбежный, необходимый момент, и среди таких настроений, насыщенных духом войны, приходилось решать проблему мира. Это было время, „когда люди блуждали меж двух миров—один уже пал, другому не доставало еще сил, чтоб родиться“.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Организация Мирной Конференции.—Борьба за первенство.

Когда на парижской конференции разыгралась борьба между национальностями, вопрос шел о том, кто из них будет играть руководящую роль; вопрос был чрезвычайно серьезный и важный.

На корференции были представлены двадцать семь наций: которая же из них должна была играть первенствующую роль? Какое представительство надлежало предоставить мелким и слабым народностям: одинаковое с крупными государствами и великими державами? Следовало ли допустить на конференцию и вражеские народы? А если допустить, то в какой именно момент конференции?

Эти вопросы с самого начала близко соприкасались с основной проблемой мирной конференции; уже в этих спорах обнаруживали и отдельные народы, и их представители свое настоящее лицо; раскрывался внутренний строй их вождей, сразу определялась линия их поведения.

Наиболее важный вопрос конференции, относившийся к проблеме первенства, был разрешен, как это ни странно, сразу, без спора. Точно также просто было решено, что конференция будет заседать без участия Германии, Австрии, Венгрии, Турции и Болгарии. Такое решение было результатом безграничной победы союзников над врагом и ненависти, взращенной в них, небывало жестокой войной. Мир, по их мнению, следовало продикто-

вать врагу, а не договариваться с ним. Конгресс, который представлял бы все народы, бывших друзей и бывших врагов, был для них нежелателен, они хотели конференции, состоящей исключительно из союзников.

Хотя подобное решение было почти естественным результатом господствовавших в то время отношений и почти нигде не вызвало даже отзвука, — оно в действительности имело огромное влияние. Союзники, таким образом, брали на себя тяжелое бремя разрешить сложнейшую проблему человеческой натуры: оказать справедливость или, по крайней мере, убедить в своей справедливости других. Это бремя было тем тяжелее, что союзники все еще испытывали враждебное чувство огромной, нанесенной им обиды. А разве можно было судить справедливо, в отсутствии другой стороны, не совещаясь с ней, испытывая только страх, недоверие и ненависть к противнику?

Президент с большой ясностью предвидел и эти затруднения, как и большинство боевых проблем. Еще в первые годы войны, до участия в ней Америки, когда озлобление не достигло еще такого напряжения, и тайные договоры отражали действительные намерения народов, он говорил уже (в январе 1917 г.) о „мире без победы“ [1]).

Он, повидимому, надеялся на мир по соглашению противников, он боялся последствий абсолютной победы и насильственного мира для обеих сторон. „Я умею смотреть в глаза действительности... Победа означала бы для побежденного насильственный мир,—мир, который ему навяжет победитель. Этот мир будет принят с чувством горькой обиды, по принуждению, он потребует невероятных жертв и оставит по себе злобу, ненависть и горечь воспоминаний; на них, как на сыпучих песках, будет держаться этот мирный договор“.

И действительно, если бы союзники одержали тогда решительную победу, то те самые договоры, которые в

---

[1]) Обращен. к сенату Соедин. Шт. от 22/I 1917 г.

тайне или открыто были заключены дипломатами, были бы слово в слово осуществлены победителем (то же самое относится, конечно, и к Германии). В то время не было еще сдерживающего фактора, в виде программы Вильсона, основанной на принципах справедливости; не было надежды заключить мир на основе свободных международных отношений; результатом победы была бы новая и опасная система равновесия сил, новая еще ревнивее оберегаемая система интересов. Вместе с подписанием мира были бы заложены семена новых войн.

Но борьба продолжалась; немцы, как это ни было неразумно, были полны решимости довести логику оружия до конца. В апреле 1917 г. Америка об'явила войну, и с каждым месяцем становилось яснее, что война должна быть доведена до конца. Несмотря на все старания, войну, по выражению Ллойд-Джорджа, следовало вести до „Knockout blow“, до последнего выстрела. С этим фактом президенту приходилось считаться: он тотчас же стал искать способа, каким можно было бы предотвратить тревожившую его опасность. Принципы примирения были уже намечены. Надо было провозгласить их и распространить так широко и глубоко, чтобы ни одна нация не могла уклониться от них, и тогда будет парализовано влияние мира, продиктованного победой. Надо было весь духовный уклад поднять на высший, на моральный уровень. Надо было принудить победителей к заключению мира справедливости и внутренней правды, основанного на новых формах международного сотрудничества, и для этого он хотел пробудить идеализм во всех народах света, хотел использовать престиж Америки и ее бескорыстие.

Программа Вильсона была ясна и проста; она была построена на исторических принципах Америки и была убедительна для всего мира, так как без пышных фраз выражала то, что чувствовали люди в глубине своей души. Всякий припоминает еще, как строилось это здание государственной мудрости, как один народ за другим

принимал американскую программу, как привела она к перемирию. В течение одного года президенту удалось совершить переворот в совести народов и указать человечеству новые пути. Даже главы государств приняли его программу, если не потому, что вполне разделяли или понимали ее, то потому, что чувствовали ее об'единяющую силу.

В ноябре 1918 г. Америка располагала торжественным обещанием Франции, Великобритании и Италии, а также Германии,— заключить мир на основе 14 пунктов. Державы приняли полностью, а не условно, основной принцип Вильсона (в своем обращении от сентября 1918 г. президент сделал его первым пунктом своих требований), в силу которого они обязались оказывать справедливость не только тем, кому хотели, но и тем, кто вызывал их злобу.

Президент и Америка искренно думали, что народы Европы не только намерены выполнить в точности свои обязательства, но что они и в состоянии это сделать.

В день заключения перемирия—кто этот день забудет?—президент стоял перед конгрессом, перед обеими палатами, сообщая благую весть: война, „эта трагическая война, опустошающее пламя которой перекидывалось с одного народа на другой, пока не охватило весь мир", закончилась. Он сообщил конгрессу великую весть, что „закованный в броню империализм низвергнут в мрачную пропасть и погиб". И затем он поведал конгрессу свою веру, веру всей Америки, что союзники заключают мир на основе американских принципов. „Великие народы, которые соединились между собою, чтобы уничтожить ее (военную мощь Германии), ныне поставили перед собою одну общую задачу—достигнуть мира, который удовлетворил бы томление всего света по бескорыстной справедливости; они хотят воплотить его в договоры, которые основывались бы не на конкретных, сталкивающихся между собою, интересах великих держав, а на более высоком и более долговечном базисе. Сейчас нет уже места

одним только догадкам об истинных целях победителей. Их разум посвящен делу мира, и не только разум, но и сердце. Цель победителей, глубоко сознанная ими — оказать помощь и поддержку слабому, отдать должное сильному.

Я твердо уверен, что народы, которые познали дисциплинирующую власть свободы и привыкли к самоограничению, пользуясь ею, приложат отныне все усилия, чтобы покорить мир только обаянием личного примера и дружественной готовностью притти ему на помощь“.

Но Вильсон не знал, как исстрадались народы под гнетом войны: американцы слишком далеко стояли от европейских распрей—как ожесточились их сердца, как глубоко проник в душу Европы яд войны, пробудив в ней низменные страсти; он не знал, как трудно было сохранить живой возвышенную веру в идеал, столь необходимую для осуществления высоких и чистых помыслов Америки. Президент не предвидел, что такая же реакция, быть может, только менее жестокая, наступит и у него на родине. Позднее он понял, как тяжела будет борьба, и все же он решился довести ее до конца „если можно будет — добром, если потребуется—и злом!“...

Так и случилось, что первое, чрезвычайно важное решение конференции было принято почти без всякого предварительного обсуждения. Оно было уже предрешено. А тот, кто в действительности хотел мира справедливости, длительного и прочного мира, а не мира по старому образцу, насыщенного алчностью и местью, знал хорошо, какое бремя так легкомысленно возложили на себя эти миротворцы.

Уже следующий (12 января) вопрос на конференции повлек за собою резкие столкновения, первое кровопролитие. Двадцать семь крупных и мелких наций, горя нетерпеливым желанием заключить мир, прибыли в Париж. Не только великие и сильные государства, которые выиграли войну, были там представлены, но и мелкие, как Сиам, Никарагуа и Либерия, которые угрожали Германии только своими кулачками, и вновь испеченные,

как Польша и Чехо-Славакия, которые ходили еще в детских сапожках, но за то были преисполнены тем большим чванством. Именно эти мелкие государства, во имя защиты которых разыгралась война, были настроены воинственнее и империалистичнее, чем великие народы, которые вели войну. Правда, все они ссылались на равноправие мелких государств, но в действительности требовали несоразмерно больших прав при установлении условий мира.

Тогда поднялся вопрос: должны ли все 27 национальностей пользоваться одинаковыми правами на конференции. Это было неприемлемо. Но в таком случае, кто же должен принять на себя руководство конференцией, как надлежало это разрешить?

Этот вопрос вскрыл тотчас же сущность всех предстоящих затруднений. Мнения резко столкнулись друг с другом.

Военные и дипломаты старой школы потребовали категорически, чтобы руководство было предоставлено четырем или пяти великим державам, которые, по выражению Ллойд-Джорджа, осуществляли „верховное руководство войной“, ибо будущие соглашения должны были прежде всего считаться с опасениями и намерениями великих держав. Клемансо, который без всякой робости заявил себя главным экспонентом этой идеи и имел в виду исключительно интересы и безопасность Франции, вначале не хотел даже слушать о каких-то совещаниях с мелкими народностями. В первые же дни конференции он в немногих словах излагает сущность вопроса.

Г. Клемансо. Хочет ли президент Вильсон своим заявлением сказать, что ни для Франции, ни для Англии, Италии или Америки не существует таких особых вопросов, относительно которых не должно быть заслушано мнение представителя Гондураса или Кубы? Я до сих пор постоянно держался того мнения, что между нами существует соглашение, в силу которого пять великих держав сами разрешают важные вопросы прежде, чем входят в залу заседаний мирной конференции.

В случае новой войны Германия бросит все свои армии не на Кубу или Гондурас, а на Францию; Франция будет снова отвечать. Поэтому я требую, чтобы мы держались принятого предложения; оно сводится к тому, чтобы происходили совещания представителей пяти названных великих держав, и, таким образом, достигалось разрешение важных вопросов. Обсуждение второстепенных вопросов должно быть до заседания конференции предоставлено комиссиям и комитетам"[1]).

Так ставился вопрос одной частью конференции. На другой стороне находилось небольшое число тех, которые, по меньшей мере теоретически, признавали, что все народности на конференции равноправны и следовательно все пользуются одинаковым правом голоса: Сиам, как Британская империя, Коста-Рика, как Соединенные Штаты. М-р Лансинг, повидимому, держался этого взгляда, хотя и не выражал его прямо на конференции.

„Президент, как я вижу теперь, говорит он, должен был настаивать на том, чтобы все вопросы выносились на конференцию. Тогда бы он имел за собою поддержку мелких народностей, ибо они в таком случае считали бы его своим вождем и защитником, они последовали бы за ним"[2]).

Это значит, что президент мог бы образовать на конференции представителей двадцати семи народов блок из мелких государств. „Эти последовали бы за ним"—и он на зло Британской империи, на зло Франции, Италии и Японии отвоевал бы себе руководство конференцией. М-р Лансинг полагает, повидимому, что если бы мелкие народности полностью были представлены на конференции, они скорее отодвинули бы на задний план свои вожделения и интересы, чем великие народы.

Вот два крайних мнения: первое—это милитаристская идея, которая, как открыто признавал Клемансо, парафразируя Клаузевитца, покоилась на предпосылке, что

---

[1]) Секретн. протокол Совета Десяти 15 января.
[2]) «The Peace Negotiations» by Robert Lansing, стр. 219.

мир есть война, только другими средствами; второе—это легалистическая идея равенства всех народов (она глубоко коренится в идее богоравенства монархов). Мы можем сколько угодно презирать милитаристскую идею, но она была осуществима, больше того: она была традиционна и давала возможность руководить парижской конференцией; второй путь был совершенно неизвестен, он вряд ли смог бы содействовать успокоению того всеобщего грозного возбуждения, которое проявилось в Париже; этот план никем серьезно не обсуждался, разве только м-ром Лансингом, и то частным образом, на страницах его личного дневника.

Однако, и крайние легалисты, и крайние милитаристы одинаково раздражали президента Вильсона; ни те, ни другие не могли вообще понять его взгляда на мир. Ибо его идеи были, в противоположность милитаристским и легалистским, чисто этическими. Весь подход его к таким вопросам был иным, все мышление его было чуждо их образу мыслей. Истинный мир, по убеждениям президента, должен был покоиться не на военном насилии и не на механизме формальной легальности, хотя и то и другое могло сыграть известную роль при его осуществлении. Мир, прежде всего, должен был оформить новую, этическую волю, руководствоваться об'ективными данными научной оценки и охраняться творческим сознанием ответственности. Вильсон требовал не только изменения способа разрешения мирной проблемы, но в еще большей степени переворота в убеждениях. В своей упорной склонности к реальному, к познанию внутренней сути всякого дела, он недооценивал значение организационных задач, тактической ценностью которых умели хорошо пользоваться ловкие дипломаты. Их мысли вращались постоянно в узких пределах прав, гарантий, интересов их собственных государств, а президент стоял на широком базисе обязанностей, ответственности, услуг крупных держав, и прежде всего Америки. Эти комплексы идей, конечно, диаметрально противоположны друг другу. И только тот,

кто ясно поймет практическое различие этих двух точек зрения, сможет понять мирную конференцию и ее судьбу. Президент имел смелость применить один из древнейших и благороднейших принципов морали к отношениям, созданным испорченной, корыстной, алчной дипломатией.

Он глубоко верил, верил всей силой своей убежденности, что не может быть истинного мира, не может быть истинной справедливости, если попрежнему он будет определяться материальными интересами держав. Прежде всего человечество должно воспринять новые идеи и только тогда оно сможет решить вопрос о жизни и смерти, вставший перед ним.

„Вы знаете, сказал он гражданам Манчестера в Англии 30 декабря 1918 г., что до сих пор миром управляли или старались управлять интересы. Эта система теперь рухнула. Интересы не роднят людей, интересы их только разобщают. Ибо, как только нарушается равновесие между тщательно взвешенными интересами, тотчас же рождается зависть. Только любовь к праву об'единяет людей. С того момента, как началась история свободы, люди заговорили о своих правах. Потребовалось несколько сот лет, прежде чем они сознали, что существеннейший элемент права—обязанность, и что человек, не выполняющий до последнего остатка своей обязанности, не может требовать и прав“.

Правда, эта идея была грубо искажена и осквернена в Париже, но тем не менее она будет жить на муку и благо народов, как жила встарь, волнуя и очищая человеческую душу, ибо она есть истина. Но она не только истина, она, как неизменно указывал президент, единственно осуществимая идея. Президент не переставал твердить, что не в интересах Италии, не в истинных ее интересах, захват Адриатического побережья и Фиуме; что она тем самым восстановит против себя юго-славов; что, только в дружбе с ними и оказав им помощь, она сможет в будущем создать основу для прогресса и расцвета обоих государств. Итальянцы предпочитали

немедленную выгоду, безопасность в данный момент верному будущему.

Когда 12 января на конференции поднялся вопрос о праве на руководство, президент по обыкновению трезво заглянул в глаза действительности. Готовился мир насилия, хотя конференция чутко избегала этого выражения. Великие державы с их громадным флотом и бесчисленными армиями, готовыми в бой, фактически распоряжались этим миром, насыщенным страстями и взглядами, вскормленными войной. Хорошо или плохо, но именно эти державы должны были нести на себе ответственность за все решения, а между тем в первое время перед ними так же часто вставала проблема войны, как и мира... Но ведь люди эти и их народы приняли американские принципы мира, они обязались ими! Им надо верить и итти рука об руку с ними. Президент горячо верил в силу своего права—а его правом было бескорыстие и могущество Америки—и твердо решил он, что бы ни делали другие делегаты, стойко держаться за свои принципы и настаивать на своей правоте... Он переоценивал силу своей правоты.

Когда в противоположность Клемансо и Ллойд-Джорджу Вильсон решился предоставить больше прав мелким народам, он выразил свою мысль следующим образом:

„Президент высказался за то, чтобы великие державы собирались для свободного обмена мнений, но полагал, что несмотря на это, вряд ли можно отказываться от организации, включающей все национальности, так как в противном случае грозила бы опасность, что решения, касающиеся всего мира, вынесенные лишь некоторыми народами, вызвали бы неудовольствие других народностей“.

Вильсон, делая это заявление, имел в виду не только заключение мира, но и грядущую организацию человечества. В результате нашли такой выход: великие державы устраивали свои небольшие совещания, на которых принимались окончательные решения (Совет Десяти и позже Совет Четырех); на ряду с этим созывались пленарные засе-

дания конференции, в которых принимали участие все государства как великие, так и малые. Кроме того, представители мелких народностей были допущены во многие комиссии и пользовались широким правом слова в совете великих держав, когда вопрос касался их интересов. По сравнению с временами Венского конгресса—это представляло уже некоторый прогресс, так как тогда мелкие государства вообще были лишены голоса. Как этот план осуществлялся в действительности, будет изложено дальше. Во всяком случае, мелкие государства никогда не были довольны.

После установления этого порядка, который давал перевес великим державам, лишь временно в переходный период, до образования Союза народов, куда будут допущены на одинаковых правах и великие, и малые народности, президент почувствовал свою позицию более прочной; но он не дооценивал при этом ни силы традиций, ни живучести корыстных интересов, которые владели старыми дипломатами. Стоит припомнить, какими гарантиями располагал президент: прежде всего, он имел торжественное обещание союзников—тех самых вождей, что заседали на конференции, заключить мир на основании принятых ими американских принципов; во вторых, он твердо рассчитывал на могущество и незаинтересованность Америки, на их поддержку при осуществлении его непоколебимого решения.

Рядом с этим был еще один, чрезвычайно веский фактор, на который он мог положиться. Уже раньше, излагая подготовительные работы к мирной конференции, я упоминал о многочисленном штабе экспертов и ученых, какого не знал до этого ни один конгресс. Новый мир должен был строиться на принципах справедливости, очевидных для всех, а не на тайных сделках, не на алчности и страхе; поэтому было необходимо, чтобы эти принципы были одобрены непредубежденными экспертами, людьми науки, для которых существовали только факты и чистая истина. Вот почему Вильсон в критические моменты деба-

тов, часто, несмотря на резкое сопротивление других участников конференции, настаивал на том, чтобы тот или другой вопрос был предварительно рассмотрен специалистами. Он знал, что бесстрастный, об'ективный дух научного исследования, направленный на вопросы международной политики, окажется врагом потайных дорожек, столь любимых старой дипломатией и старым милитаризмом. Это была борьба света с тьмой.

Эта борьба, в которой президент старался победить старую дипломатию оружием новой, давала себя знать в каждой стадии конференции. Старая дипломатия выступала вперед со своими тайными договорами, стратегическими необходимостями, националистическими претензиями; новая дипломатия требовала исследования фактического положения вещей и осуществления принятых принципов. В этом отношении руководящую роль приняла на себя Америка; это было ее назначение, так как у Америки не было никаких своих интересов; Великобритания следовала за ней, так как ее интересы были большею частью удовлетворены еще до созыва конференции. Французские же ученые, хотя они и были преисполнены знаний, слишком часто оказывались политиками, а итальянцы вообще противились каким бы то ни было научным исследованиям.

Так, например, 1 февраля в Совете Десяти возникли чрезвычайно характерные и поучительные дебаты о двух различных, прямо противоположных методах контроля. В порядке дня конференции стояла сложная проблема румынских территориальных притязаний: совещание состояло из десяти лиц, Америку представляли президент Вильсон и статс-секретарь Лансинг.

После того, как г. *Братиану*, румынский министр-президент, закончил свои об'яснения, м-р *Ллойд-Джордж*, посоветовавшись с *Вильсоном*, сделал следующее заявление: „чрезвычайно трудно регулировать пограничные вопросы на основании указаний, сделанных, быть может, и очень убедительно, только на словах; он

предлагает, поэтому, образовать комиссию в составе двух представителей от каждой великой державы для изучения вопросов, связанных с румынским миром; он готов предоставить им полномочия даже „для сношений с представителями заинтересованных народов“.

Г. Орландо, итальянский премьер-министр, сейчас же сослался на тайный договор союзников с Румынией.

„Он не желает, конечно, защищать тайные договоры, которые, ведь, вышли ныне из моды; но так как существует договор, подписанный Италией, Францией и Великобританией, он не может сделать различия между тайным и явным договором“.

После этого он высказался принципиально против привлечения специалистов:

„Резолюция м-ра Ллойд-Джорджа предлагает привлечь специалистов. Каких же специалистов? Если предполагают назначить экспертов по румынскому вопросу, то он такими не располагает; их трудно и найти. Но допустим, что нашлись бы; в каком же отношении они должны рассмотреть румынский вопрос? Должны ли быть эти специалисты: по географическим, историческим, стратегическим или этнографическим вопросам?—Далее, резолюция требует, чтобы комитет вошел в сношения с представителями соответственных народов. Эксперты, таким образом, должны превратиться в настоящих следователей. Предложение м-ра Ллойд-Джорджа становится чрезвычайно обременительным: эксперты представят из себя суд первой инстанции, а делегаты великих держав высшую апелляционную инстанцию; он не может признать, что такая процедура ускорит разрешение вопроса. По его мнению, она будет содействовать затяжке дела, в особенности если эксперты пожелают произвести расследование in situ“.

Исследование об'ективными научными комиссиями таких вопросов, где были затронуты интересы Италии, или других наций,—пугали их. Итальянский министр иностранных дел, барон Соннино, поддержал своего шефа.

заявив, „что экспертам быть может потребуется выехать на место, чтобы устроить совещание с заинтересованными народами“. Он не желает, чтобы запрашивалось мнение этих народностей! Президент Вильсон возразил:

„Моя цель—получить раз‘яснения; беспристрастное изложение обстоятельств—несомненно будет дано экспертами. Если резолюция м-ра Ллойд-Джорджа не будет принята, я буду вынужден разрешить этот вопрос на основании заключений американских экспертов; но я предпочел бы, чтобы их мнение было проверено заключениями итальянских, французских и великобританских специалистов“.

Одновременно с этим заявлением он изложил свои общеполитические взгляды относительно применения научной экспертизы:

„С того момента, как Америка вступила в войну, целая группа ученых беспрерывно работала над разрешением конкретных вопросов, вроде вопроса о расах, исторических антецедентах, экономических и коммерческих факторах; особенно важное значение приобретают в настоящих спорах два последних вопроса. Это обнаружилось, напр., в вопросе о Банате. При этом надо помнить, что делегаты Румынии, Сербии и других государств, выступающих с своими требованиями, несмотря на все доверие к ним,—являются только стороной в подобных вопросах, и что они об‘ективным данным все же противопоставляют свои требования. Они излагают факты в ином освещении, оставляя некоторые вопросы без ответа. Так как Соединенные Штаты Америки не связаны никакими (тайными) договорами, они вполне готовы признать мир на основании фактического положения вещей. Истцы же не всегда придерживаются установленных договором границ и часто превышают свои договорные правомочия“.

Принятые на этом заседании резолюции относительно научной экспертизы важны, как образец последующих решений, поэтому я привожу их здесь:

„Было решено, что поднятый Г. Братиану вопрос, относительно территориальных интересов Румынии при предстоящем заключении мира, будет прежде всего предложен для рассмотрения комиссии экспертов в составе двух представителей от Соединенных Штатов Америки, Британской империи, Франции и Италии.

Эта комиссия обязана точно установить наиболее существенные вопросы, необходимые для разрешения румынских претензий, и указать способ для заключения справедливого соглашения.

Комиссии присваивается право вести переговоры с представителями заинтересованных народностей“.

Чем дальше развивались прения, тем чаще передавались на рассмотрение и заключение экспертов важные проблемы конференции, и вскоре же четверо или пятеро представителей великих держав привыкли без всяких споров принимать заключения, к которым единогласно пришли эксперты всех наций. Три четверти мирных условий, а может быть и больше, были установлены таким образом. Работа этих экспертов была настолько важна, что на них стали смотреть, как на импровизированный или неоффициальный парламент, уполномоченный изучать и разрешать проблемы международной политики: представителям государств оставалось либо соглашаться с их мнениями, либо их отклонять.

Существовало не менее 58 технических комиссий, в которых заседали эксперты 4 или 5 великих держав и изучали всякого рода территориальные, экономические, этнографические и стратегические проблемы. Эти комиссии, чрезвычайно обремененные работой, имели в общем 1646 заседаний. Кроме того эти комиссии, несмотря на первоначальные протесты, произвели 26 расследований на месте и ознакомились с действительными желаниями соответственных народов. Целый ряд комиссий, как напр. Сирийская, были отправлены, несмотря на протесты французов, исключительно американцами, которые хотели

пополнить свои знания относительно вопросов, подлежавших обсуждению на конференции.

Однако не всегда подчинялись решениям экспертов. Страсти, разбуженные войной, все еще давали знать о себе, политические и милитаристские интересы великих держав все еще играли первенствующую роль, и потому было трудно добиться спокойного, об'ективного решения.

Кроме того, и среди экспертов происходили резкие разногласия, как, напр., по вопросу об итальянском мире; в некоторых случаях эксперты преследовали партийные и политические цели не хуже любого дипломата. В других случаях обнаруживалось, что назначенные эксперты в действительности вовсе не эксперты, а дипломатические чиновники соответственных государств.

Притом, главнейшие проблемы мирного договора, как, напр., притязания французов, итальянцев и японцев, совершенно не были переданы комиссии для предварительного исследования. Заинтересованные державы образовали блок и воспротивились такой передаче. Эти проблемы были рассмотрены в секретных заседаниях, в строгом согласии с традициями старой дипломатии. Однако новые методы дипломатического воздействия нельзя было изгнать совершенно из заседаний, в которых принимал участие их благороднейший представитель. Чтобы склонить президента на ту или другую сторону, державам приходилось основывать свои требования не только на базисе интересов, но и на базисе права. Желания народа пользовались на этих заседаниях большими правами, чем принцип равновесия сил. Целый ряд географических карт и статистических таблиц пускался в ход и целый ряд запросов пред'являлся как отдельным экспертам, так и всей экспертной комиссии в целом.

Но нельзя было слить воедино обе системы, и старую, и новую, как нельзя смешать масло и воду. Даже те эксперты, которые находились в самом тесном общении с президентом, не получали всех необходимых данных относительно существа происходивших на конференции

споров, несмотря на то, что именно для разрешения их обращались к их услугам. Однако какие меры ни принимались, националистические интересы все-таки оказывали свое влияние на заключения экспертов.

И тем не менее конференция все более и более отклонялась от диктаторских методов воздействия силой. И об'ективная научная экспертиза, как основа будущего мирного и действительно прочного договора — получила больший простор, чем на конференциях прошлых времен.

Хотя вся власть на мирной конференции была сосредоточена в руках 4 или 5 великих держав, тем не менее президент Вильсон глубоко изменил и модифицировал способ осуществления этой власти, вопреки желаниям и стремлениям старой дипломатии. В течение всей конференции, несмотря на подавляющую численность своих противников, президент Вильсон боролся за новые цели, на служение которым следовало, по его мнению, призвать могущество отдельных народов и всего мира. Он также верил в могущество великих государств, как Клемансо. „Где сосредоточена великая сила, там нужна санкция мира [1]". Но возвышенный призыв Вильсона ко всему свету гласил, что эта сила подчинена человечеству и не должна господствовать над ним. Она должна служить благу всего человечества, а не интересам отдельных государств. Она основывается на исполнении обязанностей, а не на утверждении прав. Он полагал, что прекрасно обладать силами великана, но считал тиранией—употребление их по способу великанов.

---

[1]) Проток. 7 пленарн.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Борьба за программу. — Французский план. — Вильсоновский „список предметов“.

Во многих отношениях Мирная Конференция была ни-чем иным, как политическим собранием огромных разме-ров. Насколько неизбежна была борьба за первенство на конференции, настолько же была неотвратима и борьба за программу, которая определяла бы ход совещаний. Никто не знал лучше парижских дипломатов, что все политические вопросы в конечном счете—вопросы про-граммы; каждый сознавал, что многое зависело от того, будет ли принята его программа или его план.

М-р Лансинг посвящает вопросу об „отсутствии программы у американцев“ целую главу своей книги и обвиняет в такой ошибке президента Вильсона. Г. Тар-дие упрекает как американцев, так и англичан, в том, что, не имея своей программы, они отвергли программу французов. Он возлагает ответственность за это „на ин-стинктивное отвращение англо-саксов к систематическим конструкциям латинского духа“ [1].

Как м-р Лансинг, так и г. Тардие под програм-мой понимают, конечно, тщательно выработанный заранее, основанный на правовых предпосылках и одобренный кон-ференцией систематический порядок работ.

---

[1]) «Правда о мирном договоре» Андрэ Тардие.

В этом смысле у конференции никогда никакой программы не было; за исключением французов, ни у одной нации не было своего заранее выработанного плана. И тем не менее шла борьба, и притом чрезвычайно прозрачная, за определенную программу, за определенный порядок, за определенный план, по которому надлежало провести конференцию, и борьба эта велась каждой нацией за свою программу. Было, напр., ясно, что в планы Великобритании и Америки входило отвергнуть французскую программу. Трудности, которые встретились на Парижской Конференции, возникли не из-за отсутствия плана, а, наоборот, из-за того, что там было два плана, две программы. Эти обстоятельства были причиной, что конференция не раз находилась на волосок от гибели. Происходило то, что бывает на любом политическом собрании, скажем для примера в Висконсине, где две различные партии ведут борьбу за свои платформы: старая гвардия имеет наготове свою программу и ряд резолюций, прогрессисты, в свою очередь, имеют другую программу и другие резолюции. Отсюда, как всегда, должны возникнуть раздоры, борьба.

В Париже существовала резко очерченная программа старой дипломатии, представленная французами и скромно именуемая Тардие „систематической конструкцией латинского духа". А затем была программа американцев и вильсоновские принципы „нового порядка". На всем протяжении конференции происходила борьба, с одной стороны—за идеи и идейное руководство Франции, с другой—за принципы, установленные Америкой.

Однако „организация", хорошо налаженная „машина" имеет по обыкновению прочную опору, верную цель, которых недостает „инсургентам". Старый аппарат всегда хорошо знает, чего хочет. Старая гвардия—за настоящее и за прошлое, она хочет распоряжаться чинами и наградами, между тем как „инсургенты" требуют не только перемены контролирующего аппарата, но и изменения всей системы.

Президент Вильсон с поразительной ясностью предвидел линии будущих расхождений. 28 декабря 1918 г. в своей речи в Лондонском Гильдголле, за две недели до открытия конференции, он сказал следующее:

„Мы всегда настаивали на том, что ключ к миру в его прочности, а не в его мелочах, что все эти мелочи будут совершенно безценны, если за ними не будет стоять единая воля“.

Он предвидел, что „старый порядок обратит главное внимание на „мелочи мира“—острова, территории, источники нефти, угольные копи, „зоны влияния“, репарации, наказание кайзера. Благодаря такой программе, такому „остову мирного договора“, элементы старого порядка должны были, конечно, выступить на авансцену. Между тем „наша идея“, как он выражался, план „нового порядка“ исходил из совсем иных принципов. Он стремился к коренному изменению всей системы: к сотрудничеству народов в целях взаимной защиты; к союзам, которые охватывали бы все нации, а не ограничивались бы единением отдельных народностей. Целью такого сотрудничества народов должны были быть не острова, не источники нефти, а общая для всех народов справедливость, мир, „обеспеченный мощным, над всем господствующим союзом наций, вершителем судеб человечества“.

Когда „новый порядок“ установил свою программу и изложил свое понимание мирного договора, его идеи с логической неизбежностью выдвинулись вперед.

Мы можем точно проследить, что после этого произошло.

Старый порядок имел несомненные преимущества перед новым: у него была определенная программа, он мог ее получше отстаивать. Опытные европейские дипломаты понимали значение тщательно разработанного и окончательно установленного плана, умели ценить заранее принятые по любому вопросу решения. Готовый уже план оформляет мнения одних участников совещания, ставя других в по-

ложение критиков. И, наконец, старую, традиционную игру разыгрывать так легко, а новую так трудно.

Уже через три недели после заключения перемирия один из искуснейших ветеранов дипломатических битв, французский посланник в Вашингтоне, г. Жюссеран спешил из здания французского посольства в государственный департамент Соединенных Штатов; в руках у него находились „проекты возможных решений“ предстоящих на конференции вопросов. Так как документ этот был датирован 29 ноября и поступил сюда из Парижа, то, надо полагать, что он заготовлялся еще в то время, когда американские солдаты сидели в Аргонских окопах.

„Мое правительство,—заявляет г. Жюссеран в своем сопроводительном письме,—было бы радо узнать, сможет ли оно рассчитывать, что американское правительство принципиально одобрит прилагаемый Францией проект, а также принципы, на коих он основан“.

Если бы на этой стадии переговоров Америка одобрила предложенный Францией „план и его принципы“, это имело бы для последней громадное значение.

2 декабря, когда президент находился уже в круговороте спешных приготовлений к от‘езду с мирной миссией в Америку, этот документ был вручен ему, и он захватил его с собой на борт „Георга Вашингтона“.

Французы преследовали этим документом две различные цели, которых и достигли самым блестящим образом. С одной стороны им определялась та тактика, которой Франция предполагала держаться на конференции; с другой стороны в искусно скрытой, но все же очень прозрачной форме, устанавливался взгляд французов на содержание будущих мирных условий.

Уже первые параграфы этого документа указывали на то, что при разработке своего плана французы следовали примеру прошлых европейских конгрессов, конгрессов „старого порядка“, по выражению Вильсона.

„Французское правительство, говорится в этом документе, ознакомившись с работами Венского конгресса

1814—1815 гг., Парижского 1856 и Берлинского 1878 г., рассмотрело различные вопросы, которые могут возникнуть на предстоящей мирной конференции".

И в дальнейшем французский план держится традиционных образцов. Желателен, конечно, конгресс, на котором приняли бы участие и неприятельские державы. Но, прежде чем конгресс соберется, должна состояться „по прибытии президента Вильсона в Париж в середине декабря" конференция „четырех великих держав" (этот план исключает японцев); „на этой конференции названные державы должны договориться относительно условий прелиминарного мира, которые без всяких обсуждений должны быть возложены на неприятеля". Наиболее важные вопросы „должны быть разрешены великими державами непосредственно, без участия комитетов". Приэтом особенно подчеркивается, что такими вопросами „являются колониальные претензии преимущественно Англии и Франции".

После того, как будут решены окончательно все эти вопросы, установлены границы, распределены колонии, определены возмещения за убытки, соберется мирный конгресс. Этот конгресс должен состоять из представителей как неприятельских, так и нейтральных и всех мелких народов, но, как гласит документ, „только великие державы победительницы будут присутствовать на всех его заседаниях..... что касается нейтральных и вновь создаваемых государств, то они будут приглашаться в тех случаях, когда предметом обсуждения явятся их интересы".

Наконец, когда все материальные вопросы будут разрешены, должно быть созвано общее заседание конгресса из представителей всех народов, на котором и будут подтверждены „по примеру прошлых времен", как наивно выражается этот документ, „великие принципы справедливости, морали и свободы, провозглашенные при открытии конгресса". Другими словами, когда будет решен мир в духе старой дипломатии, когда будут установлены

все его мелочи, и каждая нация получит все, что только можно было получить, тогда скромно провозгласят „принцип справедливости, морали и свободы“ и „конгресс перейдет к организации союза народов“.

Таков был в общих чертах план французов, который они так энергично отстаивали в первые дни мирной конференции. По об'яснению г. Тардие, французский план потерпел неудачу—это стоит повторить еще раз—вследствие „отвращения англосаксов к систематическим конструкциям латинского духа“.

Перед президентом Вильсоном были два пути: либо противодействовать плану французов, либо выступать со своим собственным. Он пошел по тому и другому.

Президент опасался, что будет принята готовая программа, выкроенная по образцам Венского, Парижского и Берлинского конгрессов, опирающаяся прежде всего на интересы и стратегические соображения; он опасался, что организация союза народов будет отодвинута в даль, отложена до какого-нибудь конгресса в далеком будущем, а сейчас будет распределена доставшаяся добыча. Поэтому он считал необходимым немедленно же провозгласить и применить новые принципы и новые способы их осуществления, напр. использование в интересах заключения справедливого мира—научной экспертизы. Вильсон отличался более чутким пониманием, чем все прочие представители Парижской Конференции, за исключением, быть может, Ллойд-Джорджа, силы общественного мнения и значения нетерпеливой и требовательной печати. Погруженный в свои планы, в свои грезы о новом, еще небывалом мире и полный решимости их осуществить, он не останавливался в такой мере, как следовало, на формах, традициях и методах, которых в конечном счете нельзя было избежать при рассмотрении „мелочей мирного договора“.

Вот, что тревожило м-ра Лансинга, человека, привыкшего к легальности, к соблюдению конвенциональных правил. М-р Лансинг, несмотря на свои жестокие нападки

на старую дипломатию, был все таки дипломатом старой школы. Его взоры были честно обращены на прецеденты прошлого; он никогда не мог понять пророческого, творческого духа президента, его стремления встретить новую действительность новыми принципами; и, во всяком случае, не умел ценить его характера, который страстно искал идеи, субстанции материи, и слишком мало внимания обращал на технику. Для м-ра Лансинга программа, не закрепленная пером, вообще не была программой.

Однако абсурдно, конечно, утверждать, что президент пошел на конференцию, как слепой „без всякой программы, даже без списка подлежащих обсуждению предметов“ [1]). Вильсон хорошо знал, чего хотел и что он будет делать. За неделю до первого заседания конференции он предложил своим коллегам по делегации представить список вопросов, которые надлежало бы конференции обсудить в первую очередь, и в ответ получил следующее письмо (датировано 8 января):

„Глубокоуважаемый господин президент!

Согласно Вашему желанию установить список предметов, подлежащих, по нашему мнению, обсуждению конференции в первую очередь, позволяем себе предложить вам для рассмотрения нижеследующий порядок вопросов:

1. Представительство.
2. Союз народов.
3. Репарации.
4. Новые государства.
5. Территориальные вопросы.
6. Колонии.

Пребываем, многоуважаемый господин президент, с глубоким почтением:

Роберт Лансинг, Генри Уайт, Э. М. Гаус, Г. Блисс, уполномоченные комиссары“.

[1]) «The Peace Negotiations», Р. Лансинг, стр. 190.

Когда 13 января эта программа была представлена в Совет Десяти, президент в присутствии м-ра Лансинга сказал следующее:

„Я надеюсь, что делегаты не будут придерживаться при обсуждении определенного порядка. Например, я считаю в данный момент наиболее важным обсуждение в целом вопроса об отношении к России“.

Предложенный Вильсоном порядок вопросов в точности соответствовал проекту прочих американских делегатов (за исключением вопроса о представительстве, который был разрешен уже в Совете), а именно:

Союз народов.
Репарации.
Новые государства.
Границы.
Колонии.

Президент предложил немедленно же передать этот список делегациям всех народов и выяснить их взгляды для руководства при последующем обсуждении этой программы. Он считал такой способ чрезвычайно целесообразным, так как он предоставляет возможность развить на конференции точку зрения каждой делегации и некоторые из них, быть может, принять в основу рассмотрения. Уже в первые дни конференции в порядок обсуждения ворвались чрезвычайно сложные и важные вопросы: русский и польский, не говоря уже о целом ряде стратегических вопросов, связанных с возобновлением перемирия. В этом хаосе установить какую-нибудь определенную программу ему казалось невозможным. Когда впоследствии ему приходилось упоминать об этом в связи с другими обстоятельствами, он говорил: „Вопрос приходилось разрешать, как проблему динамики о действии сил при неустойчивом равновесии“.

Таким образом, конференция занималась импровизацией своей программы, в зависимости от хода прений, и обсуждала всякий вопрос, как только он возникал. Такое

положение вещей являлось неизбежным результатом тесных, секретных совещаний великих держав, в особенности совещаний четырех, для которых было бы нелепо вырабатывать строго определенный порядок работ. Подобная непринужденность совещаний имела и свои положительные и отрицательные стороны. Она предоставляла Совету четырех возможность ускорять ход работ и во многих случаях для ускорения решения—попросту рассекать узел. Президент получал, благодаря этому же порядку, возможность при каждом новом вопросе развивать свои общие принципы, привлекать экспертов и расчищать дорогу для вопроса о Союзе народов.

С другой же стороны возникали и большие неудобства. Подобный порядок заседаний предоставлял чрезвычайно широкие полномочия их председателю г-ну Клемансо: он мог диктовать, какие вопросы подлежали немедленному рассмотрению, какие надлежало отложить. Он получал, благодаря этому же, право ограничивать прения, устанавливать продолжительность перерывов заседаний и т. п., и надо сказать, что Клемансо широко пользовался своим правом и на секретных и на пленарных заседаниях конференций. Кроме того, благодаря такому способу совещаний, м-р Ллойд-Джордж, поразительный виртуоз в этом отношении, мог весьма часто производить на Совет совершенно неожиданные воздействия; так, напр., он однажды взял приступом Совет Четырех, пустив в ход весь мусульманский мир, как свидетеля своей правоты. Он впустил в залу заседания целую группу выдающихся представителей британско-магометанского мира, в пестрых туземных нарядах и в формах Британской империи, причем каждый из них патетически выражал требования ислама по поводу раздела Турции. В другой раз, он также неожиданно произвел перед Советом Десяти смотр всей Британской империи в лице премьер-министров английских колоний. И, надо сознаться, что Британская империя, при хорошей инсценировке, может произвести сказочно сильное впечатление!

Никто не мог превзойти его в подобных художествах, хотя однажды и Клемансо без всякого предупреждения впустил в заседание делегацию бельгийцев, повергнув ужас самого Ллойд-Джорджа; он имел целью демонстрировать колониальные притязания Бельгии и таким способом, как бы случайно, получить поддержку французским домогательствам в противовес английским. Президенту Вильсону были совершенно чужды подобные приемы и не оказывали на него никакого впечатления.

Другой недостаток заключался в той неопределенности, которая царила в первые недели конференции: было неизвестно, будет ли заключен только прелиминарный мир, или перемирие, включающее часть мирных условий, или же окончательный мир. Было, пожалуй, ошибкой, что Мирная Конференция не была совершенно отделена от Верховного Совета, хотя в обоих учреждениях заседали те же лица. Но Тардие уверяет, что во всем была виновата „англосаксонская метода“.

Теперь довольно говорить о программах пленарных заседаний, Совета Десяти и Совета Четырех; все они занимались больше „мелочами“ мирного договора, чем его широкими, принципиальными основами.

Установить программу, которая по старой традиции размежевала бы между победителями земной шар, было легкой задачей; но создать программу для нового порядка вещей, на принципах, еще неведомых народам—это была иная и значительно более трудная проблема; в особенности в такое время, когда дух нового уклада жизни еще так робко заглядывал в сердца людей.

Что касается президента, глубоко убежденного в осуществимости его американских принципов, важнейшей задачи Мирной Конференции, то он, может быть, яснее всех сознавал, что надо ему сделать. Еще задолго до окончания войны Вильсон продумал и высказал свой план. Как будет указано дальше, он разработал самым подробным образом проект будущей организации Союза народов. В своем credo (covenant) он изложил чрезвы-

чайно подробно, как понимает он отдельные „пункты“ своей программы, что значит для него „ограничение вооружений“. Он своевременно представил свои соображения Парижской Конференции. Его сделали председателем комиссии, которая занималась изучением этих вопросов и составлением соответственного доклада. Комиссия эта одна из наиболее значительных и возбуждала такой же интерес, как Совет Четырех или Десяти. Уже во втором пленарном заседании, 25 января, Вильсон добился принятия своего плана, в силу которого Союз народов становился нераздельной составной частью мирного [illegible]ра. В течение всей конференции он отстаивал осуществление американских принципов, ни минуты не теряя своей решимости, несмотря на жестокие битвы.

Если план Вильсона и не был изложен на письме, он тем не менее существовал, как план, как программа, и, по всей вероятности, в такой законченной форме, какая была возможна, тем более, что в данном случае приходилось проникать в неведомые области, куда не вступала еще ни одна человеческая нога. Борьба, которую пришлось вести Вильсону, будет описана дальше; здесь должно быть установлено, что президент имел перед собой ясную программу: он хотел осуществить внутреннюю правду мира; не „мелочи“ мирного договора, а его творческие идеи.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ.

Борьба языков: официальный язык договора—английский или французский?

„Возврат к прошлому, спрашивает Клемансо, не был ли первым импульсом народов, могущество которых основано на силе традиций?“.

Французы были самыми благородными защитниками старой государственной мудрости, между тем как Америка требовала перемен, искала новых методов, желая новыми идеями встретить новую действительность.

В связи с обсуждением порядка дня конференции, поднялись страстные прения о том, какой язык будет об‘явлен официальным языком мирного договора. Французы исстари считали признаком своего могущества—то предпочтение, которым пользовался их язык у дипломатов. Вот почему из-за этого разгорелась принципиальная борьба между ними и англичанами.

Заседание 15 января ярко символизирует зарождение новых идей в мире, и в то же время оно является типичным образцом той системы do ut des, которая господствовала на тайных совещаниях в Париже. Я кратко изложу этот спор.

Обсуждался раздел VIII предложенного французами плана работ, который устанавливал, что французский язык будет официальным языком мирного договора.

„Г. Пишон указал на то, что французским языком с незапамятных времен пользуются для официальных текстов договоров. Предложение признать французский язык официальным не означает, что делегаты будут лишены права пользоваться своим языком. Официальный язык необходимо установить для того, чтобы основной текст договора мог быть представлен одним только документом. До сих пор применялся для такой цели только французский язык. Г. Пишон напомнил при этом последнюю конференцию в Гааге. Требование это ни в коем случае не нарушает права делегатов пользоваться своим языком, например, английским, который является наиболее распространенным языком в мире.

М-р Ллойд-Джордж выразил сожаление, что не может согласиться с текстом этого раздела. Сейчас впервые принимают участие в заключении европейского мира Соединенные Штаты; вместе с Великобританией они представляют большинство, официальным языком которого является английский. Доводы г. Пишона в пользу одного основного документа заслуживают, конечно, внимания, но это не мешает припомнить, что в южной Африке на одинаковых правах употребляется английский и голландский языки; в Канаде—французский и английский. В обоих государствах официальные документы распубликовываются на обоих языках, и оба имеют то же значение. Применение обоих языков в таких случаях затруднительнее, чем при составлении договоров; при толковании последних могут возникнуть споры по принципиальным вопросам, а не относительно каких-нибудь нюансов их смысла; в первом же случае приходится иметь дело с толкованием юридических документов, а между тем ему неизвестны случаи каких-нибудь недоразумений. Поэтому он предлагает: так как большинство союзников пользуется английским языком, внести поправку в раздел VIII, которая устанавливала бы в качестве официального языка на ряду с французским и английский язык.

Г. Соннино предпочел бы пользоваться только одним языком; если бы были избраны для указанной цели два языка, то получилось бы впечатление, что итальянский язык имеет второстепенное значение.

М-р Вильсон указал на то, что с точки зрения исторической все признают за французским языком право быть официальным языком документов, но существуют и другие точки зрения, которыми не следует пренебрегать. Так, например, официальный язык Востока—английский, даже и в дипломатических документах. Вообще, это вопрос не значимости языков, как полагает г. Соннино, а степени их распространенности. По его мнению, язык, который является официальным для большей части света, должен стать официальным и для конференции. Тем не менее он не предлагает исключить совершенно французский язык, он требует, чтобы английскому языку было дано предпочтение перед итальянским.

Г. Пишон обратил внимание на тот факт, что резолюции Версальской конференции также составлены на французском языке.

Г. Клемансо указал на то, что он в большом затруднении. Он признает правильность утверждения, что английский язык наиболее распространенный на свете, и что он является насадителем цивилизации и либеральных учреждений, куда бы ни проник; но он должен обратить внимание на то, что французский язык занял место латинского, в свое время официального языка всего мира, и что кроме того, он отличается чрезвычайной точностью. Несмотря на это, он хочет, чтобы каждый язык неограниченно пользовался одинаковыми правами. Следовательно, если будет принят английский язык, нет основания исключать итальянский.

Поэтому он предлагает, чтобы было три официальных языка, но, в случае каких-либо неясностей при толковании договоров, решающим считался бы французский текст.

М-р Ллойд-Джордж заметил, что это предложение все-таки делает французский язык официальным, или, как выразился г. Вильсон, „основным“ языком (Standard).

М-р Вильсон справился, будут ли в таком случае и официальные протоколы вестись на трех языках.

М-р Бальфур просил г. Клемансо изложить свое предложение письменно, чтобы иметь перед собой точный текст этого пункта; в дневном заседании его можно было бы внести на обсуждение.

Заседание было возобновлено в 2 ч. 30 м. пополудни.

Г. Пишон изложил новый, предложенный г. Клемансо, текст раздела VIII (английский, французский и итальянский языки признаются официальными; французский—„основным“).

М-р Вильсон попросил разрешения осветить следующие стороны вопроса: французский язык был дипломатическим языком европейской дипломатии, но мы стоим перед началом новой эры и выходим на широкую дорогу всемирной дипломатии. Поэтому вряд ли можно руководствоваться европейскими традициями, поставившими французский язык в привилегированное положение. Язык другого полушария английский, а сейчас происходит конгресс всего земного шара. Кроме того, большинство народностей, представленных здесь, пользуется английским языком.

Он искренно сомневается, признает ли американец этот документ, изложенный на французском языке, точным выражением принятых на конференции решений.

Что касается доводов в пользу итальянского языка, то он осмеливается указать, что им пользуется лишь ограниченная часть тех, кого можно назвать избирателями настоящей конференции.

Если бы английский и французский языки были признаны равноправными, то было бы достигнуто полное моральное примирение между теми, кто разделяет французские взгляды, и теми, кто пользуется английскими.

М-р Вильсон указал далее, что предложено образовать при конференции постоянный секретариат; это обстоятельство является еще одним основанием для составления документов на обоих языках. Кроме того, если бы был принят еще один язык, язык меньшинства, пришлось бы допустить и все остальные.

Он позволяет себе еще раз указать на тот факт, что вместе с новой по-английски говорящей державой вступил в мировую дипломатию новый элемент. По этой причине он ходатайствует, чтобы как английский, так и французский языки были признаны официальными языками конференции.

М-р Ллойд-Джордж внес предложение, устанавливающее в качестве языка конференции английский и французский на равных основаниях, причем право толкования спорных вопросов возлагается на Союз народов.

Г. Пишон заметил, что не впервые Соединенные Штаты и другие государства Северной и Южной Америки пользуются французским языком, как официальным. Он напоминает о Гаагских конференциях, где французский язык был признан всеми ее участниками официальным языком, это могло бы служить прецедентом.

В ответ на заявления, что Гаагские конференции были вообще безрезультатны и не пользовались никаким авторитетом, Пишон возразил, что в этом не вина Франции.

В заключение он сослался на заявление президента Вильсона, что Франция в этом отношении пользуется исторически сложившейся привилегией. Он полагает, что меньше всего можно было ожидать от президента Вильсона непризнания этой привилегии. Если принять во внимание, что перенесла Франция, что она выстрадала, странным кажется, что первый шаг конференции есть отрицание исторического права Франции. Он указал далее на то, что Клемансо предложил формулировку, кото-

рая отвечает желаниям президента и в то же время сохраняет за Францией ее привилегию.

Г. Соннино с своей стороны указал, что, конечно, Италия не составляет большинства народов, но не надо забывать, что она приняла такое же участие в войне, как другие, и выставила пять миллионов солдат. Он повторил, что если для исторического правила будет найдено исключение и тем не менее итальянский язык будет отвергнут, то такое решение будет сочтено за явную обиду. Поэтому он поддерживает предложение Г. Клемансо.

После этого м-р Вильсон ответил следующее:

„Чувства мои готовы тотчас же отозваться на призыв г-на Пишона, и не только мои, но всего народа Соединенных Штатов, но из соображений практической пользы я вынужден свои чувства подавить. Взоры этой конференции обращены на будущее. Мы пытаемся сейчас сблизиться друг с другом, заглушить всякие раздоры. Те документы, которые мы здесь составим и подпишем, будут основой, жизненной силой правительств всего мира. Их толкование будет влиять на вопросы будущего, их применять будут народы мира, большинство которых пользуется английским языком: им нужен английский текст. Мне приходится сдерживать самого себя, напоминать себе, что здесь решаются деловые вопросы, и потому я вынужден отодвигать в сторону исторические прецеденты. Какие языки будут доступнее всего в будущем? французский и английский. Миру будет легче истолковать французский и английский текст, значительно легче, чем какой-либо иной. Поверьте, что нет в моем сердце недостатка в уважении к Вам. Но давайте действовать так, чтобы будущие поколения могли сказать: „Эти люди обладали суровым чувством действительности и они в первую очередь выдвигали практические интересы“.

После прений общего характера председатель прочитал текст VIII раздела и поставил вопрос о принятии его. Он сослался при этом на тот факт, что французский язык был официальным языком Версальской конференции.

Один стандард («основной» текст) или два.

М-р Ллойд-Джордж заметил, что на заседаниях междусоюзнической комиссии в Лондоне английский язык был признан официальным. Он вновь сослался на свои прежние доводы, что английский язык—язык большей части мира. Он указал на то, что настоящая конференция открывает собою новую эру и, так как наступило время считаться с действительностью, он поддерживает призыв м-ра Вильсона, хотя ему трудно противостоять заявлениям министра иностранных дел.

Г. Клемансо полагал, что присутствующие более единодушны, чем может показаться. М-р Вильсон указал на роль по-английски говорящих народов в войне. Это правда. Он хорошо знает, чем обязана Франция говорящим по-английски людям. Он, как и м-р Вильсон, готов признать новые проблемы. Но их надо и осуществить.

Эта война происходила во Франции. Не надо забывать, что он предложил составить официальный текст на английском, французском и итальянском языках, и что это предложение внес именно он, француз. Теперь говорят, что текст должны с'уметь прочитать и говорящие по-английски народы; он с этим согласен, и потому предлагает составить его на английском, французском и итальянском языках. Какое значение может иметь, что где-то в Гаагских архивах завалялся ничтожный документ на французском языке? Что касается итальянского языка, то он полагает, что не только в настоящий момент, но и в будущем потребуется несколько официально удостоверенных текстов, но по соображениям практического характера судья должен иметь только один текст. Основным текстом (Standardtext) может быть только один.

М-р Ллойд-Джордж заметил, что сейчас речь идет о том, должен ли существовать один текст, а не два или три. Если французский текст будет признан основным, то британским делегатам придется его чрезвычайно тщательно проверить. Почему же не иметь два или три офи-

циальных текста, почему в спорных вопросах надо ссылаться на текст одного документа, а не обращаться к Союзу народов. Если в Канаде судья заявляет, что тексты между собою расходятся, то все дело переносится в парламент. Такие случаи будут иметь место и здесь, и в таких случаях было бы удобнее и желательнее обращаться к Союзу народов, чем к одному определенному тексту. Почему французский язык не мог бы служить для всех латинских народов, а английский для всех других? Поэтому он предлагает перейти к обсуждению первой поправки относительно двух официальных текстов: английского и французского. Если это предложение будет принято, можно будет рассмотреть и предложения барона Соннино.

М-р Вильсон напомнил присутствующим, что договоры между Соединенными Штатами и Францией составлены на английском и на французском языках. Сенат Соединенных Штатов утверждает английский текст.

Поэтому для Соединенных Штатов юридическую силу имеет английский текст. Если бы возникли разногласия, они подверглись бы обсуждению со стороны обоих государств, и таким путем было бы достигнуто между ними взаимное соглашение.

Г. Клемансо заметил, что Версальский договор составлен только на французском языке.

М-р Вильсон полагал, что этот договор потерял свою силу.

Г. Пишон повторил, что все международные соглашения составлены на французском языке. Даже на Берлинском конгрессе пользовались французским языком.

М-р Вильсон не оспаривал того факта, что французский язык был официальным языком; что же касается Берлинского конгресса, то он хотел бы заметить, что Соединенные Штаты на нем не присутствовали.

Г. Клемансо заявил, что не может пойти дальше предложенной им поправки.

М-р Ллойд-Джордж предложил в таком случае

совсем отказаться от официального текста; каждое государство признало бы обязательным для себя текст, подписанный его представителями.

Г. Клемансо заметил, что если таким мелочам придается столько значения, то это плохое начало для дела об'единения народов.

М-р Вильсон выразил свое сожаление, что вопрос этот приобрел такое значение. Он не может оставить его без разрешения, поэтому он предлагает делегатам подумать над ним, подождать до завтра и на следующем совещании вновь его обсудить".

В конце концов как английский, так и французский языки были признаны официальными, и договор был на одной стороне напечатан по-английски, на другой по-французски. Это один из многих примеров перехода власти от старых сил к новым. Английский язык действительно преобладал на конференции. Большая часть иноземных делегатов, китайцы, японцы, американцы юга и другие говорили по-английски, как на родном языке; а в Совете пяти вождей великих держав только итальянец Орландо не владел английским языком и только двое, Клемансо и Орландо, говорили по-французски.

Клемансо и Соннино (итальянский министр иностранных дел) говорили бегло по-английски, а японец барон Макино не уступал им в этом.

Когда на заседании присутствовали только трое—президент, м-р Ллойд-Джордж и г. Клемансо,—а в последние дни конференции это случалось довольно часто, совещание велось исключительно на английском языке. В остальных случаях и на всех пленарных заседаниях английские речи переводились на французский язык, а французские на английский. Эту работу блестяще выполнял чрезвычайно талантливый француз г. Манту.

Я наблюдал его в продолжение целого заседания: когда произносилась английская речь—он делал заметки на французском языке, когда французская—он с той же быстротой заносил их по-английски. Когда оратор кон-

чал, он тотчас же подымался и повторял его речь in extenso, часто с большим красноречием и с такой точностью, с таким глубоким пониманием, что только в редких случаях ее приходилось исправлять.

При случае раздавалась на конференции и итальянская речь и однажды немецкая—при единственной встрече с немцами в Версали; других языков никогда не было слышно.

Когда однажды выступил живописный делегат Аравии эмир Фейзал, который говорил только на туземном арабском языке, эту речь перевел по-английски полковник Лауренс. Греческий премьер-министр Венизелос говорил в совершенстве по-французски.

Признание равноправия французского и английского языков в международных дипломатических сношениях несомненно задело самолюбие французов, в частности Клемансо. Но Клемансо принял это поражение, как и прочие, за которые на него резко нападали, со спокойствием мудрого философа.

„Душевный строй наших союзников, говорил он (если верить г. Тардие), по необходимости отличен от нашего, и мы не можем добиться гармонии с ними, поэтому несправедливо возлагать вину за это на тех, кому не удается их убедить, несправедливо заподозревать их в злых намерениях, которых нет в их сердце.

„Против этого ничего не поделаешь! Каждый из нас своими корнями ушел в прошлое. Огюст Конт говорил, что мы живем жизнью мертвых, и он был прав.

„В сущности, нельзя удивляться, что мы встретили противодействие. Один говорил или думал: „я—англичанин"; другой—„я—американец". И каждый имел такое же право настаивать на этом, как и мы,—что мы французы. Правда, иной раз они заставляли меня жестоко страдать. Но принимать в этих спорах участие, заранее решив — сорвать их, или, по примеру Наполеона, в ответ на них ломать столы и фарфор—нельзя; надо остаться до конца с единственной целью—добиться взаимного понимания [1])".

[1]) «Правда о мирном договоре» Андрэ Тардие, стр. 95.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Происхождение Лиги Наций.—История договора.—Проект Вильсона.

„Моими предками были упорные шотландцы, и среди них находились приверженцы той знаменитой секты, которая присвоила себе имя Ковенанты [1]). Вот откуда берет свое начало ковенант (договор) Лиги Наций. Я—ковенантер. Президент Вильсон, Канзасс, сентябрь 1919 г.".

Самый резкий конфликт произошел на мирной конференции из-за организации Лиги Наций и включения ее в мирный договор. Этот спор был апогеем борьбы между „новым порядком"—в самом широком смысле слова, и „старым миром". Передовым борцом нового уклада была Америка, старого—Франция.

Необходимо бросить взгляд на происхождение этого важного и столь замечательного документа (ковенанта), за который так горячо боролись американцы. Начиная с 1918 г. по настоящее время, ничто на свете не обсуждалось так основательно, как Лига Наций. В Америке она стала лозунгом избирательной кампании, при выборах президента. В Европе и Азии разгоревшийся вокруг

[1]) Ковенант—договор о союзе, образованном в XVI в. в Шотландии для охраны пресвитерианизма; ковенантеры участники этого союза. Только революция 1688 положила конец их деятельности. (*Прим. перев.).*

нее спор глубоко отразился на их политике. Выросший из этого „ковенанта“ союз, признанный теперь уже 51 нацией, регулярно осуществляет свои функции. Все значительные нации мира, за исключением Америки, Германии и России, об‘единены этой лигой, как бы к ней ни относиться (в Америке ее встречают и жестокими издевательствами и бурными восторгами).

Нельзя, однако, отрицать, что документ этот содержит величайшие возможности, что он способен будить мысль всего мира и раскалывать его на части.

Откуда же берет свое начало ковенант (договор)? Кто его создал и где это произошло? Какие силы стояли за ним?

Ни одно собрание документов, вывезенных президентом из Парижа, не содержит такого количества материалов, таких интересных, таких важных данных, как досье, посвященное Лига Наций. Здесь мы находим различные проекты, письма, докладные записки, почти весь боевой арсенал президента. Тут и его беглые стенографические записи и заметки, им лично написанные на машинке (он не бросал даже ничтожного обрывка бумаги).

Т. о. получается впечатление, что все эти записи, заметки—его мысли вслух. Эти документы касаются не только Лиги наций, они освещают и другие вопросы конференции.

При изучении этих интересных документов обнаруживается один несомненный факт: в сущности ни одна мысль, ни одно положение договора о Лиги Наций не принадлежит в своей основе президенту. Он скорее его издатель или компилятор, который подробно расценивает поступающий из других источников материал, выбирает, выбрасывает, редактирует и связывает воедино. Притом им руководят две центральные и основные идеи: Лига Наций необходима и Лига Наций должна быть немедленно осуществлена. В то же время он смотрит на самого себя, как на выразителя народной воли всего мира.

Все камни и стропила этого здания были так же стары, как конфедерация и конституция Америки, и

даже значительно старше. Задача президента заключалась в том, чтобы приспособить их к новым целям, которые он ставил перед собой. Ни один вождь не может быть оригинальным по своим идеям; он может быть оригинален только в способе их выражения и осуществления. Даже идея Линкольна—уничтожить рабство—не была оригинальной. Мир взволновала не идея, а решимость его покончить с рабством. Точно также и идея Лиги Наций не была оригинальной идеей Вильсона: Париж встревожила именно его решимость немедленно осуществить Лигу и сделать ее неот'емлемой частью мирного договора.

Приблизительно в середине 1918 г., последнего года войны, проект Лиги Наций стал приобретать законченные формы в умах многих вдумчивых людей как Америки, так и Европы. Еще ранней весной 1918 года британское правительство, в лице м-ра Бальфура, созвало комиссию из выдающихся знатоков международного права, поручив им разработать проект об'единения народов. Доклад этого комитета, составленный 29-го марта 1918 года, был в мае направлен в военный совет, премьер-министрам колоний и президенту Соединенных Штатов. Этот документ, состоявший из 18 статей и известный под именем доклада Филлимора, названного так в честь председателя комитета барона Филлимора, лег в основание организации Лиги Наций. И этот проект не представлял из себя какого-нибудь новшества, точно так же, как и те планы, которые выросли на его основе. Он только в юридические термины и дипломатические формулы облек наиболее практичные проекты подобных об'единений, известных уже миру.

Конечно, Вильсон был постоянно в курсе всех наиболее важных течений общественной мысли, которые ставили перед миром вопрос о грядущем единении народов. В Америке существовала „League to Enforce Peace" (Лига принуждения к миру), впоследствии известная под названием „League of Free Nations Society" (Союз обществ свободных наций). В Англии имелась старая

„League of Nations Society", под председательством Ч. Г. Дикенсона, возникли и новые энергично действовавшие организации. Союз народов был признан одной из задач мирной программы на междусоюзнических конгрессах рабочих и социалистов в феврале 1918 г., тогда же было пред'явлено требование, чтобы Союз народов был включен, как обязательство, в мирный договор. Эта идея пустила в Англии даже более глубокие корни, чем в Америке. В моем отчете, посланном 30 июня 1918 г. из Англии в государственный департамент Соединенных Штатов, встречаются следующие слова:

„Интерес к Союзу народов в настоящее время растет, разливается потоком по стране. Этот план обсуждают всюду и в разного рода органах печати. „Daily Mail" борется с ним исподтишка, другие газеты приводят голоса оппозиционно настроенной или сомневающейся публики; но даже „Times" осторожно склоняется к тому, чтобы дать свое согласие, а палата лордов приняла предложение приветствовать „принципы Лиги наций и поручить правительству выяснить необходимые для его осуществления условия". Но самым изумительным фактом оказалась торжественная речь лорда Керзона (Curson) в верхней палате, в которой он предлагал свою робкую защиту более или менее робкому Союзу народов. Брошюра виконта Грея была встречена чрезвычайно благоприятно. Конференция рабочих энергично высказалась за эту идею. Враждебно относятся к ней все те же старые консервативные и империалистические партии, лишенные всякого воображения, которые, однако, более сильны, чем кажется".

Когда у президента Вильсона, после тщательного изучения вопроса о Лиге Наций, возник в июне 1918 г. определенный план, он обратился к проекту Филлимора, посланному ему месяцем раньше. В сущности основные положения филлиморовского доклада были тождественны с программой американской „League to Enforce Peace". Эти положения гласили:

„ ... чтобы ни одна нация не об'являла войны, не представив предварительно причины спора на рассмотрение какого-нибудь третейского суда или посреднической инстанции“.

„ ... чтобы нации мира согласились между собою подвергать карательному воздействию, включая и применение вооруженной силы, - те национальности, которые начнут войну, не представив на предварительное рассмотрение указанных инстанций предмета своего спора“.

Эти положения, ныне составляющие ст. XII—XVI договора о Лиге Наций, содержали и косвенную гарантию их соблюдения. Все члены Лиги обязывались оказывать помощь каждому, кто неожиданно или вопреки приговору международного суда подвергнется нападению.

За исключением этих положений филлиморовский проект не содержит ничего существенного. Посредническая инстанция, которая являлась альтернативой традиционного третейского суда, представлялась в виде „Конференции союзных государств“, которая собиралась, всякий раз, когда требовалось ее вмешательство. Ее решения, имея своей целью предотвращение войны, должны были быть единогласными, причем заинтересованные стороны в голосовании участия не принимали.

Президент Вильсон рассмотрел проект Филлимора совместно с полковником Гаусом и нашел его в некоторых отношениях неудовлетворительным; поэтому он обратился в конце концов к полковнику Гаусу с просьбой составить новый, по выражению Вильсона, „ковенант“ на основании тех принципов, которые наметились в их беседах, и привлечь для этой цели как юристов, так и других ученых, с которыми полковнику Гаусу приходилось уже свыше года работать в исследовательской комиссии.

Полковник Гаус провел лето в Магнолии в Массачусетсе; здесь, на берегу океана он составил свой проект, и 16 июля 1918 г. вместе с об'яснительной запиской от-

правил президенту. Этот проект, состоявший из 32 статей, является вторым этапом в истории „Covenant'a“.

Проект Гауса во многих существенных пунктах расходится с английским. Он не только глубже разрабатывает организационные подробности, предусматривая, напр., постоянный секретариат Лиги, но включает и любопытные дополнения. Весною состоялся ряд совещаний между полковником Гаусом и Эл. Рутом (Elihu Root), в результате которых в проект Лиги наций был включен пункт о международном судебном трибунале. В своем письме на имя президента Гаус писал об этом следующее:

„Раньше я никак не мог примириться с судебным трибуналом, но при разработке проекта он все-таки показался мне необходимой частью всего механизма. Возможно, что со временем он станет наиболее прочным учреждением Лиги“.

Этот судебный трибунал не должен был заменить собой третейский суд или посредническую инстанцию, он представлял из себя третий способ разрешения споров. Последние два института были заимствованы у Филлимора, однако с большими изменениями. Но самым глубоким отличием его проекта были установленные им карательные меры воздействия. Всякое вмешательство вооруженной силы было исключено, и высшей мерой наказания определялась полная блокада непокорного государства.

Кроме указанных поправок и изменений к проекту Филлимора, Гаус разработал целый ряд новых статей по существенным вопросам союзной организации. Одна из статей его проекта ограничивала вооружение государств определенным стандардом, необходимым для их „безопасности“, об'являла военную промышленность монополией государства и требовала полнейшей гласности в военных делах.

Но самым важным пунктом Гаусовского проекта была статья о непосредственной гарантии каждому государ-

ству, вступившему в Лигу: „неприкосновенности его территорий и политической независимости“. Это положение, из которого впоследствии возникла знаменитая ст. X договора, имеет чрезвычайно любопытную историю.

В связи с организацией Лиги Наций, неоднократно обсуждались две формы гарантий, а третья упоминалась лишь вскользь.

1. В конце концов было принято третейское разбирательство, связанное с гарантиями на случай нарушения его постановлений, что составило содержание ст. ст. XII и XVI Лиги.

2. Президент же настаивал на непосредственной гарантии прав и территорий против их насильственного нарушения, и непосредственная гарантия должна была войти в ст. X союзного договора.

Непосредственная гарантия была отклонена англичанами, в свою очередь разрабатывавшими договор о Лиге наций. Все считали гарантии, созданные в обеспечение решений третейского суда, достаточными для безопасности сочленов Союза. Ни в одном из последующих проектов нет той гарантии, которой требовал Вильсон.

Президент считал необходимой энергичную и непосредственную гарантию. Он не знал другого средства для успокоения мира, который находился в постоянном волнении и подвергался неожиданным переворотам. Он не знал иного пути для успокоения Франции, находившейся в постоянном страхе перед нападением с востока. Однако, как ни сильна была гарантия, предусмотренная в пункте X, она была все-таки слаба, чтобы удовлетворить Францию.

Устанавливая непосредственную гарантию, президент руководствовался основными положениями американского государственного строя, так, напр., статьей III Конфедерации, в силу которой штаты обязывались помогать друг другу в случае каких-либо опасностей или нападений, направленных против всех или отдельных членов Конфедерации, а также разделом IV ст. III Конституции, ко-

торая гласит: „Соединенные Штаты будут гарантировать каждому штату в настоящем союзе республиканскую форму правления и будут охранять каждый из них от внешнего нашествия“...

Идею непосредственной гарантии Вильсон использовал в своем т. наз. панамериканском плане обеспечения мира на западном полушарии. 6 января 1916 г. Вильсон сообщил конгрессу, что начались совещания с другими американскими штатами относительно образования союза „для установления взаимных гарантий абсолютной политической независимости и территориальной неприкосновенности“. Панамериканский проект не вылился в определенные формы, но избранная им форма гарантии, как определенный термин, была ему все-таки дорога. В последнем пункте своей программы от 8 января 1918 г. президент определяет целью Лиги наций „осуществление непосредственной гарантии“. Поэтому, когда план Филлимора попал в руки президента, он не мог признать отвечающими его намерениям такие гарантии, как третейский суд или посредническая инстанция. Он хотел, чтобы непосредственная гарантия была также включена в договор, поэтому Гаус, зная желание президента, указал ее в своем проекте.

Но и Гаус, и президент понимали, что гарантированность „территориальной неприкосновенности“ создаст застой в мире; поэтому к статье о гарантиях был присоединен целый ряд сложных добавлений и примечаний на случай будущих изменений status quo: здесь имеется в виду и „принцип самоопределения“, и „признание необходимости и справедливости модификации со стороны $^3/_4$ делегатов“. Подобная индивидуализация гарантий, говорит Гаус в письме к президенту, предлагается, чтобы избежать „недостаточной эластичности территориальных гарантий“; в качестве примера, иллюстрирующего необходимость большей гибкости этих гарантий, он приводит желание Канады или Нижней Калифорнии войти в состав Соединенных Штатов.

Этим мы закончим изложение проекта Гауса, который в июле 1918 г. поступил к президенту. Вильсон тотчас же приступил к работе: статьи, с которыми он соглашался, отмечались им на полях. Статья, которая, как это ни удивительно, осталась неотмеченной, предусматривала международный судебный трибунал. Затем началась работа по составлению нового проекта уже на основании пометок президента.

Эта работа воодушевляла его. Он радовался удачному слову, выражению, точному определению. Слова имели для него свою красоту; он любил новые слова, которые яснее других выражали содержание его мысли. Слово „Covenant“ [1]) он избрал, как самое совершенное определение тех новых взаимоотношений, в которые должны были вступить, по его мнению, народы. Позже он горячо ухватился за чеканное слово Смутса — „мандатарий“, которое должно было определять отношения взаимного доверия между великими нациями Лиги и слабыми и отсталыми народностями. В многочисленных документах, которые проходили через его руки втечение Мирной Конференции, встречаются исправления, сделанные самим Вильсоном. Но они сводились к более ясной и точной формулировке той или другой мысли. В двух своих произведениях, пожалуй единственных, выходящих за пределы политики, истории и экономики, — в небольшом этюде „Mere Literature“ и в небольшой брошюре о Библии, как литературном произведении—он отдает дань своей любви к литературным формам.

С другой стороны, в натуре Вильсона есть некоторая склонность к мистике. Он издавна придавал особое значение числу 13 (число букв его имени). Это число играло замечательную, иной раз изумительную роль в событиях его жизни. Когда Вильсон переработал проект полковника

---

[1]) См. прим. на стр. 221. Слово „Covenant“ означает союз, договор и первоначально употребляется по отношению к союзу Иеговы с избранным народом (Кивот).

Гауса, состоявший из 23 статей, он свел их к 13. Даже в последующих проектах, когда потребовалось включить новые статьи, он все-таки остался при своем числе: 13, а недостающие статьи присоединил в качестве дополнительных к проекту (supplementary agreements).

В то лето он работал в большом покойном кабинете Белого дома, откуда открывался вид на зеленевший парк и серый вздымавшийся к небу памятник Вашингтона. На пишущей машинке он сам выстукивал свои мысли.

Самым замечательным изменением, внесенным президентом в проект, было, с одной стороны, исключение международного судебного трибунала, с другой—восстановление статьи о применении вооруженной силы в качестве карательной меры за нарушение постановлений Лиги Наций. Он оставил редакцию гаусовской статьи относительно третейского разбирательства, а к пункту о блокаде, как карательной санкции, добавил слова: „и применить силу, какая понадобится, для осуществления указанной цели“. Следующее существенное изменение относилось к вопросу об ограничении вооружений; установленный максимум вооружения он определил потребностями „внутренней“ безопасности. Статья о гарантиях (в первоначальном проекте Гауса ст. III) была оставлена Вильсоном в редакции Гауса, внесены только некоторые чисто словесные изменения в примечания и дополнения к ней. Не следует забывать, что когда в конце января 1919 г. президент говорил о гарантии, как о „ключе к миру“, то он имел в виду эту квалифицированную, эластичную гарантию. Закончив эту работу, президент уехал на несколько дней для отдыха в Магнолию, где рассмотрел свой договор с полковником Гаусом, раз‘яснил ему значение сделанных изменений, но новых поправок в этот проект не внес.

Этот первый проект союзного договора президент Вильсон взял с собой при от‘езде из Америки. По прибытии в Европу он был сличен с двумя новыми британскими проектами, составленными генералом Смутсом и

лордом Робертом Сесилем. Оба проекта в значительной степени исходили из положений Филлимора, но включали и характерные отклонения. Особенно сильное впечатление произвел на президента своей продуманностью проект Смутса, поэтому он решил пересмотреть еще раз свой проект. Генерал Смутс был одним из тех двух или трех лиц, которые действительно могли бы стать вождями мира и значение которых обнаружилось только на Мирной Конференции. Это был человек чрезвычайных способностей, лет пятидесяти, самый молодой делегат конференции, но уже генерал-лейтенант британской армии и министр южно-африканского союза. Он родился в Капской колонии, был сыном фермера и по происхождению бур. Он считался выдающимся студентом в Кэмбриджском университете, где удостоился всех наград. Рано в нем обнаружился идеалист чистейшей воды. „Только дух никогда не умирает—все остальное преходяще“, говорил он. Во время Бурской войны Смутс ожесточенно сражался против британцев. Когда буры были разбиты, он, будучи 30 лет от роду, ушел совершенно в себя. „Я предпочитаю сидеть смирно, поливать свои апельсины и изучать критическую философию Канта“. Несколько лет спустя он стал самым выдающимся вождем южно-африканского союза. Он обладал обширными практическими знаниями в области международных отношений, и, хотя его поведение на Парижской Конференции отличалось страшными противоречиями, Смутс тем не менее был сильной опорой для президента. Он был скуп на слова, необщителен; у него был высокий лоб; твердый, как сталь взор; прямые, обыкновенно сдвинутые брови, плотно сжатые губы и энергичный подбородок. С первого взгляда на него можно было сказать: вот вождь! Если было где-нибудь трудное дело, всегда обращались к Смутсу; напр., он участвовал в миссии, командированной в Венгрию.

Генерал Смутс так же горячо, как Вильсон, хотел, чтобы Лига Наций стала фундаментом новой международной системы; он хотел окружить Лигу таким прести-

жем, чтобы авторитет ее, как орудие мира, сделал невозможной войну. Он хотел, что бы Лига Наций обладала правом налагать обязанности и привлекать к ответственности,—что позволило бы ей спасти мир от хаоса. „Европа ликвидируется, заявлял он, Лига Наций должна стать наследником ее великого завещания“.

Проект Смутса никогда не был изложен систематически или облечен в определенную форму; его положения были рассеяны в брошюре в виде замечаний на те или другие статьи разработанных уже ранее проектов. Президент распорядился выписать его замечания отдельно, чтобы использовать для своего проекта. Затем он переписал их на своей машинке. 13 прежних статей были сохранены и 6 новых включены в виде дополнения. Таким образом к 9 страницам первоначального текста прибавилось 11 страниц нового материала.

У Смутса он заимствовал новый организационный строй Лиги: на ряду с общей конференцией Лиги создавался немногочисленный совещательный орган. Однако эта идея Смутса не оригинальна. Обычай поручать рассмотрение международных вопросов небольшим по своему составу, но авторитетным организациям союзных и примыкавших к ним держав—стал за последние годы войны всеобщим явлением. Он получил даже особое прозвище: „конференц - дипломатии“. Поэтому многим казалось естественным сохранить этот же порядок и на будущее мирное время тем более, что таким образом Лига Наций получала более активный аппарат, чем громоздкая конференция всех наций. В Лиге число мелких государств должно было сыграть значительно большую роль, чем на войне, где их участие было сравнительно невелико. До сих пор их привлекали к участию в работах конференции, не опасаясь их численного перевеса. В Верховный Совет они призывались всякий раз, когда затрагивались их интересы. В Лиге Наций оказался бы целый ряд мелких народностей, которых неудобно было бы привлекать к сотрудничеству во всех, без исключения, случаях. Для

того, чтобы мелкие государства могли участвовать в Совете Лиги Наций постоянно, а не только тогда, когда обсуждались их интересы, Смутс высказался за допущение их в числе на единицу меньшем числа крупных держав.

Весь этот организационный план Смутса Вильсон включил в свой проект без изменений, заменив им соответственные статьи гаусовского проекта. В данном проекте был точно также предусмотрен постоянный секретариат. Что касается статей о третейском разбирательстве и связанных с ним гарантиях, то они точно также были приняты в редакции Смутса, они либо заменили соответственные статьи первоначального проекта, либо были включены в него дополнительно. Наиболее существенные из этих положений основаны на докладе Филлимора, у кого их заимствовал и Смутс. Формулировка их была более точной, чем у Гауса, даже после исправления Вильсона. Но процедура третейского разбирательства была оставлена в том виде, как и предлагал Гаус.

Статья об ограничении вооружений была дополнена еще двумя параграфами, заимствованными у Смутса. Один из них предусматривает отмену воинской повинности; другой устанавливает определенную скалу боевого снаряжения и материала, в зависимости от реальной потребности государства.

Самую значительную часть заимствований, сделанных Вильсоном из проекта Смутса, составляют четыре дополнительные статьи относительно системы мандатов. Но было бы ошибочно думать, что Смутс открыл эту систему. Идея, лежащая в основе этой системы, коренится в принципах американской политики, и поэтому президент должен был принять ее, как нечто совершенно естественное. Смутс заимствовал ее у более радикальных мыслителей, чем он сам. Программа рабочих и социалистов союзных стран, принятая ими в феврале 1918 г., предусматривала уже охрану колониальных государств со стороны Союза народов, причем имелись в виду колонии, которые были отняты как от союзников, так и от врагов,

включая завоеванные области Турции. Правда, проект Смутса предусматривал и такие территории Европы, которые не были включены в программу рабочих; но зато он ограничивался только теми областями, которые были отщеплены от старой царской России, Австро-Венгрии и Турции, и не решался коснуться колоний в собственном смысле слова. Вильсон, приняв проект Смутса, распространил действие соответственной статьи и на бывшие немецкие колонии.

Таким образом пересмотренный договор Лиги Наций был дополнен не только этими четырьмя статьями о системе мандатов, но еще двумя другими, заимствованными из иных источников. Эти статьи являлись доказательством того, что новая сила—рабочий класс—стала приобретать влияние на мирную политику: они обязывали всех членов Лиги установить сокращенный рабочий день и улучшить условия труда, притом не только у себя, но и в других странах. В несколько измененном виде это положение вошло в раздел *а* ст. XXIII ныне действующей конституции Лиги Наций.

Последним дополнением к второму проекту Вильсона явилась статья, обязывающая все вновь созданные государства предоставить равноправие „расовым и национальным меньшинствам“. Эта статья возникла вследствие жалоб евреев, которые всюду указывали, что их положение тождественно с положением литовцев в Польше или словенов в Италии. Вероятно, в связи с этой статьей появился новый параграф, который впоследствии получил окончательную редакцию ст. XI договора. Вильсон часто называл ее своей любимой статьей. Смысл ее заключался в том, чтобы придать большую гибкость статье X. Эта статья предоставляла всякой нации право обращать внимание всех остальных „на различные обстоятельства, грозящие международному миру или доброму согласию народов“. Этот пункт предоставлял возможность, напр. Литве или Югославии, возбуждать перед Лигой Наций вопрос об обращении с их соплеменниками в Польше или

Италии; на этом основании Соединенные Штаты могли требовать рассмотрения вопроса о положении евреев в каком-нибудь другом государстве.

Таким образом Смутс, рабочий класс и евреи явились причиной тех изменений, которые Вильсон внес в свой второй проект. В его распоряжении имелись и другие проекты, но президент ими, однако, не воспользовался, напр., план Сесиля. Последний, как и Смутс, предусматривал высшую совещательную инстанцию; но в противоположность Смутсу он включал в нее только представителей великих держав. По его мысли только они и должны были вести работу Лиги. Как ясно ни сознавал президент ответственность, лежавшую на великих державах, он все-таки не мог примириться со столь откровенной формой их диктатуры, ведущей свое начало еще со времен 1815 года.

Наконец, надо упомянуть еще знаменитые предложения Лансинга, изложенные в письме от 29 декабря [1]). К ним не прикоснулся президент. Он знал взгляды Лансинга и без этого документа. В еще большей степени, чем Гаус, возражал Лансинг против применения вооруженной силы, как карательной меры по отношению к государствам, не подчиняющимся авторитету Лиги. Он не признавал ни принудительных гарантий, ни третейского разбирательства, ни обязательств относительно сохранения территориального и политического status quo. Что касается мер коллективного воздействия Лиги, то он не хотел итти дальше прекращения всяких сношений с нарушителями ее постановлений, другими словами, стоял за своего рода „отрицательные гарантии“.

Общая статья о взаимных гарантиях была изложена им чрезвычайно неясно и представляла сомнительное средство для сохранения международного мира: в силу этой статьи все государства Лиги обязывались друг перед другом не нарушать территориальной неприкосновенности

---

[1]) См. «The Peace Negotiations», Р. Лансинг, стр. 48.

и политической независимости, за исключением случаев, когда соответственное государство будет на то уполномочено Лигой. Во всяком случае, проект Лансинга не дал Вильсону оснований для изменения своего проекта.

Среди бумаг президента находится еще не мало других проектов американского происхождения, а также французский план Союза, доставленный ему 20 февраля, затем проекты швейцарцев, бельгийцев и т. д., но, повидимому, ни один из этих документов не оказал никакого влияния на его второй, исправленный проект.

После того, как проект этот был закончен, он был передан полковнику Гаусу—и с большой спешностью, с соблюдением тайны, отпечатан. 10 января он был передан президентом членам американской миссии и известным государственным деятелем Англии; дипломаты пришли в сильное волнение. Впервые они ознакомились в конкретной наглядной форме с намерениями президента, напр., относительно ограничения вооружения и контроля над колониями. Перед ними лежала тщательно и подробно разработанная программа. Этот второй проект Вильсона по ошибке доложен был м-ром Буллиттом (Bullitt) Сенату, как первоначальный план Лиги Наций, выработанный президентом.

Этот второй вильсоновский проект, будучи распространен, вызвал целое множество отзывов и нападков, но это и входило в намерения президента. Но только два отзыва, генерала Блисса и Давида Гунтера, президент считал настолько существенными, чтобы внести в проект известные изменения.

Обширные комментарии генерала Блисса содержали целый ряд здоровых замечаний и предложений, в особенности относительно формулировки отдельных статей.

Два изменения, тесно связанных между собой, были внесены в проект. Определяя цели Лиги, Вильсон указал в общей части своего проекта, между прочим, и установление „закономерного правления“.

Против этой формулировки возразил Блисс следующее: „Найдутся люди, которых устрашат эти слова... предположив, что Лига будет использована для подавления внутренних волнений“. Так как эти слова напоминали Священный Союз, то они были исключены из проекта.

По предложению Блисса был изменен и пункт о непосредственной гарантии территориальной неприкосновенности и политической независимости, были добавлены слова „в целях предотвращения внешних нападений“.

Еще более подробные поправки и отзывы Миллера в настоящее время уже опубликованы [1]).

На основании всех этих предположений Вильсон изготовил третий американский проект Лиги Наций. Он так же, как и второй, был напечатан, но, повидимому, не был распространен, т. к. он мало известен. На ряду с указанными поправками Блисса новый проект содержит еще 4 новых дополнения. Одной из этих дополнительных статей был чрезвычайно обременительный пункт о религиозном равноправии. По всей вероятности это положение, тесно связанное со старыми американскими традициями, внесено в проект самим президентом. Евреи настаивали на том, чтобы их не рассматривали, как религиозный союз.

Положение о племенных меньшинствах отдавало должное основным требованиям евреев. Возможно, что статья о национальном равноправии повлекла за собою и статью о равноправии культов, имеющую значение для стран Старого Света.

Три последние статьи были заимствованы президентом или из целого ряда проектов, представленных 7 января ему Лансингом, или же внесены им под влиянием критических отзывов Миллера. Одна из них касалась чрезвычайно щекотливого вопроса о свободе морей; статья эта встревожила британцев, которые надеялись, что, сделав оговорку (reservatio) относительно п. 2 Вильсоновской

---

[1]) См. «Senates Hearings», стр. 1177—1213.

программы (14 пунктов), они покончили с вопросом о свободе морей.

В то время как Лансинг в своей статье предусматривал разрешение этого вопроса путем юридической регламентации, Вильсон исходил из того, что вопрос этот уже разрешен, и выставил требование, „чтобы ни одна держава или группа держав не имела права нарушать в каком бы то ни было отношении ясный смысл настоящих положений“. Но зато Лига, как целое, приобретала право полностью или частью закрывать доступ в моря, в целях принуждения к исполнению своих предписаний. Остальные два пункта предусматривали порядок опубликования всех будущих договоров и воспрещали присвоение каким-либо членам Лиги особых преимуществ в области торговых прав или причинение им экономического вреда.

История возникновения вильсоновского проекта Лиги Наций указывает, как тщательно он его разрабатывал, как основательно продумывал каждую отдельную проблему и еще задолго до образования соответственной комиссии Мирной Конференцией. Анализ проекта подтверждает, как мало в нем принадлежало самому Вильсону: он занимался только выборкой тех или иных идей, часто даже одних только выражений, принадлежавших другим. Но в Париже находились лица, которые не хуже его были подготовлены для такой работы. Делались попытки навязать президенту еще и другие изменения, противоречащие его основным предпосылкам. Но был один пункт, который впоследствии (хотя и не первоначально) Вильсон в праве был назвать своим собственным, и этот пункт он провел — а именно статью о непосредственной гарантии, будущую ст. X Лиги Наций.

Приблизительно в то же время, когда был закончен третий проект Вильсона, появился официальный проект британской делегации. Английский план был в общих чертах сообщен президенту полковником Гаусом 19 января. На следующий день лорд Роберт Сесиль собственноручно переслал ему экземпляр этого проекта.

Проект Вильсона имел несомненное влияние на последний, это явствует из того, что он содержит статью о непосредственной гарантии, хотя и в измененной редакции и с ограничением ее „территориальной неприкосновенностью“. Другая статья предусматривает возможность пересмотра территориальных соглашений, но при этом ограничивает свободу действия Лиги—она в праве предложить соответственному государству произвести необходимое изменение границ и лишить своей защиты спорную область.

Президент несомненно искренно надеялся, что его третий проект, в котором он попытался согласовать все мнения и взгляды, будет принят, как основа для рассмотрения всеми представителями в Совете Десяти. Но британский проект содержал слишком много существенных отклонений, и устранить их путем согласований редакционного характера было нельзя. Так, он включал в себе чрезвычайно спорный вопрос об особом представительстве британских колоний, независимо от Великобритании; вопрос о постоянном международном суде, о правах меньшинств. Переговоры президента с Сесилем и Смутсом показали ему, что согласия можно было бы достигнуть только путем личных совещаний с ними и тщательного исследования всех проблем. Но в это именно время президент оказался перегруженным работой в Совете Десяти и другими делами, ему не хватало времени.

Поэтому американцы и британцы решили, что оба проекта будут поручены их юрис-консультатам: Давиду Гунтеру Миллеру (David Hunter Miller) со стороны Соединенных Штатов и Ч. И. Б. Герсту (Hurst) со стороны Великобритании. В результате получился компромиссный проект, который не удовлетворял в полной мере ни ту, ни другую сторону; тем не менее 3 февраля он был принят на заседании комиссий по вопросу о Лиге Наций за основу для рассмотрения.

Вот тот материал, который предстояло рассмотреть. Между тем в Париже со всею силой вспыхнула борьба

из-за нового требования американцев. Две ясно и точно определенные идеи легли в основание программы президента:

1. Лига Наций должна быть образована.

2. Лига Наций должна стать неразрывной органической частью мирного договора.

Нам необходимо ближе ознакомиться с этими положениями, для понимания тех событий, которые разыгрались вокруг идеи о неразрывной связи Лиги Наций с мирным договором.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Ключ к миру.—Президент Вильсон требует, чтобы Лига Наций стала «неразделеной частью всеобщего мирного договора».

„В интересах общего мира я считаю необходимым союз народов. Для меня он ключ к общему миру“ [Из ответной речи Вильсона, произнесенной 28 декабря 1918 г. в Лондоне делегации, состоявшей из лорда Пармура (Parmoor), лорда Бэкмастера (Buckmaster), оксфордского епископа и м-ра Дж. П. Гуча (Gooch)].

Теперь мы обратимся к рассмотрению тех действительных причин, которые заставили президента Вильсона с непреклонной настойчивостью добиваться, чтобы Лига Наций была признана неразделеной органической частью общего мирного договора.

Во многих отношениях это один из важнейших вопросов Мирной Конференции, в то же время он наиболее ярко иллюстрирует могучую борьбу между „новым“ и „старым порядком“. Вильсон не переставал считать именно Лигу Наций „ключом к общему миру“.

Союзные державы Европы и Япония хотели мирного договора, который разрешал бы территориальные, стратегические и экономические вопросы на тех основаниях, какие были установлены в старых тайных соглашениях: следовательно мира, который определялся бы притязаниями, интересами, страхами великих держав. Создание Лиги откладывалось на далекое будущее!

Но президент Вильсон требовал, чтобы американские принципы и американские идеи, принятые при заключении перемирия, проникли во все условия мирного договора: он считал Лигу Наций фундаментом своей программы, без которого не могли быть осуществлены американские принципы, и не мог быть реально обеспечен будущий международный мир, о котором так горячо заботилась Америка. Поэтому он настаивал на немедленном создании Лиги Наций и на включение ее в договор о мире. Не принципы Вильсона вызывали все эти споры в Париже, а его решимость их осуществить.

Президент Вильсон как-то сказал о себе, что он отличается „прямолинейностью мышления". И в первые же дни конференции он это доказал. Игнорируя все обстоятельства, он шел прямо к определенной цели.

На первом же заседании французы представили порядок занятий, на последнем месте поставив Лигу Наций. На следующий же день президент Вильсон выступил со своим „списком предметов", который выдвигал Лигу Наций на первое место. По всей видимости, он ждал, что Совет поставит на рассмотрение и этот список и что представители великих держав признают основой мирного договора, если не все детали его проекта, то основные его принципы.

Британцы, по обыкновению, сейчас же взялись за дело, составили резолюцию, которая разрешение этого вопроса поручала Конференции. Британцы, как и французы, были большими мастерами на составление таких документов; они слишком хорошо знали тактическую ценность предложений, изложенных в письменной форме. Эта резолюция имела главной своей целью снять вопрос о Лиге Наций с обсуждения Совета Десяти и перенести его в особую комиссию. Копия этой резолюции, датированная 15 января, находится среди бумаг президента. Она была препровождена ему для немедленного утверждения, но он задержал ее у себя на целую неделю.

В течение всего этого времени происходили споры вне заседаний. Проект президента, или, по крайней мере, те пункты, которые касались разоружения и мандата на контроль колоний—произвели впечатление внезапно разорвавшейся бомбы. Они впервые дали ясное представление об истинных намерениях американцев, о том, что они сделали бы, если бы им была предоставлена власть. Особенно резко сказался контраст между ними, французами и итальянцами.

Тем не менее президент все еще надеялся, что Лига Наций или, по крайней мере, ее общие принципы будут предметом рассмотрения в пленарных заседаниях конференции или на совещаниях представителей великих держав. 21 января он сообщил Клемансо, что „предполагает в следующее заседание внести вопрос о Лиге Н - ций"; Клемансо довел об этом до сведения Совета Десят. . В связи с этим произошли следующия прения:

М-р Ллойд-Джордж выразил согласие на то, чтобы вопрос о Лиге Наций был поставлен в следующем заседании, чтобы присутствующие изложили свои принципы общего характера и чтобы затем составление конституции Лиги было поручено международной комиссии.

Президент Вильсон осведомился, предполагает ли м-р Ллойд-Джордж образовать комиссию из среды делегатов.

М-р Ллойд-Джордж ответил, что он считал бы желательным привлечь в комиссию специалистов.

Президент Вильсон изложил затем присутствующим, каким порядком он разрабатывал свой проект Лиги. Он раз'яснил, что в качестве ее основы он использовал доклад Филлимора; затем он поручил его переработку полковнику Гаусу. Вслед за этим он приспособил его к своим взглядам. Он рассмотрел в связи с этой работой проекты Смутса и лорда Сесиля и еще раз переработал свой проект. Наконец, он имел беседу с г. Буржуа и может с радостью сообщить, что его идеи совпадают со взглядами г-на Буржуа, генерала Смутса и лорда Роберта Сесиля.

М-р Бальфур предложил передать проект президента в комиссию.

Президент Вильсон предложил образовать комиссию из лиц, уже работавших над этим вопросом.

М-р Ллойд-Джордж присоединился к этому предложению, и, так как он хочет включить в комиссию и генерала Смутса и лорда Роберта Сесиля, то предлагает избрать по два представителя от каждой великой державы [1]).

Президент согласился на образование комиссии, но не только вследствие существовавших по поводу Лиги разногласий.

Хаос, царивший в мире, особенно русский и польский вопросы, захлестнули Совет целым потоком работы. Мир не хотел считаться с Советом Десяти или его комиссиями. Всюду грозили опасности. 19 января, напр., произошел политический кризис в Италии. На тот же день были назначены общие выборы в Германии, и то и другое вызывало тревоги. Австрия гибла от голода. Венгрия медленно, но твердо шла навстречу революции.

На следующий день (22 января) мы читаем в протоколе заседания:

„М-р Ллойд-Джордж доложил известные резолюции о Лиге Наций, и они были приняты с некоторыми поправками президента Вильсона".

Это были те самые британские резолюции, которые уже около недели находились в распоряжении президента, а его поправки к ним (одна написанная на машинке, другая им от руки) имели громадное значение. Предложенный текст гласил: „Эта Лига должна составить часть мирного договора".

Такая формулировка допускала осуществление французского плана, раскалывала конференцию на две части: в одной принимались бы решения в духе старой дипло-

[1]) Секр. проток. Совета Десяти от 21 января.

матии, а в другой „рассматривался бы вопрос о Лиге Наций“.

После поправки президента это положение гласило так: „Эта Лига должна составить нераздельную составную часть общего мирного договора“. Одним словом, он хотел, чтобы Лига стала „нераздельной составной частью“, фундаментом мира.

Эта поправка означала не только осуществление его заветной цели, она имела непосредственное тактическое значение. Раз ему удалось добиться немедленного рассмотрения принципов Лиги в Совете и у представителей великих держав, он уже не допустит, чтобы Лига Наций попала в мертвую зыбь.

Хотя эта поправка, при воздержании барона Макино, была на следующий же день (23 января) принята, тем не менее Ллойд-Джордж сделал отчаянную попытку поделить немецкие колонии между британскими владениями, французами и японцами; это было с его стороны покушением на Лигу Наций, попыткой заключить сделку на основании тайных соглашений, а не „новых принципов“. В то время, как в Совете бушевали бури вокруг вопроса о колониях, на втором пленарном заседании (25 января) конференции были единогласно всеми народами приняты резолюции 22 января; факт, значение которого определилось лишь впоследствии. Таким образом проект Лиги был пущен в ход. В тот же день Вильсон произнес энергичную речь, в которой требовал, чтобы Лига Наций стала основой всей мирной программы.

„Вот основная цель наших совещаний. Договоры могут быть преходящими, деяния же людей во имя мира и справедливости носят длительный характер. Дело, которое оставит свой след, мы можем создать. Решения же на вечные времена нам вряд ли удастся принять“ [1]).

Насколько слушатели сочувствовали его взглядам, остается под сомнением; во всяком случае ими была при-

---

[1]) Проток. второго пленарн. засед. 25 янв.

нята резолюция об избрании комиссии для составления Положения Лиги Наций. Таким образом выигрывалось время, чтобы заключить желательные сделки до создания Лиги (напр., относительно немецких колоний) или же— чтобы разработать проект ее по собственному вкусу.

Не подлежит сомнению, что остальные представители великих держав надеялись, передачей вопроса в комиссию, снять его надолго с очереди—Смутс и лорд Сесиль верили в Лигу Наций, Ллойд-Джордж нет. Таким образом, Совет мог перейти к делам, которые его действительно интересовали: к разделу колоний, к возложению убытков на немцев и т. п. Прежде всего была сделана попытка создать возможно более громоздкую и бездеятельную комиссию, почти вроде клуба для бесконечных споров, для чего хотели избрать в нее возможно больше членов из рядов мелких народностей. Те же самые Клемансо, Ллойд-Джордж и Соннино, которые так страстно настаивали на исключении мелких наций из совещаний по поводу условий мирного договора, вдруг потребовали, чтобы те же самые мелкие народности были привлечены для составления положения о Лиге Наций.

Из соображений целесообразности было поэтому решено включить в комиссию еще 5 мелких государств, причем к открытию ее заседаний это число поднялось даже до 9. Так как великие державы делегировали в комиссию по два представителя, то общее число ее членов составило 19 человек. Мелкие государства имели в комиссии на один голос меньше, чем представители великих держав; такое же соотношение между ними было предусмотрено Положением о Совете Лиги Наций.

Прения, возникшие по этому поводу в тайном заседании Совета Десяти, так характерны, так искусны, и для посвященного проникнуты такой иронией, что их нельзя не привести.

Президент Вильсон предложил из практических соображений передать разработку первоначального проекта Лиги Наций в комиссию, назначенную великими держа-

вами. Впоследствии этот проект мог бы быть представлен расширенной комиссии, в которой приняли бы участие и мелкие государства. Одним словом, разработка должна принадлежать великим державам, а результат представлен для критики мелким государствам.

М-р Ллойд-Джордж полагал, что раз Лига Наций должна стать до некоторой степени щитом мелких держав, то необходимо, чтобы они приняли участие в комиссии для разработки ее Положения. Может быть, было бы целесообразнее, чтобы великие державы указали своих представителей, а малые назвали своих, и чтобы они совместно работали в комиссии.

Президент Вильсон заявил, что он предпочел бы более гибкий аппарат; конечно, он считает весьма желательным, чтобы было запрошено мнение представителей малых держав. Но не удобнее ли было бы, чтобы великие державы уполномочили избранную ими Комиссию Десяти привлекать к своим совещаниям, по мере надобности, представителей мелких государств, когда ею будут рассматриваться пункты проекта, непосредственно затрагивающие их интересы? Притом нет никакой надобности ограничивать число этих представителей. Ему казался бы такой способ чрезвычайно приемлемым. Малые державы принесли бы значительно больше пользы в качестве друзей и советчиков комиссии. Кроме того, таким способом великие державы избегли бы упрека в желательном для них подборе представителей, в то время как их в праве избирать сами малые державы.

Г. Клемансо заметил, что вопрос о Лиге Наций касается великих держав не менее, чем малых. Он считает чрезвычайно желательным, чтобы великие и малые державы шли рука об руку и работали в тесном сотрудничестве друг с другом. Важно показать обществу эту совместную работу. Он предлагает, чтобы великие державы назначили по 2 представителя, а малые державы 5 представителей в совокупности. Он полагает только, что они будут слишком усердно следовать советам пред-

ставителей великих держав. Затем он предлагает, чтобы бюро пригласило малые державы собраться и избрать 5 представителей. Ответственность таким образом будет возложена на них. Он имеет в виду конечно только воюющие державы, а не нейтральные. Он очень хотел бы, чтобы работа началась возможно скорее, и надеется, что комиссия будет тотчас же образована.

Президент Вильсон заметил, что нельзя составление проекта поручать многочисленной комиссии. Было бы значительно практичнее ознакомить с проектом энергичную комиссию, состоящую из небольшого числа лиц, предоставить ей разработку положения, а затем выработанный ею проект представить всем остальным, чтобы узнать их мнение и взгляды.

М-р Бальфур полагал, что имеется в виду устраивать время от времени совещания комиссии с представителями великих держав.

М-р Ллойд-Джордж счел нужным напомнить, что малые державы начинают выражать неудовольствие; у них создается впечатление, что их отовсюду изгоняют. Почему не предложить президенту Вильсону внести проект в комиссию для немедленного рассмотрения? Он считает комиссию из 15 членов допустимой. Если опасаются, что допущение всего пяти представителей от всей совокупности малых держав поставит в затруднительное положение соответственных делегатов, то он все-таки не понимает, почему не предоставить рассмотрение и разрешение вопроса о представительстве малым державам.

Г. Клемансо повторил, что он считает совершенно необходимым, чтобы великие державы показали конференции свою готовность сотрудничать с малыми державами и призвать их всех к работам комиссии [1]).

Таким образом, передачей проекта в комиссию Ллойд-Джордж и Клемансо отодвинули вопрос о Лиге Наций на запасный путь: с другой стороны, создав неработо-

---

[1]) Секретн. проток. Совета. 10, от 22 янв.

способную комиссию, превратив ее в отдушину для малых держав, они развязывали себе руки и получали возможность по своему желанию кроить мир в тайном совете великих держав.

Однако, несмотря на постигшую его тяжелую неудачу, президент принял вызов: он совершил акт, которого совсем не ожидали союзники. Они полагали, что главным представителем Америки в комиссии будет полковник Гаус, в виду его глубокого интереса к этой проблеме; а вместо этого президент сам вошел в комиссию и стал ее председателем, благодаря чему она приобрела непредвиденное ими значение и влияние. Он и Орландо были единственными главами великих держав, принявшими участие в работах комиссии. Так как Ллойд-Джордж уже назначил Смутса и Сесиля, он не мог войти в комиссию, даже если бы захотел. Таким образом эта комиссия привлекла к себе интерес, которым раньше пользовался Совет. Обе стороны оказались гениальными стратегами! Государственные деятели Европы и Японии, повидимому, никогда не сознавали, сколько безграничной энергии и решимости у этого американского президента. Они не понимали, как планомерно он прокладывал дорогу своим целям и как глубоко он был убежден в необходимости бороться за Лигу Наций не только во имя идеалов и традиций Америки, но и во имя надежд всего мира. Всякий, видя перед собой трагедию и страдания войны, мечтал, писал, говорил о великом, но призрачном обществе народов, которое должно было возникнуть после заключения мира для предотвращения бедствий войны. Мысли человечества были преисполнены образом единения народов. Все государственные деятели: французы, британцы, как и американцы, включили эти идеи в свои программы. Только японцы оказались исключением; только они не поддались общему настроению. Но никто ярче и яснее не выразил этих надежд, чем Вильсон; в то время как многие высказывались за эту идею, увлеченные мимолетным настроением или политическим оппортунизмом, под

покровом которых иной раз дремали более грубые, корыстные мотивы, президент Вильсон искренно верил в свою цель и говорил то, что действительно думал. Он явился в Париж в твердой решимости провести ту программу, которая была принята союзниками, которая стала их обязательством.

Поучительно и необходимо ближе ознакомиться с генезисом решимости Вильсона—сделать Лигу наций „нераздельной, наиболее важной составной частью всеобщего мирного договора“. Его решение не было принято внезапно, под влиянием настроения, оно не было и простым тактическим ходом, как думали некоторые дипломаты. Он три тяжких года под-ряд, в течение всей войны—бился над этой проблемой. Постепенно возникло у него это решение, как логическое следствие вступления Америки в войну. У Америки не было иного интереса, иной цели, как только обеспечение будущего мира между народами. Правда, европейские дипломаты не были способны оценить глубокую искреннюю убежденность президента.

Его мысль прошла через четыре ясно очерченные стадии развития; она менялась по мере того, как менялось отношение Америки к пожару, охватившему мир.

В начале войны он пришел к выводу, что, каков бы ни был ее исход, Америка будет глубоко потрясена ею, что нашей национальной обособленности отныне пришел конец.

„Отныне, хотим мы или нет, но мы,—участники общей жизни народов. Мы сочлены их общежития. Дела всего человечества—дела народов Европы или Азии—наши дела“.

С этими словами он обратился к „League to Enforce Peace“ 27 мая 1916 г., почти за год до вступления Америки в войну. И если это новое великое событие в жизни Америки действительно произошло, что же ей делать? Какую гарантию потребовать при заключении мира, раз неуклонно исчезает ее национальная обособленность?

Америка могла вооружиться, стать великой военной державой, подобно европейским государствам. Но эту мысль Вильсон решительно отвергал. Единственным выходом было создание такой формы международного сотрудничества, в котором руководящая роль принадлежала бы Америке. Она должна соединиться с другими народами мира, „чтобы право побеждало всякое корыстное самоуправство“, чтобы мир царил на земле. Одним словом: необходим союз народов.

Этот вывод казался президенту логически неизбежным. Но в то время мы сохраняли еще нейтралитет; война могла быть ликвидирована „соглашением только между воюющими сторонами“. Мы в их переговорах принять участия не могли. Может быть, в будущем мы вступили бы в общество народов.

„Наши интересы направлены в сторону мира и его будущих гарантий“.

Другими словами: воюющие стороны, включая и Германию, должны установить условия мира путем соглашений между собой, а мы впоследствии присоединимся к обществу народов, чтобы сохранить международное равновесие.

Чем грознее становилась война, чем реальнее была опасность вовлечения в нее Америки, тем усерднее занимался президент вопросом о союзе народов и его связи с мирным договором.

При этом он попрежнему имел в виду мир при посредстве взаимных соглашений, „мир без победы“,—о чем он поведал сенату 22 января 1917 г. Он все еще думал, что будущий мир народов не будет прочен без участия Соединенных Штатов.

Он видел, что все ярче и ярче разгораются страсти в Европе, и уже сознавал, хотя и смутно, что трудно будет в такой атмосфере ненависти, страха и алчности добиться „справедливого мира“. Он заявил сенату, что мы дадим гарантию тому мирному договору, который будет „достоин нашей гарантии“. Свое вступление в бу-

дущее общество народов мы поставим в зависимость от того, насколько справедливы будут условия мира.

Но когда в апреле месяце мы отважились на великий скачок в войну, все преобразилось. Мы перестали быть нейтральными, мы бились в рядах союзников, мы в праве будем принять участие в мирных переговорах. Будем биться до победного конца, навяжем свой мир врагу— Америка будет сидеть за общим столом с союзниками, а Германии не будет там места.

На нас возлагалась теперь тяжелая ответственность за содержание мира, мы не могли оставаться пассивными и говорить: „Заключайте, господа, справедливый мир, а то мы его не гарантируем".

Президент усердно и настойчиво принялся за работу: он разрабатывал условия, которые могли свободно поддерживать и гарантировать Соединенные Штаты. Общество народов постоянно шло рука об руку с этими условиями. Последний из 14 пунктов Вильсона (январь 1918 г.) относился к Союзу Народов.

Но только в сентябре 1918 (речь в Metropolitan-Opera) он пришел к окончательному решению, что основание Союза Народов должно составить „существенную часть мирного договора", так, как „мир, лишенный орудия, охраняющего международный мир, покоился бы только на покорности об'явленных вне закона (outlaws) государств". И тем не менее главное внимание уделяют условиям мирного договора, а не сотрудничеству народов.

Между тем всякий должен принять на себя долг— каждый пункт договора, чьих бы интересов он ни касался, осветить беспристрастной справедливостью.

В своей речи о перемирии, произнесенной 11 ноября перед конгрессом, он с новой силой отстаивает эту идею.

Затем президент прибыл в Европу, и там ему пришлось заглянуть в глаза грубой действительности. Реакция росла, „в идеализме оказалась трещина". Целая лавина проблем, петиций, призывов, требований, настаивавших на осуществлении неотложных, чрезвычайно важных интересов,

двинулась на него. В нем зарождалось сознание, что, несмотря на торжественные „обязательства“, бескорыстная правда будет осуществлена лишь с большим трудом. Постепенно он убеждался, что невероятно трудно будет составить договор, в котором все условия были бы вполне справедливы.

В своей речи, произнесенной в Манчестере [1]), он в этом признается: „Я не питаю надежд, что все без исключения условия мира удовлетворят всех“.

Но все эти обстоятельства не ослабляют, а закаляют его решимость. Ибо он все еще убежден, что мир будущего — составляет жизненный интерес, потребность надежд Америки. И чтобы обеспечить мир охваченным анархией народам, из которых так трудно искоренить чувство несправедливости — был необходим больше, чем когда-либо, Союз Народов. Да, Союз Народов имел большее значение, чем условия мира. В своей речи в Guildhall'е от 28 декабря он заявляет присутствующим: „Гарантии мира, не его отдельные условия—составляют ключ к миру“. И поэтому он делает следующий логический шаг—если отдельные условия неудовлетворительны, то надо создать орудие для их изменения—и таким орудием является Лига Наций: „это аппарат для восстановления справедливости..... это аппарат доброй воли и дружеских отношений“, и он должен очистить мирный договор от тех недостатков, которые продиктовали злоба и страсти войны. Таким образом, обстоятельства повелевают признать Лигу Наций жизненной частью настоящего мирного договора.

Особенно важно иметь ввиду, что Вильсон, введя в свой проект Лиги Наций статью о гарантиях, рассматривал ее, как средство, которое, по заключении договора, могло бы содействовать изменению status quo. Это средство заключалось, с одной стороны, в праве народов на самоопределение, а с другой в том, что решения должны

---

[1]) 30-го декабря 1918 г.

были приниматься квалифицированным большинством ($^3/_4$) голосов. Президент был постоянно того мнения, что ст. XI положения о Лиге Наций,—его любимая статья,—придавала известную эластичность гарантиям. Никогда эта гарантия не мыслилась, как средство закрепления несправедливого мира.

Таким образом, еще задолго до открытия конференции у президента сложились определенные, твердые убеждения, определявшие роль Лиги Наций в мирном договоре. Лига Наций должна была стать частью заключаемого договора; она была неизбежна, как средство охраны международного мира, ибо она представляла единственное учреждение, способное путем разрешения международных споров, в частности и тех, что возникнут потом, предотвратить новые схватки между народами. Только Лига Наций могла дать Америке после войны (не требуя новых вооружений) все то, за что она, главным образом, воевала: мир и спокойствие.

Еще одна причина, первоначально указанная не президентом, укрепляла на конференции его решимость тесно связать Лигу Наций с мирным договором. У него возникали сомнения, не будет ли Лига отодвинута в бесконечную даль всеми державами (и даже Америкой), если она не войдет составной частью в мирный договор и не будет тут же принята делегатами конференции. Вначале он не встретил никаких препятствий—ведь, все же нации стояли за Лигу—но когда стало обнаруживаться противодействие, он еще более укрепился в своем решении, что заключение мирного договора и союза между народами должно последовать одновременно, составить нераздельный акт.

Так обстояло дело до 25 января, когда были приняты пресловутые резолюции о Лиге Наций. Борьба велась президентом искусно—до сих пор при всех столкновениях он завоевывал одну позицию за другой. Вопрос о Лиге был поставлен им определенно и сдвинут энергично с мертвой точки: своей главной цели — признания Лиги „нераздельной органической частью“ общего мирного до-

говора—он добился от всех наций на первом же заседании 25 января. И, если обстоятельства рассеяли надежды Вильсона на то, что его идея об'единения народов и его программа будут приняты в принципе Верховным Военным Советом, он все же рассчитывал, приняв на себя председательствование в комиссии, которой поручена была разработка организации Лиги, поднять ее авторитет в глазах общества почти на ту же высоту. И, в действительности, расширенные заседания этой комиссии, происходившие в Hôtel Crillon, по крайней мере, на время затмили деятельность Совета Десяти.

Но все это были только подготовительные стычки. Большие битвы должны были разыграться позже. Когда союзники согласились признать Лигу Наций составной частью, условием мирного договора, они поступили так в надежде создать ее в желательном для них духе, в качестве послушного орудия их воли. Поэтому они, и особенно французы, перенесли место битвы в комиссию по разработке положения о Лиге Наций. Об этом мы поговорим еще дальше. В распоряжении союзников было еще одно боевое средство, которое они не замедлили пустить в ход. Судьба Лиги находилась, по их мнению, в верных руках; почему же неожиданным набегом не захватить военной добычи, немецких колоний, и не поделить ее между собой, пока комиссия Вильсона будет разрабатывать свой доклад? Этот блестящий ход по всем правилам старой дипломатии был с непревзойденной ловкостью проделан м-ром Ллойд-Джорджем. Но об этом в следующей главе.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Военная добыча на Парижской конференции. — Попытка поделить бывшие германские колонии до образования Лиги Наций. — Борьба президента за свои принципы.

Последние две главы показали, как энергично и успешно боролся президент за два основных элемента американской програмы. Он выдвинул вопрос о Лиге Наций на передний план; он сам стал председателем комиссии, которой было поручено разработать соответственное положение о ней. Наряду с этим он, несмотря на сопротивление союзников, добился, что Лига была признана частью мирного договора. Новый порядок побеждал, повидимому, по всей линии. Но хитрые дипломаты старого порядка тоже не дремали.

Лига им не была по душе и больше всего им не хотелось признать ее условием мирного договора. Кроме того, некоторые пункты вильсоновской программы нагнали на них ужас; их страшило, напр., что президент требует для всех бывших германских колоний системы управления на основании мандатов. Это положение тревожило особенно сильно Англию и Японию, которые хотели поделить между собою, как военную добычу, немецкие колонии в Тихом океане и Африке.

Тревоги еще более увеличились, когда президент выступил со своей Лигой Наций и решительно потребовал включения ее в мирный договор. Что было тут делать?

Их контр-планы были очень просты: они решили потребовать немедленного распределения добычи, еще до рассмотрения вопроса о Лиге Наций и системе мандатов. Что касается самой Лиги, то, по их мнению, она хорошо была пристроена в комиссии.

Уже на следующий день, 23 января, бурный Ллойд-Джордж прямо поставил вопрос о судьбе германских колоний. Он поступил так, несмотря на то, что Совет высказался за порядок дня президента, на первом месте которого стояла Лига Наций, затем репарации и территориальные вопросы и только в конце—колонии.

Это был необычайно смелый и искусный тактический ход: с одной стороны, он хотел добиться того, к чему стремились союзники; с другой, он таким образом, испытывал способности и силы американского вождя.

Президент Вильсон был неведомой величиной на Парижской Конференции. Каждый знал в точности, что он сказал, но никто не знал, что он в действительности будет делать.

Был ли президент только пламенным проповедником, способным воодушевить мир, или же действительно хотел просто и деловито осуществить свои задачи? Был ли он борцом, и если был, то в какой мере?

Ллойд-Джордж, Клемансо и Соннино давно уже работали вместе и знали друг друга. Они совместно обсуждали и решали военные проблемы величайшей важности; они сообща боролись с политическими кризисами и еще до окончательной победы, доставшейся союзникам благодаря вмешательству Америки, сговорились между собой относительно будущих сделок, относительно вопросов, связанных с прежними тайными договорами, относительно многочисленных новых проблем.

Но ни один из этих правительственных вождей, кроме м-ра Бальфура, еще ни разу не встретился лицом к лицу с американским президентом, который оказывал такое могучее моральное влияние на весь мир. Они охотно признавали его великим стратегом последнего года войны,

так как он представлял могущественную Америку; его принципы, с радостью воспринятые беспокойными либералами и рабочими Европы, содействовали единению в союзных странах, и действовали разлагающе на центральные державы. Но сейчас наступило время двинуть против его стратегии тактику старой дипломатии. Борьба переместилась внутрь, не было внешнего врага. Что будет делать Вильсон? Не останется ли Америка, с ее причудливыми идеями и новыми принципами, почетным гостем Европы, не усвоит ли она учтиво нравы и обычаи старого мира, не войдет ли она покорно в европейскую семью народов? А, может быть, Америка уподобится тому богатому и знатному сыну, который, вернувшись из неведомых стран, спасает старый очаг от гибели, сжигает старую утварь и заменяет ее новой?

Когда 23 января Ллойд-Джордж предложил перейти к обсуждению колониальных вопросов, Клемансо тотчас же поддержал его предложение от имени Франции, Соннино от имени Италии—как будто все это было решено между ними раньше.

Президент сразу понял, что означает этот внезапный и поразительно искусный ход. Не существовало более удачного момента, чтобы противопоставить свои собственные взгляды на мирный договор идеям президента. Этот откровенный раздел германских колоний, находившихся уже в фактическом обладании союзников, представлял единственный в своем роде случай, когда его противники могли выступить единым фронтом против президента. Ведь здесь шла речь о „распределении“ сотен островов, рассеянных по всему Тихому Океану, о лакомом куске Китая, о необ'ятных территориях Африки с 13-миллионным населением. Ллойд-Джордж помышлял еще о казни старой империи на Ближнем Востоке; он поговаривал уже о Турецкой империи, обширные области которой предназначались для раздела. Эту добычу было легче всего нащупать и распределить. Ее немедленное распределение вызвало бы у всех участников такое ощущение, что „нечто

определенное“ уже в их руках, и это сознание побудило бы их разрешить самые сложные проблемы в благодушном „дипломатическом“ настроении. Да, Ллойд-Джордж мотивировал свой шаг тем, что „восточные и колониальные вопросы менее сложны (чем европейские), и потому, чтобы не терять времени, он предложил обсудить их немедленно“ [1]).

Президент тотчас же заявил протест, указав на следующее (все приводимые здесь цитаты заимствованы непосредственно из секретных протоколов):

„Волнения, охватившие мир, происходят вследствие того, что до сих пор не упорядочены дела Европы, а не Ближнего Востока или колоний; откладывание этого вопроса произведет еще более тяжелое впечатление на делегатов конференции. Поэтому он предпочитает принять все меры к тому, чтобы ускорить разрешение европейских вопросов“.

В этом споре президент, повидимому, победил.

„Было решено, что генеральный секретариат предложит всем делегациям, представляющим государства, претендующие на территории, представить секретариату в десятидневный срок свои требования в письменной форме“.

Тем не менее президент был в высшей степени встревожен. Ему стало совершенно ясно, что его противники— продувные дипломаты, самые продувные во всем мире. Они отнюдь не хотели нападать на его основные требования—это была бы жалкая тактика; они пользовались испытанным политическим средством „принимать принципиально и отклонять фактически“,—как выразился однажды Вильсон в Совете.

Короче говоря, план был таков: после того как будет заключен по способу старой дипломатии мир на условиях, установленных в тайных договорах, и каждая нация заполучит по возможности все, чего добивалась в области своих материальных, стратегических и политических ин-

[1]) Секретн. проток. Совета Десяти 23 янв.

тересов,—тогда состоится благочестивое оповещение мира „о принципах, осуществляющих справедливость, мораль и свободу“ и будет приступлено к обсуждению вопроса об образовании общества народов!

Но президент решил повести эту войну в согласии с новыми принципами, которыми союзники обязались при заключении перемирия. Наступило время эти принципы применить. Лига Наций должна быть создана немедленно же, а не отодвинута в неведомую даль. Повидимому, не трудно ладить только с теми идеалистами, у которых нет решимости осуществлять свои идеалы!

Вернейшее средство дипломатического успеха как и на войне,—нападение, быстрое, неожиданное. Хотя президент Вильсон был уверен, что ему удалось отложить вопрос о колониях, но он не рассчитал, что ему придется иметь дело со скользким, как ртуть, Ллойд-Джорджем.

Во время дневного заседания 24 января—вдруг произошло какое-то большое движение в приемных залах министерства иностранных дел, где за двойными, крепко запертыми дверьми заседал Совет Десяти.

„В этот момент, говорится в секретных протоколах, в залу совещания вошли министры-президенты английских колоний“—так несколько сухо излагается чрезвычайно драматическое выступление Британской империи! Ллойд-Джордж был неподражаем в инсценировке подобных театральных эффектов.

На первый взгляд наиболее яркими фигурами были Массей (Massey) из Новой Зеландии, широкоплечий суровый великан с львиной шевелюрой и Смутс (Smuts) из Южной Африки, самый молодой и значительный из всей группы, в форме генерал-лейтенанта британской армии. Гюгс (Hughsese) из Австралии, небольшой высохший человечек с электрической слуховой трубкой и Борден из Канады, „красивейший мужчина Мирной Конференции“ замыкали эту группу. Их ввели в залу совещания, где их встретил приветствиями Клемансо. Они явились, чтобы заявить свои притязания на бывшие германские колонии,

которые, как пояснил Ллойд-Джордж, были завоеваны их же колониальными войсками.

М-р Ллойд-Джордж сделал небольшое заявление относительно недостатков германской колониальной политики:

„В немецких колониях юго-западной Африки планомерно проводилось истребление туземцев“.

„От имени всей Британской империи я позволю себе заявить, что самым решительным образом протестую против возвращения этих колоний Германии“.

Президент Вильсон сказал, что, по его мнению, все против возвращения германских колоний.

Г. Орландо согласился с этим от имени Италии и барон Макино от имени Японии.

Никто не возражал и таким образом „решение в принципе было принято“.

Таким упрощенным и убедительным способом были из‘яты из владения Германии все ее колонии. У союзников были наготове военные и политические санкции для осуществления этого из‘ятия. Они чувствовали за собою и моральное право на это, так как германская колониальная политика никуда не годилась. Недаром же г. Эрцбергер еще до войны сказал: „позор, что германские колонии только тогда приносят урожай, когда они вспоены кровью туземцев“ (слухи о скандалах в немецких колониях проникли за пределы Германии [1]).

Но затем предстояло решить, что же делать с этим огромным, беззащитным и беспомощным населением? Если за союзниками было моральное право отнять его от Гер-

---

[1]) Многие политические деятели Германии также резко критиковали ее колониальную политику. Бывший статс-секретарь Дернбург, посетивший в 1907 г. колонии, заявил 18 февраля 1908 г. в рейхстаге: «Плантаторы со всеми во вражде... Их единственный принцип—выколотить возможно больше денег... От государства они требуют, чтобы оно не расставалось с кнутом».

Вождь социал-демократической партии Бебель заявил 20 марта 1908 г. в рейхстаге: «Слухи, которые поступают к нам из колоний, часто напоминают о злодеяниях восточных деспотов. И там происходят жестокости и зверства, о которых мы не можем составить себе даже представления».

мании, то на них же возлагалась моральная обязанность создать такую систему управления, которая исключила бы раз навсегда возможность подобных злоупотреблений.

М-р Ллойд-Джордж в такие минуты умел показать себя в полном блеске. Гордо став в решительную позу, он откидывал назад свою львиную голову, из его уст несся поток захватывающего красноречия; он заставлял себя слушать, он убеждал. Он рисовал три системы будущей колониальной политики. Первая заключалась в интернационализации колоний или в передаче управления ими непосредственно Лиге Наций; эту систему он отверг, не приводя никаких мотивов, и в действительности ей не придавали никакого серьезного значения на конференции. Весь опыт прошлого показал уже, что такой международный контроль, например, над Конго, Самоа, Новыми Гебридскими островами, Египтом и Марокко, дал одни лишь отрицательные результаты. Вторая система заключалась в том, „что только одна определенная нация получала от Лиги мандат на попечение (Trusteeship) о колониях", становилась его мандатарием — эта идея нередко уже обсуждалась и была связана с организацией Лиги Наций.

Третье предложение сводилось к совершенно откровенной аннексии в старом стиле, этого именно и хотели представители британских владений, и хотели немедленно; в аннексионистской политике их поддерживал и Ллойд-Джордж. Если бы он провел подобное решение, которое было будто бы больше в интересах британских колоний, чем Великобритании, то он расчистил бы себе дорогу для „раздела Турецкой империи".

„Он желал, чтобы конференция признала указанные области частью британских колоний, так как колониальные войска завоевали эти территории".

Свои аргументы в пользу такого именно решения вопроса (Вильсон назвал его „откровенным разделом добычи")—Ллойд-Джордж изложил с той же энергией и красноречием, как и диаметрально-противоположные аргу-

менты, в январе 1918 г.; но тогда миром владел лозунг „самоопределение народов“ и тогда Ллойд-Джордж считал возможным требовать его осуществления даже в более широком об‘еме, чем сам Вильсон. Дело шло о туземных племенах Африки. 5 января 1918 г. он заявил на конгрессе профессиональных союзов, который по мере сил своих поддерживал принцип „без аннексий“, следующее:

„Что касается германских колоний, то я неоднократно заявлял, что судьба их будет решена конференцией, которая прежде всего должна руководствоваться желаниями и интересами туземного населения“.

В то время богатая фантазия Ллойд-Джорджа нарисовала ему образ колоний, каким-то мистическим способом решающих свою судьбу. Теперь эта же фантазия должна была послужить иной цели и так же живо, как и раньше, он изобразил немецкие владения „колониями каннибалов, где люди пожирают друг друга“.

Итак, министры-президенты британских земель стали один за другим излагать свои притязания. В первую очередь м-р Гюгс от имени Австралии, который требовал Новой Гвинеи и других островов; затем м-р Массей от имени Новой Зеландии, который претендовал на Самоа; за ним выступил генерал Смутс, который хотел наложить запрещение на германские владения в юго-западной Африке. Все решительно и определенно стояли за аннексию, и вся их аргументация, в действительности, основывалась на следующих предпосылках:

1. На издержках и убытках британских колоний, причиненных войной, а в действительности на том факте, что войска британских колоний оккупировали германские владения.

2. На соображениях стратегической безопасности и на военных интересах британских владений. „Великая сильная держава, владеющая Новой Гвинеей, сказал м-р Гюгс, владеет всей Австралией“, „Самоа, вторил ему м-р Массей, имеет для Новой Зеландии большое стратегическое значе-

ние и является ключом к Тихому Океану“, поэтому только Новая Зеландия должна владеть им.

3. На утверждении всех представителей британских владений, что интересы туземцев будут лучше всего обеспечены непосредственной аннексией колоний. Британские земли представляют из себя демократию: „они делают все возможное, чтобы насадить в тех частях света цивилизацию“. М-р Массей упомянул кроме того, „что в парламенте Новой Зеландии заседали в это время шесть туземцев“.

Аргументы генерала Смутса звучали несколько иначе: он доказывал, что немецкая часть юго-западной Африки в действительности представляет „только пустыню без ценных богатств, и что ввиду скудости населения система мандатов окажется менее целесообразной, чем непосредственная аннексия“.

В заключение сэр Роберт Борден заявил, что Канада, представителем которой он является, не имеет никаких самостоятельных территориальных претензий, но что он поддерживает требования других. В течение всей конференции Канада не пред‘явила ни одного своекорыстного требования, хотя она понесла в войне тяжелые убытки и много жертв, сравнительно больше, чем Соединенные Штаты. Конечно, Канада отличалась от других британских владений тем, что ей не приходилось тревожиться за свою безопасность. Австралия и Новая Зеландия, на глазах которых выросла новая японская держава, предвидели уже возможность борьбы за господство на Тихом Океане и потому находились в совершенно ином положении. Кроме того Канада обладает, подобно Соединенным Штатам, несметным количеством неподнятой целины и потому не нуждается в приросте территории.

Но если представители британских колоний так откровенно требовали немедленного „дележа добычи“, то и японцы с французами тоже не робели. На следующем заседании Совета Десяти выступили японцы, которых кто-то назвал „тихими участниками мира“, в лице барона Макино.

Последний заявил, „что японское правительство признает себя в праве требовать от германского правительства безусловной уступки, во-первых, его прав в китайской провинции Шандун и, во-вторых, всех принадлежавших ранее Германии островов в Тихом Океане, севернее экватора. Он претендует на окончательное завладение этими островами.

На следующий день представился Совету французский министр колоний г. Симон с таким же неприкрытым требованием на аннексию Того и Камеруна в Африке, которое до некоторой степени было основано на тайных сделках между Великобританией и Францией. Он ходатайствовал „о прямой аннексии, поддержать которую он и явился". Затем выяснилось, что и бельгийцы хотели получить часть немецкой Южной Африки, и что Италия также имела какие-то условные требования, вытекавшие из лондонского тайного договора. Вскоре после того, как слух об этих требованиях распространился среди делегатов, робко заявила о себе и Португалия, но никто не обратил на нее ни малейшего внимания.

Было ясно, что назревает конфликт. Мирная программа Вильсона—сводилась на нет; отрицался тот самый принцип, который торжественно был принят всеми нациями при заключении перемирия.

„Никаких аннексий" и „право на самоопределение народов" и были лозунгами мирной программы; „не пустые фразы", а „твердые обязательства". „Народы и провинции нельзя перебрасывать из одного государства в другое, их нельзя передвигать, как мертвый товар или шахматную фигуру". „Времена завоеваний и территориальных обогащений прошли", сказал президент в своей речи по поводу „14 пунктов". А пятый пункт его программы гласил:

„Свободное, непредубежденное и полное беспристрастия решение всех колониальных притязаний, основанное на строгом подчинении принципу, в силу которого, при установлении всех подобного рода верховных прав, в одинаковой степени должны иметь голос как интересы на-

селения, так и справедливые требования правительства, притязания коего разрешаются“.

А между тем, пред‘явленные требования основывались, как полагал президент, главным образом, на соображениях безопасности и интересах крупных держав, а не на принципе, в силу которого „интерес самого слабого был также священ, как интерес самого сильного“. Короче говоря — вся эта система домогательств была не чем иным, как примером старой разбойничьей повадки: „дележом добычи“. Президент не умолчал об этом, когда взял слово в Совете. Он сидел там, глубоко погрузившись в кресло, устремляя глаза то на Ллойд-Джорджа, то на Клемансо, и говорил спокойным и несколько тихим голосом:

„Мир скажет, что великие державы сперва поделили беззащитные части света, а потом создали союз народов. Останется голый, неприкрытый факт, что каждый кусок этого мира был присужден той или иной великой державе. Я должен сказать с полной откровенностью, что мир подобного образа действий не допустит, такой шаг сделает невозможным союз народов, и мы вернемся к прежней системе новых вооружений, к связанному с этим ростом задолженности и к тяжкой необходимости содержать большие армии“.

Принцип, который он старался осуществить, был новым принципом; он хотел „нового порядка“, иного отношения сильных наций к слабым и беззащитным. Вильсон требовал этого не только потому, что он считал свои принципы правильными или потому, что они были „проявлением идеализма“, нет, а потому что они являлись единственным практическим способом для предотвращения опасностей и тягостей милитаризма и причин, вызывающих войны.

Но всякий реформатор, который отвергает старый принцип, должен на место его поставить и раз‘яснить новый. Поэтому президент был вынужден защищать новую систему, которую ни он, ни его комиссия не успели еще работать, и это знали остальные! Они напали на него

в наиболее опасный момент, и тем, не менее, он оказал им сильное сопротивление.

27 января Вильсон „изложил ясно и определенно (в Совете Десяти), что следует понимать под системой, попечительства (Trusteeship) Лиги Наций, осуществляемой через его мандатариев“. Там, в старом здании на набережной Орсей, его слушало блестящее общество. Перед ним сидели главные представители великих европейских народов: Британской империи, Франции и Италии, в сопровождении своих министров иностранных дел. Кроме того, тут же присутствовали все премьер-министры британских колоний (за исключением генерала Смутса), а также представители Японии (Макино, Матсуи и Салурп) и Китая (Ванг, Коо и Хао). Включая экспертов, секретарей и переводчиков—присутствовало 32 человека, из них, по всей вероятности, 25 (вероятно, все за исключением китайцев) относились явно враждебно к новым принципам президента. Вот что сказал Вильсон:

„Эта идея коренится в том сопротивлении, которое на всем свете встречает политика дальнейших аннексий. Если колонии не будут возвращены Германии, в чем согласны все, следует найти новую базу для покровительства и развития населения этих отсталых областей. Это и есть та цель, которую ставит себе идея управления через мандатариев Лиги Наций, действующих ее именем... Должно быть создано учреждение для осуществления идеи, которая владеет всеми: поднять эти страны на благо уже живущего в них населения и к выгоде новых поселенцев.

„Задача заключается в том, чтобы оказывать помощь населению некультурных стран, ограждать его от злоупотреблений, какие бывали при германских властях и какие встречаются и при иных правительствах. Кроме того, необходимо обеспечить спокойное развитие отсталым народам и землям, дабы позже, когда наступит для того время, народы могли самостоятельно определить свои взаимоотшения к управлению мандатариев, руководствуясь исключительно своими интересами. Возможно, что именно этим

способом мы пробудим в них потребность к союзу с установленной властью.

„Прежде всего Лига Наций должна установить для мандатариев определенные директивы общего характера, и, в первую очередь, указать, чтобы они управляли странами в целях поднятия жизненных условий населения. Во-вторых, никаких различий не должно быть сделано для членов Лиги Наций, никому из них не должен быть затруднен доступ к вспомогательным рессурсам страны... Все государства должны платить одинаковые пошлины и пользоваться равным правом доступа в колонии.

Если же аннексионистская политика и впредь будет продолжаться, Лига Наций сразу же будет лишена морального авторитета. Относительно Мирной Конференции распущено много ложных слухов. Кто враждебно настроен против нее, утверждает, что она преследует одну только цель: поделить добычу. Если это утверждение найдет хотя бы малейшее оправдание,—конференция будет дискредитирована“.

Так, в немногих словах, были формулированы новые принципы президента, которые он хотел осуществить. От корня и до всех своих разветвлений этот принцип был враждебен старым империалистским методам.

Фон, на котором разыгрывалась колониальная политика Америки, был, конечно, более либеральным, чем у народов Старого Света. Интересы торговли и капитала не требовали от нас колониальной экспансии, как от Великобритании. У нас не было также необходимости искать земель для эмиграции избыточного населения, как в Японии, Италии и Германии. Очень сильное меньшинство даже боролось у нас с попыткой колониальной экспансии, намечавшейся после испанской войны; оно вело борьбу и против американского „империализма“, если не с успехом, то с большой энергией.

Многие политические деятели Америки без различия партий — проповедывали идею „попечения“, „куратуры“ о колониальных владениях. Тогдашний военный ми-

нистр Э. Рут (Elihu Root) обратился в 1900 г. к комитету по делам Филиппинских островов, состоявшему под председательством Тафта, со следующим предупреждением: „помнить, что управление (островами) должно быть организовано не в наших интересах и не в целях распространения наших теоретических взглядов, а ради счастья, мира и благоденствия филиппинского населения“. Президент Мак Кинлей в своем послании конгрессу пишет (3 декабря 1900 г.) следующее:

„Военное счастье возложило на наш народ неожиданное обязательство, которое должно быть осуществлено им бескорыстно, наше правительство должно принять на себя как моральную, так и материальную ответственность перед миллионами людей, освобожденных нами от ига рабства... Мы приняли на себя опеку над этими народами в сознании нашего долга“.

Президент Рузвельт в своем ежегодном послании конгрессу 6 декабря 1904 г. говорит следующее:

„Главнейшее основание, почему мы держимся (за Филиппины), заключается в том, что мы по собственной воле хотим также принять участие в улучшении мира“.

Президент Тафт пошел несколько дальше и в своем послании конгрессу в декабре 1912 г. указал на то, „что мы должны пробуждать национальное сознание, а не подавлять его в духе старых колониальных теорий. Наша работа на Востоке встретила горячее признание и до сих пор имела успех, хотя была окружена завистью тех, кто пытался проводить такую же политику, но не с‘умел, встретив препятствия, выросшие в дни господства иных административных теорий“.

Президент Вильсон усвоил эту же американскую политику и проводил ее с воодушевлением. 20 апреля 1915 г. он говорит:

„Мы не хотим и фута чужой территории. И если обстоятельства прошлого принудили нас присвоить области, о которых мы раньше и не помышляли, то все же я вправе заявить, что мы считали своим долгом управлять этими

областями не в наших личных интересах, а в интересах туземного населения, и, таким образом, не навлекать на себя тяжкой ответственности перед ним. Мы не исходили из мысли, что эти территории даны нам для извлечения выгод, нет, мы смотрим на себя как на попечителей над этим громадным предприятием, действующим в интересах тех, кому оно принадлежит".

Для обозначения нового принципа колониальной политики пользовались самыми разнообразными выражениями. Мак Кинлей говорил об „опекунстве" Америки; Вильсон о „попечительстве".

Но американская идея заключала в себе еще один элемент прогрессивного значения. Мы не только должны были стать доверенными людьми более слабых народов— эту идею защищали и лучшие колониальные теоретики Англии (см. „Th White Men's Burden"), мы должны были „пробудить национальное сознание, а не подавлять его в духе старых колониальных теорий", как говорил президент Тафт (декабрь 1912 г.).

Эта идея находила постоянный отклик в речах президента Вильсона. Так, напр., об'езжая западные штаты перед войной, он сказал в Топека:

„Наибольшее изумление в политическом мире вызвал уход Соединенных Штатов с острова Кубы. Мы говорили: „война ведется только в интересах кубанцев и когда она закончится—Куба будет отдана ее народу"; а государственные деятели Европы тихо посмеивались. И точно так же относился американский народ к Филиппинам, хотя прочий мир не хотел этому верить. Мы—доверенные люди филиппинского народа и как только мы почувствуем, что они могут сами заботиться о себе, без нашего непосредственного вмешательства и нашей защиты, еще раз будет оказана честь флагу Соединенных Штатов, исполнивших свое обещание".

Вот что составляло сущность американской национальной идеи: несение службы в интересах всего мира.

Но до своего прибытия в Европу президент, повиди-

мому, не предполагал включить идею мандата в положение о Лиге Наций. Она не встречается ни в одном из его первоначальных проектов. Но, приехав в Париж, он прочел брошюру генерала Я. Смутса из Южной Африки, изданную им в декабре 1918 г. под названием „The League of Nations, a Practical Suggestion" (Лига Наций, практическое предложение). Эта брошюра предлагала „систему мандата" для областей, отторгнутых у прежних империй, Российской, Австро-Венгерской и Турецкой.

На президента этот глубокомысленный план ген. Смутса произвел сильное впечатление: идея системы мандатов, как своего рода обязательства Лиги Наций, соответствовала в полной мере американским принципам и была немедленно же усвоена президентом. Когда же Вильсон ближе ознакомился с конференцией и с царившей на ней бешеной погоней за националистическими и милитаристскими трофеями (идея „попечения" была, конечно, в совершенном загоне), он еще больше убедился в том, что потребуется весь авторитет такой организации, как Лига Наций, и все могущество Америки, чтобы добиться принятия американских принципов колониальной политики.

Усвоив идею генерала Смутса—президент тотчас же развил ее дальше; дальше, чем предлагал Смутс. Вильсон сделал ее универсальной, общим принципом. Генерал Смутс не имел ввиду распространять свой принцип на бывшие германские колонии, а только на старые государства, „подлежавшие ликвидации". Президент же держался того мнения, что прямая аннексия необозримых колониальных государств Африки, Азии и Тихого Океана с их миллионным населением, при их громадной стратегической, политической и экономической ценности, таит в себе ту же опасность, те же поводы для будущих войн, что и аннексия турецких, русских или австрийских территорий. Он ясно предвидел те осложнения, которые возникнут из борьбы за господство в Тихом океане и Китае, если с самого начала колониальный вопрос не будет решен в согласии с новым принципом.

Поэтому, когда разыгрались первые боевые схватки из-за судьбы германских колоний, президент воспользовался этим и потребовал применения системы мандатов в широком об'еме, признания ее общим принципом колониальной политики, между тем, как генерал Смутс настаивал на прямой аннексии немецких колоний, расположенных в юго-западной части Африки. Вся тяжесть борьбы за новый принцип легла исключительно на президента, так как его собственный статс-секретарь по внешним делам, м-р Лансинг, был в душе против этого принципа.

Дебаты 23 января, так грубо навязанные Ллойд-Джорджем Совету, не прекращались почти целую неделю и вызвали сильное раздражение. Если конфликт был вызван с определенным умыслом испытать искренность и боевую способность президента, то цель была достигнута: в конце первой же недели никто не сомневался более, что приходится иметь дело с проницательным и решительным борцом и что „старому порядку“ не легко будет провести свою волю. Часто говорили, что президент лучше осуществил бы свои принципы, если бы ему удалось взять в свои руки организацию конференции или продиктовать ей свою программу; но в действительности никакая организационная тактика, никакая даже самая искусная программа не могла бы примирить основного антагонизма. Рано или поздно этот конфликт все равно должен был произойти и должен был дойти до своего логического конца; потому что здесь коренилось разногласие не относительно пустой формальности, как думали тактики старой школы, а относительно самого существа дела. „Сейчас приходится создавать новый режим“, заявил президент; но в зале заседания вряд ли нашелся бы человек, который искренно хотел бы этого нового режима!

Насколько мало сознавали суровую решимость президента, доказывают слова, сказанные Ллойд-Джорджем 27 января после того, как он сам же 22 того же месяца внес резолюцию о „системе мандатов“:

„Впервые мы слышим exposé об этом принципе... нам показали новый принцип, и мне хотелось бы лучше изучить его".

Он сказал, что голосует за принципы мандатной системы, но что он голосует так же за то, чтобы британские колонии получили сперва все, чего хотят. „Он не думает, как гласят секретные протоколы, чтобы особое исключение в пользу британских владений испортило все дело". М-р Гюгс из Австралии „охотно признал, что эта система пригодна в каких-нибудь других колониях, но ни в коем случае не в Новой Гвинее". М-р Массей из Новой Зеландии заявил, что „он восторженный поклонник Лиги Наций, но он опасается, как бы ее „не переобременили с самого начала", и поэтому он хотел бы предварительно поделить колонии, а затем вложить в сильные руки Лиги carte blanche".

Все они с готовностью оставляли президенту и его принципы, и его Лигу, только сперва хотели аннексировать намеченные колонии.

Французы были значительно честнее: они не прикидывались, что верят в систему мандатов или в Лигу Наций, как в действительное средство колонизации. Г. Симон, французский министр колоний, ходатайствовал „о простой и чистой аннексии"; он подчеркнул, что Франция требует, „чтобы ей было предоставлено право продолжать начатую ею в Центральной Африке цивилизаторскую деятельность". Г. Симон не задумался совершенно откровенно обосновать притязания Франции тайными договорами, заключенными в первые годы войны. Он испросил даже разрешение „прочитать два письма, которыми во время войны обменялись г. Камбон (французский министр иностранных дел) и сэр Эдвард Грей (британский министр иностранных дел) относительно провизорного раздела Того и Камеруна". Однако, ему помешал в этом м-р Ллойд-Джордж, который полагал, „что прочтение этих документов в данный момент вряд ли имеет смысл" [1]).

[1]) Секретн. проток. Совета Десяти от 27 января.

Хотя Ллойд-Джорджу было чрезвычайно важно не подвергать в данный момент обсуждению тайные договоры, всем было все равно ясно, как сильно были скомпрометированы этими старыми сделками союзные правительства. Например, из прений по поводу островов в Тихом Океане президент вскоре понял, что ему придется бороться с тщательно охраняемым тайным договором между Японией и Великобританией, который присуждал все немецкие острова Тихого Океана, лежащие южнее экватора, Британии, а лежащие севернее экватора—Японии.

28 января дебаты чуть было не кончились открытым разрывом.

„Президент Вильсон (гласят секретные протоколы) заметил, что прения в действительности сводятся к отрицанию принципа мандатов во всех его проявлениях. Дебаты достигли, повидимому, пункта, откуда дороги должны разойтись“.

Положение спас, как бывало уже не раз, м-р Бальфур—замечанием, „что британская делегация отнюдь не отвергает идеи управления на основе мандатов“. Он лично вполне разделяет этот принцип. Возражение относится вовсе не к „территориям, занятым британскими войсками и управляемым из Лондона“, а только „к областям, завоеванным автономными британскими колониями“. Он просит предоставить время, „чтобы подумать над этими вопросами“.

Президент Вильсон еще раз выступил в защиту нового принципа:

„Он признает, что идея эта—новая, но потому и нельзя ждать каких-нибудь более подробных раз'яснений и изысканий...

Прения обнаружили сейчас, что только британское правительство готово принять этот принцип в отношении тех территорий, которые были отторгнуты от Германии войсками, находящимися под непосредственной властью лондонского правительства. Это очень важное исключение, которое он с радостью приветствует. Но это,

повидимому и единственное исключение, остальные относятся отрицательно к идее попечительства над колониями со стороны Лиги Наций...

Но Лига Наций должна быть создана, нет возврата к status quo ante... Ради этого нет жертвы слишком великой...

Он так же, как и Ллойд-Джордж, не может откладывать этого вопроса. День его отъезда уже назначен..."

Когда же всем стало ясно, что президент не уступит, что от него нельзя отделаться туманными обещаниями Лиги Наций в далеком будущем, а пока заключить мир на основе милитаристских и националистических интересов, противники с поразительной проницательностью и ловкостью переменили свою наступательную тактику. Французы прибегли к одному способу, англичане к другому, чрезвычайно характерному для каждой из этих наций.

Французы были втечение всей конференции значительно откровеннее и смелее британцев. Что они думали, то они прямо и высказывали. Точка зрения Клемансо была всегда ясна; всегда было известно, как он поступит. Но никто не знал, чего держался Ллойд-Джордж; он никогда не придерживался одного и того же взгляда.

Поэтому, как только французы поняли, что они не смогут заставить президента принять их несколько примитивный план „простой и чистой аннексии"—они подняли против него бешеную кампанию в печати, главным образом в газетах, которая находилась заведомо на службе министерства иностранных дел. Появились горькие жалобы на президента и „его неосуществимые идеи". Хотя события, происходившие за герметически закупоренными дверьми набережной Орсэй, повидимому хранились в строгой тайне,—так что американские корреспонденты не узнали о них ни звука,—французские газеты были, как будто, вполне в курсе дела. Также и некоторые британские газеты опубликовали полный отчет о споре между м-ром Вильсоном и австралийским премьер-министром

Гюгсом, причем, несмотря на соблюдение тайны, не пострадало ни значение г. Гюгса, ни драматический эффект его выступления, ни истина происшествия. Кроме того, г. Гюгс давал интервью, которые являлись плохо замаскированными нападками на Вильсона.

30 января президент по этому поводу заявил протест, „сохраняя невозмутимо хорошее настроение"; он не хотел, по его выражению, пользоваться привилегиями.

„Утверждают, заметил он, что президент Вильсон не знает, как покажут себя его идеалы на практике. Если подобные статьи будут появляться впредь, он вынужден будет в свою очередь опубликовать свои взгляды. До сих пор он говорил перед здесь присутствующими и членами американской делегации, так что ни он лично, ни его коллеги не могли сообщить его взглядов печати... Но тем не менее может наступить момент, когда ему, вопреки его желанию, придется предать гласности полное exposé его взглядов".

Немедленно же прекратились непосредственные нападки французской прессы, так как французы хотели предотвратить предание гласности их аннексионистской политики; с этого момента только в некоторых газетах появилась осторожная, косвенная и тонко обдуманная критика президента. Эта искусная и остроумная критика, трудно уловимая и почти неотразимая—критика намеков, в которой французы такие мастера—читалась ежедневно всеми, кто имел отношение к Мирной Конференции, и чрезвычайно затрудняла задачу президента. В американской миссии стали раздаваться голоса о перенесении конференции в нейтральное место, например, в Женеву, чтобы уйти из такой атмосферы.

Британцы прибегли еще к более хитрому способу. Им не удалось отговорить Вильсона от требования, чтобы колонии управлялись на основании мандатов: может быть, им удастся провести их раздел и соответственные решения отдельно от вопроса о Лиге Наций и до ее возникновения. Поэтому они развили соблазнительную теорию,

что Лига Наций „в действительности давно уже родилась“, как выразился Ллойд-Джордж, фактом принятия резолюций 25 января, и, по словам премьер-министра Гюгса, „de facto уже существует в этой самой комнате“. Эта de facto существующая Лига может разделить колонии или, если так угодно именовать их, мандаты, но условия раздела должны быть приемлемы для всех“.

Но президент воспротивился и этому предложению. Наконец, была сделана последняя попытка. Ллойд-Джордж устроил сепаратное совещание делегатов Британской империи—говорят, там дело не обошлось без крупных столкновений—и с большим трудом заставил премьер-министров колоний принять резолюцию, признающую мандатную систему в более либеральном масштабе. Он хотел таким образом удовлетворить президента и добиться от него согласия на немедленный раздел колоний.

Ллойд-Джордж выступил в Совете Десяти (а в действительности тридцати) со следующими словами:

„Великобритания решительно высказалась за принятие принципа мандатов; но это решение принято нашими колониями не безусловно. Они выражают готовность на компромисс, так как они в полной мере проникнуты сознанием, что было бы большой катастрофой, если бы делегаты разошлись, не приняв окончательных решений. Поэтому было решено принять систему мандатов для всех завоеванных земель бывшей Турецкой империи и для германских колоний“.

Внесенная Ллойд-Джорджем резолюция, поскольку она относилась к турецким территориям и германским владениям в Центральной Африке, была в действительности либеральна,—для них были созданы 2 класса мандатов. Но за то третий класс мандатов, который охватывал германскую часть юго-западной Африки и острова Тихого Океана, другими словами, земли, которыми интересовались британские владения, был так дефинирован, что охранял лишь видимость мандата и совпадал с прямой аннексией. Эти территории „должны были управляться

по законам государства-мандатария, как его нераздельная составная часть“. Единственное ограничение представляли „мероприятия... в интересах туземного населения“. „Равная для всех членов Лиги Наций возможность торговли и сношений“, т. е., „открытые двери“ в Центральную Африку—была намеренно опущена.

Президент не стал оспаривать отдельные пункты резолюции, наоборот, он назвал ее „чрезвычайно отрадным документом“, но не поддался искушению и не совершил необдуманного шага.

„Его упрекали, что он безнадежный идеалист; в действительности, он никогда не признавал идеала, который нельзя было бы осуществить практически. Во-вторых, система мандатов, если она правильно понята, зависит от Лиги Наций, а между тем конституция Лиги еще не выработана и не принята народами. Нельзя ссылаться на учреждение, юридически еще не определившееся“.

Короче говоря, он теперь, как и раньше, был против раздела колоний; он хотел прежде всего обеспечить принятие своей программы в целом. Ибо если будут поделены острова и африканские колонии, то отпадет всякий интерес к созданию тех „прочных основ“, которые, по выражению президента, „должны были поддержать надстройку“. С мандатами приходилось ждать до образования Лиги, но все должно быть сделано, чтобы ускорить ее создание.

Но союзники не были согласны с этим. Как выразился (в другом случае) Соннино, „они хотели точно узнать, что собственно придется им на долю“. Немедленно же с новой силой разгорелся конфликт.

„М-р Ллойд-Джордж заметил, что при всем своем уважении к президенту Вильсону, он не может не высказать, что сделанное им только что заявление приводит его в полное отчаяние.

„Он напомнил президенту, что премьер-министров колоний удалось склонить к принятию идеи мандатов с большим трудом и что они согласились только на компромисс.

„Сейчас же президент высказал мнение, что нельзя осуществить систему мандатов, пока не будет окончательно на бумаге выработано положение о Лиге Наций. На это представители британских колоний очевидно ответят, что они хотят его видеть на деле, а не на бумаге. Предположение, что конституция Лиги будет готова к концу будущей недели, он считает несколько оптимистичным, так как в данном случае дело касается составления конституции для всего мира... Создать в какие-нибудь 8—10 дней федерацию всего света—было бы прямо идеально. Он же ходатайствует только о немедленном заключении мира".

Намек на то, что „немедленный мир" зависит от раздела немецких островов на Тихом океане или от разрешения африканского или даже турецкого вопроса—был конечно, бессмыслен. Напротив, ни один вопрос нельзя было с такой легкостью отложить, как этот, и в действительности он был впоследствии отложен на долгое время. Величайшие и важнейшие проблемы находились тут, перед ними, в Европе. Но именно этот вопрос скорее, чем всякий другой, мог быть использован тактически, чтобы обратить в бегство президента или, по меньшей мере, дискредитировать его попытку претворить в дело те самые принципы, на которые они же согласились раньше. „Президент Вильсон полагал, что он не сказал ничего, что могло бы оправдать такой упадок духа. Он готов принять предложение м-ра Ллойд-Джорджа, при условии, чтобы оно вновь подверглось рассмотрению, когда будет готова полная письменная конституция Лиги Наций...

М-р Ллойд-Джордж заметил, что Лига Наций уже признана, и что на нее придется опираться при разрешении различных вопросов. Он полагает, что необходимо знать тот „инструмент", который предстоит употребить для разрешения таких вопросов. Поэтому он настаивает перед своими коллегами, чтобы Лига была возможно скорее окончательно оформлена".

В ходе прений относительно отдельных пунктов резолюции Ллойд-Джорджа м-р Массей и м-р Гюгс приводили новые аргументы и соображения в пользу прямой аннексии. В конце концов прения приняли такой острый характер, что президент Вильсон счел необходимым обратиться прямо против м-ра Гюгса и м-ра Массея.

„Следует ли мне понять",—сказал он,—„что Новая Зеландия и Австралия пред'явили конференции ультиматум? Вы явились сюда, чтобы изложить свои доводы в пользу аннексии Новой Гвинеи и Самоа. Должен ли я сделать вывод, что это ваши окончательные уступки? Что ваше согласие на планомерный договор будет зависить от удовлетворения ваших требований? И если в этих требованиях вам раз навсегда будет отказано—вы помешаете всему соглашению?"

М-р Гюгс был сильно туг на ухо и, к сожалению, не воспринял возражений противника.

„М-р Гюгс ответил, что президент в общем понял правильно и что его выводы соответствуют сделанному ими утром заявлению... Пока это максимум уступок, допустимых с их стороны" [1]).

Несмотря на этот вызов, как Гюгс, так и Массей в конце концов согласились на принятие резолюции. Хотя представители британских владений тем самым выразили согласие на передачу вопроса о мандатах в комиссию по выработке положения о Лиге Наций, они почувствовали себя глубоко обиженными. Французы в свою очередь были обескуражены и не только тем, что рухнул весь план немедленного дележа колоний, но и по другим основательным причинам. Им хотелось приобрести право на вербовку туземцев в своих колониях, не только для несения полицейской службы, но и для того, чтобы они в случае надобности сражались за Францию. Но и тут они встретили энергичное противодействие со стороны президента

[1]) Секр. проток. Совета Десяти от 30 января.

Вильсона. Несомненно, были разочарованы и японцы, но они молчали и ждали только удобного случая, чтобы заявить свои претензии.

Так закончилась первая великая битва на Мирной Конференции. Президент дал понять, что он решил подавлять всякую попытку, направленную на заключение мира в духе „старого режима“. Он не позволил также отложить решение вопроса о Лиге Наций в непроглядную даль будущего, он настоял на том, чтобы Лига стала „неразделельной составной частью мира“. Но это было только первое сражение долгой и гибельной войны.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Положение о Лиге Наций разрабатывается.—Деятельность комиссии.—Прелиминарный договор по военным вопросам на суше, на море и в воздухе, как средство разредить атмосферу войны.

После прений относительно немедленного раздела германских колоний, как военной добычи, всем стало ясно, что президент твердо решился бороться со всякой попыткой заключать договоры в духе „старого порядка“. Знаменитой резолюцией 25 января он одержал победу; его главное требование было удовлетворено: Лига Наций стала „нераздельной составной частью общего мира“. Теперь необходимо было возможно скорее закончить проект ее конституции. План был уже готов и 3-го февраля состоялось первое заседание соответственной комиссии.

Однако, хотя президент и добился признания того, что в его глазах являлось „ключом к общему миру“—(быть может, это признание было самым важным делом всей Мирной Конференции)—тем не менее союзники продолжали занимать значительно более сильную позицию, чем он.

Два средства были в их распоряжении, чтобы мешать планам президента, и они, конечно, пользовались ими. Одно заключалось в возможном ускорении мирных переговоров в целях спешного осуществления их интересов и прежних тайных соглашений, пока еще проект Лиги Наций находится в стадии рассмотрения комиссией.

Попытка применить этот темп для распределения германских колоний, а также искусная контр-атака президента уже изложены нами. Как только этот план потерпел неудачу, у них под руками оказался другой выход: создать Лигу Наций по своему желанию. Если бы, напр., французам удалось создать ее в виде военного союза с интернациональной армией (конечно, под командой французских генералов) и правом вводить всеобщую воинскую повинность—такая попытка была предпринята—они с радостью включили бы ее в любой договор.

Теперь вполне понятно, почему после 3-го февраля внимание было отвлечено от Совета Десяти и всецело направлено на комиссию президента. Президент и сам сознавал громадное значение предстоящей борьбы, и потому принял на себя председательствование в комиссии и руководство борьбой. Он добился, что Лига Наций стала составной частью мира: теперь надо было создать такую Лигу, какую хотели американцы.

Было что-то знаменательное в том, что главная квартира Совета Десяти, в котором разрешались территориальные, экономические и военные условия мира, помещалась в старом здании министерства иностранных дел (на набережной Сены), обвеянном тайной старой дипломатии,—между тем как комиссия о Лиге Наций разместилась во временном, частном, чуждом всяких традиций помещении американской делегации в отеле Крильон. Совет был окружен тайной, „хотя и имел тщательно охраняемую лазейку“, через которую проникали на свет божий кое-кому угодные сведения; комиссия была открыта для всего света, Совет служил исключительно великим державам, комиссия как малым, так и великим народам.

Делегаты Совета глядели назад, члены комиссии вперед. Одни заботились лишь о настоящих интересах и тревогах великих держав; другие о спокойствии, безопасности и справедливости для всего мира и на будущие времена.

В течение ближайших шести недель от 3-го февраля до середины марта—в этот период входит создание кон-

ституции Лиги Наций (от 3 до 14 февраля) и поездка президента в Америку (с 15 февраля по 14 марта) — внимание мира было приковано к американской программе, „новому порядку“ и Лиге Наций. Это был героический, полный розовых надежд период Мирной Конференции. Казалось, что американцам суждено победить; Crillon вытеснил Quai d'Orsay. Все поведение президента было стратегическим шедевром, и он доказал здесь свои большие способности.

Но мир стар. Привычка и традиция отличаются почтенным возрастом. Quai d'Orsay расположен много, много лет вдоль Сены. Он стал седым от старости, он окружен высокими каменными стенами и крепкой железной решеткой. За ними прячась, стоит он настороже. Он бросает взгляд от площади Согласия до отеля Крильон и ждет своего часа. В нем мудрость скептика,—он уверен в своем деле. Что было,—шепчет он,—то будет. „Мы живем жизнью мертвых“, повторяет Клемансо слова Конта, „и это правда“ подтверждает он. Да, Клемансо и французы—действительно олицетворяют прошлое. Но Вильсон и американцы—вестники нового.

Никто на конференции не представлял из себя такого яркого воплощения „нового порядка“, как полковник Г а у с (House) из Техаса. Техас и Париж. Техас, не знающий никаких традиций, живущий идеалами и принципами; Техас, известный услужливой любовью к соседу и тонким знанием людского сердца, Техас со своим смелым оптимизмом и чрезмерной готовностью разрешать проблемы сердцем, а не головой. Техас действительно антипод Парижа.

История умеет инсценировать свои великие события. В бюро полковника Г а у с а, в отеле Крильон в третьем этаже происходило это совещание народов, желавших дать миру новую конституцию.

Вы садились в лифт и он подымал вас туда.

Полковник Г а у с искусно организовал совещание. За столом на председательском месте сидел президент.

По правую сторону от него сидел итальянский премьер-министр Орландо, не считая Вильсона, единственный глава великой державы. По-левую сам полковник, энергичный, светлоглазый, рослый и молчаливый. На стуле между ними, но несколько позади, только изредка нагибаясь вперед, чтобы прошептать на ухо совет, сидел юрисконсульт американской миссии, Давид Гунтер Миллер (David Hunter Miller). С левой стороны примыкали к полковнику Гаусу британские делегаты, лорд Роберт Сесиль и генерал Смутс. Эти люди являлись до некоторой степени сторонниками Лиги Наций, составляли как бы блок „Pro liga". Несколько дальше сидели французские представители г. Буржуа и г. Ларнод,— его оппозиция.

Барон Макино и виконт Хинда (Chinda)— представляли Японию; они сидели молча, неподвижно, но были настороже; когда затрагивали их интересы, они энергично отбивались. Китайский делегат Коо говорил больше, чем оба японца вместе, и больше всех сочувствовал взглядам американцев.

Бельгия, Бразилия, Португалия и Сербия были также представлены на первых заседаниях, позже и Греция, в лице талантливого Венизелоса, затем присоединилась еще Польша, Румыния и Чехословакия.

Больше всего говорил г. Буржуа, больше, чем все остальные делегаты вместе. Президент был снисходительным председателем и приветствовал всякое выступление; он лично произнес только одну большую речь, посвященную доктрине Монроэ. Она никогда не была опубликована, но все, кто ее слушали, единогласно признавали, что это была самая значительная речь, произнесенная им в Европе. Пятнадцать раз (10 до от'езда Вильсона и 5 после его возвращения) собирались эти люди, частью в вечерние часы, и заседания продолжались за глубокую полночь, хотя и президент, и Орландо, и остальные делегаты были переобременены еще и другими совещаниями. Ни одна комиссия не работала так спешно, под таким вы-

ким давлением, как эта, так как президент знал, какое значение имело время, как бьется Совет Десяти, чтобы ускорить свои сделки, чтобы время сделать своим союзником; президент знал, насколько американская программа зависит от работ комиссии, и был на-чеку.

Первое заседание комиссии состоялось 3-го февраля в 2½ часа дня. На рассмотрение делегатов были представлены три проекта конституции: американско-британский проект, французский и итальянский. Проект Вильсона был уже изложен во всех стадиях развития в XIII главе. Было признано необходимым согласовать его с британским проектом, и тогда был разработан третий проект, представлявший компромисс; в составлении его приняли участие со стороны американцев Д. Г. Миллер и со стороны Великобритании Ч. Б. Герст (C. I. B. Hurst). Хотя этот компромиссный проект не удовлетворил обе стороны и особенно президента, тем не менее было решено принять его, как основу для обсуждения. С точки зрения тактической, это была несомненная победа. Благодаря такому решению, явные враги его, французы, оказались в положении критиков условно уже принятого положения, к которому им осталось только вносить поправки. Французы чувствовали себя в отеле Крильон так же не по себе, как Америка на Quai d'Orsay.

Перед от'ездом президента состоялось десять заседаний комиссии, последнее—13 февраля в 3½ часа дня; оно имело целью примирить различные точки зрения. Сравнительно легко было об'единить американский и британский взгляд; но за то противоположность между этой точкой зрения и французской (а также итальянской), как выяснилось в ходе прений, была так велика, что казалась неразрешимой, тем более, что касалась существа и целей Лиги [1]).

Вопросы, которые предстояло разрешить конференции, можно разбить на следующие группы:

---

[1]) См. главу XX.

1. Организация и представительство.
2. Процедура третейского разбирательства.
3. Гарантии.
4. Система мандатов.
5. Права меньшинств; социальные и религиозные.
6. Ограничение вооружений.
7. Равенство прав в области торговли; свобода в'езда и передвижения.

Последние пять групп настолько важны, что необходимо более подробное ознакомление с ними. Вопрос о мандатной системе и о колониях был уже освещен в предыдущей главе. Вопрос о гарантиях был точно также изложен и раньше в главе XIII. Надо только заметить, что в проекте Герст-Миллера отпала предусмотренная Вильсоном ограничительная статья к пункту о гарантиях, допускающая изменение status quo ante. Поэтому соответственная статья свелась к простой гарантии мирных соглашений, но каждому члену в силу ст. XI предоставлялось право доводить до сведения Лиги Наций об обстоятельствах, угрожающих международному миру. Последние три вопроса будут рассмотрены в другом месте.

Вильсон, само собою разумеется, имел в виду об'единить Лигой все народы. Может быть, пришлось бы выждать некоторое время, чтобы включить в нее Германию и другие вражеские страны. Но рано или поздно и они должны были вступить в нее.

Если имелся в виду настоящий союз народов с взаимными гарантиями реального значения, а не обычная конференция или судилище на манер Гаагского Трибунала, то следовало создать авторитетное учреждение, снабженное широкими и властными полномочиями. Но в чем они должны были состоять? Какие нации должны были принять в нем участие?

Сразу же были выдвинуты две различные идеи для разрешения этой чрезвычайно важной проблемы: ибо чем сильнее союз, тем важнее и значительнее вопросы организации и представительства.

1. Идея откровенного и безусловного контроля в лице великих держав. Это был план лорда Сесиля (декабрь 1918 г.); в своих основных положениях это был проект в духе священного союза 1815 года. Во время войны, в особенности в последних ее стадиях, возникло нечто в роде „конференц-дипломатии“: главы великих держав совещались между собой и сообща руководили политикой союзных наций. Эта система блестяще оправдала себя во время войны [1]). Почему не сохранить ее и для мирного времени?

2. Идея контроля посредством союза или союзов великих и малых держав, при сохранении за великими державами решающего голоса. В этом первоначально заключалась и идея Вильсона, но он не разработал ее до конца. И Смутс держался этого же плана; Вильсон воспользовался его подробно разработанным предложением и включил в свой второй (первый печатный) проект. Дальнейшее развитие этой идеи в указанном уже направлении составляло сущность дальнейших дебатов.

Отношение Вильсона к контролю великих держав совершенно ясно. Если другие представители, за исключением разве Смутса, требуя такого контроля, имели в виду права и личные интересы великих держав, Вильсон исходил из связанных с таким контролем обязанностей, долга, ответственности. Никогда не упускал он из вида этической стороны вопроса. Поэтому никогда не поймут его критики, вроде Лансинга, которые исходят из постулата, что подобные союзы должны опираться либо на фиктивное „равенство прав“, либо на равновесие силы и права. Этический подход к вопросу позволил президенту согласиться с подобным контролем великих держав. Он обосновал свой взгляд именно тем, „что на более крупные державы будет возложена чрезвычайно тяжелая ответственность за нерушимость принятых решений“ [2]).

---

[1]) См. ценный очерк сера Maurice Hankay «Diplomacy @ Conference» в «The Round Table», март 1921 г.

[2]) Ср. протокол 8 пленар. засед. 31 мая 1919 г.

Роль, которую Вильсон предназначил Америке в Лиге Наций, сводилась к исполнению долга, к оказанию помощи... Конечно, достигнутое успокоение мира, в конце концов, принесет громадную материальную и моральную пользу Америке, как и всем прочим народам; но Вильсон никогда не преследовал односторонней пользы Америки или великих держав. Только тот, кто всегда будет иметь ввиду его этические воззрения, кто не забудет, что в этом заключалась сущность его учения, тот поймет его роль и его деятельность на Парижской Конференции. Его мысль прежде всего имела ввиду все человечество, все нации, а не отдельные государства. Поэтому он встал на защиту средства, которое при данных обстоятельствах лучше всего вело к желанной цели; кто будет осуществлять контроль, ему в сущности было безразлично.

Работа комиссии протекала очень гладко, но прения занимали слишком много времени. Комиссия состояла из представителей пяти великих и девяти малых держав. Когда всплыл вопрос об образовании Совета Лиги, малые государства пустили все пружины в ход, чтобы добиться представительства в нем, и добились своего. 13 февраля было принято решение образовать Совет Лиги, в составе представителей 5 великих держав и 4 малых. Одновременно с этим было принято предложение, чтобы каждая нация, независимо от того, представлена ли она или нет в Совете, „имела право участвовать в нем, когда непосредственно затрагивались ее интересы". В силу этого решения возникло двойное представительство малых держав в Совете: постоянное представительство меньшинства и особое представительство, когда дело касалось интересов того или другого государства.

Этот Совет вместе с общим собранием всех народов составлял структуру Лиги Наций.

Вопрос о представительстве британских владений в Лиге, усиленно обсуждавшийся в Америке, вообще не был рассмотрен в комиссии. Вильсон вначале воспротивился особому представительству этих колоний на Мир-

ной Конференции; но так как он в этом вопросе уступил, то не мог уже противодействовать их участию в Лиге.

Покончив с организационными вопросами и с вопросами представительства, покончили, в сущности, с основными задачами Лиги, как исполнительного и законодательного органа. Оставались только ее судебные функции.

Вначале Вильсон был против образования особого судебного органа при Лиге. Полковник Гаус, как было указано раньше, предусмотрел в своем проекте судебную инстанцию. Он считал ее необходимым, и предсказывал ей великое будущее. Вильсон не включил судебной инстанции в свои проекты. Он удовлетворился третейским разбирательством, которое имелось во всех прежних проектах Лиги Наций, и включил его в ст. V своего первого проекта. Из-за этого возникли как на первых десяти заседаниях, так и на пяти последних, где пересматривался проект, длинные и запутанные дебаты. Так как эти прения касались не столько принципиальной, сколько практической стороны вопроса, то мы не станем их излагать здесь подробно. Скажем, что был создан постоянный международный судебный трибунал (ст. XIV) и сложный процесс третейского разбирательства (ст. XII, XIII и XV). За это время судебный трибунал Лиги Наций вступил уже в исполнение своих обязанностей и в 1922 г. имел свое первое заседание в Гааге.

Таким образом возникла в комиссии Лига Наций.

14-го февраля состоялось самое важное и интересное пленарное заседание Мирной Конференции. На нем был доложен президентом готовый уже проект Лиги Наций.

„Я рад, что могу представить вам единодушный доклад представителей четырнадцати наций“. Вильсон произнес речь с большим под‘емом, он был полон надежд.

„Родилось нечто живое... Положение о Лиге Наций эластично и содержит общие лишь принципы, но оно решительно и категорично в одном, в чем и мы должны быть решительны и категоричны. Оно представляет из себя ре-

шительную, окончательную гарантию мира, решительную гарантию договора против аггрессивности".

Президент высказался и по поводу гарантий, проявив приэтом большую проницательность.

„Вооруженное воздействие отодвинуто в этом проекте на задний план, но на заднем плане оно имеется и если моральный авторитет мира окажется недостаточным, выступит оттуда физическая сила. Но она наше последнее убежище, ибо этот союз—орудие мира, а не войны".

Затем Вильсон указал на пользу, которую Лига должна оказать и гарантиям мира, и международному сотрудничеству.

„Этот союз мыслится не только как гарантия мира среди людей. Это скорее союз сотрудничества по всем делам международного характера".

Таким образом президент осуществил наконец свою Лигу Наций. Но, прежде чем уехать на родину, чтобы доложить своему народу о Лиге (15 февраля)—приходилось разрешить еще одну важную проблему, которая сильно озабочивала его раньше. Она касалась той атмосферы, в которой приходилось работать Мирной Конференции.

Война едва кончилась. Париж был все еще об'ят тревогой, армии были настороже, раны еще кровоточили, развалины дымились.

Конференция была окружена атмосферой, которая благоприятствовала суровому, жестокому миру возмездия, какого хотел „старый порядок"; и была враждебна миру „бескорыстной справедливости", примирения и забвения, к какому должна была стремиться Лига Наций.

Американцы в скором времени пришли к убеждению в абсолютной необходимости освободиться от этой атмосферы, закончить войну, установить стратегические условия мира на суше и море. Только тогда можно было бы создать спокойное настроение для выработки основных условий мирного договора. При обсуждении условий перемирия генер. Блисс энергично настаивал на немедленном разоружении Германии. Если германская армия будет

демобилизована и военное снаряжение выдано—можно было бы в кратчайший срок демобилизовать и союзные армии и отправить их по домам. Таким образом, было бы ускорено восстановление нормального положения и облегчена возможность установления мирных условий на базисе справедливости.

Но Блисса подавили своими голосами другие союзники. Французы больше всего боялись именно спешной демобилизации союзных армий и противодействовали всему, что этому способствовало, даже немедленному разоружению Германии. Их задача заключалась в том, чтобы немцев сделать неспособными к бою, но в то же время держать под ружьем огромные союзные армии. Два обстоятельства диктовали такую политику:

Прежде всего, они хотели провести самые суровые и строгие условия мира, как, например, длительное экономическое порабощение Германии, военный контроль над ней, а это было возможно, когда под ружьем находились большие армии, готовые идти на Берлин.

Во-вторых, крайние французские милитаристы вроде Фоша предлагали и на конференции, и позже пройти с громадными армиями, включая и два миллиона свежих и молодых американских солдат, через Германию и подчинить себе Россию. Перед Фошем носились наполеоновские грезы новой титанической войны, в которой покорение России было только одним из этапов.

При оценке этих планов не следует, однако, забывать, что пережила Франция, как она исстрадалась, каких опасностей избегла, какое безграничное недоверие и какой ужас внушал ей враг по ту сторону Рейна. Военная и экономическая политика немцев в Бельгии и Северной Франции, которая сводилась к беспощадному уничтожению всего, показала им ясно, что сделали бы немцы, если бы оказались победителями. Вся Франция страдала в это время „нервным шоком“.

Поэтому, самая важная задача американцев в Париже состояла в том, чтобы противодействовать крайним

требованиям, их болезненным страхам, которые были безрассудны, и об'яснялись только охватившей их паникой. С другой стороны Вильсон признавал, что Францию надо обеспечить от возможности нападения, что надо рассеять ее страхи. Чтобы осуществить эту задачу, он предложил действенную и прямую взаимную гарантию, предусмотренную ст. X положения о Лиге Наций. Но так как французы и на этом не хотели успокоиться,—он усилил эту гарантию согласием на сепаратный англо-американский союз, который сохранял свою силу впредь до организации Лиги Наций. Это согласие подверглось ожесточенной критике в Америке и не было ратифицировано сенатом. Но как же установить мир, как добиться, хотя бы до известной степени, разоружения, не успокоив французских (и иных) опасений? Но этого противники конструктивных планов президента сказать не могли.

Когда таким образом было условлено (в положении о Лиге Наций) защитить Францию от внешних нападений, стало долгом, священной обязанностью американцев противодействовать ее крайним требованиям и проводить требования разумные, создать условия, которые сохранили бы силу и после войны и не повлекли бы за собой немедленно нового реванша, новой войны.

Поэтому президент старался при каждом случае избегать атмосферы военного насилия и господства генералов. Он боролся против всей французской программы, которая требовала экономического порабощения Германии, перманентного контроля военных властей над германской промышленностью, использования союзных армий против России. В связи с истечением срока перемирия французы потребовали, незадолго до от'езда Вильсона в Америку, изменения его условий и включения новых требований, которые могли бы быть удовлетворены только под угрозой оружия. Вильсон и Блисс со всей присущей им силой возражали против этого плана. Они заявили, что 11 ноября состоялось с Германией определенное согла-

шение и что оно должно быть честно соблюдено. И тот, и другой были также против милитарного мира.

7 и 12 февраля в Совете Десяти произошли по этому поводу бурные сцены, главным образом, между Вильсоном и Клемансо. Британцы в общем стояли на стороне американцев; итальянцы симпатизировали французам, но в этой стадии переговоров не выступали открыто.

Обстоятельства, однако, действовали против французов и против их требований. Было совершенно невозможно держать под ружьем огромные армии союзников. Ллойд-Джордж чувствовал, что отсрочка демобилизации сама по себе представляла большой политический риск. Вильсон стоял за то, чтобы „ребят" доставить по домам „так скоро, как только смогут суда". Даже Клемансо (в противоположность Фошу) был обеспокоен требованиями народа отпустить, наконец, утомленных войной ветеранов.

12 февраля, за три дня до от'езда президента, борьба достигла высшей точки. Дело дошло до прямого конфликта из-за возобновления (16 февраля) перемирия. Клемансо требовал, чтобы в условия перемирия были включены требования, которые сводились в сущности к репарациям. Вильсон настаивал, чтобы были установлены в окончательном виде требования военного и морского характера, переданы немцам и затем приступлено к немедленному и полному разоружению Германии и немедленной же демобилизации союзных армий. Клемансо буквально задыхался от злости и упрекал Вильсона в том, что он „подходит к вопросу с академической, теоретической, доктринерской точки зрения", что „он (Клемансо) знает немцев" и что единственное средство держать их в страхе и повиновении—это иметь армии наготове. Он ничему не доверяет, как только мирному договору, продиктованному силою оружия, а также длительному контролю над ним, подкрепленному военной силой.

В этот момент оказал энергичную помощь президенту м-р Бальфур. Он внес резолюцию—о возобновлении на неопределенное время перемирия с сохранением в глав-

нейших его частях всех прежних условий. Затем немедленно же должны быть установлены окончательные военные и морские требования и предʻявлены Германии в виде условий прелиминарного мира.

Эта резолюция была направлена прямо против настояний Клемансо. Тем не менее в дневном заседании она была принята.

Вильсон таким образом провел свои требования. Предстояло заключить прелиминарный мир, определяющий судьбу боевых сил Германии на суше, на море и в воздухе. Эти условия должна была выработать во время его отсутствия особая комиссия из военных экспертов. Вильсон заметил приэтом:

„Он питает полное доверие к взглядам своих военных консультантов.... Он не хотел бы, чтобы его отсутствие задержало столь важную, необходимую и настоятельную работу, как подготовление прелиминарного мира (в части, касающейся военных, морских и воздушных сил). Он надеется к 13 или 15 марта вернуться обратно, причем позволит себе остаться в Америке не более недели. Он просит полковника Гауса заместить его на время отсутствия“ [1]).

Вильсон считал столь быстрое разрешение военных вопросов значительным прогрессом. Оно согласовалось с его прочими планами мира. До его возвращения будут сметены с дороги докучливые военные и морские требования, и тогда конференция сможет перейти к формулировке общих условий мира: настроение к тому времени будет более спокойное, к тому же и положение о Лиге Наций было уже принято. Он хотел, по его выражению (12 февраля), чтобы „миру предшествовала безопасность“...

Когда в зимнее февральское утро (15 февраля) президент Вильсон покидал, под гром орудий старых французских укреплений и под клики приветствий выстроившихся на валу моряков, Брестскую Гавань, он имел полное основание чувствовать себя до некоторой степени триум-

---

[1]) Секретн. проток. Совета Десяти, 12 февр.

фатором. Он возвращался домой с тяжело доставшейся ему конституцией нового международного союза в кармане; главное требование американской программы было осуществлено. За день до его от'езда конституция была принята на конференции единогласно всеми нациями. Он вез ее на родину, чтобы показать своему народу.

Первый месяц мирной конференции—от 12 января по 15 февраля был героическим месяцем. Вначале казалось, что общественное мнение настроено резко против Вильсона и американского взгляда на мир. На всем свете „идеализм дал трещину". В сознании своей победы явился „старый порядок" на Парижскую Конференцию. Но благодаря целому ряду смелых и искусных шахматных ходов, президент захватил игру в свои руки и энергичным движением выставил вперед американскую программу. Долгое время комиссия о „Лиге Наций" привлекала к себе „лучи всемирного прожектора"; во всяком случае, в той же мере, что и заседания на Quai d'Orsay. Один за другим планы, измышленные „старым порядком", подвергались атаке со стороны Вильсона; той же участи подверглась и попытка немедленно поделить германские колонии, „как военную добычу". Президенту удалось рассеять атмосферу, насыщенную войной, чтобы спокойно разрешить главнейшие задачи конференции. И, наконец, он победил в обоих основных пунктах своей программы, ради которых он прибыл в Европу.

25 января президент добился единогласного принятия того, что он называл „ключем к общему миру": Лига Наций стала „нераздельной составной частью всеобщего мирного договора".

14-го февраля он достиг единогласного принятия конституции Лиги, которая в общем и целом соответствовала американским взглядам. Ему пришлось вынести тяжелую борьбу: несмотря на величайшие трудности и огромное превосходство противника, американская программа,—„новый порядок", по любимому выражению Вильсона,—победила. Но в действительности у президента ни в чем

не могло быть уверенности: решительные битвы еще предстояли.

Президент мог с удовлетворением заявить, что оба центральных положения его программы единогласно приняты, но никто из союзников не был доволен. Они чувствовали себя побитыми, они были огорчены результатами. Они не видели способа добиться своих истинных целей, следуя программе президента; они не могли провести необходимых, с их точки зрения, мер безопасности и осуществления территориальных и экономических притязаний, основанных на тайных договорах.

Надо представить себе всю ситуацию. Британским владениям не удалась попытка добиться немедленного раздела германских колоний. По принуждению они приняли резолюции о системе мандатов от 25 января и не могли помешать включению ее в положение о Лиге Наций; долгожданный лакомый кусок остался неподеленным. Но пока дележ не состоялся — у них было мало оснований проявлять радость по поводу Лиги Наций и включения ее в мирный договор.

Французам события нанесли еще более тяжкий удар. Они голосовали за резолюцию 25 января, превратившую Лигу Наций в нераздельную органическую часть мирного договора, потому что были убеждены, что либо им удастся провести мир по своему желанию еще до образования Лиги Наций, либо добиться Союза Народов по своему желанию. И то, и другое потерпело неудачу. Французский план создания сильной, централизованной, располагающей военной силой организации составлял нераздельную часть их тщательно разработанной аггрессивной программы, и был отвергнут комиссией целиком. Поэтому Лига Наций, возникшая 14 февраля, ни в коем случае не могла их удовлетворить и хотя г. Буржуа на пленарном заседании отважно заявлял, что для него борьба еще не кончилась, положение Лиги было единогласно принято. Нельзя было надеяться на существенные изменения. Поэтому было целесообразнее отвести Лигу Наций на запасный путь,

а пока энергично заняться проведением своих требований.

Японцы также имели основания чувствовать себя обиженными, хотя они скрывали свои обиды под маской молчания. Их поправка к статье о равноправии рас, которая задевала самым чувствительным образом их гордость, претерпела ту же участь, что и дополнительные статьи французов. Кроме того, они испытали то же разочарование, что и британские премьер-министры, потому что не могли тотчас получить свою долю германских колоний. Японцы заявили также свои претензии на Шандун — и тут им тоже приходилось ждать. Итальянцы, интересы которых вращались, главным образом, вокруг австрийского вопроса, до сих пор только изредка принимали участие в спорах. Но и им также отнюдь не нравился мир в духе президента.

Поэтому, не успел президент уехать, как раскрылись шлюзы и ворвался поток неудовольствия — очень скоро завязалась совершенно неслыханная дипломатическая интрига.

От‘езд президента в то время был, по всей вероятности, неизбежен; тем не менее он был рискован. Силы „нового порядка“ оставались без энергичного руководителя; он давал всем оппозиционным силам передышку, они выигрывали время, чтобы перестроиться и создать могучее противодействие его идеям. Если бы президент остался в Париже, он повел бы наступление и „закрепил бы завоеванную позицию“ за собой; может быть, тогда конечные результаты были бы иные. Но его не оказалось на месте.

И поэтому месяц, в течение которого президент стоял спиной к Парижу, является для исследователя самым интересным и значительным на всем протяжении Мирной Конференции.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

В отсутствие Вильсона.—Попытка положить „Лигу Наций“ под сукно.—Резолюция Бальфура от 22 февраля.—Декларация Вильсона от 15 марта: „Лига Наций должна стать нераздельной составной частью мира“.—Начало расхождений между президентом Вильсоном и полковником Гаусом.

Не успел президент покинуть 15 февраля Париж, как недовольные элементы оппозиции приступили к делу. 24-го февраля Совет Десяти принял ряд резолюций, осуществление которых означало бы уничтожение всей американской программы мира.

Искушенные дипломаты с набережной Сены действовали чрезвычайно искусно. Проект Лиги наций был им не по душе. Они не хотели впутывать в мирный договор эту Лигу, но в то же время остерегались приступить к открытым действиям против нее. Вплоть до возвращения президента о Лиге Наций не было на совещаниях и речи.

Их тактика была так же проста, как искусна. При полной поддержке президента Вильсона были приняты различные резолюции, в силу которых следовало возможно скорее заключить прелиминарный мир, охватывающий только стратегические требования на суше, воде и в воздухе. Не было ничего легче и проще, как расширить несколько этот договор и включить в него все прочие пункты, которых оппозиции так хотелось, напр., определение гра-

ниц, репарации, колонии: короче говоря, включить в этот прелиминарный договор все условия мира, обойдя при этом Лигу Наций. Тогда бы у них был мир, какого они хотели.

Вместе с тем они получили бы возможность не распускать союзных армий, пока Германии не будут навязаны эти требования. Весь их план представлял из себя не что иное, как повторение такой же неудавшейся из-за Вильсона и Блисса попытки включить в соглашение о перемирии действительные условия мира и провести их силою оружия, еще до рассмотрения мирного договора и, конечно, до образования Лиги Наций. Кто станет интересоваться тем, что Лига Наций была оттеснена на задний план или отложена до какого-нибудь другого конгресса в отдаленном будущем, если все прочие условия мира окажутся принятыми?

Если даже считать преувеличенными сведения о том, что в отсутствие Вильсона возник определенный заговор в целях упразднения Лиги Наций или в целях исключения ее из мирного договора, тем не менее с несомненностью устанавливается, что велась интрига против предложения Вильсона заключить прелиминарный мир по военным вопросам, что в сущности привело бы к тем же результатам.

Получалось такое впечатление, что все воинствующие и националистически настроенные элементы только и ждали от'езда Вильсона, чтобы образовать против него общий фронт. Ллойд-Джордж также уехал домой, но, вместо того, чтобы заменить себя либеральными политиками, как Сесиль, Смутс и Бернс (Barnes), которые сочувствовали идее Лиги Наций и все же были членами делегации, он командировал в Париж самого ярого милитариста из числа английских государственных деятелей, Уинстона Черчилля. Последний не был членом мирной делегации и до сих пор не имел ничего общего с Мирной Конференцией. Кроме того он был известен как заклятый враг идеи союза народов. Одно время в Верховном

Совете имел голос канадский министр, сэр Роберт Борден. Не требуя ничего для Канады, он всеми мерами отстаивал требования других британских владений. Вот эти лица, совместно с мером Бальфуром и лордом Мильнером должны были в отсутствие президента вести британские дела.

Первым актом Уинстона Черчилля—было требование немедленных действий против России. Тем самым он поддерживал quasi-наполеоновский проект Фоша силою оружия подчинить себе Советскую Россию. Конечно, план Фоша был со свежей энергией развернут перед делегатами.

Надлежало собрать великую армию, включая и американцев, и начать невероятную войну для умиротворения Восточной Европы.

19 февраля утром, когда Клемансо садился в автомобиль, чтобы направиться на заседание, к нему подкрался злоумышленник, Коттэн, и выстрелил.

„Я француз и анархист", воскликнул Коттэн.

„Негодяй умеет стрелять", произнес Клемансо, падая: „ничего страшного"...

Но непреклонный, почтенный маленький человек—должен был все-таки оставаться в постели. Таким образом Бальфур стал руководителем конференции, а Пишон, который являлся олицетворением самых устарелых дипломатических традиций принял на себя французские дела. Клемансо отнюдь не был либералом, но обладал все же большой государственной мудростью. Теперь же энергично выступил вперед Фош, которого обуздывать мог только Клемансо.

По странной случайности—точно осуществлялся какой-то хорошо обдуманный план—уехал в Италию и Орландо, представитель либеральных элементов Италии, и передал руководство делами Соннино, самому реакционному делегату из всех присутствовавших на конференции.

Что касается Америки, то формально руководителем американской делегации был м-р Лансинг, хотя прези-

дент Вильсон и заявил в Совете Десяти (12 февраля), что „он просил полковника Гауса заменить себя на время отсутствия“.

В течение целой недели в Совете не было сказано ни слова о военных условиях прелиминарного соглашения, таким образом—важнейшая задача оставалась неразрешенной. Но за то, как мы знаем, происходили частые совещания за сценой Конференции. Мы имеем личное заявление м-ра Бальфура (они в отчетах о секретных заседаниях), что он частным образом совещался с г. Пишоном. И дело было настолько важным, что он вместе с Пишоном посетил все еще не покидавшего постели Клемансо.

На заседании 22 февраля м-р Бальфур внес новую чрезвычайно знаменательную резолюцию, которая предлагала безотлагательно перейти к рассмотрению условий прелиминарного мира с Германией. Эта резолюция предусматривала: определение границ, финансовые и экономические мероприятия, ответственность за нарушение законов войны—впоследствии и колонии,—одним словом, все, за исключением Лиги Наций. Резолюция, кроме того, настаивала на спешности и требовала, чтобы комиссии представили свои доклады по этим вопросам не позже субботы (8 марта)—следовательно, по меньшей мере за неделю до возвращения президента Вильсона.

Хотя об этом предложении на всех предыдущих совещаниях не было даже упомянуто и в протоколах нет следа каких-либо прений по этому вопросу, тем не менее резолюция была принята всеми с восторгом, за исключением лорда Мильнера и Соннино. Последний не имел принципиальных возражений против этой резолюции, но хотел, чтобы сперва был заключен мир с Австрией, а потом уже с Германией. Ниже мы приводим выдержки из протоколов по этому поводу:

„Г. Пишон заявил, что м-р Бальфур вполне правильно передал мнение г. Клемансо. Г. Клемансо полагает, что все прелиминарные условия мира должны быть

разрешены возможно скорее, так как необходимо из настоящего положения Германии извлечь возможно большую пользу. Г. Клемансо в этом мнении поддерживает маршал Фош и военные консультанты.

„М-р Гаус сказал, что он горячо приветствует намерение Конференции возможно скорее заключить прелиминарный мир... Он всегда предполагал, что промедление только в интересах Германии, и чем дольше будет откладываться подписание мира, тем возможнее изменение обстоятельств, сейчас благоприятных союзникам. Что касается обоих предложений, представленных сейчас Конференции, то он полагает, что самые строгие военные требования должны быть пред'явлены Германии. Он считает также, что немцы окажутся более склонными удовлетворить эти требования, если им одновременно станут известны все условия мира.

„М-р Лансинг сказал, что он предпочел бы все условия прелиминарного мира изложить в одном документе... он вполне согласен с точкой зрения г. Клемансо“ [1]).

Единственный человек, который искренно поддерживал резолюцию, принятую при Вильсоне, был лорд Мильнер; он присутствовал 12 февраля (точно также, как и Лансинг), когда было принято предложение Вильсона, и теперь настаивал на соблюдении принятого решения. Он считал, „что для конференции чрезвычайно важно посвятить свое время и внимание прежде всего установлению окончательных военных требований относительно сухопутных, морских и воздушных сил Германии. Если в этом отношении будет достигнуто соглашение, будет окончательно ликвидирована по крайней мере определенная часть предстоящей работы по составлению мирного договора“.

На следующий день лорд Мильнер еще энергичнее настаивал на своем предложении, причем он развил на совещании почти те же идеи, что и президент Вильсон и Блисс. Вот дословное изложение его взгляда:

[1]) Секретн. протокол Совета Десяти от 22 февраля.

„Что касается меня, то я держусь мнения, что окончательное разоружение Германии (я имею ввиду установление определенного, согласного с нашими желаниями, стандарта ее боевой способности) безусловно необходимо. Эта мера должна быть принята как можно скорее — и осуществление ее чрезвычайно ускорит все прочие условия мира. К тому же разоружение Германии—неизбежное условие нашей собственной демобилизации“...

Но именно демобилизации французы и не хотели. Клемансо, как заявил Пишон, держался в этом отношении одного и того же мнения с маршалом Фошем. Бальфур, Лансинг и Гаус в свою очередь были также согласны с Клемансо. Увы, полковник Гаус ответил на возражения лорда Мильнера следующими словами:

„Конференция должна вернуться к первоначальному предложению м-ра Бальфура относительно Германии“.

Таким образом и французский, и американский делегаты, а также глава британской делегации м-р Бальфур оказывались солидарными между собой; дальнейшие возражения со стороны лорда Мильнера были бы излишни.

Но приходилось выслушать еще одну нацию, японцев. Японские делегаты Макино и Матсуи обыкновенно сидели молча, похожие на каменные изваяния Будды, и только когда вопрос затрагивал непосредственно их интересы, они выходили из оцепенения. И тогда к концу совещания они тихим голосом и по возможности кратко, точно извиняясь—но верно и решительно, как японские солдаты под Порт-Артуром—добивались своей цели.

„Барон Макино осведомился, относится ли выражение резолюции м-ра Бальфура: „приблизительные германские границы“ (§ 2а)—и к германским колониям.

„М-р Бальфур ответил, что, конечно, предполагалось включить в это понятие и колонии.

„Г. Матсуи спросил, ссылаясь на § 2а, имеются ли в виду и все права, приобретенные Германией, как, напр., на железные дороги и горные рудники в Китае (хочет сказать, в Шандуне).

„М-р Бальфур полагал, что слова „inter alia“ охватывают и эти вопросы.

„М-р Лансинг согласился с этим и заметил, что слова „inter alia“ включают и вопрос о военнопленных, который он хотел бы рассмотреть отдельно“ [1]).

Как только японцы получили справку от м-ра Бальфура относительно колоний, железных дорог и Шандуна, они снова погрузились в молчание. Так в отсутствии Вильсона было брошено семя будущего Шандунского соглашения, встретившего жестокие нападки в Америке.

Таким простым способом все обеспечили за собой, чего добивались: все „практические детали“, как установление пограничных линий, репарации, рудники и железные дороги, были включены в прелиминарный договор, без помехи со стороны надоедливого вильсоновского идеализма, без вмешательства Лиги Наций.

Чрезвычайно трудно об'яснить поведение м-ра Бальфура, до некоторой степени родоначальника этого решения. Британцы хотели, как указал лорд Мильнер, создать еще до рассмотрения условий мира, требовавшего много времени, такое положение вещей, при котором можно было бы произвести демобилизацию. Бальфур еще за десять дней перед этим (после от'езда Ллойд-Джорджа) составил и внес резолюцию в духе вильсоновского прелиминарного договора. Тогда он, повидимому, стоял твердо на стороне Вильсона.

Откуда же такой внезапный переворот? Ключ к этой тайне, по всей вероятности, сам Ллойд-Джордж.

Ллойд-Джордж, как и Вильсон, уехал домой: там состоялось продолжительное и бурное заседание кабинета. Указывалось на тревожные обстоятельства в России. Черчилль потребовал иной, энергичной политики в отношении России, и напал на „эту бессмысленную“ Лигу Наций. Еще другой вопрос был поднят на этом заседании: премьер-министры британских владений горько жаловались, что

[1]) Секретн. протокол Совета Десяти 23 февраля.

им не дали столь желанных колоний. Австралийский премьер-министр Гюгс произносил в Лондоне зажигательные речи. Кроме того, все были недовольны отсрочкой, мир надлежало ускорить!

Повидимому, Ллойд-Джордж, по обыкновению, молниеносно изменил свой образ мыслей, что случалось с ним уже не раз. Вильсона противодействие обыкновенно делало еще более настойчивым, а на этого скользкого, как ртуть, валлийца, который знал только политику, а не принципы—оно производило обратный эффект—он тотчас же бросался в другую крайность. Ллойд-Джордж стал соображать, что с Лигой Наций он зашел слишком далеко. Поэтому он послал в Париж архимилитариста Черчилля, а через несколько дней произошел замечательный переворот во взглядах и Бальфура.

Бальфур был одной из очаровательнейших фигур на Мирной Конференции. Это—выдающийся интеллект. Не было в Париже ни одной докладной записки, ни одной речи, которая своей глубиной и остроумием могла поспорить с ним. Его записки относительно соглашения с Турцией и притязаний Италии—классическое произведение литературы.

Было истинным наслаждением видеть его за работой и наблюдать за его полуироническим, философским отношением к событиям. Но он был консерватором до мозга костей. Его философия была философией скепсиса (философия Вильсона была философией веры): он был „вторым английским Гамлетом" убежденным, что „всякое действие наносит только ущерб". Его увлекла, слишком далеко увлекла—энергичная, бодрящая деятельность Вильсона. Теперь, когда Вильсона не было—перспектива будущего казалась безнадежной и мрачной, а борьба утомительной; спешный мир, все равно на каких условиях, казался в тысячу раз желаннее, чем все остальное; в особенности, если бы удалось заткнуть рты британским владениям и удовлетворить требования Великобритании относительно Турции. Имея около себя такого помощника,

как Черчилль, который точно знал, чего хотел, и свою волю стремился проводить, не жалея пороха, а на родине— такого вождя, как Ллойд-Джордж, который сегодня требовал одного, а завтра прямо противоположного—он решил внести резолюции 22 февраля.

Во всяком случае, одно вероятно: если бы Ллойд-Джордж лойяльно и непоколебимо держался за решение, принятое 12 февраля Советом Десяти, военные прелиминарии были бы проведены.

А что же американцы? О Лансинге не приходится много говорить. Он был против Лиги Наций, он был против включения ее в мирный договор. Он никогда не понимал того миропорядка, какой рисовал себе Вильсон, не понимал и той роли, какую предназначал он Америке. Хотя он (согласно его книге) не получил от президента никаких инструкций, как ему держаться во время его отсутствия, он тем не менее присутствовал на каждом заседании и прекрасно знал, какие решения были приняты. Он знал, за что борется президент, и знал его желания. Он сам голосовал за прелиминарный мир, предложенный Вильсоном. Но не успел президент повернуться спиной, как он с легким сердцем голосует за план, выдуманный Бальфуром, Фошем и Клемансо, за план, означающий полное уничтожение программы Вильсона. Очевидно, Лансинг никогда не думал поддерживать резолюцию президента: но по всей вероятности он даже не сознавал всех дипломатических последствий такого решения и не понимал, что оно губит.

Положение, в котором очутился полковник Гаус, было значительно сложнее. Он не заседал в Совете Десяти: он не следил, подобно Лансингу, за всеми этапами борьбы. Он не был знаком, подобно Лансингу, с внутренней тактикой Совета Десяти. Президент Вильсон сообщил Совету, что Гаус заменит его, но он не в достаточной степени посвятил самого Гауса в дела, недостаточно его инструктировал. Здесь нам приходится иметь дело с характерным недостатком президента—он всегда полагал, что раз со-

трудники подчинились его руководству, то они тем самым уже смогут следовать за его ясной, живой, быстро схватывающей мыслью. Он всегда исходил из предпосылки, что моральная эмоциональная поддержка тождественна с ясным интеллектуальным пониманием—что являлось, конечно, произвольным заключением. Как раз эта предпосылка, которую он в одинаковой мере распространял и на народ, и на своих близких, вызывала много, и притом тягчайших, осложнений для самого же президента. Если он что-нибудь сказал, то верил, что сказанное им всеми понято и осознано—ведь это же согласно с разумом! А между тем, немало политических деятелей, менее крупных, могли бы ему возразить, что надо тысячи раз повторять, надо публиковать во всех газетах, надо показывать в каждом кино, надо переложить даже на музыку!

В течение многих лет оказывал полковник Гаус величайшие услуги одинокому мыслителю и вождю. В тяжкие минуты он был верным другом, никогда не требовал для себя ничего, не гнался, подобно другим, за чинами и наградами. Он обладал многими качествами, которых недоставало президенту: выдающейся способностью познавания людей, любезностью, дружеской снисходительностью. С непринужденным техасским добродушием он побеждал сомнения и опасения президента. Против полковника Гауса нельзя было устоять! Уже после того, как повсюду распространилось известие, что президент „порвал“ с полковником Гаусом, кто-то в присутствии Вильсона стал критиковать его. Президент сказал:

„Я очень люблю полковника Гауса“.

Среди бумаг президента сохранились тщательно собранные коротенькие записки карандашем, которые полковник посылал ему в Париже или где-нибудь в другом месте по поводу его выступления или какой-нибудь рискованной резолюции. Вот несколько образцов:

„Дорогой шеф! Лучшая из всех Ваших речей! Э. М. Г.“.

„Лучше и быть не могло. Уверенности придала уверенность. Э. М. Г.“.

После своей вдохновенной речи во французской палате депутатов 3 февраля, президент получил от полковника следующую записку:

„Дорогой шеф! Я думаю, что все сказанное Вами сегодня с небывалой силой внушит народам мира мужество. Вы исчерпали все и удовлетворили всех“.

Все эти похвалы не были лестью; они были искренни и чрезвычайно ободряли президента.

До тех пор, пока полковник представлял, по выражению Клемансо „уши, а не уста“, т. е., молчаливого, внимательного наблюдателя, который правдиво и подробно доносил обо всем президенту, все шло хорошо. Он оказывал президенту большие, неоценимые услуги. Президент, таким образом, входил в курс дел, знакомился со взглядами других и получал представление о людях; другим путем он этого приобрести не мог: Гаус доставлял ему сырой материал для обработки мыслью. Отличаясь гуманностью и любовью к человеку, Гаус умел понимать людей и события. Президент мог соглашаться с его взглядами или нет, и действовать, как хотел.

Когда полковник Гаус получил высокий пост, который требовал, чтобы каждое действие было самым тщательным образом продумано и чтобы каждое решение отличалось ясностью и определенностью, Гаус стал жертвой своих недостатков. Инстинктивно и эмоционально он был преисполнен того же либерализма, что и президент, и был верным приверженцем Лиги Наций: но он никогда не продумывал по настоящему ни одного вопроса. Никогда он не знал точно, какова же его позиция. Но зато все же он был оптимистически настроен. Его мысль никогда не была острой, ясной, решительной и определенной. Он любил людей и сочувствовал им и ненавидел действовать против них; ему хотелось, чтобы все шли рука об руку; он любил ласковые слова и заверял, что его воззрения нисколько не расходятся с теми, которые в действительности противоречили им. Поэтому, когда лорд Мильнер стал 24 февраля по поводу прелиминарий возражать Фошу,—

„М-р Гаус заявил, что мнения членов конференции, в сущности, не расходятся между собой“

А фактически существовали глубочайшие различия в мнениях. Президент знал это. Тут происходил не мнимый поединок, а настоящая борьба, которую нельзя было устранить лаской, поглаживанием и любезностью. Здесь все зависело не от личной готовности и дружеских симпатий, здесь была явная, принципиальная рознь. Полковник Гаус, повидимому, не мог распознать резких, глубоких линий конфликта, он не понимал также, что замышлял своей извилистой тактикой „старый порядок“. Он ни минуты не помышлял об оставлении президента в опасности, наоборот был уверен, что своим решением достигнет скорейшего заключения мира, и уведомлял президента по кабелю обо всех парижских событиях. В действительности, его поведение в Совете, как и позже на конференции, все путало, смешивало, давало как раз противоположные результаты. Это суждение основано не только на моем личном знакомстве с обоими лицами, но на тщательном изучении всех протоколов мирной конференции.

Телеграммы полковника Гауса прежде всего обратили внимание президента на то, какой курс приняли дела в Париже. Вне всякого сомнения, эти депеши дали повод президенту поднять боевой клич, какой представляла его большая речь, произнесенная 4 марта в Metropolitan-Opera в Нью-Иорке накануне его от‘езда во Францию. Он снова заявил что Лига Наций неразрывна с мирным договором.

„Когда мирный договор будет доложен здесь, то люди по сю сторону океана увидят, что он не только включает в себе Лигу Наций, но что бесчисленные нити ведут от него к союзу, что союзный договор нельзя отделить от мирного договора, не разрушив все его строение“.

Полковник Гаус встретил президента, по его прибытии, в Бресте и поехал с ним в Париж. С этого момента между ними началось отчуждение, к которому я еще возвращусь, так как оно имело сильное и роковое влияние

на Мирную Конференцию. Это отчуждение не было вызвано, как всюду утверждали, тривиальными или личного характера причинами, вроде мелочной, злобной зависти, хотя оно и имело свою личную, мелочную сторону; оно произошло вследствие более глубоких причин, тяжелых недоразумений и ошибок.

Как бы там ни было, политика Десяти за этот критический месяц была скорее глупа, чем расчетлива. И прежде всего—чрезвычайно характерна для человеческих слабостей. Вильсон, вождь и пророк, который требовал самоограничения и самопожертвования, уехал, и они поспешили соорудить золотого тельца. Они вернулись к методам, которые им были сродни. Они ухватились за то, что скорее могло осуществить их желание. Из всех собравшихся там только Клемансо со своим ясным взглядом на вещи понимал, что происходит, поэтому он первый и положил конец всей этой сумятице, когда увидел, к чему она ведет. Политика, подобная той, какую проводили тогда в Париже, об'ясняется, по моему мнению, не столько злым умыслом, сколько отсутствием сознательности, морального одушевления, дальновидности. Все собравшиеся там все свое внимание сосредоточивали на какой-нибудь осязательной корыстной цели. Все остальное не существовало. Их решения носили сепаратный характер, выносились „поштучно", — общее значение своей деятельности они охватить не могли. Наблюдатели, стоявшие в стороне, встречали всякую новость то с тревогой, то с радостью, смотря по тому, соответствовала ли она их убеждениям или нет. Противники Лиги Наций произнесли уже над нею,—правда, слишком поспешный,—приговор: они полагали, что с ней кончено, что из мирного договора она исключена и бесславно погибнет. К сожалению, их предсказания заключали зерно истины Это повторялось беспрестанно, дошло до Америки и заставило Tumulty отправить президенту (14 марта) предостерегающую телеграмму.

Первое же лицо, с которым мне пришлось встретиться по прибытии во Францию, улыбаясь, сказало: „Ну, знаете,

ваша Лига Наций погибла", а это лицо было в курсе дел. И таково было действительное убеждение французской печати. Во всяком случае, Лига Наций была положена под сукно, пока не будет заключен мирный договор. Это открыто заявил г. Пишон: это должен был признать лорд Сесиль, искренний сторонник Лиги; таково было мнение лондонского „Times'а", который в качестве доказательства приводил, как факт, что мир будет не чем иным, как более распространенным перемирием. Подымалась даже речь о предстоящем, конечно, после закрытия Мирной Конференции, конгрессе, который рассмотрит вопрос о Лиге Наций и разработает ее организацию.

Повидимому, не существовало намерения провести новый план до приезда президента; имелось ввиду скомпрометировать конференцию fait accompli; взвинтить в народе до высшего предела ожидания скорого мира, в расчете, что президент не сможет справиться с направленным против него потоком народных чаяний и надежд. Изготовить мирный договор к этому моменту было невозможно, даже если бы комиссии представили свои доклады, как это было установлено первоначально, к 8 марта. Фош, у которого были свои планы, тщетно пытался 3 марта принудить Совет к большей поспешности. Были основательные причины, которые с самого начала обрекали весь этот искусный план на смерть. Несмотря на то, что все желали скорого мира в духе старого порядка, тем не менее конфликты всевозможного характера росли, как грибы. Британцы и французы никак не могли договориться относительно военных требований, в частности относительно судьбы захваченного германского флота. Британцы и японцы спорили из-за германского кабеля; итальянцы и юго-славы стояли друг против друга, обнажив шпаги. Никогда Вильсон не произносил более справедливых слов, чем в своей манчестерской речи 30 декабря 1918 года: „Интересы не об'единяют людей, интересы разобщают их... Только одно может связать людей друг с другом— общая любовь к праву".

Итак, собрались, кажется, самые могучие силы, чтобы уничтожить до оснований план Вильсона, но оказалось, что они не смогли добиться единодушия в своих рядах. Каждый стал заподозривать Фоша и его дикие планы. Ллойд-Джордж переругивался с Клемансо. Итальянцы с новой настойчивостью противились спешному миру с Германией, опасаясь, что австрийский вопрос повиснет изза этого в воздухе. Все стали искать „руководящего принципа“ для составления мирного договора. Принцип Вильсона они отвергли; теперь им, волей или неволей, приходилось отыскивать новый, чтобы преодолеть все растущую между ним жестокую зависть и соперничество. Но они его не находили. Они вновь стали взывать даже к Лиге Наций. Наконец, в Совете выступил Клемансо, он был еще бледен, но силы остались прежние. Клемансо заявил, что всякого рода соглашения должны быть отложены до возвращения Вильсона и Ллойд-Джорджа (последний опять уехал домой).

Сведения, которые президент получал о ходе событий во время его отсутствия, носили фрагментарный характер, но он мог их пополнить в день своего возвращения 14 марта. Совет назначил заседание на 15 марта, чтобы обсудить новые военные условия, уже разработанные (но еще не принятые). Вильсон уклонился принять так внезапно решение, требовал отсрочки и стал тщательно изучать проект. Этот проект находился в собрании документов президента, и снабжен на полях его характерными и чрезвычайно важными пометками. Одна из наиболее важных пометок имеет в виду исключить из проекта длительный военный (частью даже экономический) контроль над Германией после заключения мира при посредстве союзных военных комиссий. Только в понедельник, 17 марта, президент появился в Совете.

Между тем, он с удивительной смелостью и прямотой принял ряд противомер. В субботу 15 марта около 11 ч. утра он вызвал меня по телефону. Сношение происходило по секретному проводу, который соединял его ра-

бочий кабинет на Place des Etats Unis с отелем Крильон. Он просил меня опровергнуть распространившийся в это время по всей Европе, а частью и в Америке, слух о сепаратном прелиминарном мире с Германией, отстраняющем Лигу Наций.

„Я просил бы вас раз'яснить, что мы в точности придерживаемся решения 25 января, когда Мирная Конференция приняла резолюцию, что Лига Наций должна стать нераздельной составной частью мирного договора".

Поэтому я составил раз'яснение, которое представил на его усмотрение, получил его одобрение и распорядился немедленно же его опубликовать. Оно гласило следующее:

15 марта 1919.

„Президент об'явил сегодня, что принятое в пленарном заседании мирной конференции от 25 января решение, согласно которому создание Лиги Наций составляет нераздельную составную часть мирного договора, сохраняет полную силу и что все слухи относительно предполагаемого изменения этого решения лишены каких бы то ни было оснований.

Принятая в пленарном заседании Мирной Конференции от 25 января резолюция о Лиге Наций гласила:

1. Для сохранения международного мира, ради чего ныне собрались союзные народы, необходимо создание Лиги Наций, которая будет содействовать международному сотрудничеству, следить за исполнением международных обязательств и принимать меры против войны.

2. Вышеуказанная Лига Наций должна рассматриваться, как нераздельная составная часть общего мирного договора. Всякой цивилизованной нации, заслуживающей доверия в том, что она выполнит задачи Лиги, открыт доступ в последнюю.

3. Члены Лиги собираются на периодические международные конференции и располагают постоянной организацией и постоянным секретариатом, на кои возлагается ведение дел Лиги, в период времени между конференциями".

Это смелое раз'яснение произвело впечатление разорвавшейся бомбы. Одним ударом был отброшен назад весь план, принятый конференцией в отсутствие Вильсона. Все тайные происки, „темные силы“, которые неистовствовали за последний месяц, были одним толчком выброшены на поверхность.

Президент не стал критиковать уже сделанное, не стал никого обвинять; он только оповестил о своих намерениях. Это был чрезвычайно удачный шахматный ход. Повторив уже принятое и неотмененное решение, он обеспечивал себе неуязвимую позицию.

Благодаря этой мере интерес вновь сосредоточился на Лиге Наций. Как будет называться предстоящий мир, „прелиминарным“ или „окончательным“, ему было совершенно безразлично, лишь бы было осуществлено его основное требование, чтобы Лига Наций стала основой „всеобщего“ мирного договора, заключающего соглашения по территориальным, экономическим и колониальным вопросам.

Немедленно же французы и английские газеты открыли бешеную, ожесточенную кампанию против президента, на которую, он, однако, не отвечал. Говорили, что вследствие этого опровержения, народ лишился надежды на скорый мир. Эти ожидания мира об'яснялись не только страстным желанием окончания войны, искренним и сознательным стремлением к демобилизации и возобновлению промышленного труда,—они подогревались еще и реакционными листками Франции и Англии. Эти газеты сделали своим лозунгом следующие слова: „Не заботьтесь о новых принципах и идеалах: ликвидируйте как можно скорее войну; дайте новый военный аллианс с союзниками, включая и Америку; поделите добычу между победителями, исключая Америки, и ступайте по домам“.

Лондонский „Daily Express“ называл опровержение президента „Пирровой победой“, „нападением из-за угла“, и требовал, чтобы британское правительство отказало президенту в своей поддержке. Пишон, французский министр

иностранных дел дал интервью, в котором резко критиковал президента. Но все это было вскоре прекращено.

Эти нападения были предвестники ожесточенных битв. „Чистый доход“ со смелого отпора 15 марта был сомнителен и отнюдь не предвещал решительной победы президента. Он ведь покинул поле битвы, а потерянную позицию нельзя завоевать одним ударом. Если не было уже речи об общем мире и исключении Лиги Наций, то не было и речи о военном мире и демобилизации, которые предшествуют общему мирному договору, а это были условия, которым Вильсон придавал большое значение; он полагал, что провел их до своего от‘езда из Парижа. В этом пункте французы одержали победу. Прелиминарный мир не состоялся, но был подписан общий мир, когда громадные армии стояли еще под ружьем, готовые вступить в Германию. Только постепенно уменьшали их численность, возбуждая негодование Фоша; но демобилизация проходила далеко не так спешно, как предполагал до своего от‘езда Вильсон. Таким образом условия всеобщего мира устанавливались в атмосфере войны, а не мира. Они и заклеймены печатью войны.

И тем не менее Вильсон одержал большую победу. Не надо забывать, что он с самого начала не доверял условиям мира и возлагал все свои надежды на союз народов. Этот союз народов—возник до некоторой степени в том виде, как он его мыслил. Он помешал французам организовать международный контроль над Германией помимо Лиги Наций. Это были положительные результаты его борьбы. И прежде всего Вильсон добился, что Лига Наций была тесно связана с мирным договором. Таким образом было обеспечено ее существование, как корректива к некоторым нежелательным для него условиям мира. Президент рассчитывал, что благодаря Лиге Наций войдет в свои права „новый порядок“ и устранит ошибки и заблуждения прошлого.

Но решающая битва была еще впереди.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Критика Лиги Наций со стороны Америки.—Вильсоновская программа пересмотра.—Ожесточенное противодействие французов.— Доктрина Монроэ и Лига Наций.—Штурм статьи X.

Как только президент в марте 1919 г. вернулся в Париж—на него со всех сторон повели наступление. Ни один полководец не может оставить поля битвы в разгаре боя; Вильсон покинул Париж на целый месяц: вернувшись, он не мог, конечно, застать прежнюю кон‘юнктуру. Правда, смелое выступление 15 марта произвело на набережной Орсэй впечатление разорвавшейся бомбы и до известной степени содействовало завоеванию прежней позиции, потерянной во время его пребывания на родине, но в действительности перед президентом вырастали новые небывалые еще затруднения.

Президент не боялся противодействия, оказанного ему неожиданно европейскими и японскими политиками, которые, воспользовавшись его отсутствием, сплели интригу против его программы и сплотили вокруг себя новые силы для нападения. Президента не огорчало даже то печальное открытие, что его же товарищи не сумели понять его принципов и оставили на произвол судьбы своего вождя. Президента охватывала горечь сознания, что он не мог с уверенностью рассчитывать даже на поддержку своей родины.

Покидая Европу, он оставил за собой целый ряд недовольных, а на родине против него подымалась в свою очередь оппозиция, хотя и по другим основаниям. С оттенком личного характера, эта оппозиция в основе своей имела политические корни. И всякая оппозиция, как бы искусственна она ни была, опирается на общественное мнение или народное настроение. Америка переживала глубокую реакцию:—она явилась отзвуком тех изменений, которые претерпевал идеализм на всем свете. Война была уже кончена; всем хотелось вернуться домой и зажить прежней замкнутой жизнью. „Назад, к делам! Америке первое место!"—стало лозунгом момента.

Пока длилась война, всюду росло и ширилось, может быть, неопределенное, но во всяком случае явное влечение к всенародному единению. На Лигу Наций готовы были смотреть, как на панацею от всех бед. И что же мешало ее созданию? Но за этим настроением таилось глубокое, бездонное неведение реальных международных отношений и международных проблем—результат нашей вековой обособленности. Когда же мы поняли, как серьезна болезнь мира и каких жертв и денег с нашей стороны будет стоить его исцеление, какой опасности оно, быть может, подвергнет нас,—тогда нами овладела паника, и против Лиги поднялась оппозиция. Правда, мы свидетельствовали перед ней свое почтение, но только потому, что эта дань почтения нам ничего не стоила!

Реакция, страх и партийная оппозиция прибегли к старым лозунгам, к традиционным американским заветам: „Защищайте доктрину Монрое!" „Не впутывайтесь в союзы!"—и эти голоса наступившей в Америке реакции делали свое дело. Президент рассчитывал на твердость этических убеждений Америки, на ясность ее мысли, но Америке недоставало знаний, и, поэтому, отсутствовало в данном случае и то, и другое. Президент лично продумал все, освоился с проблемой, знал, каких она потребует издержек; но народ оставался в полном неведении. Позднее президент понял всю сложность создавшегося

положения, и, охваченный отчаянием, сделал последнее усилие, чтобы раз'яснить народу мотивы и причины своего поведения; в сентябре 1919 г. он совершил об'езд Америки; но, подорвав последние его силы, этот об'езд не дал никаких результатов. Итак, две заботы бросали его из стороны в сторону. Французы опасались, что договор о союзе народов, увезенный президентом за океан, слишком слабо гарантирует их интересы и безопасность. Американцы, напротив, боялись, что гарантии слишком велики.

Возвращение президента на родину было во всяком случае смелым шагом: но оно было, повидимому, неизбежно. В качестве оффициального повода поездки—было указано предстоявшее 4 марта закрытие сессии Конгресса; действительной же причиной от'езда Вильсона из Европы было его желание сделать доклад о результатах работ Конференции и сплотить на родине своих сторонников. Как мог Вильсон бороться за свою программу в Париже, когда приходилось опасаться, что все сделанное им здесь, быть может, будет отвергнуто в Америке?

Он сознавал всегда, что сила его на Конференции зависела от поддержки американского народа и народов всего мира вообще, а для этого ему приходилось искать доступа к их душам, с ними необходимо было об'ясниться. Но люди, с которым он вынужден был иметь дело, были вожди американской оппозиции, сенаторы Соединенных Штатов, занесшие над ним Дамоклов меч своего veto.

Здесь дала себя знать вся косность американского порядка заключения международных договоров: ответственность за международную политику поделена в Америке между президентом Соединенных Штатов и их Сенатом. В данном случае, когда разразился небывалый еще в истории Америки кризис — американская рутина оказалась тягчайшим ярмом. Америке до сих пор еще не удалось создать здорового и действительного аппарата для ведения международной политики. Впрочем, то же самое можно сказать относительно всех демократий, которые

вообще не могут создать надлежащих институтов дипломатической деятельности. Молодые американские государства питали недоверие к тайным махинациям старой дипломатии, и потому, в целях искорения этих ненавистных методов, обременили свой новый государственный аппарат целым рядом контролирующих и сдерживающих институтов; они установили, что президент в праве заключать договоры, но для ратификации заключенных им договоров требовал и $^2/_3$ голосов Сената; они не понимали, что таким образом становилась невозможной энергичная и единообразная политика. Почти каждый, более или менее важный договор, который приходилось заключать Америке, становился яблоком раздора между исполнительной властью и Сенатом. Отсюда ясно, что если мы хотим идти вперед, избрать новые пути и проводить определенную международную политику, мы должны установить новый порядок заключения договоров. Тогда Америка сможет быстро и единодушно разрешить запросы международной политики. Наша современная система обрекает нас на полное бессилие, создает запутанность отношений, влечет за собой волокиту: она заставляет обе стороны политиканствовать, и вместо того, чтобы общими силами быстро разрешать назревшие вопросы, начинаются бесконечные споры о прерогативах обоих правительственных установлений. Если между исполнительной властью и Сенатом возникает по какому-нибудь важному вопросу международной политики неразрешимое разногласие—положение становится невыносимым. Такой порядок не только роняет наш престиж в глазах других народов, он грозит нам опасностью в случае какого-нибудь кризиса мирового значения.

Президент знал, конечно, об этих недостатках государственного механизма и надеялся их устранить пропагандой своих идей: ему хотелось увлечь за собою общественное мнение страны и таким образом создать единый политический фронт для осуществления своих принципов мира.

Но трудность этой задачи заключалась—как в Вашингтоне, так и в Париже—в том, что настроение в демо-

кратиях меняется лишь медленно и вяло, между тем как президенту надлежало действовать быстро и решительно. Не было времени, чтобы об'яснять народу, в какой степени проект Лиги Наций, лежавший у него в кармане, необходим для единения народов всего мира. Чтобы понять это, нужно было знание истории, внешней политики, юриспруденции, которых недоставало не только народу, но даже его вождям. Народ охватили сомнения и столь понятное при данных обстоятельствах раздумье. В эту плодоносную почву сомнений вожди Сената заронили семя оппозиции. Одни честно сомневались сами, другие из раздумья народа хотели сколотить для себя политический капитал.

Конечно, легко утверждать, что и в Париже, и в Соединенных Штатах следовало больше заботиться об организации общественного мнения. Я полагаю, что основной ошибкой Америки на Мирной Конференции была недостаточность активной информации; но причины этого обстоятельства чрезвычайно сложны, и если бы осведомление общественного мнения было поставлено даже значительно шире, надо же иметь все-таки ввиду, что воспитание народа в 110 миллионов человек могло протекать только чрезвычайно медленно.

Продолжительный переезд через океан, в течение которого президент совершенно замыкался в себе, давал ему возможность спокойно преодолевать все встававшие перед ним проблемы. Он чрезвычайно проницательно определял те силы, которые должны были повести на него атаку, причем, сознание неизбежности борьбы только усиливало в нем желание осуществить свою главную идею какой угодно ценою. Миру угрожали анархия и хаос: все зависело от мощной и солидарной организации народов, задача которой должна была состоять в спасении и в преобразовании мира. Эту организацию следовало создать немедленно.

Переезд через океан в уютной каюте „Георга Вашингтона" дал президенту возможность не только обдумать тревожившие его вопросы, но и отдохнуть под присмотром д-ра Грэйсона, а в этом была уже крайняя необходимость.

Ожесточенная борьба, которую президенту приходилось выносить на себе в Париже, не давала ему возможности отдохнуть; и если бы не этот кратковременный отдых, он вероятно не выдержал бы всей тяжести возложенных на него трудов. Этот человек слишком много „оставался с своими мыслями наедине“. Но образ замкнутого в себе мыслителя—смягчался отблесками его простодушия и доступности.

Я позволю себе привести здесь несколько беглых строк, характеризующих Вильсона, записанных в мой дневник:

На океане, 13 марта.

„Вчера вместе с президентом и м-с Вильсон я завтракал à la fourchette в их личной каюте. Чрезвычайно интересный разговор. В такой непринужденной беседе—президент и м-с Вильсон оказываются очаровательными, доступными, простыми людьми. У президента всегда множество рассказов—не в духе Линкольна, национальных и наивных,—он знает на память множество анекдотов, стихов и каламбуров. Он передает их с поразительным искусством. Вчера он рассказал ряд смешных шотландских анекдотов, приэтом он добродушно подражал шотландскому говору в нос; он также хорошо передает акцент негров, когда рассказывает анекдоты из их жизни.

Мы беседовали о „Prohibition Amedment“ (законопроект о запрещении алкоголя), который он несколько дней тому назад подписал на пути в Вашингтон. С уморительной гримасой он заметил, что новый закон лишит нас некоторых личных удовольствий, но за то после, когда мы привыкнем к нему, тогда признаем его в высшей степени благодетельным. Он выразил уверенность, что народ сознательно сочувствует такому закону.

Сейчас, когда путешествие близится к концу, я хотел бы удержать в памяти не столько факты, сколько впечатления. Переезд наш протекает тихо и спокойно, находишься как будто в тесном кругу друзей. От дней напряженной борьбы, конфликтов, торжественных собраний

президент отдохнул. Он выглядел бледным и утомленным, когда вступил на судно. Я никогда не видел его таким расстроенным, как во время речи в Метрополитэн-Опера, но вскоре он оправился, благодаря уходу д-ра Грэйсона, так что выглядит теперь, как никогда. В этом тихом, дружеском кругу обнаруживаются все его достоинства. Я хотел бы, чтобы его видели здесь американцы, которые считают своего президента холодным, неприветливым человеком. Он и м-с Вильсон часто подымаются на палубу; как-то раз они играли в „Shuffle Board“ [1]). Они регулярно посещали свой кинематограф, который их очень забавлял, и с удовольствием слушали блестящую судовую капеллу. Иногда после обеда или вечерней беседы я встречал президента и м-с Вильсон около их каюты. Тогда начинался изящный интересный разговор—причем очень редко он касался текущих вопросов—например, однажды речь зашла о Лафайете, чаще о французском народе вообще и его характерных свойствах; в другой раз об игре в голф; тут сыпались анекдоты и все от души смеялись. М-с Вильсон не только одна из самых симпатичных женщин, в ней много мужества и здравого смысла. Видно, что она крепкая опора для президента. Два или три раза состоялись у президента обеды или ужины для членов нашего общества; и всякий раз еде предшествовала простая и тихо произносимая застольная молитва. Обед протекал в дружеской беседе, как в любом семейном уютном кругу. Один из участников такого обеда как-то сказал: „Я не имел ни малейшего понятия, что президент такой простой и доступный человек“. Президент и м-с Вильсон покорили сразу сердца команды и офицеров. Три путешествия они совершили уже на этом судне—27 дней они находились на борту. „Оно стало для меня плавучим домом“, сказала м-с Вильсон, „мы все—одна большая семья“. Во время прощального ужина, в среду, вечером, когда мы поднялись уже со своих мест—группа матросов затя-

---

[1]) Игра вроде бильярда (прим. переводчика).

нула „God be with You till we meet again" (Да будет бог с вами, пока мы встретимся вновь) и пропела все строфы до конца. Затем все общество, включая и президента, пропело „Auld Lang Syne" [1]). Я задал себе вопрос, есть ли еще народ на земле, который так просто держал бы себя и в котором царил бы такой дух"...

Президент твердо решил добиться, чтобы положение о Лиге Наций вошло в общий мирный договор, но ему предстояло решить еще и другую, не менее важную задачу: как реагировать на американскую критику Лиги Наций, и в особенности как отстоять ст. X о гарантиях. Эта статья была поистине „душой Лиги Наций", так как она разрешала основной вопрос всего договора, вопрос о гарантии безопасности Франции. Если не удастся успокоить тревоги Франции гарантией международной помощи, думал президент, то станет иллюзорной всякая надежда на скорейшее ограничение вооружений и на мир, построенный на широкой основе справедливости и права.

Гарантия, предусмотренная положением о Лиге Наций, должна была послужить именно этой цели. Но французы считали ее недостаточной. Президенту пришлось вынести тяжелую борьбу, прежде чем ему удалось убедить представителей Франции, требовавших образования мощного военного союза, принять положение о Лиге. А в Америке эта же гарантия считалась слишком сильной, угрожающей традиционным принципам Монроэ и способной запутать Америку тяжелыми обязательствами. Президента удивляла и сильно тревожила та резкая критика, которой подвергалась статья о гарантиях. С другой стороны, если бы президент, приняв поправки Тафта и других, успокоил американскую оппозицию и упрочил за собой поддержку Америки, он тотчас же вызвал бы против себя оппозицию Франции и упреки в том, что ослабил реальную силу Лиги.

---

[1]) Шотландск. песня; начало строфы: «Во время оно» (прим. переводчика).

Если бы президент пренебрег оппозицией, поднявшейся в Соединенных Штатах, отказался бы внести предлагаемые поправки, то подстрекнул бы критику для новых нападков, прослыл бы диктатором, не желающим прислушиваться к голосам других политических деятелей и к общественному мнению.

И если бы он после всего этого вернулся домой с мирным договором, вспыхнула бы борьба, которая поглотила бы всю его программу.

Что же было делать? Оба пути были опасны.

Не подлежит ни малейшему сомнению, что вначале президент хотел встретить все затруднения лицом к лицу и отстоять, не взирая на оппозицию, поднявшуюся в Париже, положение о Лиге Наций в целом. Он опасался, что удовлетворение требований Америки откроет шлюзы для целого потока новых притязаний со стороны союзников. И тогда он будет вынужден пойти на уступки, которые погубят всю его программу. Президент сознавал, что как бы он ни поступил — оппозиция Сената все равно отнесется критически к его решениям, так как ей необходимо было использовать всякий повод для усиления своей партии; в действительности так и случилось.

„Что бы я ни сделал", сказал он своему приятелю на „Георге Вашингтоне", „все равно они не прекратят своих нападок".

Несмотря на такой вывод, президент все же видел яркий луч надежды. Он видел его в дружеской готовности некоторых выдающихся политических деятелей, как, напр., Тафта, поддержать всю его программу международного сотрудничества; эти люди стояли выше мелочных партийных расчетов и руководствовались интересами целого. Тафт вместе с президентом Вильсоном выступил 4 марта в „Метрополитэн Опера" перед громадной аудиторией. Если бы президенту удалось удовлетворить таких людей и еще больше сблизиться с влиятельными или политическими деятелями из рядов своей партии, напр., с сенатором Гитчкоком (Hitchkock), то, следуя их советам, он смог бы обуздать

непокорную группу сената, привлечь на свою сторону общественное мнение и заручиться столь необходимой ему поддержкой Америки. Конечно, это вызвало бы страшное возмущение во Франции, но с этими протестами он справился бы, если бы только Америка стояла за него.

Поэтому Вильсон решился на второй путь: на пересмотр положения о Лиге Наций в угоду американской оппозиции. Францию он предполагал вознаградить за ослабление гарантии чем-нибудь другим. Как только Вильсон вернулся во Францию, ему неожиданно представилась возможность осуществить это решение. Британцы выработали план нового соглашения с Америкой в целях защиты Франции от внешнего нападения. С точки зрения президента этот план имел и свои отрицательные стороны: он знал, что подобное соглашение будет признано сепаратной англо-американской конвенцией и что подобный проект будет трудно провести в Сенате. А между тем такое соглашение открывало возможность мирного сотрудничества народов в будущем и исключало неизбежность насильственного мира. Проектируемую конвенцию предполагалось заключить на короткий срок, на переходное время, до того момента, как Лига Наций станет регулярно отправлять свои обязанности. Но прежде всего этот план являлся вполне удовлетворительной компенсацией для Франции, в случае, если в угоду американской оппозиции придется внести изменение в пункт о гарантиях.

Покончив в душе с этим вопросом, выяснив, таким образом, на какой из двух одинаково опасных путей следует ступить, он стал действовать в строгом сознании поставленной себе цели: проект Тафта лег в основу тех изменений, которые он решил внести в положение о Лиге Наций.

Через неделю после его возвращения в Париж, 22-го марта, собралась комиссия, чтобы заняться пересмотром положения о Лиге Наций. Свыше пяти вечеров продолжались совещания — это были длинные, томительные заседания; некоторые из них затягивались далеко за полночь.

Здесь впервые надломились силы президента, но 11 апреля проект был уже пересмотрен и окончательно средактирован. Все случилось так, как предполагал президент. Попытка американцев добиться пересмотра пункта о гарантии — распахнула двери и окна старым претензиям, которые сейчас стали еще настойчивее. Так как президент и по возвращении в Париж настаивал, чтобы Лига Наций была нераздельной составной частью мирного договора, то французы еще с большей страстностью стали отстаивать организацию Лиги в желательном для них духе. Но президент осуществил свою идею. Тогда началась борьба с остальными представителями „Великой четверки“, начался так наз. „темный период“ Мирной Конференции. Вокруг президента выростали все новые и новые затруднения: он не мог уже с прежней уверенностью рассчитывать на поддержку Америки.

Когда президент вернулся в Париж, он знал, конечно, какие дополнения и изменения особенно необходимо внести в положение о Лиге, чтобы удовлетворить оппозицию Америки. В общих чертах желательные изменения были предложены в письме от 4 марта сенатором Гитчкоком, человеком, преданным президенту.

Гитчкок требовал 3 существенных изменений и 4 менее важных; но все его поправки относились к статье о гарантиях и сводились к их ослаблению. Они должны были ограничить участие могущественной Америки в Лиге Наций. Они должны были установить:

1. Категорическое признание доктрины Монроэ.

2. Условия выступления Америки из Лиги.

3. Категорическое исключение внутреннего вопроса (как таможенные пошлины, иммиграция и т. п.) из сферы международной юрисдикции во всех спорных случаях.

4. Принятие мандата в зависимости от согласия избранного мандатария.

Этот пункт занимает последнее место в проекте Гитчкока, а Тафт его вообще не выставляет. Смысл последнего пункта заключался в том, чтобы предоставить

Америке возможность не принимать мандата, если бы она не пожелала возложить на себя ответственность мандатария.

Указанные изменения содержало не только письмо Гитчкока, взятое президентом с собой во Францию; он получил соответственные телеграммы от экспрезидента Тафта (18 и 21 марта), от Лоуэлля, президента Гарвардского Университета (21 марта), восторженных сторонников Лиги „To enforce Peace", а также от Э. Рута.

Каблограмма Тафта от 18 марта, — которая легла в основу уступок, сделанных Вильсоном в пользу доктрины Монроэ, настолько важна, что я привожу ее дословно:

Белый Дом, Вашингтон, 18 марта 1919 г.

Президенту Вильсону. Париж.

Нижеследующее от Вильяма Г. Тафта: „Если вернетесь с мирным договором, включающим и Лигу Наций, внесите ряд оговорок в пользу доктрины Монроэ. Определите срок действия Лиги Наций и разоружения; требуйте категорически единодушной, согласованной деятельности между исполнительным органом и собранием делегатов; добавьте к ст. XV положение, в силу коего споры, переданные из исполнительного комитета на рассмотрение собрания делегатов, в случае признания их касающимися исключительно внутренней политики, не подлежали бы третейскому разбирательству. Таким способом вы лишите оппозицию в Сенате почвы для нападок на Лигу. Дополнения к ст. XV заставят замолкнуть возражения, возникающие в связи с вопросом об японской иммиграции и таможенных тарифах, предусмотренных ст. XXI. Оговорка в пользу доктрины Монроэ могла бы гласить следующее:

„Всем американским штатам, каждому в отдельности или всем совокупно, независимо от того, состоят ли они членами Лиги или нет, предоставляется право защищать неприкосновенность американской территории и полити-

ческую независимость соответственной области. Равным образом за ними признается право протестовать в интересах соблюдения американского мира против передачи впредь территорий и американских суверенных прав какой-либо европейской или неамериканской державе и принимать меры к воспрепятствованию подобным актам".

Оговорки в пользу доктрины Монроэ по всей вероятности будет достаточно для проведения мирного договора; остальные статьи—вселяют в этом уверенность.

Вилльям Г. Тафт". Tumulty.

Какое сильное давление производилось с разных сторон на президента, ясно из следующей каблограммы. Она содержит обещание влиятельной республиканской партии „быстро ратифицировать договор" в случае, если будут включены соответственные поправки. Каблограмма гласит следующее:

Белый Дом, Вашингтон, 13 апреля 1919 г.

Президенту Вильсону, Париж.

„Нижеследующее препровождается вам по просьбе м-ра Тафта: Друзья Лиги Наций серьезно встревожены слухами относительно отказа включить поправки, категорическим образом защищающие принципы Монроэ. На пленарном заседании Исполнительного Комитета Лиги „To enforce Peace", при участии 30 членов из 18 различных штатов, было единодушно высказано мнение, что без подобной поправки сенаторы-республиканцы несомненно не ратифицируют мирного договора, так как общественное мнение будет за них. С такой поправкой мир будет безотлагательно ратифицирован".

Вилльям Г. Тафт (А. Лауренс Лоуэлль). Tumulty.

Из этих документов ясно, какое важное значение придавали доктрине Монроэ для завоевания общественного мнения Америки. Президент с самого начала признавал

за ней большое значение. Он отнюдь не был намерен отвергать основной принцип доктрины; наоборот, он хотел расширить его применение и распространить его авторитет за пределы Америки. По этим причинам он вероятно и не предусмотрел тех затруднений, которые должны были ждать его на родине, и не придал должного значения специфическим принципам этой доктрины, когда разрабатывал конституцию Лиги Наций.

Нам уже известно, что вся мирная програма Вильсона и весь его план восстановления мира были построены на традиционных принципах американской политики и на ее историческом опыте, которые ему хотелось распространить на всю совокупность международных отношений. Он считал доктрину Монроэ одной из основных опор американской политики, и вся его програма, направленная на установление „нового порядка“, может быть признана не чем иным, как обобщением положительного содержания доктрины Монроэ.

Не следует забывать, что доктрина Монроэ содержит два принципа: первый из них, положительный, обращается против европейской интервенции в делах Америки; второй, отрицательный—против американской интервенции в европейские дела.

Последнее положение постоянно приписывают и Вашингтону, который в своей програмной речи завещал „остерегаться опутывающих союзов“; но оно находится также и в послании Монроэ; при безусловном применении этой доктрины или при отвержении ее нельзя, конечно, игнорировать это требование. Оба эти принципа уже целое столетие составляют болверк американской изоляции. Сознание нашей национальной безопасности покоилось на этой изолированности Америки. Поэтому вполне естественно, что попытка даже слегка пошевелить доктрину Монроэ или практически обобщить ее, вызвала страхи и опасения в Америке.

Основной положительный принцип доктрины Монроэ, в силу которого Соединенные Штаты принимали на себя

защиту более слабых республик Южной и Средней Америк, принцип, в силу которого сильный отвечал за благополучие слабого,—проникал всю программу президента. Эта идея была для него основным моральным императивом. Только этот принцип мог охранить великие, могущественные нации от силков и ловушек империализма.

Поэтому президент и хотел осуществить этот принцип, как общеобязательный. Он был убежденным сторонником замышлявшейся в 1916 г. Панамериканской Унии, которая должна была спаять воедино все штаты западного полушария. В качестве основы для такого единения он предложил общую гарантию „территориальной неприкосновенности и политической независимости“ (будущая ст. X Лиги Наций). Для осуществления этой гарантии предполагалось создание центра, постоянной организации для мирного разрешения всех споров Северной и Южной Америки.

Ничего не было проще и ближе по духу президенту, как перенести центральную идею доктрины Монроэ со всеми ее гарантиями на всемирный союз.

22 января 1917 г. президент заявил Сенату:

„Мое предложение до известной степени звучит как требование, чтобы все народы единогласно признали доктрину президента Монроэ—доктриной всего мира“.

Отсюда ясно, что у президента не было намерения, как утверждали его враги, „уничтожить доктрину Монроэ“: наоборот, он хотел ее развить и расширить. Но если все нации об'единятся—будут пользоваться взаимными гарантиями и взаимной защитой, то должна потерять всякое значение отрицательная часть доктрины Монроэ об интервенции Америки в дела Европы. Тогда Америка выходит из состояния изоляции и занимает свое место в жизни всего мира, осуществляя великий принцип доктрины Монроэ в интернациональном масштабе. „Мы вчитываемся в бессмертное предостережение Вашингтона против запутывающих союзов, как и раньше, с полным созна-

нием, и на его требование отвечаем согласием", заявил он в своей речи от 27 сентября 1918 г. „Но только сепаратные, ограниченные союзы могут запутать, а мы... надеемся на всеобщий союз, который запутать не может".

В другом месте он назвал Лигу Наций „союзом, разрешающим все путы".

Доктрина Монроэ устанавливает принципы, методы, а не цели. Если эти цели осуществляет так же скоро и еще основательнее Лига Наций, то можно спокойно утверждать, что новое практическое применение этого учения означает лишь применение и толкование, а не упразднение классических американских принципов.

Президент Вильсон поэтому не усматривал существования противоречия между гарантиями, установленными статьей X, и основными целями доктрины Монроэ. Он подтверждал в присутствии своих друзей на „Георге Вашингтоне", что особое подчеркивание доктрины Монроэ было бы простой тавтологией.

Тафт прекрасно понял положение вещей. В телеграмме от 16 марта, пересланной статс-секретарем Tumulty, мы находим следующие замечательные слова:

„Он (Тафт) сказал, что указанные предложения (поправки к положению о Лиге Наций) не имеют ввиду изменения структуры Лиги, ее правомочий или ее сущности; они должны разрешить сомнения особенно ригористичных американцев, сочувствующих идее Лиги Наций, но встревоженных ее фразеологией: их тревогу и произвольные выводы можно было бы устранить без существенного изменения общего принципа".

Хотя Вильсон, как и Тафт, прекрасно сознавал, что Лига Наций не могла дать повода для каких-либо тревог со стороны американцев, что всякая попытка пересмотра договора в целях включения в него гарантий в духе доктрины Монроэ вызовет в Париже величайшие затруднения и поколеблет авторитет Америки на конференции (эти опасения впоследствии оправдались)—тем не менее политическая ситуация принуждала его к такому шагу.

Вильсон разработал поправки по трем важнейшим пунктам 22 марта; они касались: 1. Доктрины Монроэ, 2. Выхода из Лиги Наций, 3. Вопросов внутренней политики.

Первая поправка относилась к ст. X. Она гласила:

„В предстоящем положении о Лиге Наций ничто не должно быть истолковано в смысле умаления или отрицания прав каких бы то ни было американских штатов, каждого в отдельности или всех вместе, на защиту неприкосновенности американской территории или независимости американского государственного строя, безразлично, состоит ли соответственный штат членом Лиги или нет. То же самое относится и к праву американских штатов, в интересах американского мира, протестовать против передачи впредь американских территорий или американских суверенных прав какой-либо державе вне западного полушария, а также на воспрепятствование подобным мерам.

История происхождения этой поправки чрезвычайно характерна. Президент взял копию вышеприведенной телеграммы Тафта и внес карандашом свои изменения.

Вторая поправка, к ст. XV, которой исключались из юрисдикции вопросы внутренней политики, была заимствована из телеграммы Тафта от 21 марта. Происхождение третьей поправки, о праве выхода Америки из союза, не настолько ясно. Перед Вильсоном находились два проекта, которые разнились между собой только статьей о сроке: проект Тафта от 21 марта разрешал выход не ранее 1929 г., при обязанности предупредить о своем желании выступить из Лиги за два года до фактического выхода. Другой проект, президента Гарвардского Университета Лоуэлля, предусматривал право выхода через десять лет при условии предупреждения о выступлении за два месяца.

Период в десять лет, как предусмотренный обоими проектами, был сохранен, а срок предупреждения установлен годичный. Редакция этого пункта соответствовала в главнейшем проекту Лоуэлля.

Проект этих поправок был передан полковником Гаусом через комиссию на заключение англичан. Последние согласились с обеими последними поправками охотно, но возражали против пункта о доктрине Монроэ. Они составили даже контр-проект, в котором доктрина Монроэ упоминалась прямо, но без определения ее содержания, причем она в то же время ставилась в зависимость от целого ряда других условий.

Почему британцы предпочли такую форму другим, непонятно. С их точки зрения не могло бы быть никаких возражений против американского предложения; тем не менее они предпочли оставить сущность доктрины без определения. Когда 10 апреля французы настаивали на дефиниции доктрины, Сесиль ответил [1]: „Лучше пусть останется без дефиниции... так как всякая попытка дефинировать либо расширит, либо ограничит сферу ее действия".

Вторая и третья американские поправки, а также и четвертая, которая допускала принятие колониального мандата только с свободного согласия народа-мандатария— были приняты без больших прений. Главные удары были направлены против доктрины Монроэ и против поправки, внесенной президентом в комиссию 10 апреля. Дебаты по этим вопросам заняли два последние заседания Комиссии почти исключительно. Президент произнес длинную речь, которая не была записана; но все, слышавшие эту речь, признавали ее выдающимся явлением. Исходя из доктрины Монроэ, он изложил свой взгляд на „новый порядок"; громко заявил о необходимости нового образа мыслей и новой роли Америки в международных взаимоотношениях.

В данном соглашении между народами меньшее значение имеет буква договора; здесь важна добрая воля, искреннее желание сотрудничать и дух, которым должны быть проникнуты отношения между великими нациями. Сейчас необходимо удовлетворить мировые народы, амери-

---

[1]) Проток. засед. Комиссии о Лиге Наций, стр. 94.

канский и французский. Как только возникнет Лига Наций—можно будет приступить к заключению международных договоров на новой основе, на основе справедливости и длительного мира.

Но страхи французов, их требование гарантировать безопасность страны—представили новое непреодолимое препятствие для президента. С самого начала Франция только по принуждению приняла ст. X, так как считала предусмотренную ею гарантию недостаточной. Поправки президента Франция считала вначале еще большим ослаблением своей безопасности; вследствие этих поправок гарантии становились менее ясными и более неопределенными; оба французских делегата—Буржуа и Ларнод—упорно штурмовали предложение президента, который понимал, что конфликт из-за гарантии будет иметь решающее значение. Статья X была действительно „душой“ всего союза, всей Лиги. Лорд Сесиль заявил в комиссии, что тревоги французских делегатов вызваны тем обстоятельством, что поправки Америки внесены в дополнение к ст. X, которая имеет для Франции самое большое значение.

„Они боятся“, сказал он, „что поправки смогут ослабить защиту, предоставленную Франции ст. X“.

Президент доказывал, что поправка выражает более подробно то, что „содержит уже implicite“ Лига Наций. То же самое раз'яснял Тафт (в передаче Tumulty) в своей каблограмме от 16 марта. Заявление Вильсона поддержал и лорд Роберт Сесиль.

„Поправка внесена только для того, чтобы рассеять сомнения и недоразумения (Америки). Сущность доктрины нисколько не пострадала (от участия Америки в Лиге). Доктрина Монроэ не содержит в себе ничего, что стояло бы в противоречии с идеей Лиги Наций, поэтому и Лига Наций в свою очередь не включает в себе ничего, что могло бы поколебать доктрину Монроэ, как принцип международных отношений“.

Но достаточно было слов „доктрина Монроэ“, чтобы они стали поводом для всякого рода запросов и сомнений.

Французы полагали: „Раз эта доктрина не стоит в противоречии с принципами Лиги Наций, зачем ссылаться на нее“. Они требовали также „точного определения доктрины Монроэ“!.. Они спрашивали: „Означает ли поправка президента Вильсона утверждение, санкцию этой политики или ее изменение?“

Немедленно же стали предметом споров оба принципа доктрины Монроэ. В какой мере поправка президента выдвигала позитивную сторону доктрины, запрещая европейским правительствам вмешиваться в дела Америки? Этот вопрос осенил делегата Бразилии м-ра Рейса. С другой стороны, какое значение придавал президент негативному принципу доктрины: невмешательству Америки в европейские дела? Этот принцип противоречил желаниям французов, ибо они хотели, чтобы Америка, вступив в Лигу, приняла на себя обязательство придти им на помощь в случае нападения.

Хотя президент Вильсон был того мнения, что Лига Наций, обобщив доктрину Монроэ, еще больше укрепила ее, тем не менее ему приходилось отбиваться от целого ряда вопросов и сомнений.

Рассмотрим сперва позитивную сторону доктрины. Вильсон пытался внести успокоение ясным и откровенным изложением своего понимания Лиги Наций.

„М-р Рейс спросил, исключает ли доктрина Монроэ „акцию“ Лиги Наций по делам Америки?

Президент Вильсон ответил отрицательно. Положение о Лиге Наций определяет, что члены Лиги Наций должны защищать политическую и территориальную неприкосновенность каждого государства—сочлена. Лига Наций, следовательно, есть величайший вклад в доктрину Монроэ. Он понимает доктрину Монроэ, как мировую доктрину... Американские коллеги спрашивали его, упраздняет ли Лига Наций доктрину Монроэ. Он ответил, что, наоборот, Лига Наций означает укрепление и расширение этой доктрины [1]).

[1]) Проток. засед. Комиссии о Лиге Наций, стр. 94.

Президент Вильсон выразил также свое согласие с заявлением Сесиля от 11 апреля:

Лорд Сесиль высказал мнение, что доктрина Монроэ отнюдь не запрещает европейским державам направлять свои войска в Америку для защиты прав угнетенных. Единственная цель доктрины Монроэ заключается в том, чтобы воспрепятствовать европейским державам приобретать на американском континенте какое-либо длительное влияние и территориальные или политические суверенные права.

Однако, европейские государственные деятели, в особенности французы, не интересовались позитивной стороной доктрины. У них не было намерения вмешиваться в дела Америки. Их волновала, и притом глубоко волновала, другая сторона учения Монроэ. Это волнение отразилось в следующих речах:

„Г. Ларнод считал бы чрезвычайно печальным, если бы доктрина Монроэ толковалась в том смысле, что Америка не должна принимать участие в разрешении европейских вопросов, поставленных на рассмотрение Лиги Наций“.

Президент Вильсон снова заверил г. Ларнода в том, что если Соединенные Штаты подпишут настоящее положение о Лиге, они тем самым торжественно обяжутся перед Европой спешить ей на помощь, в случае, если бы территориальной неприкосновенности какого-либо европейского государства грозило внешнее нападение“.

Но этим конечно не сказано, что Америка окажет помощь в каждом случае, не испросив согласия Конгресса.

Ларнод, однако, хотел поставить все точки на і. Он требовал, чтобы Соединенные Штаты „были законом обязаны“ принимать участие в разрешении всякого недоразумения.

Сесиль старался успокоить тревоги французов по поводу того, „что поправки президента ограничат защиту, предусмотренную статьей X“, внеся предложение, чтобы поправка была отнесена к ст. XX, говорящей вообще о

договорах и обязательствах (в конце концов поправка составила статью XXI).

Тогда Ларнод стал настаивать на таком определении доктрины, из которого явствовало бы, что невмешательство ею непредусмотрено. „Он желал бы возложить на Америку обязательство принимать участие в европейских делах“

Когда же Вильсон, желая устыдить Ларнода, спросил его, сомневается ли он в готовности Америки придти Европе на помощь в случае, если бы свободе угрожала опасность, моментально же выяснилась подоплека французской неустойчивости: французы предвидели неизбежность в будущем экономических войн и хотели обеспечить себе поддержку Америки и на этом поле битв.

„Грядущие войны“, сказал Ларнод, „быть может, не будут войнами за свободу. Возможно, что их вызовут экономические причины. Вопрос заключается в том, придет ли Америка на помощь Франции, если ей придется вести экономическую войну с государством, которое, случайно, окажется столько же либеральным, как сама Франция“.

Это был неприятный, щекотливый вопрос. Вильсон не потребовал от Ларнода дальнейших об'яснений, но спросил его, почему Франция так недоверчиво относится к Соединенным Штатам: „не хочет ли он (Ларнод) воспрепятствовать Америке подписать договор“.

Этот вопрос для данного заседания имел решающее значение (10 апреля). Но французы никогда не отказывались от своих требований; и действительно, на следующее, последнее заседание комиссии Ларнод явился с новой поправкой к поправке Вильсона,—которая сводилась к примечанию, что „соглашения допускаются лишь под тем условием, чтобы они не препятствовали подписавшимся под настоящим положением государствам выполнять взятые ими на себя обязательства“.

Президенту Вильсону не оставалось ничего иного, как снова успокаивать французов. Он заметил: „В Америке не боятся, что доктрина Монроэ противоречит обязатель-

ствам, предусмотренным положением (о Лиге Наций). Там опасаются, что положение о Лиге до известной степени умаляет применение этой доктрины. Если бы доктрина Монроэ противоречила в некоторых отношениях договору о союзе народов, то последний имел бы известные преимущества перед ней, не только потому что он моложе этой доктрины, но и потому, что он содержит целый ряд международных обязательств".

Прения грозили полным разрывом. Уже прошла полночь, но французы не уступали. Несмотря на все заверения, они продолжали настаивать, что американская поправка означает ослабление гарантий, предусмотренных ст. X. Между тем Вильсон путем личных переговоров с Клемансо достиг в общих чертах соглашения относительно французских требований. Он сделал Франции достаточно других уступок, и потому мог склонить Клемансо на принятие положени о Лиге в той редакции, какой хотели американцы. Он чувствовал, что позиция его крепка, и потому резко оборвал прения заявлением, что французская поправка отклонена.

Таким образом добавления, внесенные американцами, оказались принятыми. Тем не менее положение, в котором оказался президент, было тяжелее, чем раньше. Французы, чрезвычайно недовольные гарантиями, направили все свои усилия на то, чтобы иным путем, вне Лиги Наций, обеспечить свою безопасность. С другой стороны поправки, внесенные Вильсоном для успокоения американской оппозиции, не достигли своей цели. Президент оказывался в невозможном положении. Желая успокоить американскую оппозицию, он беспокоил французов; удовлетворяя французов, он раздражал американскую оппозицию.

Если бы Вильсон до конца твердо держался своего первоначального взгляда на Лигу Наций, исходя из того, что негативный принцип доктрины Монроэ устарел, а положительный растворился в широком, охватывающем его понятии международной гарантии,—он не встретил бы в Америке большей оппозиции, чем в данном случае; но по-

ложение было бы ясное и определенное, оппозиция, по-крайней мере в Америке, возражала бы против ясного и понятного для каждого положения. И только таким образом можно было вести борьбу за новый порядок.

Наряду с возражениями против самой доктрины Монроэ, поднялись протесты и против возможности распространения ее и на другие государственные единицы.

Китайский делегат Веллингтон Коо очень скоро понял, что японцы могли бы провозгласить такую же доктрину Монроэ для азиатского континента. После целого ряда дебатов он добился, что положение ст. XX о недействительности обязательств, противоречащих положению о Лиге Наций, было соответственным образом дополнено.

Что же такое доктрина Монроэ? Она скорее политический принцип; в какой мере его применять и следовать ему—решает наша воля. В зависимости от толкования, он может быть согласным с принципами Лиги Наций, и может противоречить им. Одним словом, решительная борьба за новый принцип должна произойти в Америке. Америке придется решать, какими правами, какими обязанностями, какой ответственностью она должна быть наделена, как сильнейшая в мире держава: должна ли она обеспечить свою изолированность черствой, эгоистической доктриной; должна ли руководствоваться принципом личной безопасности, или же воспринять великодушный принцип мировой солидарности, за который боролся Вильсон. Правда, таким решением Америка возложит на себя бремя новой ответственности, примет обязательство служения народам, но за то она же станет вождем народов и обеспечит себе большие права. Если образ нового мира, который Вильсон хотел осуществить в Париже, если образ великого государства—слуги всего мира—был втоптан в пыль и грязь, во время жарких схваток на Мирной Конференции—этот образ, тем не менее, бессмертен. Несмотря на все компромиссы, к которым склонили президента условия момента, вход в новый мир открыт. И в этом все-таки заслуга Вильсона.

В пленарном заседании Мирной Конференции 28 апреля— положение о Лиге Наций было окончательно и единогласно, без всяких изменений, принято и провозглашено, по воле президента, „нераздельной составной частью мирного договора“.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Американская программа разоружения. — Резолюция Ллойд-Джорджа. — Вильсон требует всеобщего разоружения, — а не только разоружения Германии.

Если бы можно было, основываясь на частных записях и секретных протоколах, дать откровенную картину того, что говорилось и делалось на Парижской Конференции, перед нами был бы совершенно неоценимый эмпирический материал, как для современных, так и для будущих дискуссий по вопросам разоружения. Франция попрежнему ведет борьбу за те же цели, за какие она боролась на Мирной Конференции: ибо Франция есть Франция, и поведение ее властно определяется ее же национальными интересами и опасениями. То же самое относится и к Британской империи, и к Японии, и к Италии; то же самое относится и ко всем политическим деятелям, кто бы они были, которые защищают цели и интересы определенной нации. Все важные вопросы, связанные с организацией военной силы и с вооружением армий, как-то воинская повинность, численный состав армий и флота, принцип ограничения вооружений, проблема передвижения и блокады, проблема применения новых боевых средств, воздушного флота, беспроволочного телеграфа, ядовитых газов, подводных лодок, —все это обсуждалось на конференции и вширь, и вглубь. Мы в точности знаем не только то, что́ говорил каждый из „великой пятерки“, но и то,

что он под давлением обстоятельств вынужден был сделать, и, пожалуй, это важнее первого. Этот материал с чрезвычайной ясностью вскрывает, какие трудности, какие опасности, какие возможности и непреодолимые препятствия встают при решении этих проблем.

Если мировая война повлекла за собою столкновение величайших материальных сил, то последовавшая за нею мирная конференция вызвала могучее столкновение величайших идей.

Ни одной идее, проникшей через боевую линию Парижской Конференции, не пришлось выдержать столько битв, столько яростных атак, преодолеть столько затруднений и понести столько потерь, как идее разоружения. И, тем не менее, она кое-как отстояла себя.

Идея всеобщего разоружения была тесно связана с теми принципами и взглядами, которые американцы привезли с собой в Париж. Глава американской республики, президент Вильсон, провозгласил ее, как формальную основу предстоящего мира. Разоружение значилось четвертым пунктом его программы; при заключении перемирия, разоружение было „принципиально“, как выражаются дипломаты, признано всеми воюющими державами, друзьями и недругами. Теперь оставалось только продвинуть его вперед и отвоевать определенную позицию. Никто не понимал еще в то время, какая борьба предстояла впереди.

Сама по себе мысль удержать людей от битв отнятием от них боевых возможностей—чрезвычайно стара, так же стара, пожалуй, как каменный век. Эта мысль была мечтой пророков: Исаия хотел перековать мечи в орала—и она же становилась боевым лозунгом политических вождей современности.

Накануне мировой войны британские министры хотели заключить с Германией соглашение о прекращении вооружений на море, в чем беспрестанно конкурировали между собою обе державы. Разоружение являлось идеальным

требованием Гаагской Конференции. Но как бы то ни было, эта идея оставалась лишь благочестивой мечтой.

Когда президент, считая установление мира священной обязанностью Америки, стал заниматься проблемой умиротворения, он тотчас же понял, что ограничение вооружений должно сделаться одной из основ справедливого мирного договора. Только в апреле 1917 г. Америка вмешалась в войну, но еще за три месяца перед этим, 22 января президент, обращаясь к Сенату, провозгласил эту идею „основным принципом длительного мира". Вот что сказал президент: „...Проблема ограничения вооружений на море расширяется немедленно же в более важную и, может, быть еще более трудную проблему ограничения вооружений на суше... Народы никогда не проникнутся чувством своей безопасности и сознанием своего равенства, если будут конкурировать друг с другом в деле вооружения, создания могучих флотов и армий. Государственные деятели всех стран должны насаждать мир, и народы должны приспособлять и подгонять свою политику к идее мира, а не замышлять, как было до сих пор, войны, не подготовлять себя к завоеваниям и беспощадной борьбе. Вопрос о разоружении и на суше, и на море—самый настоятельный, самый важный практический вопрос, определяющий будущую судьбу народов и всего человечества".

Когда годом позже, в январе 1918 г., уже после долгих размышлений и ряда дискуссий, президент выработал основные принципы будущего мира, он четвертым пунктом своих четырнадцати положений установил следующую норму:

„Дается и принимается адэкватная гарантия ограничения национального вооружения до минимального предела, необходимого для охраны внутренней безопасности".

Это и был тот пункт, вокруг которого в Париже разыгралась ожесточенная борьба. Поэтому чрезвычайно важно выяснить точный смысл этого положения.

Большинство сторонников идеи разоружения до сих

пор осторожно избегали устанавливать всемирный стандард (предел) разоружения. Они ограничивались предложением разоружить определенное число боевых судов и воспретить под страхом наказания применение новейших орудий и боевых средств. Ведь и смелым лучникам и оруженосцам прошлых веков применение пороха казалось нарушением законов войны. Президент Вильсон осмелился, однако, подойти вплотную к обеим основным проблемам разоружения (п. IV)

1. Какие цели должны преследовать в действительности вооруженные силы нации? Каким должен быть реальный „стандард“ вооружения?

2. Каким путем может быть обеспечен мир и безопасность народов, если народы откажутся от идеи вооруженной силы?

Пункт IV Вильсона содержит две принципиальных нормы:

1. „Ограничение вооружений минимальным пределом, необходимым для охраны внутренней безопасности“.

Внутренняя безопасность является в данном случае критерием; на это выражение обрушились все удары критики, так как оно было истолковано в том смысле, что президент Вильсон намерен присвоить армии и флоту роль полицейской силы национального и международного масштаба. От такой мысли они содрогались, т. к. считали, что осуществление ее нанесет удар их безопасности; и в действительности, если бы не второй принцип п. IV, такой план был бы химерой. А второй пункт гласил следующее:

2. „Адэкватные гарантии даются и принимаются“ в том, что этот минимальный предел (standard) будет применен на всем свете. Одним словом, народы должны образовать между собою новую кооперацию, в которой они должны быть „адэкватны“; эта кооперация должна быть настолько сильной, чтобы вооружение могло быть доведено до предела, необходимого для охраны национальной или интернациональной безопасности. Вся Лига Наций

заключается „implicite“ в этом положении. Ибо если имеется союз народов, достаточно сильный, чтобы обеспечить международный мир, к чему тогда национальная вооруженная сила, как не для охраны внутреннего порядка в государстве?

Президент Вильсон почерпнул содержание для п. IV, как всегда, из принципов и традиций, свойственных Америке. Америка слила в союз сорок восемь штатов. Каждый штат удовлетворялся одной лишь милицией, необходимой для поддержания внутреннего порядка, ибо безопасность каждого штата обеспечивалась всем союзом. Этот американский принцип Вильсон распространил на весь мир.

Еще в своей второй декларации (5 марта 1917 г.), накануне вступления Америки в войну, он заявил:

„Чем тверже мы будем держаться за принципы, на которых мы воспитались, чем преданнее будем им... тем лучшими американцами мы будем... Издавна мы вооружены сознанием, что эти принципы—принципы всего свободного человечества. За эти идеи мы будем бороться и в дни мира, и во время войны... Наше вооружение должно быть ограничено до предела, необходимого для охраны национального порядка и внутренней безопасности“.

Идея ограничения вооружений была предусмотрена президентом еще при разработке проекта Лиги Наций (гл. XIII). Вильсон заимствовал соответственную статью проекта у полковника Гауса, но переработал ее и дополнил его термин „безопасность“ — эпитетом „внутренней“ безопасности. Вместе с тем, он в том же проекте разрешал располагать „вооруженной силой“ для принуждения к выполнению международных обязательств. Окончательный текст ст. IV (печатного проекта Лиги Наций) гласил следующее:

„Договорившиеся между собой державы признают, что для восстановления и сохранения мира требуется ограничение национальных вооружений, и притом до минимального предела, который необходим для охраны внутренней безопасности государства и для принуждения к выполне-

нию международных обязательств путем общего воздействия. Поэтому делегатам предлагается приступить немедленно к разработке соответственных планов разоружения. Составленные, таким образом, планы приобретают силу обязательств, лишь только договорившиеся между собою державы единогласно примут положение о Лиге Наций.

„В качестве основы ограничения вооружений договорившиеся державы, подписавшие мирный договор, часть коего составляет настоящее положение о Лиге Наций, выражают согласие отменить воинскую повинность и все прочие виды принудительной военной службы, и впредь иметь лишь отряды милиции и добровольцев, необходимые для самозащиты и международного воздействия, причем численный состав их и вооружение должны быть установлены в зависимости от заключения экспертов и в соответствии с соглашениями относительно ограничения вооружений, упомянутых в предыдущем параграфе.

„Комиссия из делегатов должна, кроме того, установить, какие нормы вооруженных сил и вооружения должны быть определены для отдельных государств с соблюдением адэкватности и в связи со скалами вооружения, указанными в програме; означенные нормы должны быть представлены их правительствам для руководства.

„Договорившиеся державы выражают также согласие на то, чтобы впредь военные снаряды и орудия не изготовлялись частными предпринимателями и для извлечения ими выгоды, а также, чтобы в делах вооружения, организации военных и морских сил господствовала полная гласность“.

Так как в этом параграфе заключалась вся американская программа разоружения и так как содержание его стало центральным об‘ектом длинных и томительных дебатов и в Совете Десяти, и в Совете Четырех, а также в комиссии о Лиге Наций, то необходимо выяснить истинный смысл установленных в нем принципов. Он содержит в себе шесть положений:

1. Весь аппарат военных сил должен служить двоякой цели: а) охранять „внутреннюю безопасность“ народов и б) в случае надобности поддерживать вооруженной силой международный порядок, если какой-либо член международной семьи уклонится от соблюдения законов и решений всемирной организации.

2. В данный момент на Мирной Конференции невозможно достижение чего-либо определенно-конкретного, поэтому сейчас необходимо установить принципы, которые позже, после заключения мира, послужат основанием для разразботки конкретного плана иной инстанцией—органом Лиги Наций.

3. Разоружение должно повлечь за собою полное упразднение воинской повинности (против которой питают глубокое отвращение все англо-саксы).

4. Изготовление боевых снарядов и оружия частными предпринимателями для повышения личных выгод должно быть запрещено.

5. Полнейшая гласность в деле организации военных и морских сил должна предотвратить возможность нарушения установленных стандардов (норм) вооружения.

6. Между „державами, подписавшими договор о союзе наций“, должна господствовать полная солидарность.

Надо заметить, что тот самый идеал ограничения вооружений, который оказался неосуществимым, когда его предлагал президент, был осуществлен почти целиком парижскими комиссарами по отношению к Германии.

Вооруженные силы Германии были сокращены до минимума, необходимого для охраны „внутренней безопасности“; притом были сделаны указания, что против внешнего нападения Лига Наций предоставляет „адэкватные гарантии“.

Мы увидим дальше, что произошло, когда союзные нации попробовали применить эти принципы к себе. Во всяком случае они пощадили своего врага больше, чем самих себя, освободив его от тягот и издержек беспрерывного вооружения.

Убежденным сторонником первоначальной идеи Вильсона о разоружении был военный эксперт американской комиссии, генерал Т. Г. Блисс. Как член Верховного Военного совета, он настаивал на разоружении Германии до предела, необходимого для „охраны порядка". Но, требуя самого решительного разоружения, он, как и президент Вильсон, связывал осуществление его с предоставлением гарантий против внешнего нападения. Он хорошо понимал, что одно без другого будет непрочно. В переходное время, до успокоения Европы, державы должны были гарантировать нейтральность Германии, как последняя гарантировала нейтральность Бельгии [1]). Впоследствии, когда Германия вступит в Лигу Наций, ее внешняя безопасность будет охраняться взаимной гарантией всех наций.

Я припоминаю сейчас изумление одного француза, который как-то заметил мне: как странно, что такой крупный военный деятель, как генерал Блисс, является в то же время убежденным сторонником идеи разоружения. Но генерал Блисс был прежде всего американцем, а потом уже солдатом. Блисс был в Париже самым принципиальным человеком, и президент следовал его советам не только по военным, но также и по другим вопросам. На конференции он представлял собою тип спокойного, молчаливого, честного солдата. Он крепко сложен, приземист, несколько сутуловат. Вначале природа порешила сделать из него волосатого человека, с густыми бровями, колючими усами, но позже она передумала и сделала его безволосым: у него поразительно гладкая лысина с небольшим венчиком волос на затылке и висках. Его глубоко сидящие глаза кажутся на первый взгляд сонными, но когда он воодушевляется, они ярко вспыхивают, становятся большими и ясными. Блисс чрезвычайно застенчив. Он ненавидит больше всего на свете публичность. Не стесняясь, он спрашивает лишь об одном: по-

---

[1]) Секр. Проток. Верховн. Воен. Сов. 10 марта.

чему не достаточно самой идеи, почему к ней нужно приклеить какой-нибудь ярлык, и притом еще ярлык с его именем! Всю свою жизнь он не переставая, учился. Когда несколько лет тому назад я встретился с Блиссом по пути в Панаму, он ежедневно занимался изучением примерных норм войскового довольствия. В Париже ни один делегат не посвящал столько времени на изучение проблем, подлежавших рассмотрению конференции, как он.

Не было более убежденного сторонника идеи разоружения и единения народов, чем этот старый солдат с четырьмя звездочками на погонах [1]). Это убеждение до такой степени проникало все его существо, что новая организация народов, твердо решивших разоружиться, казалась ему настолько же разумной, необходимой и практически осуществимой, насколько она людям старого уклада казалась недостижимой, смешной и недостойной. Но в спасительную силу союза народов, вооруженных с ног до головы, он ни минуты не верил.

И, действительно, возможно ли осуществление новых идей, „нового порядка" без коренного изменения психики? А мы еще так далеки от этого! Генерал Блисс понимал, что закончившаяся война может стать началом для новой Тридцатилетней войны (эту пророческую мысль он неоднократно высказывал), если проблема разоружения не будет безотлагательно и безболезненно разрешена.

Теперь мы переходим к деятельности мирной конференции: здесь подверглись тяжким испытаниям предложения Америки, принятые союзниками при заключении перемирия.

Впервые вопрос о разоружении был затронут 21 января, через девять дней после открытия конференции. Это произошло после заседания Совета Десяти, посвященного тем мерам, какие надлежало принять против России. Прения коснулись предложения Вильсона относительно немедленного осуществления Лиги Наций. Бри-

---

[1]) Высший военный чин америк. армии (Прим. перев.).

танский министр иностранных дел м-р Бальфур, который совместно с Ллойд-Джорджем представлял британскую делегацию в Совете Десяти, первый заговорил о разоружении. Он полагал, что раз образована комиссия для составления положения о Лиге Наций, было бы целесообразно создать вторую комиссию, которая занялась бы проблемой разоружения.

„Если Лига Наций должна быть осуществлена практически,—сказал он,—то необходимо, чтобы делегаты возможно скорее приняли решение относительно разоружения. Вообще было бы важно придти к соглашению относительно того, какое вооружение оставить Германии. Совершенно ясно, что Лига Наций окажется посмешищем для всех, если не будет приступлено к разоружению“ [1].

Уже при первом упоминании проблемы разоружения, как и на протяжении всей конференции, ярко выявилась ее двойственная природа. Она выдвигала 2 вопроса: 1) вопрос об **общем** разоружении всех народов, так или иначе связанных с Лигой Наций; этот вопрос больше всего интересовал **американцев**; и 2) вопрос о немедленном разоружении **Германии**, чем главным образом интересовались **союзники**.

Таким образом, перед державами стояли две диаметрально противоположные задачи: обсудить проблему своего собственного разоружения и проблему разоружения врага.

Я имел уже случай отметить чрезвычайную ловкость и юркость британского и французского иностранного ведомства, приобретенную долголетним опытом. У британцев и французов всегда был наготове определенный план; даже в тех случаях, когда идея принадлежала не им, как, например, в вопросе о разоружении, а американцам, резолюции нередко исходили от этих опытных дипломатов, благодаря чему последние, несомненно, приобретали известные преимущества перед нами. И, конечно, как

---

[1]) Секр. Проток. Совета десяти от 21 января.

опытные дипломатические дельцы, они знали цену этих заготовленных заранее резолюций. Наличность конкретного плана формирует взгляды всех присутствующих на совещании, а несогласных с ним ставит в положение критиков уже определенного предложения.

Два дня спустя, 23 января, когда Клемансо снова поднял вопрос о разоружении, у Ллойд-Джорджа был уже наготове проект целого ряда резолюций. Конечно в них на первый план выдвигалась проблема разоружения Германии. Резолюции сводились к следующему:

„Должна быть образована комиссия в составе двух делегатов от каждой из 5 великих держав и из пяти делегатов от всех остальных государств, представленных на конференции:

1. Для рассмотрения вопроса о немедленном и действительном сокращении боевых сил врага.

2. Для подготовки связанного с образованием Лиги Наций плана постепенного сокращения расходов на содержание армий и вооружение на суше, на море и в воздухе".

Ллойд-Джордж, внося резолюции, тотчас же разражался пламенными речами: так происходило на протяжении всей конференции, так случилось и теперь. Он обратил внимание на то, что проект его содержит два резко друг от друга отличающихся, но чрезвычайно важных положения. Несмотря на такое заявление, он все свое внимание тем не менее обратил только на первое положение, касавшееся разоружения Германии. В нижеследующем я привожу слова, заимствованные из секретных протоколов совещания:

„Решение этого вопроса—дело большой важности для Великобритании. Если боевые силы врага не будут немедленно сокращены, британское правительство, быть может, вынуждено будет сохранить у себя воинскую повинность. Он не смог бы сказать, какие это вызовет политические последствия... Поэтому он вынужден настаивать на том, чтобы первое положение его проекта было

обсуждено немедленно. Второе положение можно было бы отложить на некоторое время“.

Эта речь так же знаменательна, как и последовавшее за этим заявление Клемансо, который внес предложение немедленно пригласить на заседание маршала Фоша и совместно с ним обсудить способы разоружения Германии.

Намеченные здесь вопросы принадлежали к труднейшим проблемам Мирной Конференции. Они требовали немедленного безотлагательного решения. Союзникам хотелось привлечь к обсуждению этих вопросов своих генералов, чтобы протащить через совещание принудительный мир насилия, чего французы добивались с первого же дня конференции. Кроме того, здесь ярко сказалась боязнь руководителей европейской политики за те последствия, которые вызовут парижские решения во внутренней политической жизни их стран; особой чувствительностью в этом отношении отличался Ллойд-Джордж. Ллойд-Джордж всегда подумывал о том, „каковы будут политические последствия принятого решения“. Так легко ограничиться немедленным разрешением чисто практических вопросов и так легко принципиальные вопросы отложить „на будущее время“. И в таких поползновениях никого упрекнуть нельзя. Но это было неизбежно, вытекало из создавшегося положения. Никогда не следует забывать общей ситуации момента, иначе нельзя будет понять событий, разыгравшихся на Парижской Конференции. Могучая борьба двух принципов и программ характеризовала почти все дебаты и являлась поводом всех пережитых конференцией кризисов: на одной стороне были общие идеи и общие принципы прочного мира, отстаиваемые американцами; на другой—нужды, интересы, тревоги данного момента, которые противопоставлялись им всеми остальными союзными державами.

Во всех последующих разногласиях по поводу ограничения вооружений—обнаружится с печальной последовательностью тот же конфликт принципа с интересом. Нужен зоркий взгляд и неустанная отвага, чтобы в пыль-

ном хаосе случайных и частных интересов не потерять идеи об общем и неизменном счастии человечества.

Президент Вильсон сразу понял, что таилось за теми проектами, которые вносились на конференцию; он понял, что нужды и страхи союзников, напр., в вопросе об ограничении вооружений, хотя часто и преувеличенные, являются реальной основой пред'явленных ими требований, он сам стоял за разоружение Германии, так как хотел возможно скорее распустить все еще находившиеся во Франции многочисленные армии американцев. И тем не менее он ни минуты не упускал из вида своей великой идеи мира, основанного на справедливости и сотрудничестве народов. Чем больше представители других держав настаивали на своих преходящих интересах, тем упорнее отстаивал он свое требование признания общих неизменных принципов. Из этих же побуждений он провел 25 января, на втором пленарном заседании Мирной Конференции, свою резолюцию о признании Лиги Наций „нераздельной составной частью мирного договора". Эта резолюция была во многих отношениях наиболее важным постановлением конференции, так как от нее зависели все остальные.

Раз Мирная Конференция, как явствует из дебатов 23 января, настояла на немедленном разоружении Германии, Вильсон решил провести всеобщее разоружение народов, предусмотренное положением о Лиге Наций. 4 дня спустя, 29 января, он выступил с соответственной декларацией, воспользовавшись заявлением г. Дмовского, главы польской делегации. Дмовский пространно и красноречиво отвергал весь план разоружения. Он не предполагал сокращать вооруженные силы Польши, напротив, он обращал внимание на то, что Польша находится в опасном положении, вклиниваясь между Германией и Россией, и поэтому ей придется не ограничить, а увеличить свое вооружение и свои боевые силы. Увы, подобные требования безпрестанно пред'являлись и другими мелкими народностями. Президент в ответ на речь Дмовского заявил следующее:

„Г. Дмовский заявил, что Польша должна стать барьером между Россией и Германией. Должен ли этот барьер опираться на вооруженную силу? Очевидно, нет, ибо Германия будет разоружена, а если разоружение Германии будет осуществлено, то Польше потребуется вооруженная сила лишь для полицейских надобностей. Для разоружения необходим орган надзора. В этом суть вопроса. Поэтому он просит своих коллег по возможности ускорить редакцию проекта о Лиге Наций."

Таким образом точка зрения президента получила логическое обоснование. Приэтом он всегда поддерживал оба тесно-связанных между собой принципа: разоружение до нормы, необходимой для охраны „внутренней безопасности" или для „полицейской службы"—и „гарантию внешней безопасности" в лице Лиги Наций. Одно без другого не имеет никакой силы.

С этого момента через всю конференцию тянется проблема разоружения двумя широкими красными полосами, которые то переплетаются между собой, то расходятся, чтобы вновь слиться.

Каждый из этих вопросов зависит от другого, находится под его влиянием. Актуальная проблема разоружения Германии, стратегические условия на суше, воде и в воздухе, судьба германского флота и кабеля сперва энергично обсуждалась военными и морскими экспертами а затем в Совете Десяти и Четырех; одновременно с этим в важнейшей комиссии конференции, в комиссии о Лиге Наций под председательством Вильсона, с неменьшей энергией разрабатывался общий вопрос, тесно связанный с разоружением народов.

Немедленно же возникли две новые важные проблемы, обе имеющие одинаковое значение для настоящих или будущих совещаний о разоружении. Одна затрогивала основной вопрос о нормах вооружения. Что должно определить норму: „внутренняя безопасность" или что-нибудь иное? Другой вопрос касался проблемы всеобщей воинской повинности и имел самое жизненное значение. По этому

вопросу дело дошло до форменной ссоры американцев и британцев, требовавших полного упразднения воинской повинности, с французами и итальянцами. Последние отстаивали воинскую повинность, заимствованную из Германии, как основу, на которой зиждется безопасность и могущество континента. Здесь резко обозначился конфликт двух принципов, и разыгралась битва.

ДВАДЦАТАЯ ГЛАВА.

Вооружение на суше и французские страхи. — Борьба между американцами и французами из-за ограничения вооружений на суше. — Воинская повинность и частное производство военного снаряжения.

Признавать общие принципы не трудно: весь мир относится с почтением к таким идеям, как „разоружение“ или „ограничение вооружений“, но, когда эти идеи приходится претворять в дело, тогда начинается борьба.

Как только был опубликован первый печатный вильсоновский проект Лиги Наций, в Париже сейчас же смекнули, что разумеют американцы под пунктом четвертым своей программы, под ограничением вооружений „до предела, необходимого для охраны внутренней безопасности“.

Статья IV вильсоновского проекта Лиги Наций охватывала несколько требований, которые касались основ могущества и безопасности континента. Так, напр., воинскую повинность Вильсон предполагал отменить не только в Германии, но и во всех странах, „во всех государствах, подписавших мирный договор“. Производство снарядов и боевого оружия „частными предпринимателями в целях личной наживы“ воспрещалось. „Полная, безусловная гласность по всем делам национального вооружения“ означала уничтожение военных тайн, этой основы военной системы старой дипломатии. А главное—был установлен новый критерий для нормы вооружений; „внутренняя

безопасность". Казалось, что Самсон потрясает колонны храма.

Буря немедленно же разразилась. У президента происходили частные совещания: одно—с напуганным итальянским премьером Орландо; другое—с лордом Робертом Сесилем и с генералом Смутсом; здесь подвергалась пересмотру и проблема международного единения. Вскоре прения относительно разоружения перебросились в Совет Десяти и в Комиссию о Лиге Наций. Ибо статья IV проекта Лиги опиралась на п. IV вильсоновской программы и охватывала основную проблему всей Мирной Конференции, проблемы безопасности наций, способы и средства ее разрешения.

Великая война обратила в прах и пепел старый мир. Старые привычки и взаимоотношения — рухнули. Каждая нация чувствовала, что основам ее существования грозит опасность, и потому хваталась за оружие. Всюду царил панический страх. Каждый народ хватался за меч, за самое примитивное средство самозащиты. Мечом Франции была ее армия; армия же создавалась воинской повинностью. Мечом Германии был ее флот и ее морское могущество.

Поэтому предложение ограничить вооружения — потрясло самозащиту Европы до основания. Когда речь заходила о вооружениях на суше, содрогались Франция и Италия; когда доходило дело до вооружений на море — дрожала Британская империя. Да, каждое, самое ничтожное государство Европы начинало дрожать за свое существование, как только делалась попытка ограничить его боевые силы.

Президент понял, что предлагать при таких условиях действительное разоружение означало бы безумие. Сперва было необходимо создать гарантии безопасности, которые заняли бы место боевой готовности. Эта гарантия должна быть достаточно сильной, чтобы рассеять страхи Европы и внушить всему миру уверенность в его безопасности. Президент хотел только того, чего хотели мно-

гие умные люди и до него и чего достигли Американские Штаты: гарантии безопасности, основанной на общем соглашении и в случае нужды осуществляемой силою оружия. Другими словами, мощно основанной на сотрудничестве народов Лиги Наций.

Но до своего прибытия в Европу президент, как и большая часть американцев, не сознавал в полной мере, до какой степени возросли тревоги и страхи Европы за свою безопасность. Напр., все прения, в которых принимала участие Франция, вертелись вокруг вопроса о защите ее от внешних опасностей.

Забота о национальной безопасности сказывалась на каждом совещании. Печать вторила этим тревогам, весь воздух был насыщен ими. На одном из таких заседаний Клемансо сказал следующее:

„...Французы—ближайшие соседи Германии, во всякое время они могут подвергнуться нападению; в прошлом был уже подобный случай... Франция понимает, что у Великобритании имеются свои обязанности во всех частях света и поэтому она не в силах сконцентрировать свои вооруженные силы в одном определенном пункте. Америка далека и не могла бы немедленно же явиться на помощь Франции. Если бы союз народов и всеобщий мир были действительно осуществлен, все же нельзя начинать с оставления Франции в опасности... Америка защищена безграничным океаном, Великобритания своим флотом“[1]).

Конкретное влияние войны на Францию было для всех очевидно; причины ее тревог открыто демонстрировались при каждом удобном случае:

„Г. Клемансо говорил: Следует принять во внимание тот факт, что четыре года подряд война опустошала земли Франции, и страна находилась во власти самого жестокого варварства. Он хотел бы еще раз повторить неоднократно уже сказанное им: судьбы войны сложились так, что ни британская, ни американская земля

---

[1]) Секр. проток. Высш. Военн. Совета, от 12 февр.

от нее не пострадали, между тем как Франция настолько опустошена, что казалась сомнительной возможность ее восстановления... Промышленность Франции систематически разрушалась... Франция насчитывает 3 миллиона убитых и раненых“ [1]).

Я хорошо помню, какое сильное впечатление произвела речь президента во французской палате депутатов, произнесенная перед многочисленной аудиторией 3 февраля, вскоре после посещения Реймса. „Я видел благородный город Реймс в обломках и должен был сказать себе: здесь был нанесен главный удар, потому что великие мира не сумели предотвратить его раньше“.

В этой речи он говорит о Франции следующее:

„Ей грозит опасность; у нее вечный страх... Мне не надо указывать вам, что Европа, расположенная восточнее вас, таит целую уйму проблем. По ту сторону Рейна, по ту сторону Германии, по ту сторону Польши, России и Азии—подымаются новые вопросы и ждут своего ответа... Франция стоит перед этой грозной неизвестностью, грозной потому, что она требует немедленного разрешения. Франция ждет ответа на проблемы, которые так близко, так непосредственно и так повелительно касаются ее.—И если Франция обречена на одиночество, что сможет она сделать?“

Президент рисовал тяжелое положение Франции не менее убедительно, чем сами французы; но выход намечал совершенно иной. Французы видели свое спасение в боевых силах, в народе, поставленном под ружье, в военном союзе, между тем как президент усматривал гарантию безопасности в сотрудничестве с народов, которое „снимет гнетущее бремя вооружений народов, стонущих под тяжестью его и в мирное время не менее, чем во время войны“.

Французская точка зрения отстаивалась в Париже с беспримерным искусством и настойчивостью, всеми без исключения, независимо от партийной принадлежности. Государственные деятели, военные дипломаты и финан-

систы—были прежде всего французами, чистокровными французами, и шли прямо и упорно к своей цели, требовали гарантий национальной безопасности. У Фоша—был наготове план военной защиты Франции, у Буржуа дипломатический, у Лушера и Клотца—экономический, но все эти планы были в то же время великолепно координированы между собой, и Клемансо был стратегическим вождем всей этой кампании. Если французам, тем не менее, не удалось осуществить все свои желания в Париже, то тому виной было некоторое отсутствие проницательности.

Еще до открытия Мирной Конференции у французов была заготовлена полная программа их требований. Они первыми представили свои докладные записки президенту. Ни один народ, за исключением разве японцев, не мог помериться с ними своим дипломатическим искусством и определенностью программы. Британцы, повидимому, совсем не были подготовлены и действовали без определенной дипломатической цели. И тем не менее они не потеряли ни одной позиции; что касается итальянцев, то они были так не единодушны между собой, что никогда не могли взять ясной ноты.

Среди бумаг президента находится подробный меморандум маршала Фоша от 10 января, развивающий план военной охраны безопасности Франции, а также проект Союза Народов, составленный Буржуа, и ряд более ранних записок относительно охраны экономического развития Франции.

Маршал Фош хотел удержать за Францией Рейн, как „защитную преграду, необходимую в интересах единения демократических наций“. С этою целью он предлагал, чтобы „Антанта организовалась в виде военного союза, который мог бы осуществить своевременную интервенцию всех государств, призванных защищать интересы цивилизации“. Предложенный им союз был не чем иным, как организационно скрепленным аллиансом тех же союзных держав, опирающимся на оккупацию Рейна значительными вооруженными силами.

Когда г. Буржуа, ученый дипломат, опытный и выдающийся государственный деятель, бывший министр-президент Франции, предложил свой проект Союза Народов, обнаружилось, что его план вполне гармонировал с военной программой маршала Фоша. План Буржуа дополнял лишь организационный план Фоша проектом организации тыла. Он предусматривал наличность международной армии и флота с постоянным штабом; в задачи его должен был входить надзор за поддержанием их боевой мощи, а также разработка планов быстрой и действенной реализации боевых сил. Вместо того, чтобы добиваться отмены воинской повинности, этот план предусматривал введение этой системы на всем свете, так как Союзу Народов присвоивалось право требования от отдельных государств, по указанию генерального штаба, введения воинской повинности. Буржуа стремился не к тому, чтобы установить минимальный предел вооружений, а к доведению боевых возможностей до максимума.

7 февраля французские экономисты заложили третью основу французской безопасности: они представили доклад относительно разоружения Германии, составленный комиссией Верховного Военного Совета под руководством г. Лушера.

Лушер, один из самых выдающихся финансовых деятелей Франции, был министром в кабинете Клемансо. Его доклад исходил из того положения, что современная война опирается на экономическую базу. Поэтому в интересах полной безопасности Франции необходимо не только обезоружить Германию в смысле боевых возможностей, не только добиться надзора Лиги Наций за Рейнской границей, но и обезоружить Германию экономически т. е. парализовать ее хозяйственную деятельность. Французы, повидимому, сознавали свою экономическую отсталость. Доклад Лушера требовал в качестве дополнения к боевому разоружению Германии контроля над германским производством боевых орудий и снаряжения. Офицеры Антанты

должны были следить за германской индустрией и препятствовать изготовлению боевых средств. Затем Лушер предлагал установить абсолютный контроль над важнейшими заводами Круппа, над большей частью рейнско-вестфальских угольных копей, а также над металлической промышленностью посредством военной оккупации Эссена.

Президент Вильсон не убоялся высказать открыто свое мнение по поводу предложений Лушера. Генерал Блисс возражал уже против них в Верховном Военном Совете. Вильсон откровенно назвал проект Лушера „панической программой". Вот его слова:

„Президент Вильсон охарактеризовал предложения, выставленные в докладе Лушера, как паническую программу. Доклад его требует выдачи не только тяжелых орудий, которые и по мнению президента подлежат выдаче, но останавливает свое внимание и на различных видах авиационной и тяжелой индустрии вообще... Он полагает, что посланные туда офицеры встретятся с целым рядом затруднений, и тогда потребуется вмешательство военной силы".

Проект Лушера был подвергнут уничтожающей критике со стороны американцев и англичан; и тем не менее мысль о длительном экономическом закрепощении Германии не раз еще выдвигалась, как форма обеспечения безопасности Франции. Эта мысль освещала борьбу за перманентный контроль Саарского угольного района и Рейнской границы; с этою же целью делались попытки лишить Германию Силезии. В отсутствии президента французы даже открыто высказывали эту мысль и требовали длительного надзора за германской военной индустрией и теми отраслями немецкой промышленности, которые так или иначе могли содействовать изготовлению боевых средств. Фактически последнее требование сводилось к перманентному контролю при посредстве французских, британских, итальянских и американских офицеров над химической промышленоостью Германии, связанной с изготовлением летательных аппаратов, и над производством стали. 3 марта Клемансо заявил,

„что он не мог бы удовлетвориться, если бы к Германии было пред'явлено требование сократить свои боевые силы впредь до выполнения условий мира, и если бы будущее было предоставлено естественному ходу событий... другие страны, быть может, и удовлетворятся установлением определенных взаимоотношений на море, он же не склонен подписать договор, который уполномочивал бы Германию после промежуточного периода в три, десять или даже сорок лет к новому нападению с суши. Он отнюдь не склонен заключать подобный мир“ [1]).

Через два дня после своего возвращения во Францию, президент энергично выступил в Совете Десяти против этих предложений, и добился существенных изменений. Он назвал подобные планы покушением „на длительное ограничение суверенитета Германии“. Таким намерениям он сочувствовать не мог, потому что они имели своей целью установление перманентного военного контроля над Германией. Кроме того—они свелись бы к постоянному вмешательству в хозяйственную деятельность Германии и к разоблачению ее чисто деловых тайн. Такой порядок неизбежно повлек бы за собой новую войну.

„Если предполагают оставить союзные армии на долгое время под ружьем и, т. о., контролировать выполнение (Германией) условий мирного договора, то тем самым не мир будет достигнут, а установится на долгие годы военная диктатура союзников. Правительство Соединенных Штатов ни в коем случае не даст своего согласия на такой договор, и если бы он лично подписал подобные условия, он превысил бы полномочия, присвоенные ему конституцией Соединенных Штатов“ [2]).

Вильсон добился по крайней мере того, что срок полномочий межсоюзной комиссии был ограничен временем, необходимым для разоружения боевых сил Германии; кроме того, он исключил из всех статей, трак-

---

[1]) Секр. проток. Совета Десяти от 3 марта.
[2]) Секр. протокол Совета десяти от 17 марта.

тующих о последствиях нарушения Германией установленных норм вооружения, слово „никогда“.

Сосредоточив все свои помыслы на обеспечении безопасности Франции путем военного и экономического разоружения Германии, французы оказались в цепких когтях неразрешимой дилеммы, из которых не могут вырваться и сейчас. В самом деле, откуда возьмет Германия колоссальные средства для уплаты репараций, если в хозяйственном отношении она будет ослаблена, если ее промышленная жизнь будет парализована? Францию бросало из стороны в сторону; ее терзали страхи, ею повелевала нужда; но чувство страха, как тогда, так и теперь, имело доминирующее значение. Конечно, опустошения, произведенные войной, наполняли душу ужасом, но стремление к безопасности было сильнее стремления к воссозданию разрушенной страны. Здесь ярко выявлялась непреклонная логика войны, которая вся проникнута чувством страха, которая заставляет народ стремиться к ослаблению и к уничтожению врага, а не к оздоровлению и органическому развитию своей страны. Если бы Германии было предоставлено свободное восстановление ее хозяйства — она с легкостью завоевала бы вновь свое прежнее положение первенствующей державы, которое создала себе, благодаря более многочисленному населению и более высокой организации индустрии. Но тут вновь вступала в свои права логика войны: такое положение Германии с точки зрения Франции угрожало ее безопасности.

Эту дилемму прекрасно иллюстрируют споры, которые возникли по поводу оккупационных армий. Французы требовали, чтобы на Рейне были расположены крупные армии, содержание которых возлагалось бы на Германию. Беспрестанно указывалось, что такая мера повлекла бы за собой ослабление репарационной способности Германии. По этому поводу Ллойд-Джордж выступил даже с резким заявлением, что бывало с ним редко: „прямо смешно противопоставлять ничтожной немецкой армии в каких-нибудь 100 тыс. человек — оккупационную армию

на Рейне в 200 тыс. воинов... Если содержание такой армии возложить на германскую казну, то оно обойдется ей в двести миллионов фунтов стерлингов ежегодно; в таком случае ничего не останется для уплаты репараций" [1]).

В действительности же расходы на оккупационную армию со времени перемирия неизмеримо возросли. До апреля 1921 г. они составляли по официальным статистическим данным репарационной комиссии:

	Марок золотом.
Для Франции	1.276.450.838
„ Соединенных Штатов	1.167.327.830
„ Великобритании	991.016.859
„ Бельгии	194.706.223
„ Италии	10.064.861

Тем не менее французы предпочитали эти расходы во славу своей безопасности репарационным платежам. Во всяком случае эта политика имела еще одну сторону. Ллойд-Джордж отметил ее в своем заявлении от 2 июня, правда, несколько преувеличивая ее значение: „расквартировав французские корпуса в Германии и заставив Германию оплатить издержки их содержания" — Франция фактически возвращала часть своих расходов.

Надо еще заметить, что, сделав такое кровопускание Германии, французы поддерживали систему милитаризма во Франции, от которого первая была освобождена, правда, против своей воли.

Таковы были последствия неустанных требований Франции — обеспечить ее экономическую независимость. В этой области дружно работали рука об руку и политико-экономы, и военные, и дипломаты; они стремились сочетать свой план военной защиты Франции с совершенно несовместимым с ним требованием репарационных платежей.

---

[1]) Секр. протокол Совета Четырех от 2 июня.

Только приняв во внимание все эти факторы, можно действительно понять сущность борьбы за ограничение вооружений.

Мы переходим теперь к отдельным моментам борьбы, и прежде всего к чрезвычайно важному вопросу о нормах (стандардах) вооружения. Какова должна быть численность боевых сил каждого государства?

Первоначально п. IV вильсоновской программы устанавливал норму, которая определялась интересами „внутренней безопасности“. Несомненно, в будущем, когда мир настолько созреет, что сможет разрешить проблему разоружения, это мерило будет признано единственно правильным и на нем будут построены взаимные гарантии союза наций.

Но как только это предложение было затронуто— 6 февраля, на первом заседании комиссии о Лиге Наций, все сразу обрушились на выражение: „внутренняя безопасность“. Франция, Италия, Япония единодушно восстали против такого критерия для установления вооруженных сил на суше, даже в том случае, если будут осуществлены международные гарантии; Великобритания находилась в смущении: она не могла еще уяснить себе, что означала бы такая норма для ее морского могущества. Решительный протест последовал со стороны барона Макино, японского делегата; он предложил заменить понятие „внутренней безопасности“ понятием „национальной безопасности“. Это и было принято и включено в окончательную редакцию договора.

Выражение „национальная безопасность“, заменившее „внутреннюю безопасность“—означало существенное изменение первоначального требования Вильсона; но в то бурное время, что предшествовало возникновению Лиги Наций, проблема национальной безопасности вытесняла все остальные вопросы. К сожалению, эта редакционная поправка позволила прорваться целому потоку новых требований и аргументов со стороны французов в интересах их личной национальной безопасности. Несмотря на отчаянные

усилия, нельзя было установить, какие военные контингенты требуются для охраны национальной безопасности, так как, при новой формулировке, каждой отдельной нации предоставлялось определить, что необходимо для ее безопасности.

Г. Буржуа, опираясь на измененную редакцию п. IV—тотчас же заявил, что критерий „национальной безопасности“ требует не только усиления национальной боеспособности, но и создания международной организации, наделенной правом контролировать наличность вооруженных сил и имеющей в своем распоряжении международный генеральный штаб.

В связи с разногласиями по этому вопросу между американцами и французами, возник на конференции один из самых острых конфликтов.

Стремясь к защите своей национальной безопасности, французы внесли еще одно предложение: они стали оперировать принципом особого риска. Идея его заключалась в том, что некоторые нации (особенно Франция), вследствие своего географического положения, могут скорее, чем другие, подвергнуться внешнему нападению. Поэтому им следует предоставить право на бо́льшую норму вооружений и дать более сильные гарантии, чем другим народам. Этот принцип „особого риска“ повлек за собой заключение особой англо-американской конвенции в целях защиты Франции на случай нападения со стороны Германии.

Президент Вильсон видел в такой конвенции лучшее средство для успокоения французского населения, чем военные гарантии, которых так упорно добивались французы. Во всяком случае такое соглашение являлось формой мирного сотрудничества народов.

Энергично поддерживаемый лордом Робертом Сесилем, президент Вильсон восставал против французской идеи международных военных союзов. Он усматривал в таком плане насаждение „интернационального милитаризма“ вместо „милитаризма национального“. Он возражал также против идеи контроля.

„Ни одна нация, заявил он, не согласится на такой контроль; что касается нас, американцев, то нам запрещает участвовать в таком контроле наша конституция. Мы должны сделать все, что в наших силах, чтобы обеспечить безопасность мира... Я знаю, что выстрадала Франция, и знаю, что она хочет получить максимальные гарантии еще до вступления в Лигу Наций; мы сделаем все возможное в этом отношении, что в нашей власти; но мы не можем принять предложений, которые находятся в противоречии с нашей конституцией... Единственная возможность достичь желанной цели заключается в доверии к нациям, принадлежащим к Лиге Наций. Между ними должно господствовать искреннее согласие и добрая воля".

И хотя предложение невозмутимого Буржуа было отвергнуто комиссией, он все-таки не сдался: в разных вариациях и под самыми различными предлогами, прямо и косвенно он выдвигал идею военного союза. Когда же Буржуа окончательно убедился в неприемлемости своего плана,—он согласился на англо-американскую конвенцию, но при условии специальной гарантии со стороны Америки и Великобритании: в силу этой гарантии Америка и Англия должны были оказать Франции помощь в случае нападения со стороны Германии, и это обязательство должно было тяготеть над ними до того момента, пока „Лига Наций не представит из себя достаточной защиты", для безопасности Франции и не рассеет страхов напуганных французов.

Возражая против норм разоружения, предложенных президентом, пытаясь возможно больше выторговать в свою пользу, союзники решительно и последовательно применяли и принципы и планы разоружения Вильсона по отношению Германии. Для Германии они признавали их чрезвычайно разумными.

12 февраля президент изложил свою программу разоружения Германии:

„Вопрос о разоружении охватывает два момента: 1) ор-

ганизацию вооруженных сил для охраны внутреннего порядка. 2) Участие национальных вооруженных сил в организации боевой мощи Лиги Наций. В настоящий момент Германия не примет участия в Лиге Наций... Сейчас нам приходится решить вопрос о численности вооруженных сил, необходимых Германии для охраны ее внутренней безопасности и подавления большевизма... Он полагает, что мир имеет моральное право на разоружение Германии; он вправе заставить целое поколение германцев поразмыслить над свершившимся; так приходится действовать, пока мы не будем знать, с каким правительством нам придется иметь дело и как поведет себя германский народ" [1]).

Таким образом, идеалистический принцип президента оказался осуществленным в отношении врага. В Германии воинская повинность была уничтожена, армия сведена к полицейской команде численностью в 100 тыс. человек и флот ограничен составом, необходимым только для обороны. В качестве особой уступки французам, требовавшим международного контроля, в принципе отвергнутого, было установлено, что Лига Наций в праве, с согласия большинства своих членов, произвести во всякое время ревизию боевой подготовленности Германии, даже после вступления ее в состав Лиги.

Теперь обратимся к тем горячим спорам, которые вызывали отдельные положения программы разоружения. Первым и наиболее важным спорным вопросом—явилось требование упразднения воинской повинности.

Предложение покончить с воинской повинностью подсекало корни всей континентальной системы милитаризма. Президент, настаивая на применении п. IV своих принципов, в сущности требовал, чтобы мир воспринял традиционные американские принципы военной организации: всеобщую воинскую повинность заменил армией добровольцев. Германия была творцом современной системы

---

[1]) Секретн. протокол Совета Десяти от 12 февраля.

принудительной военной службы; в Германии наиболее сильно гнездился дух милитаризма. Президент предлагал диаметрально противоположную систему: не теоретический принцип, а традиционный порядок, осуществленный всеми народами, говорящими по-английски. Впоследствии, когда речь зашла о малых народностях, эта система была названа „американо-британской“ в отличие от „франко-итальянской“.

Немедленно же раздались протесты: первым выступил итальянец Орландо. Мы знаем хорошо, чем был недоволен Орландо, он сказал это позже сам в Совете Четырех (15 мая):

„Как я уже об‘яснял президенту, Италия не сможет создать армию добровольцев. Подобную систему осуществить практически слишком трудно, так как против нее все традиции страны. Следовательно, армия Италии должна быть организована на основе всеобщей воинской повинности“.

Выяснилось, что и французы полностью разделяют эту же точку зрения. Хотя проведение своей системы президент приурочивал к моменту функционирования Лиги Наций и хотя его нормы „должны были приобрести обязательную силу не раньше, чем будут единогласно одобрены правительствами всех держав“, вступивших в Лигу,—на что требовалось много времени,—тем не менее французы и итальянцы боялись даже разговоров по поводу этих принципов. Но, несмотря на свои страхи, они впоследствии, хотя и с опаской, голосовали за отмену воинской повинности и в Германии, и в Австрии.

Подобные же взгляды были высказаны на совещании лордом Робертом Сесилем и генералом Смутсом. Они оба питали свойственное всем англосаксам отвращение ко всеобщей воинской повинности; но и тот, и другой сознавали практическую трудность осуществления их принципа, так как необходимо было обеспечить сотрудничество французов и итальянцев в Лиге Наций, а последнее было бы недостижимо, если бы были приняты решения об упразд

нении всеобщей воинской повинности. Поэтому в проекте союза народов Герст-Миллера были существенно смягчены пункты, относившиеся к военной службе:

„(Исполнительный Совет)... должен выяснить, насколько осуществимо уничтожение обязательной военной службы и замена ее армией добровольцев, а также определить, какие нормы сухопутных и морских вооружений соответствовали бы данным условиям“.

Но даже план такого предварительного выяснения вопроса казался французам слишком далеко заходящим. Когда соответственный параграф впервые (6 февраля) стал предметом обсуждения в комиссии о Лиге Наций—это было вечером в обширном помещении полковника Гауса в отеле Крильон—немедленно же раздались возражения со стороны г-на Буржуа. Он не допускал даже обсуждения вопроса о возможности уничтожения воинской повинности.

Эта точка зрения была впоследствии еще раз подчеркнута синьором Орландо в отношении Италии и г-ном Ларнодом, делегатом Франции.

Решив оказать противодействие упорному сопротивлению делегатов, не допускавших даже упоминания о всеобщей воинской повинности, и тем не менее желая создать условия для будущего сотрудничества Лиги Наций, президент предложил принять следующую измененную формулировку соответственной статьи:

„Исполнительный Совет должен представить для рассмотрения и проведения различными правительствами свое заключение относительно норм военного снаряжения и вооружения, допустимых и целесообразных с точки зрения скалы вооруженных сил, установленной программой разоружения, причем эти ограничительные нормы, по принятии их, не могут быть превышены без разрешения собрания делегатов Лиги“.

Одним словом, президент передавал всю инициативу ограничения вооружений в руки будущей Лиги Наций. Хотя предложение это было немедленно же принято, дискуссия тем не менее на этом не закончилась. Только

после продолжительных и томительных споров, после включения пункта об „особом риске", на чем упрямо настаивали французы, была принята окончательная редакция этой статьи. Ниже приводим текст этого положения, включенный в договор:

„Совет должен, приняв во внимание географическое положение и особые условия каждого государства, составить план ограничения вооружений, подлежащий рассмотрению и осуществлению различными правительствами. Эти планы подлежат новому рассмотрению и пересмотру через каждые десять лет и не позже. По принятии этих планов различными правительствами—установленные в них нормы вооружений не могут быть увеличены без согласия Совета".

Германию же принудили упразднить всеобщую воинскую повинность. Уничтожение этой системы в самой ее цитадели надо, конечно, считать положительным результатом Парижской Конференции. Это решение будет несомненно иметь громадное значение и в стратегическом, и в экономическом отношении; один или два миллиона молодых людей Германии получают возможность отдаться промышленному труду, между тем как то же число юных граждан Франции и Италии будет маршировать и расстреливать патроны, истощая средства государства.

Реальный успех был достигнут и по другому вопросу вильсоновской программы, по вопросу о гласности в делах вооружения. Пункт о гласности составлял краеугольный камень первого проекта Вильсона о Лиге Наций; но и тут французы стали обнаруживать свои тревоги.

„Г. Буржуа полагал, что было бы неразумно, пока остаются вне Лиги некоторые державы (т. е. Германия), посвящать их в военные тайны государств, входящих в Лигу. Даже, после вступления этих держав в Лигу не следует оказывать им чрезмерного доверия. Он хочет гласности, но по отношению к Германии, а отнюдь не по отношению союзных народов".

В конце концов вместо „полной и искренной гласно-

сти в военных делах был установлен обмен „информациями“ между членами Лиги. Конечно это было сужением первоначального требования Вильсона, но все же некоторым шагом вперед по сравнению с прошлым. Окончательный текст этого пункта гласил так:

„Члены Лиги обязываются обмениваться друг с другом полными и откровенными информациями относительно скалы их вооружений, их военной и морской программы, а также авиационных средств, а равно и относительно тех отраслей промышленности, которые обслуживают цели войны“.

Что касается изготовления военного снабжения и снаряжения частными предпринимателями, то и тут был также достигнут значительный успех, хотя президент не смог провести всей своей программы. В своем первоначальном проекте президент установил резко определенную точку зрения: „Договаривающие державы обязуются не допускать изготовления снаряжения и военных материалов частными предпринимателями в целях частной наживы“. Это положение вызвало длительные дебаты: подобное требование поставило бы экономически более слабые народы с неразвитой промышленностью в зависимость от более сильных наций. Поэтому из первоначального проекта договора о Лиге Наций этот пункт был исключен, но в другой проект, по инициативе президента, был вновь включен. В положении о Лиге Наций эта статья была принята в нижеследующей редакции:

„Члены Лиги соглашаются между собою в том, что изготовление снаряжения и военных материалов частными предпринимателями вызывает большие сомнения. Поэтому Совет должен установить, как устранить вредное влияние частного производства указанных материалов; причем Совету надлежит обратить внимание на нужды тех членов Лиги, которые не в состоянии изготовлять необходимые для безопасности этих стран снаряжение и военные материалы“.

Обсуждение конкретной проблемы разоружения по-

влекло за собой не один этот результат, на вопрос об ограничении вооружений обратил внимание весь мир. В мае 1920 г. Совет Лиги Наций, заседавший в Риме, образовал постоянную комиссию для обсуждения вопросов о сухопутных, морских и воздушных боевых средствах. Первым делом этой комиссии была не разработка плана применения боевых сил союзников, чего хотели французы, а исследования возможности ограничения вооружений, на что Совет был уполномочен ст. VIII положения о Лиге.

Дальнейший важный успех был достигнут в том, что державы, подписавшие мирный договор, официально признали всеобщее ограничение вооружений одним из условий мира. Инициатива в этом отношении принадлежала Вильсону. 26 апреля произошли следующие прения:

„Президент Вильсон полагает, что условия относительно флота, армии и авиации были бы приемлемы для врага, если бы они были пред'явлены ему, как первый шаг общего ограничения вооружений всех народов.

Г-н Клемансо возразил, что предпочел бы услышать текст соответственной статьи, прежде чем высказываться за или против" [1]).

Тогда президент представил свою формулировку, следующего содержания:

„В качестве первого шага ко всеобщему ограничению вооружений всех народов, Германия обязывается соблюдать следующее требование относительно армии, флота и авиации".

Генерал Блисс считал это положение одним из важнейших пунктов договора. По доброй воле своей честью обещались эти народы (27 наций и Германия), как только станет возможным, приступить ко всеобщему ограничению вооружений после выполнения Германией своих обязательств [2]): так говорил Блисс в Филадельфии.

---

1) Секр. Прот. Совета Четырех от 26 апр.
2) What Really Happiness af Paris, стр. 372.

Но наибольшие результаты в сфере указанной проблемы, по крайней мере потенциально, были достигнуты благодаря созданию нового аппарата международного единения—Лиги Наций для охраны безопасности народов. Единение народов в форме Лиги делало лишним содержание крупных боевых сил; Лига стала оплотом их национальной безопасности. Принятая и осуществленная Лига становилась самой действенной гарантией для народов и самым сильным средством ограничения вооружений. Лига Наций, получившая жизнь и об'единившая все союзные народы, чуждая растлевающей французской идеи о необходимости новых вооружений, являлась сама по себе крупным завоеванием, хотя и достигнутым за счет некоторых положений настоящей программы о разоружении.

Правда, Лига Наций до сих пор не достигла никаких реальных успехов в области разоружения. Даже первое ее предложение, которое сводилось к тому, чтобы народы не увеличивали своих бюджетов на вооружение в течение двух лет, осталось без определенного ответа. Все усилия, направленные к тому, чтобы получить сведения о численном составе боевых сил, о приблизительной потребности в средствах вооружения—оказались тщетми. Лига не получила данных, необходимых для разработки программы разоружений. Ничто не помогает: Франция является ныне тем милитаристским гегемоном, который противится сокращению вооруженных сил, Францию не удовлетворяют гарантии, которые даны ей для защиты от Германии. Если бы Франция удовлетворилась сепаратной поддержкой англо-американской конвенции, если бы была создана мощная военная организация под руководством Лиги Наций или осуществлен перманентный контроль над вооружением Германии, тогда, быть может условия сложились бы иначе. Но сейчас, как и раньше, Франция живет надеждой на осуществление своих требований и ведет за них неустанную борьбу. И, пока она не добьется своего, она не поступится и тенью своей не-

зависимости в этом отношении и не откажется от права самостоятельно распоряжаться своими вооруженными силами. Она противится даже обсуждению этих вопросов и отказывает в сообщении каких либо сведений относительно потребной ей нормы вооружений, хотя и то, и другое обусловливается принципом „особого риска“, включенным самими же французами в положение о Лиге. Даже когда была сделана попытка обсудить этот вопрос вне Лиги на конференции Соединенных Штатов и союзных держав, Франция осталась непреклонной. В связи с Вашингтонской Конференцией об ограничении вооружений министр—президент Бриан наотрез отказался обсуждать вопрос об уменьшении численности французской армии, отстаивая свое заявление старыми, всем уже известными аргументами. На конференции в Генуе французы оказались непримиримыми; положение остается таким же, как в 1919 году.

Это положение далеко не так просто. Пока французы не перестанут навязывать Германии условия, которые не встречают одобрения со стороны прочих держав, видящих в них угрозу для международного мира, — ни одно государство не может оказать Франции искреннюю помощь, не может дать французам требуемую ими гарантию. И так как значительная часть требований, за которые цепко ухватилась Франция, может быть осуществлена только под угрозой вооруженного содействия — ей не остается ничего иного, кроме как создавать вооруженную силу. Но и тут Франция попадает в отчаянное положение: в конечном счете ее ждет безнадежная изолированность.

Единственный выход из создавшегося положения—искренняя, международная кооперация народов, охватывающая весь мир: ни союз каких нибудь четырех или девяти держав, ни сепаратный союз одних великих наций не сможет изменить положения. Вашингтонская Конференция служит во всяком случае доказательством справедливости высказанной президентом Вильсоном мысли, что невозможно освободить мир от его погони за разви-

тием вооруженных сил, если последние не будут заменены иным средством национальной безопасности—реальной гарантией. Не так важен самый аппарат международной кооперации народов, как искренняя решимость его применить в целях насаждения справедливости и международного мира. Такой аппарат международного сотрудничества уже существует в лице Лиги Наций; но нет в нем нужного духа. Если бы народы взялись за это средство и решительно применили его теперь, когда улеглось брожение 1919 г., они прогнали бы страх и алчность не только Франции, но и других народов, и вселили бы надежду на возможность улучшения настоящего, ставшего уже невыносимым положения.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Вопросы разоружения морских сил на Конференции.—Американской программе потопления германских судов французы противопоставляют требование распределения германских судов.—Британская морская политика.

Разоружение морских сил не обсуждалось в Париже с такой обстоятельностью и широтой, с какой велся спор относительно ограничения вооружений на суше и отмены всеобщей воинской повинности.

На то были особые причины. Окончание войны застало Великобританию, могущество которой опиралось на флот, совершенно в ином положении, чем Францию. Французы чувствовали непрочность своего положения среди обломков континентальной Европы и потому вопрос о вооружении или боевом союзе наций имел для них актуальнейшее значение. Британцы же после войны оказались еще более застрахованными от каких-либо опасностей. Их великий соперник на европейских морях был сокрушен. Пугавший Англию германский флот, около сорока крупных броненосцев и крейсеров, сто или больше мелких военных судов, вероятно ржавели на севере Англии, в гавани Скапа Флоу.

Опасность, которой могли угрожать подводные лодки и боевые аэропланы Германии, была незначительна, и Мирная Конференция могла легко справиться с нею.

Вторая морская держава мира, Соединенные Штаты, представляла во время войны крупную силу, так как

обоюдный страх британского и германского флота перед возможностью морской схватки обрекал их на бездействие, и тот и другой флот не покидали своих гаваней. Но уничтожение германского военного флота давало британцам беспримерный в истории перевес над всеми державами, и этим перевесом они пользуются до сего дня. Морское могущество Англии увеличилось еще в большей степени благодаря союзу между Британией и Японией, третьей великой державой мира. Хотя возможность конфликта между Великобританией и Соединенными Штатами была мало вероятна,—правда, не вследствие чувства взаимной симпатии, а потому, что оба государства имели избыток территорий на земном шаре и, следовательно, не было поводов для агрессивных выступлений,—тем не менее морское превосходство Англии было важным моментом, определившим ее поведение на Мирной Конференции.

По этой причине центр тяжести французской политики на Мирной Конференции заключался в борьбе, порой отчаянной борьбе за бо̀льшее могущество, за бо̀льшую безопасность, скорее за увеличение, чем за ограничение военных вооружений—и в выдвигании на первый план всех вопросов, связанных с воинской повинностью, частной военной промышленностью и т. п., между тем, как британская политика заключалась в сохранении status quo. Французы (и итальянцы) стремились на конференции к новым достижениям, между тем как британцы (и японцы) хотели обеспечить настоящее положение вещей. Французы чувствовали на Парижской Конференции свою слабость, свою „потенциальную зависимость; британцы сознавали свою мощь, действовали мастерски, строго следуя традиционным принципам британской дипломатии: „Выжидать и наблюдать".

Главный интерес французов, и тогда, и теперь, сосредоточивался на личной безопасности и в меньшей степени—на репарациях и экономической экспансии; британцы, наоборот, стремились обеспечить себе новые источники сырья, новые торговые пути, новые колонии, кото-

рыми фактически обладали, а также известное право на репарации.

Чрезвычайно важная проблема морских вооружений— время от времени грозно выдвигалась среди парижских дебатов, но затем снова погружалась в темноту; в апреле месяце, когда вспыхнули горячие споры относительно судьбы германского флота—был момент, когда молчанье должно было прерваться: но до открытого и честного обсуждения этой проблемы все-таки не дошло. Пока предметом спора оставалось вооружение сухопутных армий мира, можно было уклоняться от рассмотрения морской проблемы. Условия относительно морских сил можно было не включать в мирный договор. Вопрос о вооружениях на море в меньшей степени касался союзников и Германии, чем Великобритании, Америки и Японии.

Британцы, однако, не оставляли никаких сомнений относительно своей решимости крепко стоять за первенство Британии, как морской державы.

В ноябре 1918 г., вскоре после заключения перемирия, тогдашний министр снабжения Уинстон Спенсер Черчилль охарактеризовал сложившееся в то время положение вещей следующими словами: „все, что в его власти, он употребит, чтобы помочь Лиге Наций стать практическим, действенным учреждением“, но „Лига Наций не может заменить Англии превосходства ее флота“; так без всяких прикрас В. Черчилль изложил английскую точку зрения в своей речи в Дёнди (Dundee).

Положение британцев было гораздо прочнее, чем французов; но и они не могли скрыть своих истинных намерений, и они хотели обеспечить свою национальную безопасность. И до, и после прибытия президента в Европу, этими тревогами была полна английская печать. Все публичные ораторы выдвигали требование охраны безопасности Британии:

„Совершенно ясно“, пишет Лондонский „Times“ 11 декабря“, эта война была выиграна не превосходством цивилизации, а могуществом британского флота. Поэтому, что

касается нашей страны, мы не можем притупить оружие, которое дало нам победу".

В сущности тот же самый аргумент, который выдвигали французы, идею „особого риска", еще больше заострили британцы: они также заявили, что Британия находится в особо опасном положении.

„Мы ни в коем случае не можем отказаться от нашего превосходства на море", писал Гильберт Мэррэй (Murray), „ибо мы островная держава: поражение на море или блокада означает для нас голодную смерть через несколько недель или уничтожение нашей политической независимости".

Леон Буржуа требовал в интересах Франции перманентной военной организации Лиги с постоянным генеральным штабом; эта боевая организация должна была служить оплотом безопасности Франции; британское адмиралтейство в свою очередь требовало создания международного морского штаба; впрочем, Англия вскоре отказалась от своего требования.

Влиятельные круги Англии, точно так же, как и французские, настаивали на заключении сепаратных соглашений в целях укрепления национальной безопасности—эта мысль была впоследствии осуществлена французами в форме англо-американской конвенции. В Великобритании эта же идея отстаивалась в виде союза с Америкой.

„Мы все признали", пишет лондонский „Times" 11 декабря 1918 г., „что грядущее счастье человечества зависит от прочности уз, соединяющих нас с Соединенными Штатами, и ради осуществления этой цели мы не пожалеем своих сил".

Но президент неизменно противопоставлял требованиям Англии, как и Франции, свою программу: Лига Наций должна стать для всех народов оплотом их безопасности. Неустанно боролся он не за рост вооружений и военные конвенции, а за „концерт держав".

„Ныне нет места для идеи политического равновесия держав", заявил он англичанам 28 декабря в Гюильдголле,

„нет места для идеи раздробленных, тщательно взвешенных, равно могучих народностей: сейчас должна быть создана единая, над всеми господствующая, группа держав, которые должны быть стражами (trustrees) международного мира“.

Вильсон согласился с теми изменениями, которые британцы внесли в условия перемирия относительно „свободы морей“, так как, при более близком изучении этого вопроса, он понял, что в будущих войнах не будет нужды в защите нейтральных владений, ибо Лига Наций об'единит все народы и с'умеет принудить непокорных членов к выполнению своих постановлений; морем же будет владеть союзный флот Лиги. Поэтому, прежде всего необходимо создать Лигу Наций со всеми ее гарантиями, а потом уже об'единившиеся народы смогут разработать отдельные правила относительно морских передвижений и ограничения морских вооружений.

В Англии президент нашел поддержку, в которой ему отказала Франция; ибо Францию единил общий страх, между тем как в Англии стремление к превосходству на море создало две группы политиков. Консерваторы, которые группировались вокруг Адмиралтейства и „Morning Post“—лорд Керзон и Уинстон Спенсер Черчилль—отстаивали какой угодно ценой первенство Англии, как морской державы, и высказались скорее за увеличение морских сил, чем за их сокращение. „Morning Post“ смотрела на Лигу Наций, как на „коварный заговор в целях интернационализации Британской империи и распределения ее богатств между иностранцами“.

Но рядом с ними по всей Британской империи существовала и другая сильная партия, партия либералов; во главе ее стояли такие личности, как генерал Смутс и лорд Роберт Сесиль, решительные сторонники программы Вильсона; их органом был „Manchester Guardian“. Эти люди не хотели ни в коем случае подвергать риску безопасность Англии, особенно во времена международных волнений, но они разделяли мнение президента, что

безопасность народов зависит не от военного могущества отдельных государств и не от Великобритании, а от широкого сотрудничества народов в деле создания взаимных гарантий международного мира. Они стремились к ограничению морских вооружений в будущем и к созданию Лиги Наций, „наделенной во имя свободы частью тех функций, которые выполнял британский флот".

М-р Ллойд-Джордж заигрывал с той или другой группой в зависимости от политического момента. Но ближайшими своими сотрудниками он избрал все-таки наиболее влиятельных сторонников единения народов—Смутса и Сесиля и даже представителя рабочей партии м-ра Бернса; это был знаменательный шаг; однако сотрудничество с приверженцами Лиги не мешало Ллойд-Джорджу привлекать при случае на совет таких противников этой идеи, как Черчилль и Керзон. Клемансо был типичным представителем единой Франции, Ллойд-Джордж—внутренне-расщепленной Англии. Конечно, Лига Наций не была бы создана, если бы президент не встретил решительной поддержки со стороны либеральных партий Америки и Англии.

Я упомянул о двух партиях Англии, но и в Америке проблема морского разоружения вызвала два течения, имевших своих представителей в Париже. Если некоторые политические деятели Британии строили счастье и безопасность Англии на превосходстве ее, как морской державы, то государственные деятели Америки, в свою очередь, опасались за будущее своей родины, и требовали, чтобы вооружение Америки по крайней мере сравнялось с боевой мощью Великобритании. Среди целого ряда солидных докладов, представленных мирной Конференции, находятся и записки адмирала Бенсона, американского эксперта по морским делам. Бенсон решительно отстаивал ту точку зрения, что Соединенные Штаты должны иметь флот, который бы не уступал британскому. В чрезвычайно убедительном меморандуме от 9 апреля он представил президенту мнение своей партии, пользо-

вавшейся значительным влиянием в Америке. После уничтожения германского флота, говорилось там, морская мощь Британии „настолько велика, что она может господствовать на всех океанах“. Это обстоятельство грозит опасностью не только Америке, „оно колеблет наш авторитет в Совете народов, вне и внутри Лиги Наций“.

Следуя примеру французских и английских милитаристов, адмирал Бенсон выдвигает, в качестве мотива для новых вооружений, принцип „особого риска“.

„Наше современное и будущее положение нуждается в особом внимании. Мы на пути к тому, чтобы стать могущественнейшим соперником Великобритании в заокеанской торговле... До сих пор мы жили своей жизнью, сейчас мы начинаем жить в тесном и длительном контакте с другим миром. На каждой конференции народов мы должны выступать, как равная им сила“.

Бенсон высказывался поэтому за создание флота, равносильного английскому. Не желая, однако, увеличивать норму вооруженных сил всего комплекса народов, он предлагал, чтобы британский флот был доведен до численности американского флота. Впоследствии „Великобритания и Америка должны были время от времени пересматривать численный состав обоих флотов“.

Заключение адмирала Бенсона энергично поддерживал еще морской министр Даниэльс, прибывший во время мирной конференции в Париж.

„Соединенные Штаты должны обладать флотом, который мог бы поспорить с любым флотом на всех морях“.

Сам президент Вильсон был сторонником этой программы. Чтобы процитировать его личные взгляды, мы должны вернуться к временам, предшествующим нашему вступлению в войну. 3 февраля 1916 г. он заявил в Ст-Луи:

„Ни одному флоту в мире не приходится защищать так далеко растянувшуюся область, как американскому флоту; поэтому он должен, по моему мнению, превосходить все прочие флоты мира своей активностью“.

Президент Вильсон признавал, как и другие, что и для Америки требование безопасности имеет не менее решающее значение, чем для Франции и Великобритании. Если сознание нашей безопасности; которое до сих пор питалось нашей боеспособностью, оказалось бы поколебленным вследствие ограничения вооружений, необходимо было бы создать новые гарантии. Если мир должен был опираться на пушки и дредноуты, Америка должна была в свою очередь готовить их. Но президент стоял за иную программу. Осуществлению своей идеи он посвятил все свои силы на Парижской Конференции; его поддерживали либеральная и рабочая партии Англии, которые ясно предвидели возможность новых вооружений и страшились их так же, как президент.

В Париже не было более пламенного сторонника разоружения на суше, чем Ллойд-Джордж; но никто не умел искуснее избегать вопроса о разоружении на море, чем тот же Ллойд-Джордж (конечно, когда речь шла не о Германии).

Война показала и оправдала превосходство Англии на море; британская политика, поэтому, была обязана это превосходство сохранить.

Только с одной стороны грозила Англии опасность. Существовал план распределения флота Германии, этой могущественнейшей соперницы Англии, а также австрийского флота—между союзными и ассоциированными державами. Большая часть этих судов была интернирована в английской гавани Скапа Флоу. В общем эти суда представляли сильный могущественный флот: 27 военных судов и больших крейсеров, включая несколько крупных дредноутов; 19 малых крейсеров; 101 истребитель и круглым счетом 135 подводных лодок. По исчислению адмирала Бенсона, германо-австрийские суда увеличили бы боеспособность великих держав на море процентов на 30. Американские эксперты были солидарны между собой относительно юридической судьбы этого флота. Их следовало

вывести в открытое море, открыть иллюминаторы и весь флот погрузить на дно морское.

„Уничтожение германо-австрийских военных судов, говорит адмирал Бенсон, практически доказало бы искренность решения высоких контрагентов сократить свои вооружения“.

Адмирал Бенсон исходил в своем докладе от 7 апреля из предположения, что Великобритания предпочтет раздел немецких судов их потоплению в открытом море. Но прямых доказательств своей исходной точки зрения он не приводит. Наоборот, трудность такого распределения была бы слишком велика, борьба за добычу слишком ожесточенна и к тому же не исключалась опасность, что, по распределении судов, уменьшится перевес британского флота. Кроме того германские суда строились по особому техническому стандарту, который резко отклонялся от английского; ремонт этих судов обошелся бы дороже сооружения новых судов. Хотя конференции казалось, что Ллойд-Джордж из раздела судов мог бы извлечь некоторые преимущества в стратегическом отношении, действительное желание британского адмиралтейства заключалось в уничтожении флота старого соперника. Французы же стояли за раздел флота, так как они стремились не к уменьшению, а к увеличению своих боевых сил.

На совещании адмиралов от 6 марта были установлены морские условия мирного договора: они предусматривали истребление всех подводных лодок и военных судов, за исключением тех, которые предполагалось оставить Германии. Французы старались внести в каждое положение какую-нибудь оговорку; завязалась упорная борьба, которая завершилась срывом заседания 25 апреля, происходившего в помещении президента на „Place des Etats Unis“. Итальянский министр-президент уже ушел домой, чтобы заготовить протест против позиции, занятой Конференцией по отношению Фиуме. „Великая тройка“— Вильсон, Ллойд-Джордж, Клемансо—остались

с глазу на глаз, хотя и в присутствии своих морских экспертов: адмирал Бенсон представлял Америку, контр-адмирал Гоп (Hope)—Великобританию и адмирал де-Бон—Францию. В этом заседании спор и разрыв были созданы почти умышленно. Это явствует с очевидностью из следующих замечаний Ллойд-Джорджа: адмирал Бенсон настаивал, что всякое решение, отвергающее потопление судов, означает увеличение вооружений.

„М-р Ллойд-Джордж сказал, что он мог бы предложить адмиралу Бенсону проект, который положил бы предел вооружениям и даже содействовал бы их ограничению; но он сомневается, будет ли этот проект приемлем для адмирала (не приемлемый для американского адмирала проект сводился, повидимому, к сокращению вооружений, но с сохранением существующего взаимоотношения боевых сил между отдельными государствами). Британское правительство не придает значения этим судам и готово отстаивать сокращение флота, но при условии, конечно, что и другие выскажутся за такое же сокращение. Весь вопрос, однако, чрезвычайно сложен... Он полагает, что должно быть принято во внимание требование Франции. Он держится того мнения, что часть этих судов должна получить Франция и взамен этих потопить соответственное число своих старых судов; если же она не склонна поступить так, она может распорядиться, чтобы суда были разобраны; по мнению адмирала Гопа, это было бы хорошим делом“ [1]).

Президент Вильсон спросил, что могут возразить французы по поводу проекта уничтожения судов, на что де-Бон ответил следующее:

„Адмирал де-Бон заявил, что прежде всего потопление судов означало бы уничтожение крупных ценностей, то-есть увеличение общих убытков, причиненных войной. Общественное мнение сильно восстановлено против подобного плана. В частности, оборонительная способность

---

[1]) Секр. Проток. Совета Четырех от 25 апр.

французского флота была бы значительно усилена, если бы эти суда были распределены между союзными и ассоциированными державами... Вследствие чрезвычайного переобременения французской промышленности производством боевых материалов, Франция в течение последних пяти лет была не в состоянии строить более или менее крупные суда. Те суда оказались бы чрезвычайно полезны Франции: на них был бы поднят французский флаг и они распространили бы национальное влияние Франции по всему миру. Морское могущество Франции чрезвычайно мало в сравнении с другими нациями. Хотя Франция не таит никаких агрессивных намерений, она все же не хочет отказаться от возможности возместить свои потери".

Ввиду такого оборота прений было решено вопрос этот отложить; такое решение могло быть истолковано, как победа французского требования о разделе германских судов.

Однако, вопрос этот по причудливой воле судьбы был из'ят из ведения Мирной Конференции и разрешен совершенно необычным способом. 21 июня германская команда, оставленная на этих судах, открыла по взаимному соглашению их переборки и собственноручно утопила в гавани Скапа-Флоу большую часть интернированного флота. Судьба остальной, незначительной части судов не представляла уже интереса. Ллойд-Джордж предлагал их Франции оптом, желая предотвратить со стороны Клемансо какие-нибудь новые репрессивные меры по отношению Германии, в ответ на этот и другие инциденты. Правда, таким образом возместились потери французов на море, но уничтожались все их надежды на значительное усиление морского могущества Франции. Итак, германской команде, потопившей свой флот, а не Мирной Конференции, обязан мир тем, что морское вооружение союзников не возросло в значительной степени. Морская мощь Германии не подвергалась такому полному разоружению, как ее сухопутные силы. Мирный договор предоставил Германии право располагать шестью боевыми

судами и шестью легкими крейсерами, 12 истребителями и 12 миноносками. Эти суда вряд ли имеют задачей охрану внутреннего порядка и предназначаются для национальной обороны. Кроме того согласно ст. 196 договора, Германии разрешается сохранить все береговые укрепления, имеющее оборонительное значение, если они не могут служить делу нападения и угрожать проходу в восточные воды. Когда Лансинг стал возражать против уничтожения этих укреплений, его поддержал Ллойд-Джордж, сославшись на право Германии защищаться.

Почему же британцы, со своей стороны, не пустили все в ход, чтобы лишить Германию боевой способности на море, подобно тому, как французы обессилили ее на суше? Вероятно, в планы Англии не входило выдавать Германию Франции и со стороны моря. Британия перестала бояться Германии на море. Орудия морских войн восстанавливаются не так легко, как орудия сухопутных сражений. Англия поэтому могла спокойно отдаться своей природной стихии. Франция немало потрудилась ей на пользу, сосредоточив все свои заботы на безопасности с суши. Оставленный Германии флот не представлял угрозы для Британии, но вместе с береговыми укреплениями служил препятствием для захвата Германии Францией со стороны моря. Ни одна держава, кроме Англии, не должна была иметь на то право.

В области ограничения морских сил Мирная Конференция не добилась никаких существенных результатов. Статьи VIII и IX положения о Лиге Наций предоставили лишь возможность исследования и обсуждения этих проблем, как и вопрос об ограничении сухопутных вооружений. Морские вооружения были упомянуты более подробно, но лишь в заключительном примечании к ст. VIII, устанавливающей полную гласность в морских и военных делах. Тем не менее надо иметь в виду, что все положения об ограничении вооружений относятся в одинаковой мере и к сухопутным, и к морским силам народов. Точно также и постоянная комиссия, избранная Советом

Лиги в мае 1920 г., должна была исследовать не только проблему сокращения армий, но и флота.

Хотя разоружение морских сил никогда не обсуждалось с надлежащей серьезностью на Мирной Конференции, тем не менее эта проблема представляла значительно меньше затруднений, чем ограничение вооружений на суше. Величайшая морская держава мира, Великобритания, ревниво оберегая свое первенство, была более склонна, обсуждать основы своего могущества, чем Франция, первенствующая сухопутная держава. Ллойд-Джордж сам предложил дискутировать вопрос об ограничении морских вооружений, хотя и сомневался относительно приемлемости его планов для американских властей. В конце-концов Великобритания приняла программу американцев.

Причины уступчивости, которую Великобритания проявила в вопросе о флоте, совершенно ясны. В Англии почти не сказался психоз войны, так как Англия не была занята или опустошена вражескими армиями подобно Франции. Общий враг—Германия—была значительно в большей степени обессилена на море, чем на суше, и притом на долгое время. Правда, приходилось еще считаться с американским и японским флотами; но ни тот, ни другой не могли представлять реальной угрозы для британцев. Великобритания не помышляла о беспощадном проведении условий Версальского мира по отношению к побежденному врагу. Наконец, проницательные английские специалисты поняли, что при современных средствах войны боевая ценность каких-нибудь дредноутов ниже огромных затрат на их сооружение. Великобритания выбивалась теперь из сил, чтобы заложить жизненные, здоровые основы своего экономического процветания. Двух лет оказалось достаточно, чтобы подготовить Британию к великой жертве, к жертве своим вековым престижем. Эта жертва означала чрезвычайно крупный успех на пути к разоружению.

Этот шаг совершился без содействия Лиги Наций, так как одна из держав, необходимых в кооперации народов,

Соединенные Штаты, не примкнула до сих пор к этому союзу. Да, это и не был решающий шаг, ибо Соединенные Штаты отказались заменить вооруженную мощь перманентной, действенной международной организацией, без которой невозможна защита национальной безопасности и действительное разоружение народов. В пределах определенных директив, правительство Гардинга делало, однако, все возможное, чтобы предотвратить в будущем столкновение великих морских держав. В своем желании устранить возможность трений в Тихом Океане оно зашло так далеко, что заключило соглашение с Японией, Великобританией и Францией, которое имеет сомнительное и, пожалуй, опасное значение сепаратного союза.

Невелики фактические результаты борьбы за разоружение морских сил. Идея разоружения в чистом виде была с самого начала заменена идеей „ограничения вооружений“. Все попытки установить абсолютные предельные нормы вооружений остались также бесплодными. Вместо них был избран эмпирический масштаб status'a quo. Определение понятия „национальной безопасности“, навязанное Японией и Францией Лиге Наций, оказалось попросту негодным. Понятие „внутренней безопасности“, без адэкватной гарантии национальной безопасности, было лишено реального содержания. Можно было добиться только одного: положить предел дальнейшим вооружениям на море и закрепить существующее потенциальное соотношение боевых сил. Конечно, это не разоружение, и это не претендует на такое значение; да и средство, избранное для этой цели, недостаточно действенно. Положили предел росту затртат на вооружение, но самые затраты не понизили. Принцип охраны стран, при посредстве вооруженной силы, был оставлен в силе. Самым характерным результатом всего комплекса этих вопросов, является примирение Великобритании с мыслью, что она, как морская держава, равносильна Соединенным Штатам Америки.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Контроль над вооружением малых наций.—Французская точка зрения.

Однажды вечером, в конце мая, когда Мирная Конференция переживала один из своих критических моментов, я посетил президента: он был один и стоял перед большой картой юго-восточной Европы, которая висела в его рабочем кабинете, где происходили совещания „Великой Четверки". Был теплый майский вечер, окно было приоткрыто. На узком дворе взад и вперед шагал американский часовой.

Прошло некоторое время, прежде чем президент оторвался от своих дум и изучения географической карты. Он пережил тяжелый день: это было видно по всему. Переутомление лежало в каждой складке его лица.

Для всех наступили тяжелые дни. Мирный договор с Германией был уже готов и передан врагу, но возникли сомнения, подпишет ли его Германия. Президент тяжело страдал. На всем свете не было, кажется, человека, который действительно был бы доволен результатами конференции. Теперь, когда Совет приступал к обсуждению австрийского мира, перед нами громоздилось множество новых вопросов, которые касались разложившихся монархий Востока и Юго-Востока Европы—Австро-Венгрии, Турции и России. В Венгрии неистовствовала революция; мелкие очаги националистической злобы и гражданской

войны пылали по всей Европе. Казалось, что между миром и анархией начнется поединок. Для президента лично положение отягчалось еще больше внутренними осложнениями. Только что он составил длинное послание Конгрессу; никто не знал, откуда взялось у него время. Очевидно, он воспользовался несколькими минутами свободы до и после заседания Совета Четырех. Незадолго до этого в Париж явилась ирландско-американская делегация, которая и ему, и всем остальным отравила существование; а затем с удвоенной силой вспыхнула вновь в Конгрессе борьба против него и Лиги Наций.

Не раз приходилось мне задумываться над тем, какие невероятные затруднения вставали перед этим человеком, пытавшимся насадить порядок и справедливость вместо раздоров. Австрийцы, горя нетерпением, настаивали в Ст.-Жермене на заключении все еще незаконченного мирного договора. И президент силился насадить порядок и справедливость, когда кругом не было и тени желания осуществить его идеал! Он пытался пробудить добрые чувства, готовность придти на помощь, так как только при этих условиях можно было создать мир, какой он хотел. Что же удивительного, что эти неимоверно тяжелые недели так страшно отразились на нем, что после своих заседаний он выглядел, как настоящий мертвец. Временами пробегала мучительная судорога на его лице, стягивала одну сторону его лица и глаз. И тем не менее он не сдавался, он боролся с целым хаосом проблем и прокладывал дорогу своим принципам, а когда ему не удавалось провести их полностью, он старался, по крайней мере, помешать осуществлению проектов, прямо противоречащих его идеям, или смягчить их значение. Его коллеги, особенно Клемансо, несмотря на резкую рознь их взглядов, признавали его абсолютную искренность и прямоту. Иногда чувство уважения к президенту вырывалось у них совершенно непроизвольно, как напр., в словах Клемансо:

„Президент Вильсон явился в Европу с программой мира, которая должна об'единить всех людей. Его

идеал чрезвычайно возвышенный, но он таит в себе непреодолимые трудности, так как целые века старой ненависти разделяют некоторые народы“ [1]).

„Мы изучали новые австрийские границы“, сказал наконец президент. „Австрийцы готовы вцепиться в горло юго-славам“.

Мы старались возможно скорее провести спешный плебисцит.

„Они предпочли бы бороться за него“, заметил я. „Да, конечно, они все предпочли бы драться. Клемансо рассказывал нам недавно, что в Истрии обе стороны стали строить заграждения из колючей проволоки и готовиться к войне. Там, наверху, вцепились друг в друга румыны и венгры, здесь—чехи и поляки“.

Я сказал ему, что по нашему подсчету в настоящий момент происходят боевые схватки в 14 различных областях Европы.

„Этому я охотно верю“, ответил Вильсон. „Мы обсуждали вопрос об ограничении вооружений этих мелких неспокойных государств. Но разве могут принудить их к разоружению великие державы, если они не проводят его даже у себя?“

Несколько дней спустя он задал тот же вопрос и также открыто своим коллегам:

„Более крупные державы могут оказаться в несколько щекотливом положении, если их потянут к допросу (малые государства) и спросят, намерены ли они осуществить у себя ограничение вооружений. Ответ с их стороны гласил бы: „Да, Совет Лиги Наций представит соответственный план“. На это представители малых государств могли бы ответить: „А вы обязались этот план принять? и тогда великие державы должны будут ответить: нет!“ [2]).

На это заявление Вильсона не нашлось ответа ни у Ллойд-Джорджа, ни у Орландо. Только Клемансо,

[1]) Секретн. протокол Совета Четырех, от 26 мая.
[2]) Секретн. протокол Совета Четырех 4 юня.

как указывают протоколы, „указал на значительно бо̀льшую ответственность великих держав“...

Проблемы, возникшие в связи со свеже-испеченными государствами были, действительно, самыми трудными вопросами всей конференции.

Во время войны президент энергично заступался за права малых государств. Он воодушевил надеждой поляков и сербов и признал официально Чехо-Словакию. Такая политика, подрывая и расшатывая моральное состояние и солидарность центральных держав, глубоко коренилась в убеждениях президента: он признавал за народами право на самоопределение и налагал на сильного обязанность помогать более слабому. Для него были важнее обязанности сильного, чем права слабого. Речь маршала Жоффра в Académie Française так тронула его, что он отметил у себя его мысль и впоследствии использовал ее и в своей речи в Гюильдголле, и даже в других случаях. Жоффр сказал следующее:

„Пусть (Франция) не забудет, что малые и слабые на свете смогут только тогда жить в свободе, если великие и сильные будут готовы и мощь свою и силу отдать на служение праву“.

Эти слова всецело совпадали с учением, которое воодушевляло президента; он полагал, что отношение сильного к слабому определяет моральное содержание демократии.

Но не успела открыться Мирная Конференция, как уже стали проводить политику на основах, которые прямо противоречили идеям Вильсона и Жоффра. Вместо того, чтобы помогать слабому, его эксплоатировали, чтобы защитить сильного и еще больше укрепить его безопасность. Политика Франции, продиктованная страхом, завершалась планом окружения Германии кольцом мелких, слабых государств, под главенством и защитой, конечно, не германского народа, а Франции. Таким образом Польша с своей армией и ее французскими генералами—стала военным сателлитом Франции.

То же самое случилось с Румынией и другими мелкими государствами. В течение всей конференции Франция поддерживала самые непомерные требования малых держав об увеличении их территорий за счет врага; поведение Франции может быть доказано документально. Подобная политика, не говоря уже об ее несправедливости или справедливости только в единичных случаях, вызывала конечно у всех мелких народностей страх перед местью врага и заставляла дрожать их за свои новые владения (к Германии они питали прежнее почтение!). Поэтому они вынуждены были держаться за Францию, как за самую могущественную державу континента. Чем несправедливее была сделка, тем сильнее был страх, тем настоятельнее нужда в покровительстве со стороны сильного государства. Но вместе с таким протекторатом рос и национализм, возникала борьба за расширение границ, за угольные копи и рудники, железные дороги и промышленные центры.

Яркую картину центральной Европы обрисовал в своем секретном докладе один из американских офицеров, генерал-майор Ф. И. Кернан (Kernan), главный делегат Америки в междусоюзной комиссии по делам Польши:

„В центральной Европе как среди офицеров, так и среди солдат, часто мелькает форма французской армии. Агенты Франции планомерно и настойчиво стараются пробудить воинственный дух в Польше, Чехо-Словакии и, как мне кажется, в Румынии. Идея империализма, как какое-то безумие, овладела психикой французов. Совершенно откровенно стараются организовать целую цепь сильных военных государств и по возможности подчинить их влиянию Франции, рассчитывая впоследствии встретить в них своих союзников. У меня нет ни малейшего сомнения, что подобный план существует и, повидимому, имеет успех: Польша стремиться к созданию армии приблизительно в 600 тысяч человек, чехи силятся довести свою армию до 250 тысяч человек, Румыния стонет так же под ярмом милитаризма. Все это доказывает, что народы эти не верят в силу Лиги Наций, в ее способность

защитить их; повидимому, под руководством Франции создается сильный военный союз, который, быть может, будет господствовать над всей Европой. Конечно, эта цель открыто не выставляется, наоборот, делаются заявления, что образование кордона сильных военных государств необходимо, чтобы удержать волны большевизма. Но я лично считаю эти заявления в значительной степени блефом. Каждое из этих трех государств питает агрессивные замыслы насчет соседних областей, каждое полно решимости применить в случае надобности оружие для захвата возможно более обширных территорий".

Предсказанная генералом **Кернаном** „аггрессивная военная акция" — действительно осуществилась в апреле месяце. Этот факт был, несомненно, самым трагическим моментом Мирной Конференции: те самые притязания и интересы поляков, которые давно с такой искренностью и теплотой отстаивал президент, были извращены и запятнаны великими державами, преследовавшими свои эгоистические интересы и цели. Но Польша, подвергавшаяся тяжким насилиям со стороны своих могучих соседей, была искони трагической фигурой на всем протяжении мировой истории и никогда не знала искренней, бескорыстной дружбы. В течение всей Мирной Конференции французы не уделяли нуждам поляков ни малейшего внимания; они вовсе не хотели помочь Польше, они хотели использовать ее в интересах великих держав.

Так, 2 июня **Клемансо** заявил следующее: „Когда был поднят вопрос об образовании польского государства, имелось в виду не только загладить одно из величайших преступлений истории, но и создать барьер между Германией и Россией, и этого не следует забывать" [1]).

Польшу хотели использовать в целях обороны против большевизма, в целях ослабления Германии, в целях противодействия чехам—одним словом, ею готовы были пользоваться для чего угодно, но никто не думал о том, чтобы

[1]) Секр. протокол Совета Четырех.

превратить ее в здоровый, жизнеспособный государственный организм.

Что касается британцев, то их отношение к малым государствам отличалось резкостью и нетерпимостью (этот тон чаще всего принимали они на Мирной Конференции), так как эти государства причиняли много хлопот и требовали больших затрат. Пока не будет достигнуто успокоение этих народов, не могло быть речи о мире, о возвращении к нормальному ходу деловой и торговой жизни, о чем больше всего помышляли британцы (и в меньшей степени американцы). Поэтому Ллойд-Джордж резко нападает (11 марта) на „неслыханные требования чехословаков“, громит (23 мая) „жалкие притязания“ малых держав.

Эти же державы растрачивали свои деньги и запасы не на восстановление своей нормальной жизни, а на новые вооружения и на образование новых полков — и деньги эти шли из карманов великих держав. Однажды м-р Лансинг спросил на конференции британцев, признают ли они короля Черногории?

„Да“, ответил кратко и сухо м-р Бальфур, „мы платим за него“.

Кроме того, у всех создавалось такое впечатление, что в один прекрасный день все эти мелкие державы прорвут всякие преграды и еще в большей степени нарушат политическое равновесие Европы.

„Великие державы“, заявил Ллойд-Джордж, „не должны допускать, чтобы мелкие государства, пред'являющие свои жалкие требования, загребали жар их руками... Пруссия была вначале таким же государством и имела в то время такое же население, как Юго-Славия“ [1]).

Итальянцы не проводили в вопросе о малых державах никакой определенной политики, но они хотели все-таки еще бо̀льшего ослабления их, еще бо̀льшего уменьшения их территорий, особенно Юго-Славии; в противо-

[1]) Секр. протокол Совета Четырех 23 мая.

положность Франции, Италия ни от кого не могла ждать защиты, разве только от Албании. Италия предпочитала усилить политически Австрию, своего заклятого, ныне беспомощного врага, чем Юго-Славию, которая настойчиво стучалась в ее двери с востока.

Так обстояло дело до 15 мая, когда резко встал на конференции вопрос об ограничении вооружений малых держав. Днем раньше в С. Жермен прибыли делегаты Австрии; было необходимо установить хотя бы стратегические условия мирного договора. И тут обнаружилось, что нет единства взглядов, что по этому вопросу на конференции принципиальные разногласия: „американо-британский“ проект требовал „отмены воинской повинности“, „франко-итальянский“ — ограничивался „краткосрочной воинской повинностью в течение одного года“.

В этом пункте снова обнаружилось традиционное отвращение Америки и Великобритании, могущество которых опирается на морские силы, к принудительно набираемым армиям; между тем, как французы и итальянцы отстаивали, конечно, этот институт, так как на нем покоилось их военное могущество на континенте.

Как только президент Вильсон доложил оба эти проекта, поднялся м-р Ллойд-Джордж и заявил следующее:

„Статья II затрагивает чрезвычайно важный, принципиальный вопрос, который надо разрешить не только по отношению к Австрии, но и по отношению к малым, вновь создаваемым государствам. Если мы согласимся предоставить малым государствам, включая Румынию, Чехо-Словакию и Юго-Славию, право держать под ружьем сравнительно крупные армии, ничто в мире не удержит их от новых войн между собой. По его мнению, Совет должен установить совершенно определенные принципы относительно вооружений, которые должны быть применены к Австрии и ко всем соседним с ней государствам“ [1]).

---

[1]) Секр. протокол Совета Четырех 15 мая.

Но что же должны были гласить эти „общие принципы“? **Вильсон** установил общую програму разоружения в своих „четырнадцати пунктах“ — он требовал сокращения вооружения „до минимума, необходимого для охраны внутренней безопасности“; но когда он пытался установить нормы вооружения,—он наткнулся на упорное сопротивление. И тем не менее эти же принципы, которые союзники отвергли для себя, они применили полностью к своему врагу. Германии разрешалось располагать только „полицейской силой“ численностью в 100 тысяч человек. Сейчас на поверхность вынырнула та же проблема, но теперь речь шла о ничтожной и слабой Австрии, окруженной, однако, могущественными врагами. Военные специалисты предложили оставить Австрии армию в 40 тыс. солдат, **Клемансо** в 15 тыс. человек. Итак, Австрия, насчитывавшая 6 миллионов жителей—получала право на 40.000 солдат, а Германия с населением в 60 миллионов, только на 100 тыс. человек; соотношение ни чем неоправдываемое. Но если бы Австрия получила даже армию в 40 тыс. человек, а за Юго-Славией, Румынией, Чехо-Словакией, не говоря уже о Греции и Болгарии, осталось бы право на всеобщую воинскую повинность и крупные армии, что могла бы она сделать с таким войском? Как предотвратить войну между этими озлобленными, беспокойными и алчными народностями? Допустимо ли применение одинаковых правил к прежним врагам, Австрии и Болгарии, и к друзьям и союзникам, Сербии и Румынии?

Было ясно, что нет общего принципа. Но что же должен был гласить такой принцип? Отмену воинской повинности, чего и требовали американцы и британцы? Французы и итальянцы в страхе открещивались от такого плана. **Орландо** совершенно откровенно заявил своим коллегам (15 мая), что Италия не может создать армию добровольцев. Франция решила сохранить у себя обязательную службу в войсках (она располагала и тогда, и теперь самой сильной, лучше всего подготовленной к бою

армией) и зачем было ей отменять воинскую повинность, скажем, хотя бы в Польше или Румынии, которые являлись ее союзниками? Франция не хотела, чтобы эти государства средней Европы, за исключением Австрии, располагали ничтожными армиями. Ослабления Австрии Франция добилась без всяких затруднений, заявив устами Клемансо (15 мая), что она принимает американо-британский план отмены воинской повинности... по отношению к Австрии. Клемансо не мог поступить иначе, раз этот же принцип он применил к Германии, но этим осталась далеко не удовлетворенной Италия, т. к. вопрос о Юго-Славии оставался все-таки открытым. Поэтому Орландо предложил „подвергнуть весь вопрос обсуждению в более широком масштабе"; он потребовал „рассмотрения всех программ вооружения, которые надлежало бы провести в областях, входивших в состав бывшей Австро-Венгерской монархии".

Президент Вильсон усмотрел в этом предложении возможность вновь развить всю свою программу разоружения и высказался в пользу резолюции Орландо.

„Все эти вопросы", заявил он, „составляют единое целое", и потому он тотчас же предложил принять принцип, установленный в его четырнадцати пунктах, и осуществленный в отношении Германии: „Военный режим, установленный в Германии, должен быть общим принципом (standard)". Совет принял предложение президента и направил весь материал военным уполномоченным Верховного Военного Совета с просьбой представить доклад „о численности войск, необходимых для Австро-Венгрии, Чехо-Словакии, Юго-Славии (включая Черногорию), Румынии, Польши, Болгарии и Греции, причем масштабом при определении их численного состава должна служить численность оставленной для Германии армии".

Казалось, что дело приняло, наконец, серьезный оборот. Но два дня спустя, когда вопрос этот находился еще на рассмотрении уполномоченных Верховного Военного Совета, произошел чрезвычайно щекотливый случай.

Лорд Роберт Сесиль обнаружил, что как раз в тот момент, когда союзники выбивались из сил, чтобы затушить разгоравшее пламя войны в центральной Европе, громадное количество боевого материала пересылалось в соответственные государства. Тогда лорд Сесиль распорядился произвести расследование, результаты которого в форме доклада, составленного м-ром В. Т. Лейтоном, были 17 мая доложены Совету. Документ этот произвел чрезвычайно тяжелое впечатление. Он обнаружил, что „в настоящее время по распоряжению маршала Фоша, из Франции пересылаются различным народностям большие количества военного снаряжения“; и что „различные вновь образованные государства пожелали скупить у союзников излишки их боевого снаряжения и что только финансовые затруднения удерживают отдельные правительства от распродажи своих запасов, на которые пред'является столь усиленный спрос“.

Вот к чему сводилось ограничение вооружений! Доклад предлагал целый ряд мер для предотвращения войны и банкротства этих мелких государств. Но доклад этот поспешили снять с обсуждения. Хотя позже была подписана конвенция относительно торговли оружием, но она и поныне не ратифицирована. И торг излишками боевого снаряжения велся между мелкими государствами также интенсивно, как раньше, тем более, что имелось множество не расстрелянных пока еще снарядов.

23 мая генералы представили свой доклад об ограничении вооружений малых государств. Заседание это имело значение мирового события; за одним исключением, это совещание было самым интересным моментом в деятельности Совета Четырех; по числу своих участников и посетителей оно было одним из самых многочисленных. Пришлось перейти из небольшого рабочего кабинета президента наверх. Присутствовало 33 человека, среди них целая группа блестящих, залитых золотом генералов и адмиралов. Американский генерал Блисс произнес большую речь—с[illegible]ую большую в течение всей конференции.

Он говорил от всего сердца, глубоко сознавая правоту своих убеждений; такая речь способна убеждать и противников. Она произвела настолько сильное впечатление, что Клемансо предложил „распространить копию речи генерала Блисса", а президент Вильсон сказал, что „идеи, которые проводил генерал Блисс, чрезвычайно серьезны и значительны и требуют основательного обсуждения". Ллойд-Джордж заметил, что „замечание генерала Блисса о возможности германо-славянского союза произвело на него глубокое впечатление".

Генерал Блисс охарактеризовал работу военных уполномоченных. Они определили число вооруженных сил малых государств на основании контингента, установленного для Германии и составляющего цифру в 100.000 человек. Соразмерно этой норме на Австрию придется только 15.000 человек, на Венгрию 18.000, на Болгарию 10.000, на Чехо-Словакию 22.000, на Юго-Славию 20.000, на Румынию 28.000, на Польшу 44.000 и на Грецию 12.000. Но, тем не менее, военные специалисты пришли к заключению, что указанные нормы вооруженных сил недостаточны для защиты малых держав, в особенности там, где приходится держать значительные полицейские отряды для охраны порядка в крупных городских центрах и защищать границы от вторжения большевиков. Поэтому он предложил бы другие цифры: для Австрии 40.000 человек вместо 15.000; для Польши 80.000 человек вместо 44.000; для Болгарии 20.000 вместо 10.000. Численный состав этих армий ничтожен, если сравнить его с тем, какого добивались эти государства: армии, которыми они располагали фактически, были значительно больше; но для оборонительных целей, установленные контингенты были вполне достаточны, а для нападения, конечно, слишком незначительны.

Генерал Блисс заявил совершенно открыто, что, по его мнению, армия в 100.000 человек, оставленная Германии, недостаточна даже для охраны ее „внутренней безопасности", что сокращение армий малых государств

центральной Европы до подобных же пределов превратит их „в вассальные владения двух континентальных держав Антанты (Франции и Италии“). Он не думает, чтобы „такое положение содействовало делу мира“. И затем он нанес решительный удар:

„Некоторые народы Западной Европы“, сказал он, „притягивает сейчас блеск оружия, но это стремление в действительности не признак здоровья; их снедает разрушительный жар лихорадки, которая, быть может, завершится гибелью той слабой латино-англо-саксонской культуры, которая издавна осела на западном побережьи Европы“.

Впоследствии он об‘яснил, что означали эти заключительные слова его речи: „Народился союз германо-славяно-азиатских племен, который сможет до основания уничтожить западно-европейскую культуру“.

Только Клемансо отбивался руками и ногами от нового обсуждения вопроса о германской армии. Он не хотел и слышать о пересмотре принятых решений о сокращения армий и вооружения держав центральной Европы. После бесконечных прений было на-спех решено (так как нельзя было откладывать заключение мира с Австрией), что австрийская армия будет состоять из 30.000 солдат-добровольцев. Ограничение прочих держав оказалось невозможным. Клемансо был против всякого дальнейшего вмешательства, между тем как Вильсон и Ллойд-Джордж определенно хотели добиться известных результатов и в этом направлении.

„Президент Вильсон об‘явил, что он разделяет опасения м-ра Ллойд-Джорджа (по поводу того, что малые державы создают крупные армии). Население сейчас жаждет войны, рвется захватить в свои руки все, что можно захватить. Поэтому он предлагает определить конечный срок, к которому, по здравому смыслу, могло бы улечься брожение, охватившее Восточную Европу... в мирный договор можно было бы включить положение, что после 1 января 1921 г. соответственные государства обязаны приступить к тому или иному сокращению своих

вооруженных сил, если Совет Лиги Наций не сочтет желательным их увеличение".

Вновь разгорелась жестокая борьба, под конец которой президент печально заметил, что союзники пред'являют к малым народностям требования, которых не выполняют сами. Установление даже отдаленного срока для ограничения вооружений должно быть связано с более решительными обязательствами, чем те, которые приняли на себя великие державы.

Наконец решили пригласить представителей малых народностей, обсудить с ними весь вопрос и выслушать их ответы относительно ограничения вооружений.

Надо обладать пером, насыщенным иронией, чтобы описать совещание 5 июня, происходившее в помещении президента Вильсона. Великие люди пяти малых, но властолюбивых держав: Падеревский из Польши, Бенеш из Чехо-Словакии, Братиану и Мису из Румынии, Венизелос из Греции и Веснич из Сербии присутствовали на этом совещании. Все—способные головы, некоторые из них и на более крупной арене могли бы прослыть величайшими людьми своего времени. Они произносили хорошие, умные речи; они соглашались, совершенно так же, как и великие державы, что сокращение вооружений чрезвычайно желательно и так же, как великие державы, отстаивали безусловную необходимость—самостоятельной защиты своих границ; они обращали внимание на свое „особо опасное" положение; сомневались в авторитетности молодой Лиги Наций и требовали не сокращения, а увеличения вооруженных сил. Каждый аргумент, приводимый великими державами, они возвращали им обратно. Ллойд-Джордж, сознавая слабость своей позиции, заявил Падеревскому, что после заключения мира Британская империя проведет „большое сокращение своих вооруженных сил. Румынская армия будет тогда несомненно больше британской и вероятно то же самое можно будет сказать о польских войсках".

На это Падеревский сухо и зло ответил, „что Ве-

ликобритании ведь не приходится же отражать вооруженной силой омывающие ее границы воды".

Но если бы малые, представленные на конференции державы были разоружены, как следовало поступить с нейтральными государствами, которые оставались во всеоружии своих боевых сил? Разве не могло бы их положение оказаться более опасным, чем положение нейтральной Голландии или Швейцарии? Под конец Бенеш пустил еще одну стрелу. Он заметил, что малым державам угрожает не только Россия и нейтральные государства, „но и западные державы"! Как, западные державы? Значит малые государства опасались даже своих ангелов-хранителей?

И с этим ушли представители мелких народностей и сошлась снова „Великая Четверка" и порешила, что эта проблема слишком тяжела и не стоит над ней мучиться. Они оставили ее без разрешения. А четыре дня спустя, 9 июня поступили вести о жестоких боях на Балканах.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Контроль над новыми средствами войны: летательными аппаратами, удушливыми газами, подводными лодками.

„На карту поставлена вся современная цивилизация. Падет ли она и погибнет, подобно древним культурам прошлых веков, или же будет жить и процветать, зависит от того, какой опыт вынесли, как народы, участвовавшие в мировой войне, так и те, что были зрителями ее и стояли в стороне. Применение научных знаний и научных открытий на войне делало ее из года в год ужаснее и истребительнее... И если через двадцать или тридцать лет вновь вспыхнет война, что же произойдет тогда? Неужели достижения в области научных изысканий будут использованы для подготовки новых разрушительных средств будущих войн, для измышления новых способов истребления человечества? Эти новые средства не могут быть заключены в границе одной национальности, их цель—массовое уничтожение людей—будет тогда осуществлена еще решительнее, чем в настоящую войну". (Лорд Грэй, 1918 г.).

Что делать с новыми орудиями разрушения, которые за время мировой войны получили права гражданства? Имелись замечательные, неописуемые и неуловимые открытия (они находились еще в начальной стадии своего развития), которые должны были сверху донизу перевернуть боевую тактику. Неприступные до сих пор нацио-

нальные границы потеряли свое значение, вследствие завоевания воздушных пространств летательными аппаратами; ядовитые газы стерли различие между активным бойцом и мирным жителем, и равно убивали всех; беспроволочный телеграф уничтожал пространство и время, а подводные лодки произвели революцию в тактике морских сражений.

Даже во время Мирной Конференции новые сведения об этих „чудесах" приводили время от времени в возбуждение человеческую мысль и открывали беспредельные горизонты фантазии. Так, напр., в июне месяце юный Рэд—„N. C.*)—4. Read"—высадился на берег Франции. Он первый перелетел на аэроплане бурный Атлантический океан. Рэд—скромный молодой человек в форме обер-лейтенанта американского флота вместе с товарищами своими посетил президента в его парижском „Белом Доме". Во время его визита явились члены Совета Четырех на свое обычное утреннее заседание и президент представил Клемансо, Ллойд-Джорджу и Орландо американских летчиков и присутствовавших при этом адмиралов.

„Поздравляю вас", сказал президент, выслушав их рапорт о благосклонном приеме, оказанном им в Париже, „что и здесь, на твердой земле, вы не теряете своей головы, как и в волнах воздушного океана".

Рэд и его спутники сократили наполовину пространство между Америкой и Европой. И многие вывели отсюда заключение: если такой перелет возможен во время мира, то он также осуществим и во время войны, и притом в обоих направлениях. А что же станется тогда с национальной изоляцией той или иной нации? Эти перспективы сыграли свою роль в этих многочисленных спорах.

Французы резко возражали против предоставления

---

*) N. C. означает North Carolina—Северную Каролину, один из 13 основных штатов Сев. Америк. Союза. (Прим. перев.).

враждебным державам права на изготовление и применение даже гражданских летательных аппаратов, так как за какую-нибудь ночь их легко снабдить взрывчатым материалом, быть может, даже более грозным, чем сейчас, и неожиданным налетом разрушить целые города.

Лорд Гардинг полагал, что дело авиации до 1923 г. совершенно преобразится и поэтому было бы неразумно со стороны правительств уже сейчас принимать решения, которые должны определить будущее [1]).

„Германия“, сказал Ллойд-Джордж, „может в один прекрасный день открыть какой-нибудь газ, при помощи которого будут уничтожены все ее враги“ [2]).

Кто может сказать, что творится в голове человека? И кто может пресечь поток мыслей, даже если они направлены на разрушительные цели?

И тем не менее надо было предпринять какие-нибудь меры, чтобы нейтрализовать эти средства, и если нельзя было издать закона, обязательного для всех народов, то по крайней мере разоружить в этом отношении хотя бы Германию.

Президент пророческим духом предвидел далекие перспективы, которые открывал этот вопрос. Он просил Мирную Конференцию представить себе мысленно „картитину мира“.

„Разве не поражает нас“, сказал он, „что великие научные открытия, что мирные изыскания лабораторий— обращены теперь на дело разрушения культуры?.. Только внимательное и неустанное сотрудничество (народов) сможет надзирать за тем, чтобы наука и вооруженная сила оставались в пределах культуры“.

Дискутирование этой новой, чрезвычайно важной проблемы началось в феврале и продолжалось без перерыва до середины июня месяца. А затем этот вопрос был оставлен, и действительно важные элементы его так и оста-

---

[1]) Секр. проток. Совета Министров Иностр. дел от 26 апр.
[2]) Секр. проток. Совета четырех от 18 апр.

лись без разрешения. Целые дни проходили в приведении аргументов в пользу различных точек зрения, и каждое мнение подвергалось тщательному обсуждению. В тех битвах, которые разыгрывались вокруг вопроса о разоружении, подымался и этот вопрос в связи с отменой всеобщей воинской повинности; но если в вопросе об обязательной службе в войсках американцы и англичане совместно боролись против франко-итальянской точки зрения, то по отношению к новым боевым средствам Америке приходилось противопоставлять всем прочим нациям свою собственную точку зрения (правда, за одним исключением: к подводным средствам войны американцы и англичане относились одинаково, они говорили: „надо пустить ко дну эти проклятые лодки“).

Ясное понимание различных точек зрения представляет чрезвычайную важность, так как эти точки зрения затрагивают принципиальные основы Парижской Конференции и, пожалуй, всякой международной конференции вообще.

Два положения были приняты Мирной Конференцией в качестве исходных и оставлены почти без обсуждения, как это часто бывает с вопросами животрепещущей важности:

1. Германия должна быть лишена всех, служащих для военных целей, аэропланов, подводных лодок, танков, запасов удушливого газа и т. д. Все согласились с этим. Но

2. Никто ни минуты не думал о том, что немедленное сокращение этих средств войны должно быть осуществлено не только у врагов, но и у союзников.

Правда, такие требования готовилась пред‘явить Лига Наций, но до ее осуществления было еще далеко. А потому непосредственный результат сводился скорее к увеличению вспомогательных средств союзников запасами удушливого газа, подводными лодками и т. п., так как все наличие германского снаряжения переходило к союзным державам и было между ними поделено. И тут обнаружилась пропасть между мнением американцев и европейцев.

Разногласия, существовавшие между некоторыми членами американской делегации, напр., между м-ром Лансингом и президентом, были в значительной степени преувеличены. Правда, существовали резкие расхождение относительно перспектив и методов; сказывалась разница темпераментов, но это были болезни, которые изживались собственными средствами. Но когда требовалось выявить американскую точку зрения относительно определенных проблем мира, обнаруживалась в большинстве случаев изумительная солидарность взглядов. Так держали себя эти „Outsiders", они старались тщательно взвесить каждое разногласие и добиться его практического разрешения, не создавая новых споров. В этом сказывался дух нации, воспитанной в традициях свободы и самосознания. Все до одного шли по этому пути: м-р Лансинг в совете министров иностранных дел; генерал Блисс в Верховном Военном Совете; Барух, Ламент, Дэвис и Гувер в Верховном Экономическом совещании и Гаскинс, Лорд Сеймур, Бир и Юнг в различных комиссиях; они отстаивали в общем и целом те принципы, за которые боролся в Совете Четырех президент. И эти принципы, и эти традиции остаются неизменными, кто бы ни сидел в „Белом Доме", м-р Вильсон или м-р Гардинг. Эти идеи составляют гений народа, они выше партийных раздоров и переживут преходящую смену правительств.

Единодушие, с которым американцы преследовали свои общие цели, различие их солидарных взглядов от взглядов остальных союзников неоднократно сказывалось при рассмотрении вопросов о новых средствах войны. Другие союзники, напр., упрямо требовали двух вещей:

1. Чтобы Германию лишили не только всех ее летательных аппаратов, но и аэропланных моторов (по крайней мере, на продолжительное время), чтобы было буквально уничтожена вся германская авиационная промышленность.

2. Чтобы союзникам было обеспечено право перелетать во всякое время в Германию и делать там высадки, не наделяя, однако, таким же правом германцев.

Таким способом Германия обезоруживалась не только в боевом отношении, но и в экономическом смысле; что касается новых завоеваний в области техники, то ее безжалостно калечили в этом отношении на долгое время.

Эти предложения одно за другим встречали возражения со стороны американцев: в комиссии воздухоплавания с ними боролся генерал Патрик, в совете министров иностранных дел м-р Лансинг и в Верховном Совете—сам президент. Все трое солидарно и последовательно отстаивали ту точку зрения, что подобная мера является бесполезным и опасным вторжением в сферу суверенных прав Германии. Они доказывали, что необходимо делать различие между употреблением этих средств для военных целей и применением их для целей мирного передвижения. Можно препятствовать развитию Германии, как военной державы, но нельзя мешать ее хозяйственной деятельности. Если же понадобится до заключения мирного договора установить временные правила, препятствующие применению летательных аппаратов и для коммерческих целей, то в таком случае должен быть точно установлен срок их действия. Американцы усматривали в таком длительном запрете замаскированное расширение военного надзора и укрепление на многие-многие годы духа войны. Раз война кончилась, должны были возможно скорее наступить мирные условия государственной жизни.

Яркую иллюстрацию тех расхождений, которые раз'единяли обе стороны, представляют прения 17-го марта по поводу условий воздухоплавания. Статьи проекта запрещали Германии строить и закупать летательные аппараты „до заключения окончательного мирного договора"; Германии не разрешалась также постройка и транспортировка „частей летательных машин, гидропланов, дирижаблей, управляемых аэростатов и авиационных моторов".

Такое требование означало бы не только прекращение всей военной, но и коммерческой промышленности на многие месяцы. Но и этого союзникам было недостаточно. Французский эксперт генерал Дюваль заявил,

что британский, итальянский, японский и французский представители предполагают внести поправку к договору, устанавливающую значительно больший срок для ограничительных мероприятий.

„Против этого предложения“, заметил Дюваль, „возражал делегат Америки“.

Затем он представил Совету доклад комиссии. В нем зафиксированы взгляды всех пяти наций на важнейшие в этой области вопросы. Вопрос, с которым комиссия обратилась к отдельным державам, был формулирован так:

„Не является ли необходимым, на основании мирного договора и в виду легкости переделки пассажирских летательных аппаратов в боевые машины, воспретить Германии и всем прочим враждебным государствам гражданское воздухоплавание?“

Вот и ответы:

„Великобритания. Да, и на продолжительное время, чтобы уничтожить чрезвычайно развившуюся авиационную промышленность в Германии и всех прочих государств, ставших вследствие войны нашими врагами. Этот срок должен быть не менее 2—5 лет.

Франция. Да, на срок от 20 до 30 лет—время, необходимое для уничтожения всей наличности авиационного материала и роспуска обслуживающего персонала, так как нельзя предусмотреть сейчас будущих успехов воздухоплавания. В настоящее время аэроплан может поднять тонну взрывчатых веществ на расстоянии 300 километров. Тысяча аппаратов сможет покрыть расстояние в 300 километров с грузом в 1000 тонн (больше, чем было сброшено за целый год войны). Чтобы располагать в любое время одной тысячью летательных аппаратов достаточно, чтобы все фабрики вместе изготовляли ежемесячно сто штук.

Италия. Да, на долгое время, так как Германия и все враждебные нам государства должны быть наказаны; союзники вправе принимать меры предосторожности.

Япония. Да (в согласии с большинством).

Соединенные Штаты. Нет, так как подобные ограничения всей авиационной промышленности Германии и ее союзников после подписания мирного договора неразумны и неосуществимы".

Во время прений по этому вопросу президент отстаивал точку зрения американского делегата:

„Я не могу согласиться с этими дополнительными статьями", заявил он в Совете. „...Железные дороги могут быть использованы для перевозки орудий; не следует ли поэтому запретить устройство железных дорог? Различные типы судов могут быть приспособлены для военных целей. Не следует ли ограничить постройку судов?"

Благодаря противодействию, которое оказал президент, внесенные поправки не прошли, и вместо продолжительного срока, запрещение было ограничено 6 месяцами, временем необходимым для предотвращения опасностей, которым могла еще угрожать война.

Во время пребывания президента в Америке м-р Лансинг совершенно также отстаивал различие между употреблением новых технических изобретений для военных и торговых целей.

„Пока существуют летательные аппараты, которыми пользуются для коммерческих целей, они всегда могут быть превращены в боевые машины. Вопрос этот представляет такие же трудности для разрешения, как вопрос о лошадях, которые применяются и для перевозки боевых орудий, и для мирной обработки полей. Все зависит от того, для чего их применяют".

Когда в Совете министров иностранных дел (26 апреля) дошли до обсуждения статьи, предоставляющей союзникам безграничную свободу, перелета и высадки в Германии, м-р Лансинг напал на нее с почти грубой откровенностью.

„Здесь не предусматривается взаимность. Германии не дают никаких прав, союзные правительства хотят, повидимому, уничтожить воздушные сношения Германии

в целях экономических... Он не может понять, почему Германии не следует предоставлять права перелета через другие страны, раз союзники оставляют за собою всяческие возможности пользоваться германскими воздушными путями".

Поэтому Лансинг предложил включить пункт, ограничивающий свободу перелетов и высадки, но только на определенный срок—до 1 января 1923 г. После продолжительных прений это предложение было принято и стало ст. 320 мирного договора.

Но борьба, которую вели американцы, отнюдь не означала, что они не были решительными сторонниками разоружения в боевом отношении Германии. Они поддержали следующее, чрезвычайно широкое, постановление:

„Вооруженные боевые силы Германии ни в коем случае не должны состоять из военных, морских и воздушных средств... Они не должны располагать управляемыми аэростатами (ст. 198)".

Америка не хотела допустить длительного, раздражающего вмешательства в хозяйственную жизнь враждебных государств, так как, по ее мнению, такое вторжение должно было повлечь за собой новые войны.

Почти те же вопросы возникли и относительно применения ядовитых газов. Все были единодушны в том, чтобы воспретить применение газов для военных целей.

„Употребление удушливых, ядовитых и других газов а также соответственных жидкостей, материалов и веществ должно быть воспрещено; изготовление их в Германии или ввоз туда не разрешается".

Но другие союзники этим не ограничивались, они хотели идти значительно дальше. Они хотели заставить германское правительство раскрыть тайны своей химической промышленности, больше того они хотели подчинить своему надзору „все фабрики, изготовляющие химические препараты, употребляемые для составления ядовитых газов". Британцы энергично поддерживали эти стремления и Франция им вторила. Впервые этот вопрос попал в по-

рядок дня 15 апреля в совете министров иностранных дел, в Совете „Малой пятерки"; против такого проекта резко возражал м-р Лансинг. В ходе прений он заявил определенно, что „выражает взгляды президента Вильсона". „Раскрытие отдельных моментов химических процессов в действительности вопрос экономический, а не военный; так как применение удушливых, ядовитых и других газов, а также всех аналогичных средств и веществ воспрещено, равно как и их изготовление и ввоз— то такое постановление, по его мнению, является достаточной гарантией; при таких условиях требование, чтобы германское правительство ознакомило союзников со всеми химическими процессами, включая и способ изготовления субстанций, из которых составляются подобные вещи, является излишним"... Он выразил мнение, что все составные элементы этих процессов могли бы быть обозначены понятием „красящих веществ".

В виду того, что эта „пятерка", несмотря на горячие дебаты, не могла разрешить этой проблемы, она препроводила их в „Совет Четырех", где она и подверглась обсуждению 28 апреля. Ллойд-Джордж отстаивал в данном случае британскую точку зрения упорно. Он заявил, что „по данным лорда Мультона (Moulton) Германия опередила их в этом отношении на три года".

„Военные авторитеты Британии", — сказал Ллойд-Джордж,—„признают реальной опасностью возможность открытия Германией нового газа; даже без значительного количества вооруженных сил Германия могла бы употребить эти средства для нападения на союзные и ассоциированные державы; при указанных условиях постановления, принятые относительно разоружения, оказались бы бесполезными".

Но президент упорно настаивал на американской точке зрения.

„Президент Вильсон заметил, что возражения, направленные против этого предложения, заключаются в том, что Германия не может дать требуемых сведений,

не раскрыв своих деловых тайн. Его эксперты сообщили ему, что все хемикалии, употребляемые для военных целей, находятся в зависимости от общей химической промышленности и что невозможно раскрыть тайну этих лабораторных процессов, не раскрыв и другие... Ему хотелось бы предотвратить принятие статьи, которая посредством некоторого обхода могла бы быть использована для разведывания всевозможных (коммерческих и технических) тайн, что создавало бы почву для раздражения; требование это не входит в круг военных условий мирного договора" [1]).

Вильсон утверждал также, что подобные меры не дают желательных результатов.

„Он не думает, чтобы немецкие химики позволили разоблачить свои действительные тайны". Нет способа обнаружить их мысль.

После длительных дебатов было принято решение, в силу которого Германия принуждалась сообщить союзникам способ изготовления газов, употребляемых для военных целей; но требование о надзоре над химической промышленностью было отвергнуто.

Так как американцы держались того мнения, что подводные лодки для мирных целей не имеют значения, они вместе с британцами голосовали за полное их уничтожение.

Ллойд-Джордж полагал, что „было бы хорошо истребить эту заразу" [2]).

Президент Вильсон заявил, что „он сам противник всяких подводных лодок; он надеется, что придет время, когда они будут отвергнуты международным правом. По его мнению, их следует об'явить вне закона".

Но французы возражали. Им нужны были подводные лодки для усиления своего флота.

Французский адмирал де-Бон заявил, что „он полагал бы сохранить за Францией германские подводные

---

[1]) Секретные протоколы Совета Четырех от 27 апреля.
[2]) Секр. проток. Совета Десяти от 6 февраля.

лодки, которых имеется у нее около пятидесяти штук. Франция располагает незначительным числом своих собственных лодок“

Вот дословный текст прений:

„М-р Ллойд-Джордж сказал, что усиление флота, при помощи подводных лодок не соответствует его взглядам“.

„Г. Клемансо заметил, что подводные лодки оказались бы полезны, если бы Франции пришлось еще раз воевать с Германией; хотя он надеется, что они значительно раньше окажутся вне употребления.

„М-р Ллойд-Джордж возразил, что он стоял бы за истребление германских подводных лодок.

„Г. Клемансо заметил, что у Франции их очень мало, между тем как у Британии их очень много“.

Требования французов проскочили, и статья „об истреблении или разборке“ подводных лодок была исключена.

Таким образом Германия была совершенно лишена подводных лодок, но зато союзные державы увеличили ими свои флотилии. Вообще Мирная Конференция не разоружила, а еще сильнее вооружила союзников новыми орудиями войны; правда, Мирная Конференция поручилась перед той же Германией, что впоследствии весь вопрос об ограничении вооружения будет пересмотрен и разрешен.

С кристальной ясностью обнаружили эти дебаты, что все зависит от общей точки зрения и образа мыслей. Если на научные открытия и их применение смотреть с точки зрения военных интересов, тогда все покажется опасным, тогда всякую возможность надо встретить запретом, иной раз постоянным запретом и, наконец, как reductio ad absurdum, придется читать в тайниках человечеческой души. „Железные дороги и суда“, как сказал Вильсон или „лошади“, как сказал Лансинг, становились, благодаря такому подходу, потенциальными орудиями войны, а сделайте еще шаг вперед,—ими станут косы, ножи и камни... Что же тогда останется от культуры?

Вильсон день за днем настойчиво и терпеливо доказывал людям, что единственная надежда на будущий

мир в обновлении духа народов, в организации, предназначенной не для милитарных целей, не для навязывания всяких запретов, а для защиты мира и охраны изумительных достижений современности, представляющих прекраснейший плод научной мысли человечества, в интересах процветания, а не уничтожения культуры.

Запреты бессильны, необходимы творческие и созидательные силы: дух сотрудничества, а не милитаризма; сила морали, а не насилие оружия. Это проповедывал Вильсон неустанно; в силу этого убеждения, глубоко вкоренившегося в его натуре, пытался он, ценою чего угодно, создать „вечный аппарат“ — союз народов, который мог бы повести человечество, освободившееся от безумия войны, к новым целям. Может быть, ни в одном вопросе так ярко не сказалась правота вильсоновских взглядов, как именно в вопросе о судьбе новых средств войны. Когда вашингтонская комиссия приступила к обсуждению таких проблем, как подводные лодки и ядовитые газы, и не смогла предложить в интересах национальной безопасности никаких гарантий, она оказалась в столь же беспомощном положении, что и старая Гаагская Конференция, и принятые ею решения имели почти такое же значение...

Соглашения, направленные на смягчение ужасов войны,—даже если их выполняют,—или соглашения, имеющие целью облегчение тягостей вооруженного мира, бессильны помочь человечеству в той безысходной нужде, которую создал современный кризис его мировой истории. Другие, может быть, более грозные средства заменят старые. Даже при ослабленных боевых силах можно сражаться, можно усилить их совершенно неожиданными средствами. Угроза новой, быть может, катастрофической войны будет парить над нами, пока не будет создан новый аппарат разрешения международных распрей, пока каждая нация для защиты своей безопасности будет хвататься за меч и вступать в сепаратные сделки.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Применение африканских и азиатских войск в современной войне.

„Соединенные Штаты... должны требовать во имя своих прав, во имя прав цивилизации, чтобы миллионы диких племен не подготовлялись для участия в войнах между цивилизованными нациями. Если цивилизация желает погубить себя, пусть гибнет без содействия варваров" (Генерал Т. Г. Блисс).

Один из важнейших вопросов разоружения, непосредственно затрагивающий цивилизацию, до сих пор почти не расматривался на Мирной Конференции: это вопрос о праве великих держав, господству которых подчинены более слабые племена Африки и Азии, вооружать туземцев и применять их как боевой материал в современной войне. В Париже было несколько лиц, которых искренно возмущала эта позорная практика, которые усматривали в применении сотен тысяч китайцев, сиамцев, сенегальских негров, арабов и сикхов в мировой войне страшную угрозу для цилвизации. Удобные и дешевые средства сообщения, соединяющие различные части земли, облегчили применение их для боевых целей под руководством белых командиров. Как приостановить дальнейшее развитие этой практики? Туземцы получили военную подготовку, познакомились с дисциплиной; можно ли помешать им использовать этот опыт против белых соседей? Употребление

цветных войск французами по окончании войны (немцы называли эти войска „черным позором на Рейне“)—вызывало сильное возмущение.

Сильнее всего были обеспокоены военные деятели, которые, подобно генералу Смутсу (из Южной Африки), лучше других понимали опасность. Смутс по личному опыту знал, что значило участие цветных войск в южноафриканской борьбе против немцев.

„Туземцы Аскари, хорошо обученные и дисциплинированные, представляли под командой немецких офицеров могучую, реальную силу“.

Любимой идеей немецких энтузиастов колониальной политики было создание в африканских колониях крупных армий туземцев, которые могли бы применяться не только в Африке, но по всему миру для борьбы за германские идеалы. Г. Циммерман рассчитал, что через 50 лет население германских колоний составит 50 миллионов чернокожих и 500.000 белых. При надлежащих условиях можно было бы с легкостью мобилизовать армию в 1 миллион туземцев. Господство на морях британского флота помешало Германии во время мировой войны использовать эти войска за пределами Африки. Французы же, которые издавна вели в известной части своих колониальных владений нечто вроде всеобщей воинской повинности, употребляли цветные войска в широком масштабе как в пределах, так и вне пределов европейской боевой зоны. Также поступали и британцы. До 1 июля 1918 г. одни французы ввели в сражения мировой войны приблизительно до одного миллиона цветных войск.

Туземное население оторванных от Германии африканских колоний составляет приблизительно 13 миллионов человек. Существует ли какое-нибудь средство, чтобы помешать государству-мандатарию вооружать туземцев? Есть ли какой-нибудь путь для разрешения этого грозного комплекса вопросов?

Некоторые из собравшихся в Париже государственных деятелей имели совершенно определенные взгляды

насчет применения туземных войск и были полны решимости противодействовать новыми законами и запретительными нормами против сознаваемой ими опасности. Происхождение и история развития их программы представляет огромный интерес и имеет величайшее значение, так как программа эта вскрывает те трудности, которые таит в себе всякая борьба с современной системой.

Президент Вильсон установил два ясных принципа, которые хотел претворить в реальный факт:

1. Вооружение всех государств он полагал свести „до минимума, необходимого для охраны внутренней безопасности“. Отсюда следовало, что войска надлежало набирать только для поддержания внутреннего порядка.

2. Державы, на которые будут перенесены права мандатария над этими первобытными народами, должны были, по его мнению, заботиться о них в качестве их попечителей и ни в коем случае не извлекать выгод из своих подзащитных. Рекрутирование колониальных войск должно было производиться только в интересах колониального населения, а не ради выгод мандатария. Он считал подобное условие основным принципом американской колониальной политики.

Еще до того, что собралась мирная конференция, генерал Смутс уже определил свое отношение к этому вопросу. В проекте союза народов, опубликованном им в декабре 1918 г., он следующими словами изложил свой взгляд на применение туземных войск:

„Государства—мандатарии... не вправе набирать войска свыше норм, установленных союзом народов в целях охраны внутреннего порядка“.

Мы знаем, какое сильное впечатление произвел проект Смутса на президента; он внес ряд изменений в свой проект, но в то же время обобщил положение Смутса и перенес их на все колониальные владения, как расположенные в Африке, так и в Тихом океане. Положение президента гласило так:

„Мандатарии или представители (Лиги Наций) ни

в коем случае не вправе набирать или содержать какие-либо сухопутные или морские войска свыше предельной нормы, установленной Лигой в интересах внутреннего порядка“.

Когда президент передал проект своего положения о Лиге американским делегатам (10 января),—военный уполномоченный Америки, генерал Блисс, ответил (14 января) ему письмом, в котором энергично поддерживал президента и настоятельно ходатайствовал о проведении этого проекта в жизнь.

Он глубоко сознавал опасность, которая угрожала цивилизации из-за вооружения африканских туземцев.

В скором времени выяснилось, что американцы и британцы совершенно солидарны между собой относительно новых политических принципов, выставленных президентом, по крайней мере, поскольку их предполагалось применить к прежним германским колониям. Вопрос о вооружении и военной подготовке туземцев в старейших британских, французских, бельгийских и португальских колониях в Африке и Азии (включая Индию), конечно, никогда не подымался, хотя все сознавали, что ограничение подобной практики в новых колониях представляло мероприятие, которому суждено будет коснуться вскоре этого же порядка и в старших колониях.

В первый раз этот вопрос был упомянут в Совете Десяти Ллойд-Джорджем (24 января). В речи, посвященной вопросу об отнятии у Германии всех ее колониальных владений, он сказал: „Немцы чрезвычайно скверно обращались с туземным населением. В юго-западной Африке, например, они сознательно проводили политику истребления туземцев. В других частях Африки они так же жестоко расправлялись с ними; они набирали туземцев в войска и настолько воодушевляли их к борьбе за немецкие интересы, что устыдили бы даже большевиков. Конечно, французы и британцы тоже вербовали туземцев в свои войска, но они лучше надзирали за ними“.

Совещания продолжались, и, когда 30 января м-р

Ллойд-Джордж внес резолюцию, которая предусматривала контроль мандатариев Лиги над прежними германскими колониями, он сделал еще шаг вперед в отношении вооружения туземцев.

„Мандатарии... обязаны гарантировать прекращение торговли оружием... не возводить укреплений и не устраивать сухопутных или морских опорных баз, а также не производить военных наборов туземцев, кроме как для охраны внутреннего порядка и защиты страны“.

Как только этот проект стал предметом обсуждения, французы (в тот же день) выступили в Совете с возражениями, ссылаясь, как обычно, на интересы национальной безопасности, и потребовали, чтобы в колониях, поставленных под их контроль, было разрешено производить военный набор туземцев. Полную картину разыгравшихся в Совете событий дает нижеследующий секретный протокол прений.

Г. Пишон, французский министр иностранных дел, заявил, что Франция не может отказаться от своего права набирать добровольцев в странах, находящихся под ее управлением, какие бы эти страны ни были. Немцы с‘умели оценить ту поддержку, которую Франция получила из своих колоний. Прежде чем явились сильные американские войска, Франция долгое время оказывала сопротивление своими собственными войсками, совместно с британскими армиями; и если бы не помощь ее колониальных владений, положение стало бы чрезвычайно критическим. Необходимо уполномочить Францию не на принудительный набор, но на вербовку добровольцев во всех колониях, находящихся под ее контролем. Этого требуют интересы национальной безопасности Франции.

Президент Вильсон спросил, относится ли это требование только к колониям, которыми Франция будет управлять в качестве мандатария, или же и к теперешним колониям Франции.

Г. Клемансо заметил, что французы — ближайшие соседи Германии и могут во всякое время подвергнуться

внезапному нападению с ее стороны, чему примеры уже бывали в прошлом. Он не знает, удастся ли обезоружить Германию, но такая попытка должна быть сделана. Франция понимает, что на Англии лежит ряд обязанностей во всех частях света, и она не будет в состоянии сконцентрировать все свои силы в одном пункте. Америка слишком далека и не могла бы сейчас же оказать помощь Франции. Если Лига Наций и международный мир даже будут осуществлены, нельзя все-таки начинать с оставления Франции в опасности. Америка защищена всем простором океана, Великобритания своим могучим флотом. Если Франции не будет разрешено вербовать добровольцев во владениях, находящихся под ее управлением, то такое запрещение будет с большой горечью принято французским народом и даст повод для обвинения правительства.

М-р Ллойд-Джордж пояснил, что к началу войны Великобритания располагала туземными войсками в Уганде и Нигерии, поскольку речь идет о тропических колониях; французы, в свою очередь, имели соответственные войска в Сенегалии и других областях, но эти вооруженные силы применялись исключительно для защиты этих территорий. Они никогда не производили значительных наборов, не вооружали и не снаряжали туземцев для широких наступательных операций за пределами этих областей.

Г. Клемансо заметил, что тем не менее право набора туземных войск существует.

М-р Ллойд-Джордж заметил, что предлагаемый проект не содержит ничего, что запрещало бы набор добровольцев. Текст гласит, что набор должен производиться „только для охраны внутреннего порядка и защиты страны“. Он полагает, что это положение относится и к Франции. Эти статьи не запрещают ей действовать так же, как она действовала до сих пор. Они запрещают только такой род действий, к которому прибегли бы, вероятно, немцы: напр., организацию крупных армий чернокожих в Африке для очищения при помощи их соответственных территорий от всего остального населения. Такая

политика чрезвычайно излюблена Германией, и если подобную политику поощрять среди наций, даже в интересах предотвращения европейской войны, то легко может произойти в Африке то, что в 17 и 18 столетиях случилось в Индии: Франция и Великобритания были врагами в Индии и воевали там друг с другом, а в Европе оставались большими друзьями. Постоянно набирались сильные армии туземцев, чтобы сражаться друг против друга в Индии. Эти статьи не препятствуют Франции вербовать войска для защиты страны.

Г. Клемансо заметил, что если бы Франции было предоставлено право, в случае какой-нибудь большой войны, вербовать войска в африканских колониях, он удовлетворился бы этим.

М-р Ллойд-Джордж ответил, что Франция будет располагать теми же самыми правами, которыми пользовалась раньше. Предложенная им резолюция запрещает мандатариям обучать всех туземцев и набирать из них многочисленные армии.

Г. Клемансо заявил, что он этого делать не предполагает. Единственное его желание — полное выяснение вопроса, так как он не хочет, чтобы впоследствии явились к нему и сказали, что он нарушил тот или иной пункт договора. Если эта резолюция означает, что Франция имеет право в случае всеобщей войны набирать войска в тех областях Африки, которые находятся под властью Франции, он был бы удовлетворен.

М-р Ллойд-Джордж возразил, что пока г. Клемансо не начнет создавать многочисленные армии негров для агрессивных целей, он не нарушит запрета предложенной им статьи.

Г. Клемансо заметил, что он этого делать не собирается. Поэтому он полагает, что толкование м-ра Ллойд-Джорджа приемлемо.

Президент Вильсон заявил, что толкование м-ра Ллойд-Джорджа вполне соответствует тексту резолюции.

Г. Клемансо сказал, что в таком случае он вполне удовлетворен [1]).

После всего этого не должно удивляться, что секретариат остался в полном неведении, что же было в действительности решено. Несчастные секретари часто просиживали долгие часы после совещания, силясь изложить результаты пылких дискуссий. Часто между секретарями возникали такие же разногласия, как между представителями держав. В данном случае они произвели на свет божий следующий шедевр:

„Было условлено, что принятием резолюции, предложенной м-ром Ллойд-Джорджем, мандатарии не лишаются права в областях, находящихся под их властью, производить набор добровольцев для защиты их стран, в случае, если они вынуждены будут к нападению“ [2]).

Хотя Клемансо заявил, что он „вполне удовлетворен“, тем не менее это заявление не соответствовало действительности. Приведенный выше текст этой статьи все-таки существовал, а он отнюдь не мог удовлетворить французов. Они требовали категорического признания за ними права производить набор и обучать негров для применения их в качестве боевой силы в Европе и, вообще, где понадобится. Поэтому, когда в комиссии о Лиге Наций под председательством президента Вильсона, был поднят вопрос о запрещении мандатарию набора туземных войск, французы вновь сделали попытку провести свое требование. 8 февраля генерал Смутс внес в Положение о Лиге Наций статью о системе мандатов, включив и запрещение, касающееся организации цветных войск, против чего французы уже возражали в Совете Десяти (30 января). Французский уполномоченный, Леон Буржуа, внес свою редакцию указанной статьи, в которой отсутствовал

---

[1]) Секр. протокол Совета Десяти, от 30 января.

[2]) Последние слова вероятно искажены, несомненно, надо читать «в случае если они подвергнутся нападению» или «в случае, если они будут вынуждены отразить нападение». Но и в такой редакции эта резолюция не ясна.

всякий намек на запрещение вербовать войска среди диких или полукультурных народов бывших германских колоний. Тем не менее комиссия приняла редакцию Смутса, которая подлежала внесению и в текст мирного договора. Все делегаты считали вопрос решенным,— только не французы. Они все еще топтались вокруг него.

За три дня до передачи мирного договора германцам, 4 мая, когда все было приведено в движение, все рычаги пущены в ход, чтобы отпечатать договор,—Клемансо, не испрашивая согласия своих коллег по Совету Четырех, не уведомляя членов комиссии, на попечении которой находился договор об образовании Лиги, отдает через г. Фромансо распоряжение изменить текст статьи о наборе туземных войск в том смысле, что мандатариям колоний категорически разрешается набирать цветные войска не только для охраны внутреннего порядка, но, в случае надобности, и для борьбы за метрополию (mother country).

Хотя факт этот не проник в печать, он вызвал среди заинтересованных сторон сильное возмущение. Немедленно же было обращено на него внимание полковника Гауса и лорда Роберта Сесиля, которые и приняли меры для восстановления первоначального текста. Но французы настаивали на том, что только их толкование правильно, и требовали, чтобы оно было изложено ясно и определенно, черным по белому. Полковник Гаус об'яснял им, что подобная редакция этого пункта давала бы право арабам и неграм в случае войны Франции с Англией взяться за оружие и начать войну между собой.

При таких условиях могло бы легко случиться, что арабы резали бы арабов и негры—негров не ради своих интересов, а для удовлетворения притязаний, вожделений, рассчетов—далеких, неведомых им стран. Но все аргументы оказывались бесцельными. Снова пришлось взяться за дело президенту Вильсону и м-ру Ллойд-Джорджу: 5 мая этот вопрос стал предметом официального обсуждения между Вильсоном, Ллойд-Джорджем и

Клемансо (Орландо находился в это время в Италии). Сэр Морис Гэнкэй (Hankey) огласил следующий протокол:

„...Изменение в ст. XXII (положения о Лиге, касающейся колоний и мандатариев) было произведено на основании личных указаний г. Клемансо, председателя конференции, г-ну Фромансо"...

После этого произошли следующие прения:

Г. Клемансо заявил, что для Франции чрезвычайно важно, чтобы в текст было включено несколько слов, которые позволили бы ей применять туземные войска для защиты французской территории, как это практиковалось в настоящей войне. За буквальный текст статьи он ответственности не несет.

Президент Вильсон обратил внимание на прения, происходившие 30 января в Совете Десяти, когда было заявлено представителям Франции, что... условия применения туземных вооруженных сил „для охраны внутреннего порядка и защиты страны вполне соответствуют их желанию" [1]).

Было решено восстановить первоначальный текст ст. XXII и в таком виде он был включен в мирный договор (см. стр. 441).

Мирный договор был подписан и ратифицирован; тем не менее французы не успокоились, они решили перенести борьбу в комиссию по выработке положения о мандатах и добиваться своего в Лиге Наций. Британцы и бельгийцы, приняв мандаты, в большинстве случаев приняли на себя и обязательство, предусмотренное ст. XXII положения о Лиге. Когда же, 20 декабря 1920 г., Совету Лиги был представлен проект французского мандата на Того и Камерун, там оказался следующий пункт:

„Разумеется, однако, что войска, набранные (во французском Того и Камеруне), в случае всеобщей войны, могут быть применены для отражения нападения или для

[1]) Секретн. протокол Совета Четырех, от 5 мая.

обороны за пределами тех территорий, на которые распространяется настоящий мандат".

Таким образом Франция вновь пред'являла свое требование. Этот случай лишний раз показывает, с каким упорством старались французы добиться осуществления своей программы, как на конференции, так и после нее. Когда этот пункт французского мандата попал в Генуе в руки секретариата Лиги, он отметил в своем заключении несогласие его все с той же ст. XXII.

Проекты французских мандатов не были утверждены Лигой Наций. Вопрос остается висеть в воздухе и сейчас. Но вместе с тем милитаризация Африки идет полным ходом: если набор чернокожих не производится официально в бывших германских колониях, то уже наверное вербуются туземные войска в прочих колониальных владениях.

И невольно вспоминаются времена падения Римской империи, когда она, в гордом сознании своей высокой культуры, вызывала из девственных лесов дикие орды народов для борьбы с своими более сильными, более грубыми, но и более жизнеспособными соседями. Физически и духовно обессиленные и истощенные римляне напустили на Европу легионы варваров-эфиопов, арабов, персов и множество других народностей; культ африканской Изиды и азиатской Митры воздвиг алтари и по ту сторону Рейна и по ту сторону канала.

Но силы, вызванные из чуждого ему мира, выросшие вне его культуры, не смогли спасти Рима и только ускорили его гибель...

Кле
Сэр
токс

щей
ван
кон

важ
тор
защ
в на
стве

про
зая
мен
тре
их

и в
стр.

не
нес
дата
гий
на
жен
Лиг
Тог

цуз
гут
—

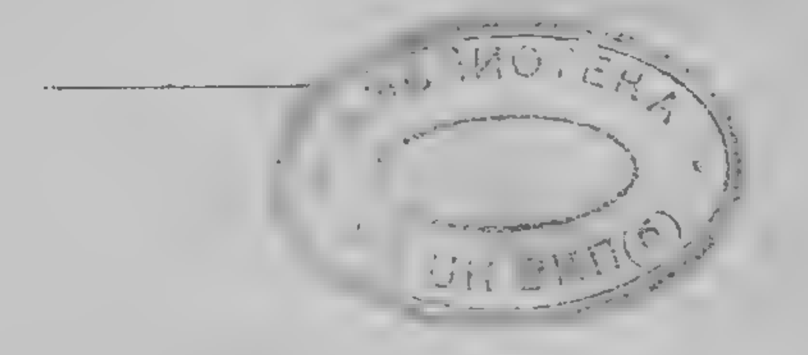
СОДЕРЖАНИЕ.

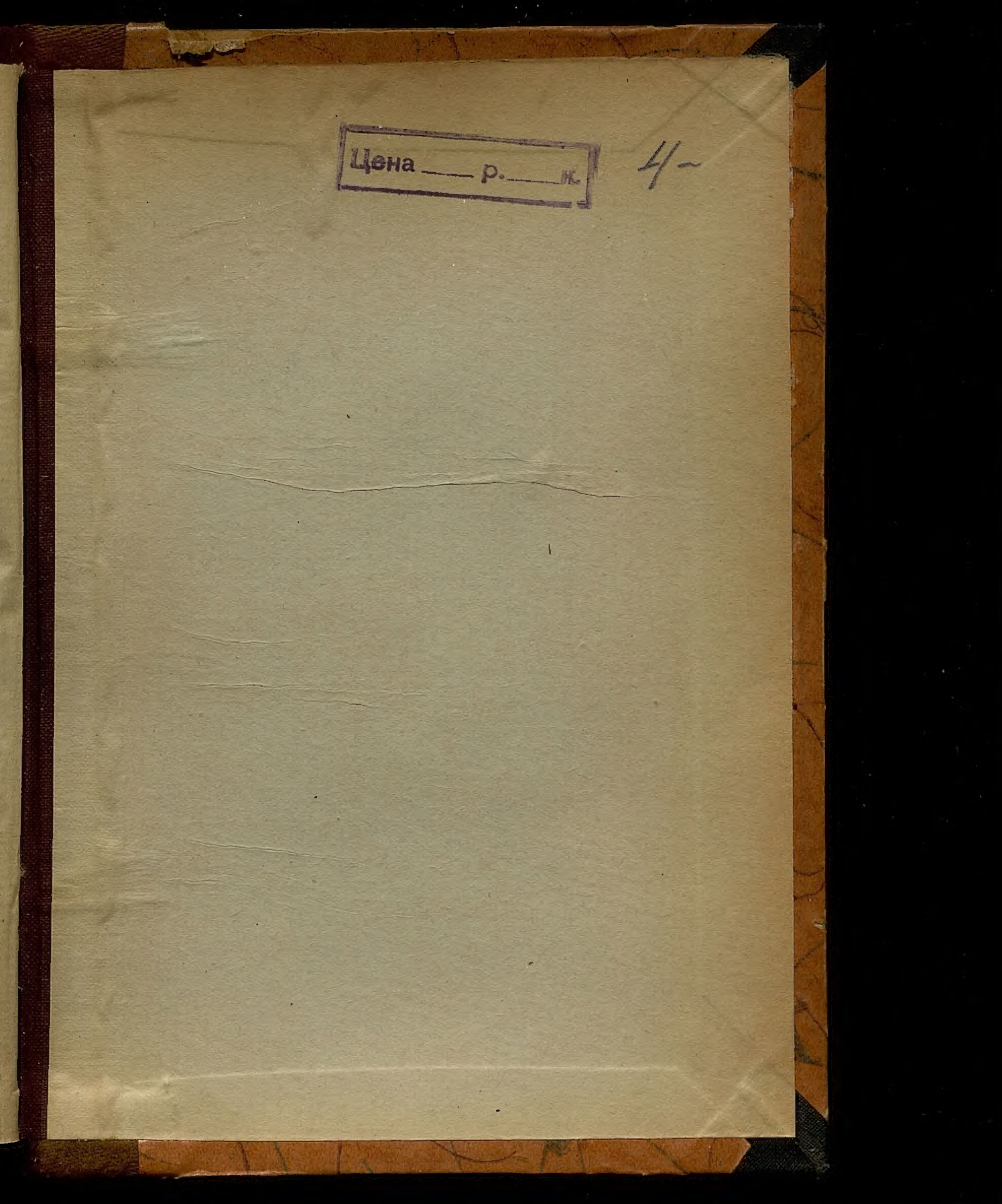
ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ.

Лига Наций и мир.

ЧЕТВЕРТАЯ ЧАСТЬ.

Борьба за ограничение вооружений.

Цена ___ р. ___ к.
4-

